

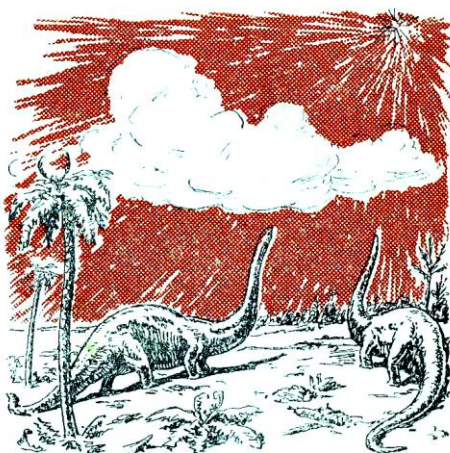

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

ОХОТНИК ЗА СОЛНЕЧНЫМ ЛУЧОМ

*Журнальная фантастика
40-х — 50-х годов XX века*

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «СПУТНИК™»
2020**

ГЕОРГИЙ ГУРЕВИЧ

РОЖДЕНИЕ ШЕСТОГО ОКЕАНА

Главы из романа,
публиковавшиеся в периодике

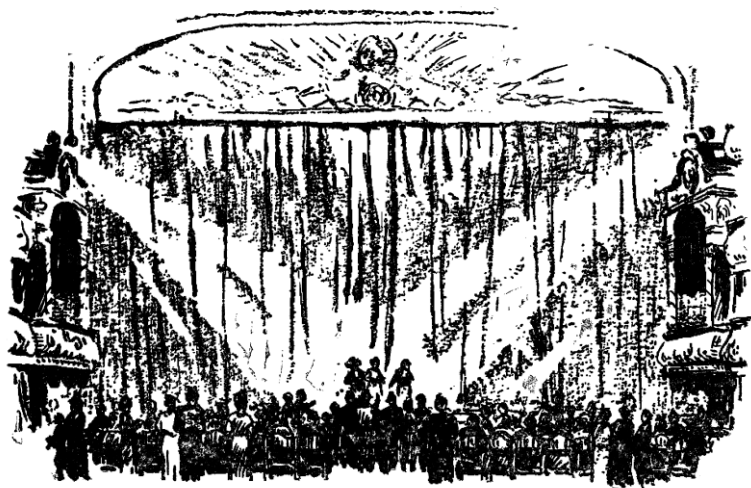
**ГЕОРГИЙ
ГУРЕВИЧ**

Второе сердце

Иллюстрации В. Винокура

*Георгий Гуревич
ВТОРОЕ СЕРДЦЕ
Повесть, 1955 год
Сборник «Мир приключений»
Составители: Н.А. Максимова, В.А. Морозова
(ответственные редакторы)
М.: Детгиз, 1955 г.
Серия: Мир Приключений (Альманах)*

Глава первая

Прогремили заключительные аккорды, и узорный тканый занавес скрыл от глаз пёструю толпу. Последнее действие окончилось. Ожившая героиня, держа за руку убийцу, вышла кланяться.

Кудинова закрыла глаза: ей не хотелось портить впечатление. Она предпочла бы посидеть молча, вспоминая музыку. Но вокруг кричали и хлопали. Шум сбивал задумчивое настроение. Кудинова захлопала тоже, благодаря за пережитое волнение. Но в её голове уже всплыло профессиональное: «Вряд ли удар ножом был смертелен. Вероятно, в нашей клинике Кармен вернули бы к жизни».

— Товарищи, минуточку внимания! Доктора Кудинову, Марию Васильевну, просят пройти в дирекцию.

Что такое? Её — в дирекцию? Зачем? Кудинова никак не ожидала услышать здесь свою фамилию, даже усомнилась, о ней ли идет речь. Но худенький человек в черном костюме, пробравшийся между артистами, выкрикивал всё снова и снова:

— Товарищ Кудинова!.. Кудинова, Мария Васильевна, из клиники товарища Бокова, вас вызывают в дирекцию!.. Пропустите доктора Кудинову, товарищи!

Зрители расступились. Она пошла по проходу, ни на кого не глядя. Человек в черном костюме подал ей руку на лесенке, сказал скороговоркой:

— Вас просят к телефону по очень важному делу. Сюда, пожалуйста, за кулисы. И дайте мне номерок, я принесу ваше пальто.

— Что случилось? Кто заболел? Неужели профессору Бокову хуже?

Пересиливая волнение, она приложила трубку к уху:

— Кудинова слушает.

— Это вы, Мария Васильевна?

Кудинова с облегчением узнала голос Александра Ильича Бокова, своего учителя, знаменитого хирурга, основателя и директора клиники, где она работала.

— Предстоит трудная операция, — сказал он. — Сейчас же берите такси и поезжайте на Внуковский аэродром. Дежурный врач с аппаратами уже выехал туда. Лететь надо на Северстрой.

— Но я в вечернем платье, — возразила Кудинова. — Можно мне заехать домой переодеться?

— Ни в коем случае! Положение тяжелое. Молодой человек стрелял в себя, и пуля затронула сердце. Может быть, понадобится самое радикальное, как с той женщиной из Белоруссии, у которой был осколок в груди.

У Кудиновой захватило дыхание.

— Александр Ильич, но я не смогу без вас. Я делала эту операцию только на собаках и то под вашим наблюдением. Нет, я не решусь.

В голосе профессора слышались сердитые нотки:

— Не говорите глупостей: «Не могу и не решусь»! Таких терминов хирурги не знают... Кого я пошлю? Доктор Игнатьев замещает меня в клинике. Доктор Севастьянов сейчас в поезде между Москвой и Сочи. Я сам поехал бы, но мне не разрешают вставать с постели. На Северстрое очень беспокоятся о больном. Это талантливый конструктор. Может быть, помните, в газетах писали: изобретатели Новиковы, Валентин и Сергей?.. Не помните? Впрочем, это не важно. У молодого человека вся жизнь впереди, и только мы можем спасти её.

Кудинова вздохнула. Она знала, что её учитель прав. В старых книгах писали, что раненные в сердце выживают только чудом. В клинике профессора Бокова это чудо стало правилом. Правда, до сих пор самые сложные операции Александр Ильич делал собственноручно. И на этот раз он сам поехал бы, не считаясь с болезнью. Он никому не отказывал в помощи. Но он болен тяжело. Ему предписано лежать. У него не хватит сил на многочасовую операцию. Даже если бы он захотел лететь, Кудинова сама протестовала бы.

— Вы думаете, я справлюсь, Александр Ильич?

И Боков сказал уже не сердито, а ласково:

— Конечно, справитесь. Вы настоящий хирург, Мария Васильевна! Я верю в вас, как в самого себя.

На улице шел весенний дождь. Мутные ручейки бежали вдоль тротуаров. В мокром асфальте дрожали желтые и голубые огни. Деревья ещё не распустились, стояли голые, но в воздухе уже по-весеннему пахло теплом, сыростью набухшей земли. Кудинова с удовольствием подставила ветру горящие щеки, глубоко вздохнула всей грудью.

— Какой чудак захотел покинуть этот замечательный мир?..

«Что ты наделал, Валентин, что же ты наделал?»

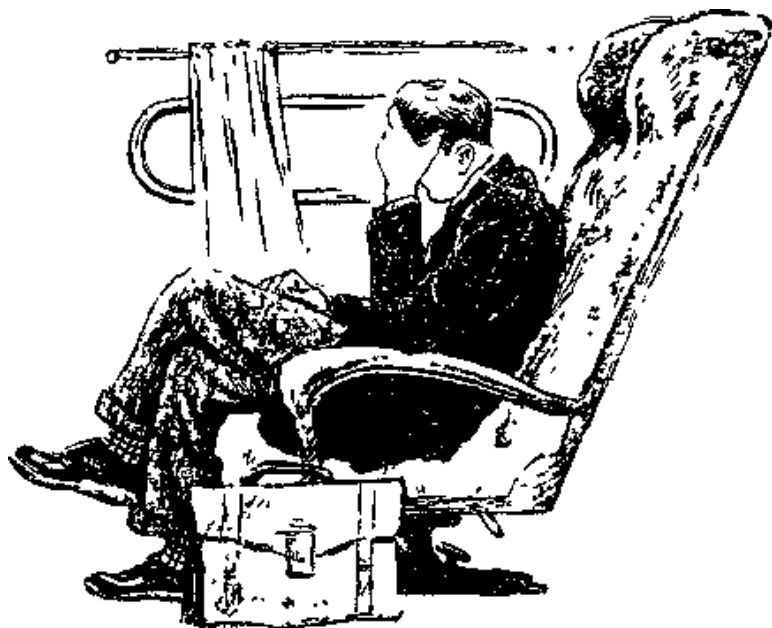
Стремительный самолет с отогнутыми назад крыльями несся над казахской степью с её причудливыми каменистыми холмами, над сибирской равниной, усеянной бесчислен-

ными озерами, над Уралом с его частоколом заводских труб, цепью выстроившихся вдоль хребта.

Сергей рассеянно глядел за борт. Земля бежала под ним, как пестрый ковер. Он видел краски, но не понимал, что они означают. Голова была занята одной-единственной мыслью:

«Что же ты наделал, Валентин!»

Сергей получил телеграмму о несчастье в 17 часов по московскому времени. Он немедленно прекратил работу и через час вылетел на Северстрой. Из Караганды попробовал связаться по телефону, узнать, что, собственно, произошло. Ему ответили: «Состояние Новикова тяжелое, жизнь в опасности». Что значит: «Жизнь в опасности»? Обычно на запросы родных и знакомых принято отвечать, смягчая правду. Если говорят «в опасности», значит жизнь висит на волоске. Валентин может умереть завтра, сегодня... Возможно, его нет уже.

Сергей твердил слово «умереть», но никак не мог представить себе, что Валентин может не существовать. Валентин был другом, Валентин был соратником, он был частью самого Сергея.

Слабые люди умеют плакать — горе выходит у них слезами. Люди болтливые умеют жаловаться — они разменивают тоску на слова. Поэты рифмуют «печаль» и «даль» — им становится легче, когда горе уложено в четверостишия. Сергей не умел жаловаться ни в стихах, ни в прозе. Он смотрел правде в глаза, видел её во всей неприглядности, боролся с горем один на один.

«Валентин, Валентин! Половина жизни, всё лучшее связано с тобой!»

Они познакомились мальчишками, ещё в школе. Кажется, это было в восьмом классе. Валентин жил тогда на окраине Москвы, где город рос непрерывно, тесня пригородные поля.

Нарядные, новенькие дома наступали сомкнутым строем, клином врезались в огороды, брали в окружение допотопные дачки с террасками, сарайчиками, облупленные бараки, сокрушали их на своем пути. Вместе с домами возникали улицы, они обрастали асфальтом, фонарями, киосками, цветами и зеленью.

Там, где ещё весной буксовали самосвалы, свозившие в овраг желтую липкую глину, осенью трудились автокраны, устанавливая деревья, привезенные из лесу. Там, где весной экскаваторы рыли котлованы, осенью к свежеекрашенным дверям подъезжали грузовики с полосатыми матрацами, детскими колясками и стопками книг.

И, встречая эти грузовики, школьники, товарищи Валентина, уже знали, что через несколько дней к ним придут новички — ребята из только что заселенного дома.

Так пришел в школу и Сергей. В его памяти возникает шумный класс. Посередине — он, новичок, настороженный, колючий, готовый к отпору. Ребята сказали: «У нас есть свой Новиков» — и притащили Валентина. Он прибежал веселый, с блестящими глазами, дружелюбно улыбнулся

ощетинившемуся новичку, пригласил на свою парту, сказал: «Давай мы, Новиковы, вызовем весь класс на соревнование».

Дружба началась с пустяка, со случайного совпадения фамилий. Потом Новиковы начали заниматься вместе, вместе ходили в кружок авиамоделлистов при Дворце пионеров, в музеи и на стадион.

Почему интересы их всегда совпадали? Может быть, потому, что жадный Валентин интересовался всем на свете. Его увлечения менялись каждый месяц. Со стороны казалось, что он руководит в этой паре, потому что это он говорил: «Давай поедem в планетарий!», «Давай поставим «Ревизор»!», «Давай сделаем модель самолета с бензиновым моторчиком!» Сергей не предлагал, но зато выбирал. Он соглашался ехать в планетарий, но категорически отказывался от драмкружка. И Валентин с легким сердцем шёл навстречу. Его интересовала и сцена и астрономия. Для компании он мог пожертвовать чем-нибудь одним.

Их дружба прошла через школьные годы, сохранилась в институте (оба они выбрали Энергетический институт) и выдержала самое страшное испытание накануне дипломного проекта, когда между ними встала веселая девушка Зина.

Это было на производственной практике, на строительстве гидростанции. Зина работала техником на землесосном снаряде. Нельзя сказать, чтобы она была красавицей. Круглое лицо, веснушки на вздернутом носу и рыжие кудри, не подчинявшиеся никакой причёске. Её называли «Огоньком» и не столько за волосы, сколько за характер. Никто не умел так заразительно смеяться, так звонко петь и лихо танцевать, с таким увлечением отдыхать и работать, с таким интересом и участием вести разговоры. Зина была в центре всех событий на строительном участке. И к этому «Огоньку» тянулись солидные прорабы и бетонщики, машинисты и студенты-практиканты.

Сергей был сзади всех. Он был робок с девушками. Наверно, он так и не заговорил бы с Зиной, но однажды, во

время танцев в клубе, она сама подошла к нему. Её девичье самолюбие было затронуто: кто этот равнодушный, который не замечает её?

Сергей не умел вести занимательных разговоров, но Зина выбрала очень удачную тему: заговорила о его специальности.

Сергей жил вдумчиво: он любил размышлять, неторопливо отыскивать суть явлений. Он выложил перед девушкой лучшие из своих мыслей. Зина слушала, затаив дыхание. Она умела ценить серьёзный разговор.

«Хотела бы я попасть в ваш институт!» — вздохнула она. Сергей сказал: «Подавайте». — «Не у всякого получается», — ответила Зина. Сергей настаивал: «В нашей стране открыты все дороги. Всё зависит от человека. Можно тратить силы на танцы и наряды, и можно тратить их на учёные. Хотите быть достойным человеком — добивайтесь!» Сам-то он умел добиваться. Он не знал, что значит «не выходит». «А вы мне поможете?» — спросила Зина робко. Сергей с готовностью согласился, и первый урок был назначен на следующий вечер.

Всего состоялось два урока. И учитель, и ученица, оба наслаждались занятиями. У Зины оказался быстрый ум — она схватывала на лету и запоминала навеки. Медлительный Сергей начинал издали разворачивать объяснения, а Зина уже угадывала вывод.

«Какой талант! — думал Сергей с восхищением. — Она будет блестящим ученым!»

Но Сергей ошибался. За два урока он не распознал недостатков Зины. Девушке не хватало усидчивости. Она не умела работать в одиночку, скучала над учебником. Лучше всего она училась на людях, беседуя, споря, объясняя подругам, проверяя их, повторяя вместе с ними. Возможно, с помощью постоянного учителя она продвинулась бы далеко, но их занятия с Сергеем прервались на третьем уроке.

Они условились встретиться, как обычно, в клубе, издали увидели друг друга и шли навстречу. Но вдруг откуда-то сбоку подлетел Валентин и беззастенчиво пригласил де-

вушку на вальс. Зина заколебалась: она любила веселиться. «Только один танец», — сказала она.

Сергей всегда удивлялся, откуда у Валентина столько слов. Для каждого тот находил разговоры. И Зине он что-то шептал с улыбкой, а Зина смеялась, оглядываясь на своего серьезного учителя, как будто хотела поделиться с ним веселыми шутками Валентина. Но Сергея уже не было — он ушел. Зина удивилась и обиделась. Обещал помогать ежедневно и не мог подождать десяти минут. Но танцевать ей расхотелось, и она попросила Валентина проводить её до общежития.

У Валентина кружилась голова и в ушах звучали праздничные песни. Он не захотел возвращаться в клуб, понес радость другу-однофамильцу.

Сергей встретил его на пороге общежития суровый и насупленный. Он сказал: «Зачем ты пристаешь к этой девушке?» — «Она мне нравится», — ответил Валентин. «Она хорошая девушка, а у тебя ветер в голове», — сказал Сергей. — Ты недостойн смотреть на неё». — «А с тобой она пропадет с тоски», — возразил Валентин.

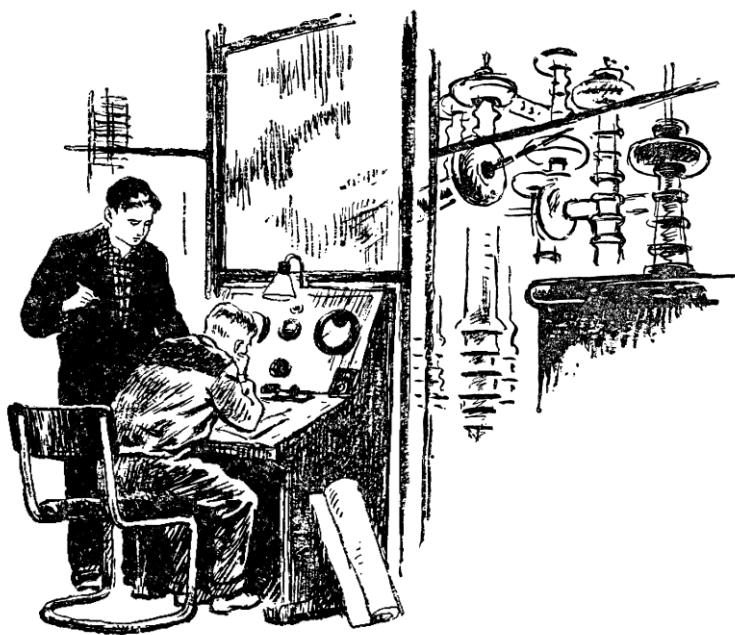
Сергей сжал кулаки. В эту минуту он ненавидел самодовольную физиономию этого красавчика и ловкача Валентина.

Тогда Валентин положил на перила руку с часами. «Помолчим минуту», — попросит он. Такое было у них правило: когда начинаешь горячиться, надо помолчать минуту. Ровно минуту они следили за движением секундной стрелки.

Затем Валентин сказал: «Сережка, сейчас мы поссоримся на всю жизнь. Мы дружили восемь лет. Без тебя я обойдусь, но мне жалко дружбы с восьмилетним стажем. Давай условимся: Зины не существует. Нет такого слова в русском языке. Практика кончается через неделю. Давай пожалеем дружбу».

И дружба осталась... а Зина была потеряна. Уезжая, Новиковы не простились, не писали девушке и между собой

никогда не говорили о ней. Возможно, Валентин забыл о ней вскоре — так полагал Сергей. Сам он не умел забывать. Находя хорошую мысль, он откладывал её для Зины. Мысленно он рассказывал ей о хороших книгах; о первой научной работе; о летнем путешествии по Военно-Сухумской дороге; о своём дипломе, который был особо отмечен, как выдающийся; о том, как они защищали его; как их с Валентином направили в Новосибирск, в новый Институт экспериментальной энергетики.

По существу, это был не институт, а целый городок, посвященный науке, где разрабатывались способы получения и использования всех видов энергии. Здесь изучался «голубой уголь» — энергия ветра; «желтый уголь» — энергия Солнца; «белый уголь» — энергия рек; «синий уголь» — энергия приливов; «жидкий уголь» — нефть; «черный» и «бурый уголь» — каменные угли; «серый уголь» — торф;

«летучий уголь» — горючие газы; энергия подземного тепла; энергия разницы температур в теплых морях и в полярных. Специальный корпус был отведен для атомной энергии.

Этот институт можно было назвать заводом открытий. Здесь было гораздо больше рабочих, инженеров, станков, машин, приборов, сложных аппаратов, чем на любом заводе. В наши дни наука всё больше становится исследовательской индустрией, ученым производством... Наука требует сложного оборудования и организации, совместной работы разнообразных специалистов. Часто говорят даже, что прежде открытия делали одиночки, а теперь — коллективы. Но это неверно. Открытия всегда создавались коллективным трудом. На равнине не бывает снежных пиков; величайшие в мире вершины все до единой находятся в горных странах. Величайшие в мире художники появлялись группами. Лучшие художники XV века работали в Италии, XVII века — в Голландии; лучшие художники XIX века входили в небольшую группу русских передвижников. Некрасов, Чернышевский, Толстой, Тургенев, Достоевский, Гончаров жили одновременно в одном и том же городе, печатались в одних и тех же журналах, встречались между собой, советовались, показывали друг другу произведения. Все достижения человечества появились в коллективах; в искусстве говорят: «в школах».

В Новосибирске создавалась школа советских энергетиков. Здесь работали рядом лучшие энергетики в мире. Их намеренно собрали вместе — людей, занимающихся различными, иногда противоречивыми задачами, чтобы ветротехники соревновались с гелиотехниками, атомщики тянулись за гидротехниками, торфяники не отставали от угольщиков, подземщики поспевали за всеми остальными. Здесь все занимались большими проблемами; маститые ученые подталкивали молодежь, призывали её дерзать. И, увлеченные общим движением, Новиковы осмелились взяться за грандиозное дело — за проблему передачи энергии без проводов на любые расстояния.

Решение этой задачи было бы величайшей победой над природой. Советские энергетики получили бы возможность по своему усмотрению направлять потоки энергии в арктические льды, в пустыни, в океанские просторы; начинать стройку в любом месте, не дожидаясь, пока будут поставлены мачты, навешены провода, пущены новые электростанции. Можно было бы перебрасывать в большом количестве энергию из ночных часовых поясов в пояса вечерние, где тратится электричества больше всего; можно было бы помогать соседним дружественным странам, снабжая их растущую промышленность советским электричеством; можно было бы продавать излишки электричества в далекие страны, обменивая силу наших рек на заморские товары.

И Новиковы нашли путь к решению. Сейчас трудно вспомнить, кто именно: Сергей или Валентин. Вероятно, основную идею предложил Валентин. Он высказывал догадки по всякому поводу, щедро разбрасывая свои мысли: и правильные и неправильные. А когда Сергей проникся духом Новосибирского института и начал думать над главными задачами энергетики, он подобрал одну из брошенных вскользь мыслей Валентина. Сначала Сергей усомнился, взялся за расчеты, чтобы проверить и опровергнуть, просидел целую ночь со справочниками и понял, что в принципе идея верна — всё дело в технических средствах. И под утро, разбудив Валентина, он сказал ему хриплым голосом: «Знаешь, Валя, этой задаче можно посвятить всю жизнь».

А Валентин спросонок хлопа и глазами и не мог понять, в чём дело. Конечно, он уже забыл о своем собственном предложении.

Итак, задачу удалось решить.

Стремительно летит самолет с отогнутыми крыльями, но мысль Сергея проворнее: за секунду она пролетает годы — от идеи к решению. А на самом деле, та ночь за расчетами была только первой из множества дней и ночей, когда Сергей спрашивал, а Валентин пробовал ответить; Валентин задумывал, а Сергей подсчитывал; Валентин доказывал —

Сергей сомневался; Валентин предлагал — Сергей проверял, или же Сергей предлагал — Валентин проверял, и т. д., и т. д. Они начали работать вдвоем, а сейчас руководят целой лабораторией. Но и целая лаборатория не решила бы этой задачи, если бы советская наука не подошла к ней широким фронтом. Технические средства уже были, не требовалось их создавать, нужно было только взять их из разных наук, соединить, приспособить для дальних передач. На помощь Новиковым пришли советские конструкторы, метеорологи, электротехники, атомщики, металлурги, химики, летчики и многие другие. И наступил день, когда итоги совместной работы всех этих специалистов Новиковы докладывали в министерстве.

Именно этот день вспоминает Сергей. Московская зима. Пухлый снег падает на высокобленные тротуары. Они с Валентином выходят из подъезда. Их ждет машина. Но с таким радостным волнением нельзя усидеть в машине — они идут пешком.

Перед глазами Сергея циркуль, соединяющий две точки на глобусе; в ушах звучит голос начальника управления: «Мы даем вам первое задание, товарищи. Весной вступает в строй приливная электростанция на берегу Полярного моря. Расчетная мощность её — двадцать пять миллионов киловатт. Теперь на севере будет избыток энергии. Попробуйте доставить часть этой энергии на юг — в Туркмению».

Доклад в министерстве делал Валентин. Сергей и сам не доверял своему красноречию. Но сейчас, на улице, он пересказывал всё своими словами — давно потерянной девушке с непокорной прической:

«Слушай, Зина, ты ещё помнишь Сергея Новикова, студента-практиканта из Москвы, и его друга, который танцевал с тобой вальс? Знаешь, что они делают сейчас? Они передают ток без проводов на любое расстояние — даже из Мезени в Туркмению. Ты спрашиваешь, как это получается? Они поведут ток высоко-высоко, за облаками, за стратосферой, на высоте восьмидесяти-ста километров над землей. Там есть электропроводные слои воздуха. Эту область

называют ионосферой. Нет, это не сказка и не мечта. Всё доказано на опыте, и ученые признали нас. Сегодня начальник управления сказал: «Мы даем вам первое задание...» В мае ты прочтешь в газетах, что задание выполнено. Удивись ли ты, девушка Зина, скажешь ли с гордостью подругам: «А я знаю этих Новиковых! Они проходили у нас практику». Может быть, ты захочешь послать нам письмо?»

Почему Сергей не может забыть эту девушку? Вот Валентин давно забыл, не думает ни о каких Зинах. Он брызжет радостью, он не хочет молчать и про себя повторять значительные слова. Валентин толкает друга, дергает его за рукав:

«Сережка, мне хочется выкинуть что-нибудь. Давай играть в снежки!»

«Стыдись, ты же кандидат наук, уважаемый изобретатель!»

«А всё-таки молодцы мы с тобой!»

«Только не задирай нос. Мы с тобой — обложка на книге. Подписи стоят наши, а работали тысячи людей... Не смей зазнаваться!»

«Всё равно, я зазнаюсь! Я обязательно зазнаюсь!»

*На запад поедет один из вас,
На Дальний Восток — другой...*

Была песня с такими словами, и почему-то эту песню транслировал радиоузел аэродрома, когда Валентин и Сергей прощались перед посадкой. Работа заставляла их расстаться. Валентин ехал на Северстрой — в Мезень, чтобы отправлять оттуда энергию; Сергей — на юг, в Туркмению, чтобы принимать ту же энергию.

Их самолеты стояли рядом. Теперь у каждого был свой личный самолет. Друзьям было грустно; поэтому они прощались с нарочитой шутливой грубостью:

«Прощай, Сережа, не скучай!»

«Зачем скучать? Отдохну от тебя».

«Пиши открытки мелким почерком».

«Часто писать не буду, не жди».

«Тогда и от меня не жди».

Они пожали друг другу руку, и серебряные птицы разлетелись в разные стороны...

Так случилось, что в эти трудные месяцы друзья были за тысячи километров друг от друга и о жизни Валентина Сергей знал только из редких писем.

Глава вторая

(Отрывки из писем Валентина)

«Сергей, дружище, здравствуй!

Ты удивлен, конечно, получив от меня письмо на неделю раньше условленного срока. Ведь только утром мы расстались. Но я переполнен впечатлениями. Я должен поделиться с тобой, и меня не устраивает узкий бланк фототелеграммы, площадью в восемнадцать квадратных сантиметров.

Началось с того, что мы заблудились, то есть заблудился летчик, а мы ничего не подозревали — сидели в креслах и поглядывали в окошко на невеселый зимний пейзаж: белые поля да черная тайга. Потом, когда на поля набежали вечерние тени и снег стал тёмно-голубым, мы заинтересовались, почему самолет запаздывает. Геннадий Васильевич послал летчику записку. А тот откровенно ответил, что мы попали в магнитную бурю: радиосвязь отказала, компас бунтует. И поскольку встречный ветер снижает скорость нашего самолета, мы, возможно, не долетим до аэродрома и сядем где-нибудь на таежной речушке, потому что без радио и без компаса трудно ориентироваться.

«Ничего не поделаешь — год беспокойный, — сказал летчик. — На Солнце много пятен, и у нас в атмосфере непорядки: то и дело магнитные бури и полярные сияния».

А тьма наступала быстро. Ведь мы летели на север, в страну многомесячных ночей. На небе одна за другой зажи-

гались звезды. Снега и леса внизу под крыльями смешались в нечто единое, темно-серое, бесформенное. Потом мы увидели свет, но не на юге, где зашло солнце, а на севере, словно там, за горизонтом, уже начинался новый день. Геннадий Васильевич засуетился и послал летчику записку: «Слева свет, вероятно, Северстрой».

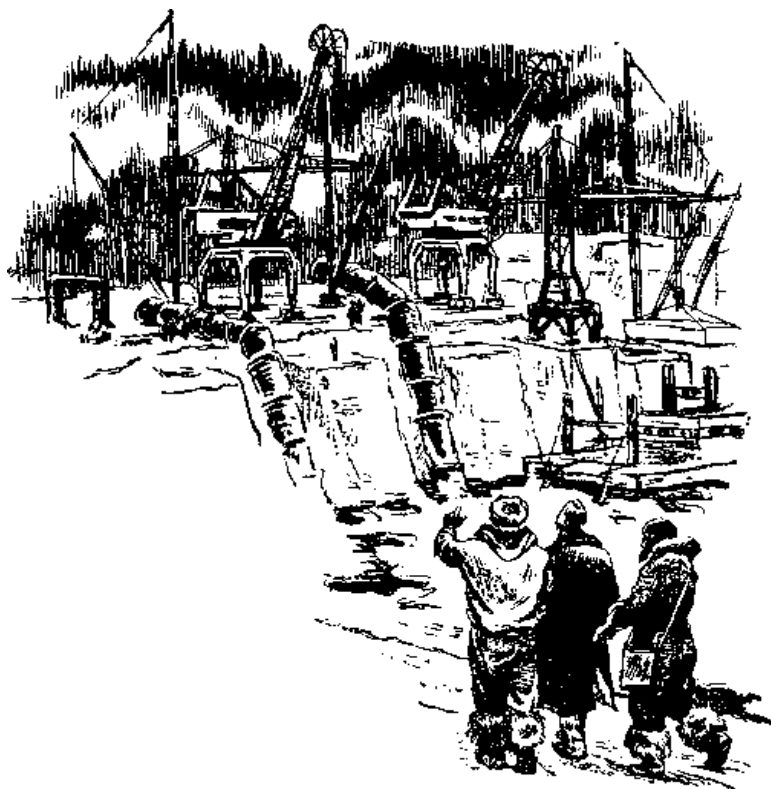
Минуты через две свет стал ярче, как будто над горизонтом поднялось освещенное солнцем облако. Потом из облака потянулся широкий луч соломенного цвета. Мгновение — и по всему небу заходили лучи, вспыхивая и угасая, расходясь и собираясь в пучок, как прожекторы в день салюта. Это продолжалось минут пять. Потом на небе появился занавес, сотканный из прозрачных лучей, бледно-желтых и зеленых, с багрово-красной бахромой. Складки его волновались, как будто на небе был сильный ветер; желто-зеленые и малиновые полосы пробегали по сугробам. А впрочем, что тебе рассказывать о полярном сиянии!

Пока я любовался небесным пожаром, летчик повел самолет на посадку. Сели мы не на аэродроме, а прямо на плотину, в самом сердце стройки. Место для посадки — удачное, гладкое, просторное и твердое, потому что плотину здесь строят из льда. А мы-то с тобой не поверили, дураки, что это надо понимать в переносном смысле.

Почувствовав твердую почву под ногами, Геннадий Васильевич накинулся на летчика. «Как вы смели, — кричал он, — так легкомысленно лететь во время магнитной бури? Да знаете ли вы, кого вы везете? Незаменимого человека, крупного ученого (это я-то!). Да если бы с ним произошло что-нибудь, вас расстреляли бы... да-да!.. Что, синоптики ошиблись? Синоптиков ваших тоже расстреляли бы».

Не правда ли, у моего заместителя есть какая-то старомодная чудаковатость? Таких типов видишь в старых пьесах. В наши дни так не относятся к начальству, верно?

Так мы прибыли в Мезень, с приключениями и даже с небесным фейерверком. Встреча была торжественная, хотя ожидали нас, собственно говоря, на аэродроме, за двадцать с лишним километров от плотины.

Мы попали в самое сердце стройки. И, выйдя из самолета, я мог видеть, как работает конвейер, сооружающий первую в мире ледяную плотину.

Впереди шли тяжелые ледоколы — они давили лед, раздвигали его, расширяли полынью. Далее, опустив чугунные хоботы в воду, двигались землесосные снаряды. Видимо, они готовили основание для плотины, выбирая со дна непрочный илистый грунт. Смешанная с водой земля с шумом выливалась из труб прямо на плотину и там замерзала, превращаясь в мерзлый монолит. Ближе ко мне плотину наращивали чистым льдом. Сотни судов, плавучих кранов, разного рода механизмов заняты были этим делом. По свободным ото льда каналам пыхтящие буксиры подтаскивали к

плотине огромные ледяные поля. Здесь на них накидывали крюки и втаскивали на специальные баржи со срезанной кормой. Затем на палубе производилась разделка льда, как производится разделка туши на китобойном судне. Специальным скребком с льдины счищали непрочный снег, а затем распиливали её тупыми, раскаленными докрасна пилами. Круглые пилы с громким шипеньем катились по льдине, отделяя ровные кубы и плиты. Плиты эти не задерживались ни на минуту — тут же их подхватывал подъемный кран и переправлял на плотину. Плита укладывалась на скользкий лед, обильно политый водой, и вскоре смерзлась с нижними рядами. На многие километры по обеим сторонам плотины рядами стояли краны, вытянув над водой железные руки. И повсюду колыхались в воздухе ледяные кубы, плиты и балки, окрашенные полярным сиянием в зеленый и красный цвета.

А цветной занавес ещё трепетал над нашей головой, зеленые и красные отсветы соперничали с желтыми электрическими огнями, и отдаленный треск ломающихся торосов покрывался стуком моторов, шипеньем пил, рокотом кранов, гудками буксиров.

Если бы я был художником, я нарисовал бы это на полотне и назвал бы картину «Атака на Арктику».

«Дорогой Сережа!

Посылаю тебе полный отчет за истекшие десять дней.

Мы подыскивали место для вышки на Абрамовском берегу. Абрамовским берегом называется всё побережье от горла Белого моря до Мезени. За Мезенью идёт уже Конушинский берег, а ещё дальше — Канинский. На нашем участке есть прочный холм, а рядом осушная котловинка. «Осушная» — это значит высыхающая во время отлива. Мы её загородим, засыплем солью и превратим в лиман. У нас получится очень хорошее заземление, площадью в два квадратных километра. Вышка будет стандартная — девяносто метров высотой, из прочных керамических труб. Кабель прокладываем по воздуху, чтобы не долбить мерзлый грунт.

В связи с этим меняем изоляцию... (Далее следуют на три страницы технические подробности и расчеты)

Дело движется медленно, потому что начальник стройки не дает рабочих. Сейчас сильные морозы, то есть наилучшие условия для ледяной стройки, и все люди очень заняты. К весне, когда станет теплее, обещают дать сколько угодно народу. Я не спорю. В конце концов, нашу вышку можно смонтировать за две недели.

В результате я почти свободен. Много читаю, кое-что подсчитываю, по вечерам брожу по стройке. Поражают удивительная четкость работы, замечательный ритм, оркестровая сыгранность. На ловле, подвозке, обработке, укладке льдин работают сотни судов, кранов, насосов — десятки тысяч людей. И всё это идет, как по ленте. Льдины укладываются одна за другой, как будто это не льдины, а кирпичи. Иногда за сутки плотина вырастает метра на полтора на всем протяжении.

Весной, когда морозы будут меньше, мне дадут землесос имени 8 марта. Это самый знаменитый на стройке земснаряд. Его экипаж составлен сплошь из девушек. Я побывал там заранее, и угадай, кого я встретил? Нипочем не угадаешь, а может, и не припомнишь. Речь идет о Зине с землесоса 301, Зине-«Огонек», из-за которой мы с тобой чуть не поссорились на всю жизнь. Сейчас она здесь, работает на земснаряде старшим багермейстером; нисколько не изменилась, такая же краснощекая, с блестящими глазами и жесткими рыжими кудрями. Меня она вспомнила с величайшим трудом, а тебя, представь себе, сразу. Оказывается, ты сказал ей что-то очень мудрое. Как будто так: «В нашей стране человек получает всё, чего он достоин. И если он предпочитает танцульки и наряды умным книгам, никто в этом не виноват». Одним словом, твое изречение записано в сердце девушки, и каждый день, садясь за письменный стол (Зина учится заочно на третьем курсе), она доказывает себе, что ты её напрасно обидел. Впрочем, она взяла у меня твой адрес и, вероятно, сама напишет. Таким путем, Сережа, производят впечатление на девушку. Ты её разозлил, и она не

может тебя забыть. А я и развлекал её, и смешил, и подарки дарил, а в результате я — только однофамилец того Новикова, о котором она думает каждый день».

«Здравствуй, Сережа!

Время идет быстро. Уже март. Весна приближается, извещающая о себе частыми бурями и оттепелями. К счастью, февральские морозы хорошо поработали на нас, и сейчас плотина сделана процентов на восемьдесят. Началась облицовка теплоизоляционными плитами. У Конушинского берега монтируют первую турбину. 1 мая Мезень дает ток.

Итак, 1 мая я включаю атомный аппарат № 1 и соединяю Мезень с ионосферой; ты включаешь атомный аппарат № 2 и соединяешь ионосферу с Туркменией. Студеные мезенские воды начинают крутить моторы вентиляторов, опреснителей и насосов для ваших пустынь. Что мы будем делать дальше, задумывался ли ты?

У тебя, конечно, есть ответ. «Надо изучать», — скажешь ты. Ты захочешь два года ездить взад и вперед, из Туркмении в Мезень и обратно, исследовать, как идет ток по ионосфере днем и ночью, летом и зимой, как он растекается в стороны, как действует на него магнитное поле Земли, как он сам влияет на компасы и магнитные приборы, какие на пути помехи и как с ними справляться.

Пусть так. А через два года?

Ведь скажут нам когда-нибудь: «Передача удалась. Развивайте это дело. Ведите ток не только в Туркмению, а еще куда-нибудь — в Свердловск, в Прагу или в Кантон». В ионосфере это легко. Там нет границ. Где встанет атомный аппарат № 3 — туда и пойдет ток.

Но вот вопрос: как распределится ток на пути от одной электростанции к двум потребителям; от двух станций к двум потребителям; от сорока станций к ста потребителям? Именно об этом я пишу сейчас, в свободное время.

Ты был бы доволен, Сережа, если бы увидел мои записи. Никаких описаний, никаких рассуждений, ни одного восклицательного знака — формулы, вычисления и таблицы,

сплошные цифры, столбики цифр на целую страницу, всевозможные варианты, которые можно предположить.

Я уже слышу твой трезвый голос. Ты, конечно, полагаешь, что я зарвался. «Сначала доведи до конца одно, потом принимайся за другое, — говоришь ты. — Сначала передай ток в Туркмению, там будет видно». Но я не уверен, что ты прав, о тормоз моей души! Пора подумать, что будет видно «там». Я согласен: нельзя сделать второй шаг раньше первого; но прежде чем сделать самый первый шаг, рекомендуется подумать, куда ты идешь. И вот сейчас за колонками цифр я разглядел цель наших двух жизней: твоей и моей.

Пройдет два-три десятка лет.

Все станции Союза соединены с ионосферой. Там, за облаками, на грани межпланетного пространства, — обширный склад энергии, общий котел, куда все станции вливают реки электричества, бескрайный электрический океан. И каждая область, включая, словно штепсель, атомный аппарат, «поит» свои города, села и заводы из этого океана. Техника не считается с расстоянием. Нет необходимости ставить новые заводы возле гидростанций. Холодные воды Байкала и Лены, жаркое солнце Кара-Кумов, уголь Кузбасса, урановые месторождения общими усилиями освещают дома москвичей и чукчей. Электричества будет вволю, оно будет доступно, как воздух и вода. Проектируя новые производства, машины, дома, дороги, стройки, инженеры не будут считаться с затратами энергии. Ты скажешь: я размечтался. Нет, я увидел это на плане реконструкции Мезени.

Мощность здешней станции двадцать пять миллионов киловатт. По расчету: семь процентов — потери на станции, восемь процентов — потери в передаче. Наша ионосферная проводка сразу же уменьшает потери до семи с половиной процентов. Эти полпроцента разрешено использовать на нужды города. А мезенские полпроцента — это больше, чем Волховская гидростанция.

Слишком долго пересказывать всё, что задумано в этом электрическом городе. Приведу один пример: я видел на

проекте лимонную рощу. Это огромная оранжерея гектаров на десять, где, как в Москве, на выставке, при электрическом освещении и отоплении будут выращиваться цитрусы. Конечно, лимоны можно доставлять на самолетах — это так и делается, — но мезенцы полагают, что они, подобно жителям юга, имеют право отдыхать в тени апельсиновых деревьев.

Сережа, это деталь, но за ней видится большое. Наши деды освободили нищую Россию; наши отцы сделали её страной изобилия. А мы уже позволяем себе роскошь, общественную роскошь, как этот зимний сад у Полярного круга. Но Мезень не одна. Приближаются времена электрической роскоши для всей страны. И когда будет создан электроокеан в ионосфере, возникнут не одинокие рощи, а целые города под прозрачным куполом — лимонная Воркута, Индига, Амдерма, Диксон. На улицах там будут цветущие вишни, больницы и жилые дома; в плодовых садах, вокруг школ, — сливы, персики, виноград.

Все это я рассказал Зине. Как-то раз я зашел к ним на землесос и попал на аврал — не было электричества. Во время бури морская вода проникла в трюм и разъела изоляцию. Итак, было совершенно темно; в кромешной тьме мы ползали по трюму, по колено в холодной воде, разыскивая повреждения. Все промокли насквозь, заоченели, обозлились... и тут я рассказал про лимонные города.

«Только я не знаю, стоит ли помещать школы в этих городах, — сказал я. — Боюсь, что там вырастут неженки».

Я шутил, но Зина ответила совершенно серьезно:

«Можно подумать, что в вашем доме не было крыши. Разве у вас не топили зимой? Разве в школе вы сидели в шубе? Чтобы закаляться, вовсе не нужно жить скверно. Среди наших девушек есть украинки, узбечки, туркменки. Никто из них не жалуется на мороз, работают, и отлично работают. Неженки — это прежде всего лентяи, а лень не зависит от климата».

И я подумал, что Зина сама может служить примером. Она, если помнишь, родом с Херсонщины. Отец её садовод.

Послушал бы ты, с каким вкусом она рассказывает о яблоках «апорт», «анис белый», «ранет», о грушах «бергамот», «бере Мичурина», об опылении, черенковании, прививках, окучивании! Кто ей мешал остаться в отцовском саду? Но Зина поехала туда, где ещё нет садов. Она работает в ледяной воде, мерзнет на ветру, для того чтобы появились удивительные города, где под электрическим солнцем будут цвести лимоны. Разве она будет жить в этих городах? Нет, она уедет ещё куда-нибудь: в Якутию, на Таймыр, на Землю Франца Иосифа — туда, где садов нет и в помине, где нужно их закладывать.

О друг мой и однофамилец! В нашей жизни есть много такого, что будет восхищать наших потомков. Но мы привыкли и не замечаем».

«Здравствуй, Сережа! Шлю тебе пламенный полярный привет! (Может ли полярный привет быть пламенным?)

Наконец нам дали рабочих, и строительство двинулось полным ходом. Вчера мы установили на верхушке аппарат. Послезавтра — опробование. Знаменитый девичий землесос имени 8 марта сейчас в нашем распоряжении — намывает вал вокруг заливчика, в котором мы будем укладывать заземление. Завтра начнем засыпку соли, и тогда я опять буду посвободнее, потому что эту «интеллектуальную» работу можно доверить Геннадию Васильевичу.

Всё-таки мой заместитель удивляет меня. Он пунктуально исполнитель, и только. Инициативы в нём ни на грош. За все годы я ни разу не слышал от него ни одного предложения. Временами я задумываюсь, каким образом ему пришла в голову идея передачи энергии без проводов через ионосферу. Всё-таки, согласись, не будем скромничать, — это не заурядная, всем известная мысль.

Зина посылает тебе привет. Я по-прежнему провожу у них на земснаряде все вечера и возвращаюсь оттуда, как будто из дому. Какая-то хорошая атмосфера у них: дружная, легкая и веселая. Кажется, что три смены — одна семья, срок две сестры, так дружно решаются все дела. Вчера рас-

пределяли роли в драмкружке; сегодня с таким же азартом обсуждают ремонт моторов; завтра выдают замуж электрика Клаву — и все принимают горячее участие. А Зина обязательно в центре, главный заводила и самый авторитетный советчик.

Я спросил, почему все девушки обращаются к ней. Она говорит: «Я — комсорг. А другого выберут — к нему пойдут».

Но, конечно, Зина скромничает. Может быть, она сама не замечает своей работы, у неё это получается органически. На земснаряде работают сорок два человека. Но, как говорит Зина, «сорок две проволоочки — это ещё не канат, сорок два кирпича — не печка, сорок две девушки — не экипаж». Немало труда нужно положить, чтобы сплести стальной канат из сорока двух человеческих душ.

Начальником землесоса работает Полина Дмитриевна — очень дельный инженер. Она знаток механизмов и при ремонте, не стесняясь, засучив рукава, берется за ломик или гаечный ключ, чтобы показать, как надо работать. Девушки уважают Полину Дмитриевну, но не любят, может быть, потому, что она всегда сурова, боится, что её не будут слушаться. Вчера Зина притащила её на вечер самодеятельности, и оказалось, что суровый инженер поет смешные песенки под гитару. Все смеялись до слез, а маленькая Танюшка — самый миниатюрный монтер в Мезени — объявила: «Я не знала, что вы такая прелесть». Не знаю, может быть, это пустяк, но отношение к Полине Дмитриевне изменилось.

Сменный инженер Валя Полякова — в другом роде. Это скромная белокурая девушка, но балованная, единственная дочь. Она никогда не стелила свою постель. Конечно, инженер она слабый. Она относится к числу тех девушек, которые так трогают нашего брата своей беспомощностью, так нуждаются в сильной мужской руке. Не может быть такой комсомолки, которая не выполнила бы распоряжений инженера. Валю слушаются плохо, потому что у неё есть знания, но нет уверенности в себе. И на работе Зина постоянно воз-

ле неё. А сегодня она специально разговаривала с Полиной Дмитриевной, чтобы Валю чаще оставляли одну, приучали её к самостоятельности.

Лучшая подруга Зины — Клава. Клава грубовата на язык, но справедлива и поровну распределяет колкости. У неё смуглые щеки, черные брови и длинные ресницы. Клаву считают красавицей. Она знает это и смотрит на подруг снисходительно. В минуту раздражения она может больно оскорбить. Зина постоянно напоминает, чтобы Клава сдерживалась, и Клава дала торжественное обещание не гордиться. «Но, всё-таки, она трудный человек», — говорит Зина со вздохом.

У Нади Горбачевой не ладится личная жизнь. «Он» пишет ей редко и мало, и письма какие-то неопределенные: о чувствах ничего не говорится. Зина перечитывает с ней слинявшие строчки, толкует их вкривь и вкось, и Надя уходит утешенная, с высохшими слезами.

У Вари Мироновой — больной ребенок в деревне. Зина организует ему посылку ко дню рождения — сорок два подарка.

Есть ещё Айша Нур-Мухамедова, смуглая девушка с пятнадцатью косичками. Она трудно привыкает к морозам. За ней нужно следить, чтобы после смены она переодевалась в сухую одежду.

Есть ещё Настя Соколова — могучая девица, и тебя и меня положит на обе лопатки. Этой всё нипочем. Она приходит в уныние лишь тогда, когда запаздывает обед. Настя очень хочет учиться на механика, но алгебра дается ей с трудом. И Зина прикрепила к ней сообразительную бойкую Танюшку, крошечную девушку, которую никогда не пускают на сеансы, где «детям до 16 лет смотреть воспрещается».

Есть ещё Маша, Маруся и Маня, Римма, Галя Беленькая и Галя Черная, Лена, Лёля, Лиля и три Люси. В общем, сорок два человека, все разные люди, со своими достоинствами и недостатками. И из этих сорока двух человек наша Зина строит образцовый комсомольский коллектив. Я хожу к

ней учиться и наблюдать. Ты не подумай чего-нибудь — я хожу только наблюдать».

«Дорогой Сережа!

Я сделал Зине формальное предложение (не пугайся!) перейти на работу к нам в лабораторию. Она очень смеялась: «Разве вам нужны багермейстеры?» А жаль. Очень пригодился бы в нашем институте такой организатор с живым огоньком, умеющий воспламенять души сотрудников. Мы с тобой не научились этого делать, а Геннадий Васильевич и подавно.

Нельзя ли всё-таки выхлопотать нам штатную единицу багермейстера? Очень мне хочется перетащить к нам Зину. Ты не думай, что она такая же хохотушка, как была. Это всё в ней осталось — смех, шутки, веселье. Но вдруг из уст молоденькой девчонки срывается что-нибудь глубокое и мудрое...»

Валентин написал эти строки под впечатлением одного разговора, но даже закадычному другу Сергею он постеснялся поведать свои затаенные мысли.

Произошло это накануне. Не застав Зину в клубе, Валентин отправился разыскивать её и нашел в каюте в обществе Клавы. Красивая и самоуверенная Клава как-то сразу невзлюбила Валентина. Всякий раз они пикировались и дразнили друг друга. Но на этот раз Клава даже не ответила на приветственную шутку. Когда Валентин вошел, она сразу встала и вышла за дверь.

— А я говорю тебе — не бойся, — громко сказала Зина, провожая подругу.

— Кто испугал нашу воинственную Клаву? — спросил Валентин, когда Зина вернулась к столу.

Зина промолчала.

— Неужели жестокая Клава влюблена и боится сказать ему?

— А ты не смейся, — сказала Зина наставительно. — Дело серьезное. Решать надо не как-нибудь, а на всю жизнь.

Он — инженер, хороший человек и любит её. А всё-таки боязно. Вот она и плачет, потому что не решается.

Валентин вздохнул. Последнее время он часто думал о любви. Его растрогала насмешница Клава, которая, оказывается, так серьезно относится к браку.

— Конечно, нелегко решиться, — сказал он. — Помню, я читал где-то древнюю легенду, будто некогда злые боги разрубили людей на две части и разбросали половинки по белу свету. И вот разбросанные половинки ищут друг друга, иногда встречаются, иногда проходят мимо, иногда ошибаются. Из-за этих ошибок происходят ссоры, несчастья и разочарования. Интересно, сумела ли Клава найти свою настоящую половинку? А ещё интереснее — где твоя половинка, Зина? Ты уже знаешь это?

Но Зина не поняла намек или пропустила его мимо ушей.

— Мне совсем не нравится эта сказка. Тут получается, что люди вроде облигаций. На счастливый номер выигрываешь сто тысяч, а на прочие — двести рублей. Если ты всерьез так думаешь, никудышный ты начальник. Прямо в глаза тебе скажу. Вот, например, наш земснаряд третий месяц держит красное знамя. Почему? Удачливые мы? Нет, работаем хорошо. Может быть, люди у нас необыкновенные? Нет, девушки как девушки. Может быть, очень хорошие работники? Да, очень хорошие, но никто из них не родился хорошим механиком или хорошим электриком. Их обучили, воспитали, сделали мастерами. И хорошую семью тоже можно сделать. Я так и сказала Клаве. Ведь она девушка красивая, гордая, избалованная. Всегда она выбирала, шутки шутила, а теперь полюбила — ей нужен только он один и больше никто. А я говорю: «Если любишь, не бойся. Кого боишься? Себя, своего характера боишься. Вдруг у тебя капризы, а муж не спустит, и пойдет всё врозь». И я говорю Клаве: «Ты себя сдерживай, потому что любовь любовью, а семейную жизнь нужно своими руками устраивать, учиться надо приносить счастье».

— А если муж виноват?

— Я про то и толкую, что муж не облигация с номером, а живой человек. Марусю знаешь? Та же Клава учила Марусю и сделала из неё дельного электрика. Так неужели она своего инженера не сможет сделать хорошим мужем?

Валентин усмехнулся:

— Хотел бы я посмотреть, как ты будешь воспитывать своего мужа.

— Зависит, кто он будет, каков из себя.

— Ну, например, если такой, как я.

— Такого, как ты, я бы пилила, — объявила Зина решительно. — Я бы пилила тебя с утра до вечера, потому что ты лентяй и тратишь время на глупые разговоры с девушками.

Так шутками кончился этот серьезный разговор. Но Валентин ушел с радостным сердцем, как будто его очень расхвалили или удивили приятным известием. К ночи мороз стал крепче; в ночной тишине далеко разносились ухающие удары — это громоздились торосы и сталкивались льдины в открытом море. В ответ раздавалась пальба. Торосы угрожали зданию электростанции, и, не дожидаясь их приближения, специальные команды взрывали их. Люди против льда — артиллерийская дуэль грохотала над заливом. Когда в воздух взлетали звенящие осколки, Валентину хотелось кричать по-мальчишески: «Ура, наша берёт!»

«А что я радуюсь, собственно? — спросил он себя. — Зина сказала, что будет пилить меня. Что же тут хорошего — пилить?»

Но это говорил язык, а в душе всё пело и смеялось: «Пилить... пилить она согласна, с утра до вечера, всю жизнь пилить тебя, тебя, Валентин, тебя одного...»

Воображение тотчас нарисовало ему вечер в уютной комнате, лампу под зеленым абажуром, круг света на чертежном столе. На диване, обложенном вышитыми подушками, — Зина с учебником на коленях. На её круглом румянном лице — выражение, преувеличенной серьезности.

«Сядь, Валентин! — говорит она. — Думать надо с карандашом в руке».

«Но мне пришло в голову...»

«Опять новая идея? А старую ты довел до конца?»

Тут же Сергей. Он пришел в гости... со своей подругой... нет, вероятно, один. Сергей — сухарь и закоренелый холостяк. Вряд ли он соберется когда-нибудь жениться. Впрочем, если Зина возьмется за дело, вероятно и для Сергея найдется какая-нибудь худенькая черноглазая... Женатый Сергей! Любопытное будет зрелище.

Развеселившись, Валентин поставил валенки в третью поцию, как учили его когда-то в танцевальном кружке, и сделал два-три круга вальса в тени забора.

— Кто идет? — крикнул сторож. — Пропуск...

В этот вечер Валентин влюбился окончательно.

Глава третья

Все решилось в один день — 11 апреля.

Накануне Валентин получил вызов к начальнику строительства в одиннадцать ноль-ноль и обратил внимание на сочетание цифр: 11-го в 11 часов — четыре единицы подряд.

Валентин проснулся в этот день рано. Светало. Из полутмы доносился монотонный шум волн. Над морем висела латунная Луна. Валентин поглядел на неё и сказал шутливо: «Гуляешь, голубушка? погоди, запрягут тебя, будешь крутить роторы, освещать полярную ночь, обогревать лимонные города».

Эти слова должны были сбыться через двадцать дней — 1 мая, когда приливная станция обязалась дать ток. Ведь приливы, как известно, зависят от влияния Луны.

Потом Валентин вспомнил о вчерашнем визите к Зине. Ей поручили сделать доклад о приливных электростанциях. Она просила подобрать литературу. Валентин достал с полки несколько книжек — гораздо больше, чем нужно, но подумал, что читать их слишком долго и трудно, и по собственному почину решил написать тезисы для доклада. Он взял чистый лист бумаги и написал:

1. Прежде всего, рассказать о всемирном тяготении. Все тела притягивают друг друга: Солнце — Землю, Земля — Луну, а Луна со своей стороны — Землю.

Чем ближе тела, тем сильнее между ними тяготение. Воды океана ближе к Луне, чем центр Земли. Луна притягивает океан сильнее, чем земной шар, и поэтому против Луны образуется водяной бугор. А другой бугор возникает на противоположной стороне земного шара — там, где притяжение Луны слабее всего и вода как бы отстает от твердой земли.

2. Таким образом, дважды в сутки Луна поднимает воду во всех океанах на полметра в среднем. Работа эта колоссальна. В поднятой воде таится огромный запас энергии, который мы и называем «синим углем», энергией прилива.

3. Если бы вся Земля была покрыта океаном, приливные бугры полуметровой высоты равномерно двигались бы вокруг земного шара с востока на запад. По океанам катилась бы плоская волна полуметровой высоты. Но материки, острова и заливы видоизменяют движение приливной волны. Она задевает за дно и за берега, застревает в узких проливах и особенно возрастает в постепенно сужающихся заливах, глубоко вдающихся в сушу. В таких заливах приливы достигают метров до пятнадцати и выше.

4. Приливы совсем незаметны в таких морях, как Черное и Балтийское. Моря эти связаны с океаном узкими проливами, через которые проникает слишком мало воды. Своеобразно получается в Белом море: подходя с севера, приливная вода попадает здесь в коридор между Кольским полуостровом и полуостровом Канин. Чем дальше на юг, тем уже коридор. Приливной волне становится тесно — она растет в высоту и в узкое горло Белого моря входит огромным валом четырехметровой высоты. Однако, пройдя горло, вал попадает на просторы Белого моря. И здесь приливная волна растекается в разные стороны. Бугор рассасывается, приливы почти незаметны.

5. Принцип приливной электростанции очень прост. Нужно отгородить плотиной часть узкого залива, проделать

в плотине водоспуски, поставить в них турбины и пропускать через турбины воду четыре раза в сутки: во время прилива из океана в бассейн, во время отлива — из бассейна в океан. Количество энергии, которую можно получить, равно площади бассейна, умноженной на высоту прилива. Мезенская электростанция, которую мы строим, будет давать до сорока миллиардов киловатт-часов в год.

6. Затем на очереди у нас еще более мощная станция, в горле Белого моря. Но здесь свои трудности. Поставив плотину в горле, мы превратим Белое море в закрытый бассейн. Однако бассейн этот слишком велик — один прилив не успевает его наполнить. Поэтому наша станция будет работать с пользой только во время прилива, а во время отлива — вхолостую. Чтобы избежать этого, можно поставить в горле вторую плотину. Но строить две плотины — это вдвое больше работы...

Валентин исписал несколько больших листов — приготовив материал, по крайней мере, на два доклада. Но времени до 11 часов было ещё много, и Валентин решил заехать на часок к Зине. Кстати, она работала сегодня в вечерней смене. Да и предлог был подходящий — нужно было отдать ей книжки и тезисы.

Валентин внимательно оглядел себя в зеркало, решил, что брюки помялись, и поправил складку электрическим утюгом. Затем он завернул в газету розы, выписанные для Зины из московских оранжерей... но, поколебавшись, оставил букет на столе. Слишком нелепо было разгуливать по ледяной плотине в валенках, полушубке и с розами в руках. Да и Зина могла обидеться, подумать, что он хочет купить её роскошью, — дескать, вот какой я богатый, могу доставать розы зимой.

Сдав ключ от комнаты, Валентин пошел в соседний коридор к Геннадию Васильевичу сказать, чтобы помощник заехал за ним к землесосу ровно в десять тридцать.

Лузгин уже не спал. Он сидел в полосатой пижаме у стола и что-то писал. В комнате его было по-холостяцки не

прибрано, пахло табаком и алкоголем; постель была скомкана; на столе, среди бумаг, стояли патефон и бутылка коньяку.

Увидев входящего Валентина, Лузгин сложил недописанный лист бумаги и сунул его в ящик стола.

— Что это вы прячете? Письмо к любимой женщине? — спросил Валентин.

На лице Геннадия Васильевича мелькнуло смущение, потом уверенность, усмешка, и снова появилось смущение, на этот раз какое-то нарочитое, наигранное. Но Валентин ничего не заметил. Он был слишком занят Зиной, и настроения странноватого помощника мало интересовали его.

— Развлекаюсь в неслужбное время, — сказал Лузгин. — Захотелось припомнить молодость, кое-что записать. Когда-то я питал слабость к литературе. Нет, не просите, не покажу. Это личное, интимное, лирическое, не для постороннего глаза. Вам это неинтересно.

— Почему лирическое неинтересно? Наоборот. Наверно, вы про любовь пишете? Ведь была у вас любовь, Геннадий Васильевич?

Глаза Лузгина сузились. На лице его появилось что-то злое.

— Ничто человеческое мне не чуждо, — сказал он. — В десять лет я болел корью, в двадцать — любовью. А когда выздоровел, увидел рядом с собой обыкновенного человека, чуть пониже ростом, чуть поменьше весом, чуть глупее меня, чуть хитрее и гораздо беспомощнее, слишком беспомощного, чтобы стоять на своих ногах и потому желавшего ездить на мне верхом... К счастью, я вовремя заметил это и успел убежать.

Валентин был оскорблен до глубины души. А он-то приготовился слушать исповедь, сочувствовать неудачливому влюбленному!

— Сейчас-то вы уж не болеете?

— Ничто человеческое мне не чуждо! — высокопарно повторил Лузгин. — В тридцать лет я болел честолюбием.

Мне хотелось стать великим ученым и великим писателем. Потом я узнал, что слава предпочитает преждевременно умерших, а умирать мне не хотелось. Сейчас мне сорок. Я научился ценить коньяк, музыку и покой. И я совершенно здоров.

Валентин больше не мог сдерживаться.

— Это дешевая поза, — крикнул он, — поза людей равнодушных и никчемных! Вы презираете любовь, потому что не умеете любить; презираете славу, потому что не умеете заслужить её. Так можно докатиться чорт знает до чего — до равнодушия к Родине даже. Покой, коньяк и патефон!.. Какой из вас научный работник, если наука вас не волнует, если вы не дорожите успехом, не ищите, не добиваетесь его, не желаете жертвовать своим покоем! Не нужны такие работники в институте...

Лузгин испугался. Он залепетал какие-то извинения, начал оправдываться, ругать слишком крепкий коньяк, уверять, что Валентин его не так понял. Валентину стало неловко, даже стыдно. Зачем он смешивает неприязнь и служебные отношения, показывает свою власть, чуть ли не угрожает выгнать человека? Лузгин — хронический неудачник. Пусть утешает себя, что «виноград зелен». Конечно, он не ученый... но работник исполнительный.

— Вы заезжайте за мной в десять тридцать. Я буду на землесосе, — сказал Валентин и вышел за дверь.

Он вышел с неприятным чувством, но тут же подумал о Зине, и на душе его стало опять светло и празднично.

День был ясный и морозный. Но каютка Зины вся была залита солнцем, как будто туда уже пришла весна. Золотым огнем сияли медные рамы, ручки и медно-красные кудри Зины. Валентину казалось, что девушка светится — так ярко пылали её щеки, так блестели глаза. Она шумно обрадовалась Валентину, кинулась расспрашивать, звонко хохотала при каждой шутке и даже без повода.

— Ты что такая... радужная сегодня? Весна действует?

Зина почему-то смутилась:

— Не знаю, с самого утра так. Проснулась — солнце в глаза. На стене зайчики. Радостно, так душа и поет. Лежу и пою. Девчонки надо мной смеются. А почему — не знаю. А впрочем, может, и знаю. Мы с тобой друзья, и я расскажу честно. Много лет назад у меня была одна встреча... Знаешь, бывают такие встречи, которые запоминаются на всю жизнь. Вот и этот человек... Я с ним говорила всерьез один раз, потом мы расстались. Он нарочно избегал меня и уехал не простившись. А разговор с ним я запомнила, и все эти годы он жил рядом со мной. Прочту что-нибудь и ему рассказываю. А не знаю, как поступить, — стараюсь представить, что он сделал бы на моем месте. Если похвалят меня — хвастаюсь. «Видишь, — говорю, — какая я, а ты не понял — уехал не простившись». Конечно, сама себе говорю, потому что я даже не знала, где он живет. И вот, представь, вчера я получила письмо. И оказывается, всё время он тоже думал обо мне и так же со мной мысленно разговаривал. Как ты думаешь, хорошо это? Можно так дружить на расстоянии, или мы выдумали оба?

Валентин мрачно смотрел на свои брюки со складками, твердыми и острыми, как нос парохода.

— Так, — сказал он, — стало быть, так. Ну, я пошел, пожалуй.

— Куда же ты, посиди, — сказала Зина радушно и вместе с тем равнодушно. — Ах да! У тебя работа. Приезжай тогда завтра вечером — у нас будет репетиция.

Уже выходя в коридор, Валентин обернулся и зачем-то сказал то, что не выговаривалось так долго:

— В общем, я пришел сказать, что люблю тебя. Но сейчас это не имеет значения.

На лице у Зины появилась болезненная гримаса. Ей неприятно было обидеть, сделать несчастным человека в такой солнечный день её жизни.

— Да нет — это неправда! — произнесла она с убеждением. — Это тебе показалось. Просто ты скучал здесь. Вокруг морозы, тьма и тоска, и живешь ты в гостинице третий месяц, а у нас всегда весело и по-домашнему... Нет, я уве-

рена, что тебе показалось. Про любовь ты всё выдумал. С Вaley и с Танюшкой ты дружишь не меньше. И знаешь, ты очень нравишься Танюшке. Ты не смотри, что она маленькая ростом, она замечательный человек! Очень добрая и душевная. Ты приглядиись к ней.

— Хорошо, пригляжусь, — процедил Валентин и вышел из каюты.

Геннадий Васильевич приехал на семиместной роскошной машине. После утреннего разговора он чувствовал себя виноватым, суетился, заглядывал в глаза, а Валентин терпеть не мог угодничества. И он нарочно сел за руль, чтобы не разговаривать со своим помощником. Он был очень зол на Зину и ещё больше на самого себя.

«Нет, каков! Выписывал розы, утюжил брюки, тезисы писал, чтобы был предлог поехать в гости к десяти утра. Сергея жалел: «Сергей — сухарь и закоренелый холостяк, как он будет жить бобылем, бедняжка?..» Всё будет в точности, исполнители те же, только роли по-иному: Зина — на диване, Сергей без пиджака ходит по комнате, а Валентин, в галстукe и манжетах, пьет чай. Его жалеют — он одинокий, бобыль, не нашел себе подруги. Зина из жалости сватает ему Танюшку. А потом, когда он уйдет, получив чайную ложечку чужого счастья, Зина скажет мужу: «Ты знаешь, он был влюблен в меня». И на лице у Сергея появится самодовольная усмешка победителя.

Невыносимо было думать об этом. И Валентин, скрежеща зубами, нажимал на газ, словно хотел встречным ветром развевать боль.

Но, подъехав к управлению строительства, Валентин взял себя в руки. Прочь любовные бредни! Он инженер, хозяин большого дела, и, кроме дела, его ничто не интересует.

Начальником строительства был знаменитый профессор Чернов, крупнейший холодильщик Советского Союза, впервые применивший лед для постройки набережных, для перевозки грузов и для подъема затонувших судов. Профес-

сор был очень многосторонним ученым, занятым и деятельным. Он дорожил временем, своим и чужим, и принял Валентина ровно в одиннадцать часов, минута в минуту.

В кабинете были два человека: Чернов и Валентин. Совещались они вдвоем. Профессор пригласил Валентина присесть и спросил неожиданно:

— А говорят, скучаешь, жалуешься, что нет работы?

— Работы действительно нет. Сажу у моря и жду тока, — сказал Валентин.

— Когда можешь принять ток?

— Да хоть сейчас!

— Это для красного словца сказано или на самом деле?

Валентин вопросительно взглянул на профессора.

— Обстановка такова, — сказал тот: — мы перехватили плотиной почти весь залив; остался проран около пятисот метров шириной. Весь прилив и отлив идет сейчас через эти ворота. Течение там бешеное. Нам нужно срочно сомкнуть плотину, закрыть эти ворота. — Он сложил указательные пальцы. — Чтобы сделать это, необходимо утихомирить течение. Чтобы утихомирить его, надо открыть готовые водоспуски. Но во многих уже стоят турбины. Зачем же им крутиться вхолостую, если они могут давать ток уже сегодня. Поэтому я и спрашиваю: на самом деле ты можешь принять ток сейчас или это красноречие?

Валентин подумал:

— Приемная станция готова, передаточная — тоже. Мне нужно предупредить Туркмению, чтобы в назначенный час они приготовились к приему. Если я попрошу их по радио и получу положительный ответ, я могу принять ток сегодня в четырнадцать часов.

— Для верности скажем: в шестнадцать часов, — решил профессор. — Значит, немедленно поезжай на радиостанцию, и через два часа я жду окончательный ответ.

В этот день Валентин был сух, деятелен и точен. Получив положительный ответ от Сергея, он ещё раз осмотрел вышку, заземление и всю аппаратуру. Он замучил Геннадия

Васильевича и всех подчиненных своими распоряжениями и сам лично дважды заезжал к метеорологам.

Валентин работал энергично, но без радости. Ему казалось, что над ним нависли черные тучи. А на небе были светлые облака, и даже изредка проглядывало солнце. То и дело пробивались неуместные мысли о Зине, и тогда Валентин сжимал кулаки, как будто хотел раздавить ненужные сожаления.

В стороне от передаточной станции, примерно за километр от вышки, был выстроен блиндаж управления — небольшая землянка, где целую стену занимал мраморный щит с приборами и рубильниками. В землянке сегодня было тесно — здесь собрались научные сотрудники, инженеры из штаба строительства, корреспонденты из Москвы, Архангельска и мезенской многотиражки. Войдя, Валентин поздоровался и взглянул на часы. Все сразу вздернули левый рукав. Было без двенадцати минут четыре.

— Геннадий Васильевич, позвоните ещё раз на обсерваторию. Спросите, не появляются ли хромосферные вспышки?

— Я звонил только что. Пасмурно. Не видно, что творится на Солнце.

— Пусть ещё раз измерят количество ионов. Позвоните и доложите мне.

Когда заместитель вышел, Валентин обратился к присутствующим:

— Товарищи! Сейчас будет проведен исторический опыт. Нам поручено передать энергию по воздуху на расстояние в три тысячи четыреста километров. До сих пор на такое расстояние передавать энергию не удавалось ни по проводам, ни, тем более, без проводов. Ровно в шестнадцать часов я включу рубильник и введу в действие атомный аппарат системы Ахтубина — генератор искусственных космических лучей. Быстролетающие частицы вырвутся из него широким снопом; они понесутся вверх, оставляя на своем пути след из разбитых, наэлектризованных атомов и ионов. Мы создадим ионизированный мостик от Земли до ионо-

сферы. Наши товарищи в Средней Азии создадут второй такой же мостик и тем самым замкнут цепь: Мезень — мостик — ионосфера — мостик — потребитель — Земля. По этой цепи пойдет ток, — Валентин взглянул на часы, — через семь минут.

Корреспонденты окружили его, засыпали вопросами. Валентин отстранил их жестом:

— Товарищи, я рассказал, вам сколько успел. Подробные объяснения после шестнадцати часов.

Вошел Геннадий Васильевич и шепнул что-то Валентину. Валентин кивнул головой и записал цифру.

— Сидите у телефона и держите связь до последней минуты, — сказал он. — Пусть продолжают измерения.

В глубокой тишине неслышно тикали полтора десятка часов. Тридцать глаз напряженно следили, как семяны по кругу пятнадцать секундных стрелок. Ровно в четыре часа на мраморном щите стала краснеть контрольная лампочка. Потом донесся гул выстрелов. Это береговые батареи салютовали первому мезенскому току. Запряженная Луна послушно принялась за работу.

Когда лампочка засветилась полным накалом, Валентин взялся за рубильник и рывком включил его.

В первую минуту ничего не произошло, только дрогнули стрелки приборов на мраморной доске, пошли вверх вольты и амперы в различных цепях. В блиндаже для безопасности вышку приходилось наблюдать на зеркальном экране с помощью коленчатой трубы вроде перископа. Но поток невидимых нейтронов, струившихся из атомного аппарата, не был виден на зеркале. Только стрелки приборов

говорили о стремительных частицах, летящих с вышки в ионосферу.

— Ночью мы видели бы свет над башней, — сказал Валентин корреспонденту. — Впрочем, это от нас не уйдет. Вечером полюбуется.

И вдруг...

Позже очевидцы вспоминали, что вздрогнули от света. Свет был так силен, что им показалось: лопнуло зеркало. Затем появилась молния... но какая! За всю историю человечества не бывало таких молний. Столб ослепительного огня сошел с неба на землю. Не искра, не зарница, а целый водопад электричества. Как шапочка, с башни слетела сбита целиком верхушка. Она была ещё в воздухе, когда до блиндажа долетел звук — невиданной силы гром, подобный взрыву, грохот рухнувшей скалы, взорванного вулкана, закончившийся басистым рычаньем. За первой молнией сверкнула вторая, третья, такие же яркие, потом несколько десятков вторичных обыкновенных молний, но грохочущие удары близкого грома уже казались не страшными после первого.

— Что это, почему? — слышались приглушенные голоса, похожие на шепот.

Потрясенные свидетели жались к стенкам. Геннадий Васильевич забился за щит. И только один из корреспондентов, смелый от неведения, взялся за дверь.

— Запрещаю выходить из блиндажа! — раздельно произнес Валентин.

Он был начальником здесь и первым должен был прийти в себя.

— Телефонная станция, — крикнул он в трубку, — диспетчера мне!.. Говорит Новиков. Срочно отключите электропередачу. Опыт неудачен. Катастрофа... Доложите начальнику строительства... Аллю! Станция?.. Теперь дайте мне телеграф... Посылайте молнию, срочную, правительственную... Кто говорит? Я, Новиков. Диктую: «Туркменская ССР. Электрострой. Новикову». Текст. «Опыт кончился неудачей. Прекратить работу до выяснения...»

Чья подпись? Моя. «Новиков Валентин».

Только после этого, повторив запрещение покидать блиндаж, Валентин один, без провожатых, выбрался на поверхность. Вышки не существовало. На месте озера вздулся холм с рваными краями, как будто земля лопнула изнутри. Чадя, догорал кабель. Дымились горячие пузыри, оставшиеся от расплавленных стоек. Мачты электропередачи были скручены винтом и пригнуты к земле.

Так небо отбило первую попытку людей подчинить его силы.

«Дорогой Сергей!

У меня сегодня две беды: личная и научная. Даже не беды, а катастрофы. Не знаю, с каким лицом я приеду теперь к тебе в министерство, в институт... Всё разбито, всё надо начинать сначала. Надо с репутацией неудачника искать оправдания, бороться с предубеждением... Рад бы найти причину... Не знаю, как теперь жить и для чего...»

Два часа Валентин сидел в своей комнате над начатым письмом. Мысли были тяжелее слов. Во всяком деле бывают ошибки и неудачи, но нельзя допускать неудачу ценой в полтора миллиона. Кто виноват? Он, Валентин. А в чём виноват, что просмотрел — это ещё неизвестно.

Произошло короткое замыкание ионосферы. Она разрядилась. Соппротивление воздуха оказалось меньше, чем думали. Почему? Кто ошибся: атомщики, сделавшие слишком мощный аппарат, метеорологи, неправильно подсчитавшие проводимость воздуха? Так или иначе — за всё отвечает он...

- Геннадий Васильевич, наш самолет наготове?
- Путевку надо подписать, Валентин Николаевич.
- Дайте сюда, я подпишу... Кто там звонит?
- Вас спрашивает какая-то Зина.
- Скажите, что я вышел... что я улетаю в Москву.

Ох, как давно это было — солнечное утро, каюта, рыженькая девушка со своей маленькой радостью. Утренний Валентин показался сейчас таким детски-наивным. Он са-

монадежно мечтал завоевать любовь и небо. И любовь и небо насмеялись над ним. Но всё-таки, почему же? Хорошо было бы слетать к Сергею... только далековато. Интересно, когда он получит телеграмму? Лучше бы по радио, но почему-то радио не работало. Интересно, почему? Вряд ли из-за молнии. Обычно радио не работает, если в ионосфере неполадки.

— Геннадий Васильевич, почему радио не работает?

— Не знаю. Может быть, магнитная буря. В этом проклятом краю всегда помехи.

— А северное сияние есть?

— Нет, не было как будто.

— Похоже на хромосферную вспышку... Геннадий Васильевич, что вам ответила метеостанция? Покажите мне журнал. Вы не записали телефонограмму? Почему? Вы же обязаны были записать! Как же мы найдем теперь причину?.. Ну хорошо, идите на аэродром, я сам позвоню им.

Десять минут спустя запыхавшаяся Зина прибежала в гостиницу. Она ещё не знала, что скажет Валентину, но понимала, что нужна ему... Именно сейчас, когда у него такое несчастье и рядом нет друзей, никого, кроме неё.

— Да вы не тревожьтесь, он не уехал ещё, — сказал ей усатый дежурный. — Ключ мне не сдавали. Вот его дверь, в самом конце коридора.

Зина на цыпочках пробежала по коридору и робко постучала. Но хотя из-под двери пробивался свет, никто не ответил ей. Зина подождала и постучала сильнее, потом ещё решительнее кулаком. Под ударами дверь тихонько приоткрылась, и Зина увидела Валентина, который сидел, положив голову на стол, как будто спал.

Но почему он заснул в такой неудобной позе? Что это он писал? «Две беды... личная и научная... Всё разбито, всё надо начинать сначала... Не знаю, для чего теперь жить и как жить?» И что это красное, похожее на канцелярские чернила, течет по столу на недоконченное письмо? И что это лежит на полу, под свесившейся рукой, — черное, металлическое, вороненое?

Зина схватилась за голову и закричала не своим голосом:

— Что ты наделал, Валентин, что ты наделал!

Глава четвертая

«Вы настоящий хирург, Мария Васильевна! Я верю в вас, как в самого себя», — так сказал Боков на прощание.

«Как в самого себя»!.. Приятно слышать похвалы, но Кудинова знает; далеко ей до учителя.

Все годы после окончания института старый профессор был для неё идеалом врача и человека. Кудинова мечтала с такой же миллиметровой точностью оперировать сосуды и нервы, с такой же уверенностью вести больного по грани жизни и смерти, без колебаний идти на риск, как Боков, побеждать смерть мастерством и хладнокровием.

Но хладнокровный профессор совсем не был равнодушным человеком. Он отзывчиво выполнял все просьбы — иные злоупотребляли этим. Ночью, зимой, в любое время, Александр Ильич отправлялся на окраину, за город, в соседнюю область, по просьбе знакомого врача, лаборантки, уборщицы, бывшего студента, любого человека, позвонившего по телефону.

Боков любил художественную литературу, но пропускал страницы, где описывалась смерть. «Зачем смаковать страдания?» — говорил он. Боязнь страданий у хирурга! Это противоречие удивляло Кудинову. Потом она поняла, что Александр Ильич страстно ненавидит боль и смерть. И он сражается с болью там, где она сильнее, со смертью, где она ближе всего.

Кудинова не обольщает себя — ей далеко до Бокова и как хирургу и как человеку. Она бывает нетерпелива, равнодушна, даже высокомерна, особенно с мужчинами. Её раздражает, что все они смотрят на её брови, губы, щеки. Поверхностный народ! Заняты внешностью, не думают, что перед ними хирург. И какой! Настоящий!

Нет, всё-таки Боков перехвалил её — видимо, хотел подбодрить. Настоящий хирург давно спал бы, чтобы прийти на операцию свежим, отдохнувшим, полным сил. А она, как студентка перед экзаменом, вспоминает детали виденных операций, мысленно листает записи, заметки, будто в каких-нибудь конспектах описан тот больной, которого ей предстоит спасти!

Рана в сердце! Не так давно это считалось верной смертью. «Раненые в сердце выживают только чудом», — писали триста лет назад. «Врач, который возьмется лечить такую рану, недостоин своего звания», — это было написано в прошлом веке. И всё-таки нашлись смелые люди, которые пытались лечить поврежденные сердца. Хирург Джанелидзе насчитал свыше пятисот таких попыток за два десятилетия... Кудинова хорошо помнит его книгу; лаконичные истории болезни так часто кончались словами: «Больной умер на 8-й день... на 12-й день... на операционном столе...»

И всё же смерть отступала. Выяснилось, что даже остановка сердца — ещё не конец. Советскому профессору Неговскому удалось вернуть к жизни больных, у которых остановилось сердце в результате шока, потери крови, удушья, электрического разряда. Оказалось, что умершего ещё можно оживить через пять-шесть минут после смерти, если снова пустить в ход обессилившее сердце. А потом появилась новая техника, и профессор Боков, начал свои операции, на которых Кудинова помогала ему несколько раз...

Над темными лесами несется ревущий, словно грузовик, самолет. А в кабине, не думая о высоте, о ночи, о полете, сидит, раскачиваясь, женщина и, стараясь вспомнить все движения рук учителя, шепчет: «Аорта, венечные сосуды, блуждающий нерв...»

Пусть не изменит ей память, не спутает и не собьет её, пусть не захватит у нее дыхание, пусть не дрогнет рука! От этих рук, от этих глаз, от этой памяти, от ровного дыхания зависит жизнь Валентина.

...Долгожданная встреча Сергея и Зины произошла в больнице.

Они сидели рядышком в приемной палате, поджидая дежурного врача. В палате было очень светло из-за высоких окон, светло-серых стен, ещё пахнущих масляной краской, из-за ярко освещенного снега за окнами. По углам сидели коротко остриженные больные в голубовато-серых халатах, под цвет стен. Они разговаривали шепотом со своими посетителями; гости смотрели на больных серьезно и жалостливо.

Зина показалась Сергею очень красивой, красивее, чем он представлял её. Но им обоим казалось неуместным думать о чувствах. Она рассказала о здоровье Валентина. Обо всём остальном говорить не хотелось. И они сидели молча, стесняясь друг друга, сидели рядом и думали про Валентина, каждый в одиночку.

— Скажите, Валентин Николаевич писал вам про нашу дружбу, о том, как он относился ко мне? — спросила Зина, набравшись храбрости.

— Да, писал. Я всё знаю.

— А как вы думаете, неужели он сделал это из-за меня?

Очевидно, Зина строго допрашивала себя: «Не виновата ли я в чем-нибудь?»

Сергей вспомнил студенческую практику и поспешил её утешить. Нет, не мог жизнерадостный, полный сил и энергии Валентин кончить жизнь самоубийством из-за несчастной любви, тот самый Валентин, который так решительно отказался от любви ради дружбы.

Тогда из-за чего же? Из-за неудачи в работе? Но сколько у них было уже неудач, пускай не таких катастрофических! Кто находил выход? Почти всегда Валентин. Сергей обычно говорил: «Повторим, проверим ещё раз». А Валентин возражал: «Нет, придумаем что-нибудь новое». И действительно придумывал.

Почему же он опустил руки сейчас, почему он сдался сразу?

Наконец пришел дежурный врач — небольшого роста старичок, лысый, с очками на морщинистом лбу. Он долго присматривался из-под очков к Зине и пытливо выспрашивал, кем она приходится больному — сестра, жена, невеста...

— Нет, просто знакомая, — сказала Зина краснея.

Из этого вопроса Сергей понял, что дела Валентина совсем плохи.

— Да не тяните же! — сказал он с раздражением. — Что с ним? Он умер?

— Нет-нет, мы не теряем надежды, — поспешил уверить его доктор. — Организм молодой и может справиться. Конечно, общий характер ранения не слишком благоприятный. Пробита нижняя доля левого легкого, внутреннее кровоизлияние, возможно — задето сердце. Мы обратились в Институт сердечной хирургии, к профессору Бокову. Вы, конечно, знаете Бокова. Это тот, что делал опыты по пересадке сердец. К сожалению, сам профессор нездоров, но его ассистент доктор Кудинова уже прилетела. Сейчас идет консилиум. Решается вопрос относительно операции.

— А больной дал согласие?

— Больной, к сожалению, без сознания. И поскольку родственников нет, только знакомые, нам придется взять ответственность на себя... тем более что общее положение настолько угрожающее, что тут... — он замаялся, подыскивая слова, — просто риска нет никакого.

— А вы подумайте! — сказал Сергей строго. — Валентин Новиков — выдающийся ученый. Его необходимо спасти. Это ценный человек...

— Каждый человек — ценный у нас! — возразил врач сердито. — А для вашего друга мы вызвали доктора Кудинову. Вам эта фамилия ничего не говорит?.. Напрасно. Это тоже очень ценный человек.

Но здесь к Сергею подошел какой-то незнакомец и отозвал его в сторону.

Это был высокий юноша в больничном халате и сапогах, свежий, румяный, со светлым хохолком. Сергей никогда не видел его и удивился, что незнакомый человек обратился к нему по имени-отчеству.

— Разрешите побеспокоить вас, Сергей Федорович.

— По какому делу?

— Я от полковника Родионова. Он хочет побеседовать с вами.

— Нельзя ли отложить на завтра?

— Нет, нельзя. Он ждет вас немедленно. Это совсем близко, через улицу.

В жарко натопленном кабинете, на втором этаже стандартного бревенчатого дома, Сергея ожидал пожилой полковник. В отличие от юноши-лейтенанта, который держался с подчеркнутой строгостью, полковник обратился к Сергею очень приветливо.

— Извините, что пришлось побеспокоить вас, — сказал он. — Я возглавляю комиссию по расследованию этого... несчастного случая. Нам хотелось бы знать ваше мнение: какие могли быть причины?

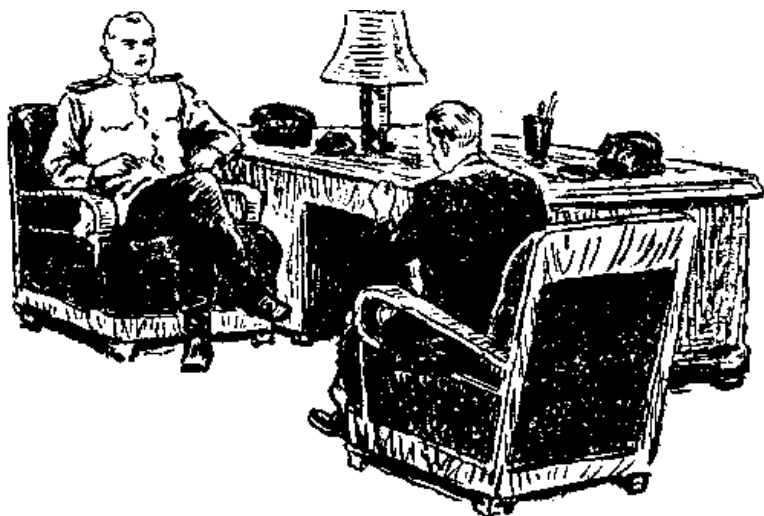
— Но я ни с кем не разговаривал. Я прямо с аэродрома проехал в больницу.

— Пусть это будет предварительное мнение, — сказал полковник мягко, но настойчиво.

— Что я могу сказать предварительно... Дело новое, могли быть всякие неожиданности и каверзы со стороны природы. Но, вероятнее всего, произошло короткое замыкание. Дело в том, что воздух — не идеальный изолятор. Иногда электропроводность его может быть очень велика. Повидимому, и на этот раз она неожиданно повысилась — и произошел пробой, как на проводах, когда изоляция испорчена. Могли быть и другие причины, более сложные... Остальное сделал атомный аппарат, когда он свалился с вышки и разбился.

— А почему электропроводность могла повыситься? Какое-нибудь загрязнение, примеси?

— Нет, дым, пыль, даже самая сильная гроза не могли нам повредить. Большей частью наши неприятности связаны с Солнцем. Электризация воздуха повышается, когда на Солнце крупные пятна, факелы и особенно — хромосферные вспышки. Как раз вчера в середине дня была вспышка. В такой день ставить опыт было трудно, почти рискованно.

— Почему же вы назначили опыт на этот день?

— О вспышках нельзя знать заранее. Известно только, что в этом году много вспышек и пятен. Приходится быть начеку. Года через два пятен будет меньше, а вспышки исчезнут.

— Почему же вы не отложили все-таки опыт, когда вспышка появилась?

— Лично я не знал об этом. У нас наступил вечер, солнце зашло, и атмосфера была благоприятная.

— А Валентин Николаевич знал?

— По всей вероятности, знал. Это основа. Начиная работу, мы запрашиваем обсерваторию о состоянии Солнца и атмосферы.

— Может быть, он волновался и поэтому упустил, забыл?

— Нет, это просто невозможно!

— Почему же? Бывают ошибки по рассеянности. У Валентина Николаевича было много обязанностей. Его могли отвлечь, он мог забыть...

— Нельзя забыть, как тебя зовут! — сказал Сергей сердито. — Если я бегу на поезд, тороплюсь и волнуюсь, я мо-

гу забыть пальто, бумажник, даже билет... Но я никогда не забуду, что еду на вокзал. Чтобы начать передачу, мы включаем рубильник и поворачиваем рукоятку реостата. Перед рукояткой — цифры. Чтобы вычислить цифру, нужно знать сопротивление воздуха. Без этого мы не начнем.

— Значит, по-вашему, Валентин Николаевич знал, что день неудобный, трудный, рискованный, как вы говорите... и всё-таки рискнул. Почему же он пошел на это?

Сергей молчал.

— Кажется, вы давно знаете Валентина Николаевича? Расскажите нам, что он за человек.

Естественно, Сергей дал самую блестящую характеристику.

— Мы так и представляли его, — сказал полковник. — Но всё-таки, были у него какие-нибудь недостатки? Может быть, он любил выпить?

— Никогда. Он ненавидел пьянство. Говорил, что уважает свою голову и не намерен затемнять её вином.

— Может быть, он нуждался в деньгах, покупал дорогие вещи?

— Да что вы! Мы не знали, куда девать деньги. Нас поставили в исключительные условия. Да и к чему нам деньги? Времени не хватало.

— А с кем водил знакомство ваш друг?

Сергей назвал несколько десятков имен.

— Не было ли среди знакомых... таких людей, которые не вызывали ваших симпатий? Не наших людей?

Сергей вспыхнул.

— Послушайте! — крикнул он. — Я вижу, куда вы гнете. Это бессмыслица! Валентин не мог испортить нарочно. Вся жизнь его была в этой работе. Испортить работу! Это было бы самоубийством.

— Но ведь он пришел в итоге к самоубийству. Значит, были на то причины.

— Причины? Провал работы — достаточная причина! Человек он впечатлительный, преувеличил неудачу.

— Провал, неудача!.. А разве вы, я, разве любой, по-на-

настоящему советский человек уйдет из жизни из-за того, что провалилась его работа?

— Не знаю... здесь всё сложилось вместе: Валентин очень нервничал. У него была неудачная любовь. В конце концов, бывают в жизни ошибки.

— Разве вы, я, разве по-настоящему советский человек уйдет из жизни из-за неудачной любви?

Сергей замялся:

— Я не знаю, товарищ полковник. Валентин чист и честен, в этом я уверен. Он мог ошибиться. Все мы ошибаемся. Вот всё, что я могу сказать. Может быть, я сумею выяснить ещё что-нибудь, когда поговорю с людьми, работавшими здесь, в Мезени, прежде всего с заместителем Валентина — Геннадием Васильевичем.

— Вы ещё не говорили с ним?

— Нет, я прямо с аэродрома в больницу. На аэродроме он не встречал меня почему-то.

— А что за человек этот Геннадий Васильевич?

Сергей недолюбливал заместителя Валентина, но в официальной комиссии не считал возможным говорить о своих симпатиях.

— Геннадий Васильевич — хороший работник, — сказал он, — деловой, исполнительный, точный, превосходный администратор. Вне службы я его не знаю. Кажется, он холостяк, живет один, ни с кем не встречается, любит балет... Ну, вот и всё, что мне известно.

— Он был заместителем Валентина Николаевича? Может быть, он вел переговоры с обсерваторией?

— Это могло быть, но лучше спросить у него самого.

— А он мог допустить ошибку? Забыть, перепутать?

Сергей улыбнулся:

— Это совершенно исключается. Забывают люди, у которых занята голова. Я никогда не замечал у Геннадия Васильевича посторонних мыслей. Он образец точности, ходячая пунктуальность.

— А как он поступил в ваш институт?

— Это было в самом начале нашей работы. Ему пришла

в голову та же идея. Он прочел в газетах о нас и пришел консультироваться. Мы предложили работать вместе. Валентин предложил, а я не возражал. Правда, после этого у Геннадия Васильевича больше не появлялось никаких идей. Мы даже удивлялись, как в его прозаической голове возникла ионосферная передача. И Валентин писал мне об этом недавно в письме.

— Значит, он казался вам странноватым?

— Да нет, не очень... — Сергей мысленно представил себе Геннадия Васильевича и придирчиво оценил все его поступки. — Откровенно говоря, я не очень люблю его. Мне казалось, что он работает без души. Возможно, я несправедлив. Валентин говорил, что он просто не очень способный человек.

— Стало быть, Геннадий Васильевич вне подозрений?

— Нет, подозрений у нас не было. Мы бывали недовольны... делали замечания, он старался исправить...

— Вы не знаете, где он сейчас?

— Здесь, в Мезени. Точнее, я не знаю. Прямо от вас я поеду разыскивать его.

Полковник пытливо посмотрел на Сергея.

— Вам не стоит терять время, — сказал он негромко. — Вчера поздно вечером Геннадий Васильевич вылетел в Москву. Путевку подписал Валентин Николаевич. Очевидно, это было его распоряжение. Самолет стартовал минут за двадцать до того, как нас уведомили о самоубийстве. Девушка какая-то звонила из гостиницы. В Москву самолет не прибыл до сих пор. Но вот наши пограничники сообщили, что ночью, часов в десять, какой-то самолет пролетел возле мыса Канин Нос. Это в стороне от трассы. Ваш Геннадий Васильевич заблудился. Пришлось снарядить погоню.

— Догнали... посадили? — спросил Сергей волнуясь.

Полковник развел руками:

— К сожалению, в вашем распоряжении находились самые лучшие самолеты, Сергей Федорович. Наши пограничники открыли огонь... Самолет был подбит, загорелся, упал в воду и утонул. Только часть крыла обнаружили утром на

льдине. На нем есть номер. В общем, это самолет Валентина Николаевича. Очевидно, ваш Геннадий Васильевич был иностранным агентом и пытался бежать за границу.

Сергей широко раскрыл глаза. Вся жизнь Лузгина предстала перед ним в новом свете. Странное стало подозрительным; подозрительное получило объяснение. Лузгин жил одиноко и замкнуто, потому что боялся разоблачения, не находил общего языка с советскими людьми. Он работал без души, у него не было творческих идей, и это понятно — ведь он был агентом, а не изобретателем. А ионосферную передачу он никогда не придумывал. Вероятно, прочел в газете об идее Новиковых и пришел к ним, рассчитывая на жалость. Научных заслуг у него не было и быть не могло. Он цеплялся за место с помощью «старомодной предупредительности», как выражался Валентин. Конечно, он был старомоден — ведь душой он был с уходящей эпохой, с капитализмом. И это прорывалось в минуту откровенности. Со снисходительным презрением говорил он обо всём, потому что всё советское было для него неприемлемо. Многие годы жил этот волк, притворяясь человеком. Он влачил жизнь, пока не решился показать зубы. И тут ему пришел конец. Он заживо сгорел в украденном самолете.

— Слушайте! — вскричал Сергей. — Может быть, это он стрелял в Валентина?.. И никакого самоубийства не было?

— Мы тоже так думаем, — сказал полковник. — И врачи говорят, что стреляли с расстояния в два-три метра. Выстрела никто не слышал. Видимо, пистолет был какой-то бесшумный, не нашего образца. К сожалению, Валентин Николаевич всё время без сознания и ничего не может рассказать нам. Я вынужден просить вас изложить на бумаге ваше мнение о возможных причинах катастрофы. Это поможет нам выяснить обстоятельства дела.

Глава пятая

Сидя в своем номере гостиницы, Сергей писал выводы для комиссии. С виду он был спокоен. Рука его двигалась слева направо неторопливо, но безостановочно, как будто Сергей писал под диктовку. Чистые, ровные строки с закругленными буквами ложились на широкий лист служебного блокнота.

«...На основании предварительных данных причиной катастрофы послужила повышенная электропроводность воздуха, вызванная хромосферной вспышкой на Солнце. Вспышка наблюдалась в Западной Европе, но в Мезени ввиду пасмурной погоды её не было видно. Однако метеорологическая станция отметила повышенную ионизацию воздуха, о чем было сообщено по телефону в 15 часов 52 минуты, за восемь минут до начала опыта.

Допускаю, что иностранный агент, известный нам под именем Геннадия Васильевича Лузгина, скрыл эту телефонограмму от Валентина Николаевича Новикова, желая вызвать катастрофу, подорвать доверие к нашему изобретению, сорвать возможность снабжения дружественных стран и будущую международную торговлю электричеством.

В первые часы после катастрофы Валентин Новиков был занят ликвидацией её последствий. Прежде всего, необходимо было обезопасить местность от излучения атомного реактора, свалившегося с разбитой вышки. Возможно, что в дальнейшем В. Новиков занялся бы расследованием причин катастрофы. Боясь разоблачения, агент стрелял в него и пытался скрыться на самолете.

Так как хромосферные вспышки появляются неожиданно, агент не мог всё это подстроить заранее. По-видимому, он воспользовался благоприятными для себя обстоятельствами».

Как случилось, что шпион пролез в институт? Сергей отложил перо и, сжав голову руками, в десятый раз вспоминал день появления Лузгина. Молодые инженеры, неожиданно поставленные во главе большого дела, только что

приняли лабораторию. Всё казалось прекрасным и радостным. Они были счастливы и великодушны. И вот однажды к ним в лабораторию пришел хмурый, болезненный человек, неудачник, опоздавший на полгода. Он утверждал, что, лежа в больнице, высказал идею, такую же, как Новиковы, даже написал об этом в Москву, а потом прочел в газетах об их опытах. Он не претендовал ни на что, только жалобно просил позволить ему принимать участие в работе. Валентин сказал: «Мы не имеем права оттирать его. Он почти автор идеи». Сергей согласился. И отдел кадров не возражал. У мнимого Геннадия Васильевича были безукоризненные документы, возможно добытые преступлением.

«...Будучи руководителем отдельной лаборатории, я отвечаю за проникновение агента в лабораторию. Никаких доводов в своё оправдание привести не могу, готов к суровому наказанию».

Ах, как хотелось Сергею прожить жизнь безупречно! Как хотелось бы за каждый час своей работы отчитываться с гордостью, никогда не краснеть за себя, ничего не скрывать от детей и внуков, с высоко поднятой головой говорить: «Я всегда поступал так, как нужно!»

Сергей всегда был честен, не гонялся за личной славой или за имуществом. Он очень хотел быть по-настоящему полезным человеком. И вот не вышло. С виду пустяк — неуместное великодушие, ошибка, небрежность. Можно сказать: «Со всяким бывает». Но Сергей знает: ему нет оправдания. Человек не всегда имеет право ошибаться. Если вы толкнули прохожего на улице — это неловкость. Извинитесь и идите дальше. Но когда шофер задевает прохожего машиной, его судят за это. Тут извинениями не отделаешься. Если вы уронили пепел и прожгли себе рукав, обругайте себя растяпой и идите в комбинат обслуживания штопать дырку. Но когда вы курите и роняете пепел возле бочки с бензином, вы не растяпа, а преступник.

Сергей ошибся — принял на работу не слишком проверенного человека. Он допустил оплошность, оказался растяпой. Но из-за этого сорвана передача энергии из Мезени,

под угрозой жизнь Валентина. И никому, и Сергею в том числе, не нужны жалкие слова о нечаянной небрежности. Не к чему искать оправданий, юлить, вилять, уклоняться, обманывать себя и других. И твердой рукой Сергей пишет на служебном блокноте:

«Я несу ответственность... я готов к суровому наказанию».

Одно смущает Сергея: его накажут и, вероятно, отстранят от работы. Валентин при смерти. В лучшем случае он будет долго лечиться. Кто будет отстаивать дело сейчас, когда оно поставлено под сомнение, когда снова поднимут головы малoverы, те, которые некогда говорили: «Не нужна нам передача энергии без проводов», потом писали: «Ничего не выйдет», а сейчас станут твердить: «Это неэкономно и небезопасно»?

Теперь, как никогда, работа требует не только руководителя, но энтузиаста, горячего защитника, готового жизнь отдать за успех. Если бы только Валентин выздоровел!

И в десятый раз в этот день Сергей снимает телефонную трубку:

— Справочная?.. Как здоровье больного Новикова?.. Что? Кудинова будет делать операцию? Сейчас я приеду. Я хочу с ней поговорить.

...Сергей приехал в больницу в половине двенадцатого и несколько часов провел в приемной комнате, шагая из угла в угол. В одном углу висел плакат: «Мухи — источник заразы», в другом углу: «Берегите детей от кори». Шагая от плаката к плакату, Сергей машинально прочел их, выучил наизусть, рассмотрел каждую черточку на лице ребенка, каждый штрих на спинке мухи.

По настоятельной просьбе Сергея дежурный врач — знакомый уже нам старик с острой бородкой — вызвал в приемную Кудинову. Поджидая её, Сергей представлял себе полную высокую седую женщину с большими, сильными руками и озабоченным лицом. Так выглядела женщина-хирург в районной поликлинике в Москве, когда Сергей последний раз лечился там десять лет назад.

Когда Кудинова вошла, Сергей был разочарован и даже возмущен. Оказалось, что ассистентка профессора Бокова молода (ей было не больше двадцати восьми лет) и даже красива. У неё был высокий белый лоб, черные волосы, соболиные блестящие брови. Чернота волос подчеркивала нежный румянец. Всем своим видом Кудинова говорила: «Я знаю, что вы любуетесь мною, а мне до вас дела нет». Это чувствовалось в её походке, прямой спине, горделиво вздернутом подбородке, неподвижном взгляде прямо перед собой.

Сергей заметил также, что Кудинова очень хорошо одета. Из-под белоснежного халата виднелось глухое темно-зеленое шелковое платье с кружевным воротником; в ушах висели малахитовые серьги. Его разочарование переросло в беспокойство. Стоит ли доверять жизнь Валентина этой холеной женщине, которая так много думает о своей внешности?

Лечащий врач представил их. Кудинова спросила: «Больной — ваш брат?» Этот привычный вопрос Сергей воспринял сегодня как оскорбление. У Валентина есть двоюродные сестры: Галя, Валя и Нина. Формально для них он брат, а на самом деле Сергей ему ближе, чем Галя, Валя и Нина.

Узнав, что Сергей и Валентин — не братья, Кудинова оставила несвойственную ей мягкость, сказала четко и коротко:

— Положение больного угрожающее. Операция начнется через десять минут. Возможно, мы пойдем на самые решительные и даже рискованные меры.

— Пожалуйста, не рискуйте! — попросил Сергей. — Не забывайте, что Новиков — крупный ученый. Недаром враги хотели отнять его у нас. Подумайте, прежде чем рисковать.

— Боюсь, мне некогда будет советоваться, — холодно ответила Кудинова и ушла, не подавая руки.

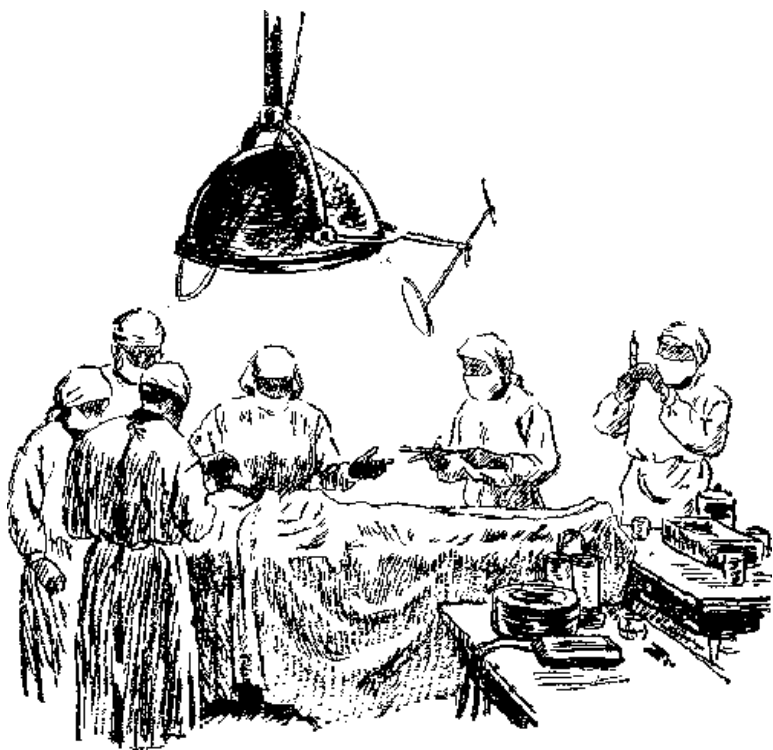
Сергей задержал знакомого врача и шепнул ему на ухо:

— Слушайте, доктор, неужели необходимо, чтобы оперировала эта особа? Какой это врач — ни внимания, ни жа-

лости! На операцию надела серьги! Это же артистка какая-то, кинозвезда, а не хирург. Может быть, вы сами будете оперировать? Пусть она консультирует.

Врач хотел похлопать Сергея по плечу, но не дотянулся.

— Друг мой, — ласково сказал он, — не волнуйтесь! Серьги она не надевала — она их не снимала, потому что из театра её привезли на аэродром. Я тоже могу делать операцию, но я рядовой хирург, на все руки мастер, а Кудинова — специалист, артистка, как вы справедливо заметили, когда дело касается полостных операций. Вы же мужчина и крепкий человек. И, как мужчину я вам говорю откровенно: у вашего друга только один шанс на жизнь, и шанс этот — Мария Васильевна Кудинова!.. Сейчас без четверти двенадцать. Позвоните часа через три, и все будет ясно.

Нелегко дались Сергею эти три часа. Он не ушел из больницы и три часа провел в приемной, шагая из угла в угол, от плаката с корью к плакату с мухой, в то время как наверху шла борьба за жизнь Валентина и каждая минута могла окончиться трагически..

В просторной, светлой операционной собрались почти все хирурги Мезенского строительства — пришли посмотреть поучительную операцию. Они пришли заранее и, пока сестры готовили инструменты, с интересом рассматривали аппаратуру Кудиновой: новые портативные электроножи и электроотсосы с крошечными моторчиками, помещающимися в кармане халата; сверкающий никелем насос с двумя поршнями — большим и маленьким — и стеклянные банки с физиологическим раствором и кровью. В одной из них пульсировало человеческое сердце. Это сердце, прилетевшее из Москвы в Мезень, больше всего привлекало внимание врачей.

Валентина принесли в 11 часов 55 минут, и вслед за ним в операционную вошла Кудинова, держа на весу руки с растопыренными пальцами. На лице у неё была марлевая повязка; лоб туго затянут белоснежной косынкой; в промежутке между косынкой и марлей виднелись глянцевито-черные брови и черные глаза.

Она вошла неторопливо и уверенно, как будто все опасения оставила за дверью операционной. Возможно, она играла в спокойствие, как многие врачи, немножко для больного, немножко для окружающих, а больше всего — для самой себя. Врач и генерал должны быть уверены, чтобы их действия и предписания не вызывали ни тени сомнений.

Зрители отступили, очистив полукруг у стола для Кудиновой, её ассистента и сестры. Валентин был без сознания, лежал вялый, с полузакрытыми глазами. Нос у него обострился, глаза ввалились, кожа туго натянулась на скулах. Пожалуй, он сам себя не узнал бы, если бы увидел свое отражение на металлическом колпаке рефлекторной лампы...

Ему прикрыли лицо наклонной занавеской, обложили грудь и живот простынями и салфетками, оставив только небольшой квадрат на груди, густо смазанный йодом. Кудинова взяла в руки нож и, нахмутив брови, прикоснулась к желтой от йода коже. Зрители затаили дыхание. В наступившей тишине слышен был только один звук — мертвящее жужжание электрических моторчиков.

Кудинова, казалось, работала неторопливо, но на самом деле очень проворно. Её гибкие кисти всё время находились в движении. Пока правая рука работала, левая уже тянулась за следующим инструментом. Она порывисто произносила: «Нож... расширитель... тампон... салфетку... зажимы!» И, не оглядываясь, когда сестры вкладывали ей в руку нужный инструмент, резала, расширяла, осушала кровь, закрывала сосуды блестящими, серебряными зажимами...

Она вырезала в груди довольно большой квадрат, откинула лоскут с прилегающими мышцами, словно отворила окошко в грудную полость. Внутри все было затоплено кровью. Сердце билось очень часто, то показывая свою глянцевитую поверхность, то скрываясь в крови. Кудинова осушила кровь и очень ловким, точным движением вывела сердце из грудной клетки. Теперь оно билось у неё на ладони — единственный живой кусок в неподвижном теле Валентина, как бы последнее средоточие жизни.

— Сердечная оболочка порвана, — сказала Кудинова вслух, — сердце не задето, но, вероятно, контужено. Больного ожидают ещё осложнения, неожиданные и неприятные. Он должен будет жить с величайшей осторожностью. В таких обстоятельствах показана радикальная методика профессора Бокова. Но в данном случае мы не хотели применять её без крайней необходимости... Дайте иглодержатель.

Сестра вложила ей в руку держатель с кривой иглой, похожей на рыбью кость. Кудинова поднесла её к сердцу...

И вдруг сердце остановилось. Оно перестало трепетать, словно не захотело жить у всех на виду. Жизнь ушла.

Это было в 12 часов 26 минут. Кудинова взглянула на

часы. Она потратила одну секунду на это движение именно потому, что сейчас секунды решали все. Остановка сердца, прекращение дыхания носит название клинической смерти. Человек уже мертв. Но жизнь вернется к нему, если дыхание и работу сердца врач сумеет восстановить. На всё это отведено пять-шесть минут. Через пять-шесть минут после остановки сердца начинает умирать мозг. Это уже окончательная смерть — неотвратимая. Зная это, Кудинова прежде всего взглянула на часы.

Все врачи видели, что сердце остановилось. Прошелестел единый вздох.

— Адреналин! — потребовала Кудинова.

Адреналин — секрет надпочечной железы — возбуждает сердце. Когда мы волнуемся, в нашей крови — избыток адреналина. Иногда он помогает при остановке сердца: дает нужный толчок.

Не очень твердыми руками молоденькая сестра вручила Кудиновой заранее подготовленный шприц. Кудинова повторила впрыскивание несколько раз, но адреналин не помог. На это ушла одна минута.

В некоторых случаях полезно вливать кровь небольшими порциями в ритме обычной работы сердца. Поступающая кровь толкает сердце, как бы побуждает его начать работу. На вливание ушло полторы минуты. Напрасно!

Иногда помогает прямой массаж сердца: легкое сжатие или поглаживание. Смысл тот же: возбудить сердце, ввести его в привычный темп.

На массаж ушли третья минута и начало четвертой.

Никто не проронил ни слова. Медики молча следили за этой роковой борьбой: Кудинова против смерти один на один. Все лица застыли. Только глаза переходили с рук хирурга на часы и обратно. Старый врач, стоявший у стены справа, вздохнул и опустил голову. Он знал, как часто раненные в сердце кончают жизнь на операционном столе.

Пошла четвертая минута. Это означало, что через три минуты Кудинова может положить инструменты и снять халат, забрызганный кровью. А сам он — лечащий врач —

должен будет идти вниз и сообщить страшную правду Сергею, который сейчас, ничего не подозревая, мечется в маленькой приемной, как зверь, запертый в клетку, полный сил и беспомощный.

— Ещё раз адреналин! — сказала Кудинова хрипловато.

А четверть минуты спустя, когда и это впрыскивание не помогло, она метнула быстрый взгляд на часы, на неподвижное сердце и сказала громко:

— Осталось полторы минуты. Откладывать нельзя! Включайте насос, сестра!

Никелированный насос пришел в движение. Большой поршень с чавканьем потянул из сосуда консервированную кровь. Кудинова соединила шланг с аортой. Поворот крана — и кровь горячей струей побежала из резервуара в аорту Валентина. Та же операция производится с главной веной. И все видят, как начинают розоветь неестественно бледное лицо и синеватый кончик носа. А ещё через минуту вздрагивают губы, напрягаются мышцы шеи, как будто Валентин хочет глотнуть, и приоткрытым ртом он втягивает воздух.

Это первый вдох в его новой, возвращенной жизни.

Странные вещи творятся с Валентином: он лежит на столе без дыхания, но живой, а жизнью его заведует никелированный аппарат с двумя поршнями: большим и маленьким, — металлическое электросердце системы профессора Бокова.

В организме человека сердце занимает особое место. Это единственный из внутренних органов, у которого ткани такие же, как у мускулов. Подобно мускулам сердце выполняет главным образом механическую работу — сжимается и разжимается. Именно поэтому создать искусственное сердце неизмеримо легче, чем искусственный желудок, почки или печень.

По существу, сердце — насос, даже двойной насос. Одна половина гонит испорченную кровь в легкие для очистки, другая — чистую кровь в организм для питания клеток и тканей.

Электросердце профессора Бокова представляло собой тоже двойной насос, который черпал кровь и глюкозу из специального резервуара.

Но хотя многие машины сложнее сердца, сердце превосходит любую машину своей прочностью и работоспособностью. Ни одна металлическая машина не способна работать непрерывно десятки лет без чистки, смазки, без ремонта и проверки, делая зимой и летом, днем и ночью около восьмидесяти движений в минуту. Поэтому блестящее, красивое на взгляд, металлическое электросердце осуществляло вспомогательную задачу — поддерживать жизнь, главным образом жизнь мозга, пока не возьмется за работу отдохнувшее, починенное сердце Валентина.

Хотя Валентин уже дышал сам, в помощь искусственному сердцу работали и искусственные легкие. Они были устроены очень просто: в большую стеклянную банку сверху поступала отработанная кровь, а снизу вдувался кислород. Стекая по кислородной пене, темная кровь очищалась, становилась светло-красной, обогащалась кислородом, а затем металлическое сердце всасывало её из стеклянных легких и направляло в аорту.

Кудинова получила передышку: аппараты вернули жизнь Валентину, и она могла не торопясь починить сердце, зашить его шелковинкой и вложить в грудную клетку.

Но зашитое сердце не шевелилось, хотя сквозь него непрерывно текла свежая кровь. Можно было подумать, что оно нарочно дожидалось, пока придет Кудинова, и, истратив последние силы, остановилось, сложило с себя ответственность за жизнь Валентина, передало её врачу.

А в распоряжении Кудиновой были те же самые противоречивые средства — либо возбуждение сердца: нагнетание крови, массаж, адреналин, либо полный покой, в надежде на то, что предоставленное самому себе сердце, отдохнув, по собственному почину возьмется за работу.

Но через сколько минут возьмется? Кудинова знала: это может случиться не скоро. Бывали операции, когда сердце

начинало работать через час. В опытах с животными — ещё позже.

«Неужели целый час я буду с тревогой глядеть на сердце и гадать: оживет или не оживет?» — подумала Кудинова.

И всё же она начала с лечения покоем. Всегда лучше, если организм справляется с бедой самостоятельно. Пятнадцать минут она ожидала, держа на весу руки в окровавленных перчатках и поглядывая то на часы, то на сердце, — но сердце Валентина бездействовало.

Кудинова применила массаж... Без успеха. Адреналин... Впустую. Крайнее средство — электрический разряд... Никакого результата.

Ещё двадцать минут полного покоя... Сердце лежало недвижно.

Всё чаще слышались сдержанные вздохи врачей. Они понимали Кудинову и сочувствовали ей. Больной, очевидно, безнадежен, но, несмотря ни на что, врач обязан всё снова и снова пытаться спасти его всё теми же не оправдавшими себя средствами. И всё ниже опускал голову добродушный дежурный врач, которому предстояло утешать Сергея.

Кудинова хранила маску спокойствия, но в душе её все кипело. Какая нелепая беспомощность! Упрямое сердце отказывается жить, а она не может заставить его работать, не умеет пустить в ход.

Час уже прошел, начинается второй... Валентин дышит, лицо его порозовело. Но всё это держится на металлическом насосе. А насос работает с присвистом — эта машина не так долговечна, как сердце. Надо бы остановить его и показать механику.

Но это значит остановить жизнь Валентина...

Адреналин! Массаж! Повысить давление!

При повышенном давлении проступает кровь. Значит, Кудинова не всё зашила, есть разрывы внутри.

Но тогда не остается ничего, кроме...

Кудинова берет в руки стеклянную банку, где бьется чужое сердце, единственное сердце, которое бьется спокойно и бесстрастно в этой комнате.

— В сердце больного необратимые изменения, — говорит она вслух. — Я считаю, что его необходимо заменить другим, здоровым сердцем. Это единственный выход.

Много путей связывают сердце с организмом: аорта, которая несет кровь из сердца; полые вены, несущие кровь в сердце; легочные вены и артерия, связывающие сердце с легкими; вены и артерии, снабжающие кровью сердечные мышцы, и, наконец, два главных нерва (не считая второстепенных): один — ускоряющий работу сердца при волнении, усиленной работе или во время болезни, другой — замедляющий. Все эти важные пути Кудинова должна была восстановить, чтобы связать организм Валентина с его новым сердцем. По существу, надо было сделать несколько сложных операций. Из них самой опасной была первая — сращивание аорты.

Чужое сердце хорошо улеглось в груди Валентина; только когда Кудинова взяла его в руки, оно на секунду замерло, как бы испугалось. Но чтобы соединить это сердце с аортой Валентина, нужно было на полминуты прекратить движение крови — лишить питания и сердце и мозг. К счастью, в распоряжении Кудиновой был советский аппарат для сшивания сосудов. Ей не нужно было работать иглой и ниткой — только вложить кончики сосудов в аппарат, нажать рукоятку, и металлические скобки прочно соединяли разрезанные сосуды.

Так, одна за другой, прошли все нужные операции, в том числе самые сложные — соединение нервов. Впрочем, в отличие от сосудов, которые включались в работу сразу, нервы должны были ещё срастаться много недель.

Всё это заняло около трех часов. Уже в начале четвертого, бросив последний взгляд на ровно бьющееся сердце, Кудинова закрыла грудь тем же лоскутом кожи. Самое тревожное прошло. Она чувствовала себя неимоверно усталой. У неё дрожали руки к колени. Ей очень хотелось присесть хотя бы на минутку...

Но вот наконец шов наложен. Сестра прикладывает марлевую наклейку на желтую кожу.

Валентин лежит с полузакрытыми глазами, дышит еле-еле, но лицо у него розовое, потому что его второе сердце работает отлично, усердно гонит кровь по сшитым венам и артериям.

Кудинова в изнеможении садится на стул.

— Будет жить!.. — говорит она усталым голосом. — Теперь главное — сон. Пусть спит двадцать часов в сутки. Старайтесь не давать снотворных. Темнота, тишина, черные занавески, ковер на полу. Никаких впечатлений, никаких разговоров — сон, сон, сон...

Говоря о сне, она прикрывает веки. У неё слипаются глаза. Из театра её повезли на аэродром; половину ночи она провела в самолете; с утра готовила операцию. Врачи жмут ей руку, но она не слышит поздравлений. Больше всего ей хочется спать.

— Мария Васильевна, вас к телефону!

— Кто там ещё? Когда же можно отдохнуть?

Но в трубке журчит такой родной и близкий голос любимого учителя:

— Маруся, я так волновался за тебя! Мне сказали: всё уже кончено.

— Александр Ильич, всё прекрасно. Ваш метод оправдал себя полностью. Больной будет жить.

— Спасибо, Марусенька, ты настоящий хирург! Теперь отдыхай хорошенько. Обнимаю тебя.

А вокруг неё уже толпятся местные врачи:

— Мария Васильевна, вы должны сделать нам доклад об этой операции!

— Каким образом вы сохраняете сердца?

— Можно ли выписывать их от вас?

— Сколько лет можно прожить со вторым сердцем?

И Кудинова отвечает всем сразу:

— Доклад я прочту. О сердцах расскажу. Жить можно сколько угодно, как с нормальным сердцем. Выписывать от нас нельзя: мы сами получаем сердца из клиники. Храним их в физиологическом растворе. Один изобретатель обещает нам изготавливать заводские сердца — стальные и серебряные

с гарантией на два года. Такие сердца были бы доступны всем. Но мы не знаем, сумеет ли он связать свой аппарат с живыми нервами. Пока это только проект, мечта.

— Еще один вопрос, Мария Васильевна! Шесть минут — попрежнему предел? Для нас, практиков, это неудобно. Мы не всегда успеваем приехать за шесть минут. По существу, ваш метод пригоден только для умерших на операционном столе.

— К сожалению, пока ещё шесть минут — предел, — терпеливо отвечает Кудинова. — Конечно, если организм очень силен и смерть наступила внезапно, можно вернуть к жизни и через десять минут. Но часто такие люди возвращаются к жизни с психической болезнью. Нежные клетки мозга уже начинают разрушаться необратимо. Работая без кислорода, они сами себя отравляют. Профессор Янковский из Киева полагал, что этого отравления можно избежать, прекратив работу клеток, как бы заморозив их. В этом направлении у нас работают, но пока что это удастся только в клинике.

— Скажите, Мария Васильевна, а можно всё-таки...

— Товарищи, товарищи, дайте отдохнуть нашему гостю!..

Дежурный врач старается оттеснить своих коллег в коридор.

Все возбуждены удачной операцией. Стоя в коридоре, врачи аплодируют. Победа Кудиновой — это их победа, победа медицинского искусства. Теперь даже смерть отступает перед хирургами!

Кудинова остается одна в пустой палате. Наконец-то она может прилечь... Сестра стелет чистую простыню на кожаный диван, спрашивает — не хочет ли доктор поесть. Теперь можно лечь, но Кудинова медлит; она выходит в коридор и заглядывает в соседнюю палату, где окна занавешены черными шторами. Там только один больной. Он тяжело дышит. Лицо его как маска, руки лежат недвижно...

Но Кудинова смотрит на окаменевшее лицо Валентина почти с нежностью. Этому человеку она подарила жизнь.

Он всё начинает сначала. Сейчас он беспомощнее ребенка: он умеет только дышать... Потом у него появятся робкие движения, он начнет шевелиться; позже он научится слышать, видеть, поникать, говорить. Все это произойдет постепенно, как у растущего ребенка, только гораздо быстрее... А потом с постели встанет живой и сильный человек, изобретатель Валентин Новиков, творец каких-то сложных, неведомых Кудиновой конструкций. Жалко будет, если он уйдет и не вспомнит о ней. Интересно бы проследить за его успехами.

И Кудинова с теплотой и гордостью думает обо всех своих больных: ученых, колхозниках, рабочих, мужчинах и женщинах, о всех, которым она, как мать, подарит жизнь.

«...Виноват я, и я несу ответственность... Никаких доводов в свое оправдание привести не могу, готов к суровому наказанию».

Вернувшись в гостиницу, Сергей подписал своё заявление, но почему-то сейчас эти слова, написанные с душевной болью несколько часов назад, не казались такими безнадежными. Да, он будет отвечать... но операция сошла благополучно. Он понесет суровое наказание... но Валентин будет работать. Дело не заглохнет — есть кому оставить его, есть кому исправлять и вносить новые предложения. Валентин будет жить. Сколько прекрасного он сделает в своей жизни!

Он, Сергей, будет наказан. Возможно, его отстранят от должности, передадут его работу другому, но он тоже будет жить. Как бы сурово его ни наказали, его никогда не лишат чудесного права быть полезным. Он всегда будет делать дело, будет отвечать за сроки; с него будут требовать качество, спрашивать, почему он медлит; будут стоять над душой, возмущаться недоделками и рвать чертежи из рук. Где бы он ни работал, ему поручат нужное дело, и от него зависит делать это дело как следует...

— Чему же вы улыбаетесь? — спросил полковник, внимательно прочтя заявление Сергея.

— Операция прошла благополучно! — сказал Сергей.

— Вы очень любили вашего друга?

— Да, пожалуй, любил, если это слово обозначает мужскую дружбу. И ещё одно. Я радуюсь за дело. Валентин его не оставит...

Полковник внимательно посмотрел на Сергея и, сложив заявление вдвое, провел несколько раз ногтем по сгибу.

— Вы написали: «Готов к суровому наказанию», — сказал он после длительной паузы. — Правильно, вас нужно наказывать безжалостно! Какой вы руководитель? Вы шляпа, раззява, слепец!.. Столько лет вы работали рядом с врагом, советовались с ним, беседовали, пожимали ему руку и не могли понять, что перед вами не наш человек! У вас есть заслуги, но эти заслуги вы своими руками вручили врагу: «Нате, пользуйтесь, крадите и вредите!» По существу, вас надо снять с работы. Я уже запросил Москву насчет вас.

Сергей побледнел. Ему показалось, что пол качается под его ногами. Он крепко сжал пальцы, чтобы взять себя в руки. Что поделаешь! Он действительно был виноват.

— Я совершенно согласен с вами, товарищ полковник. Кому я должен сдать дела?

— Новый руководитель лаборатории ещё не назначен. Но есть более срочное дело. Прежде всего надо выполнить задание. Мы обещали ток потребителям Средней Азии. Они ждут, подготовили электрическую сеть, нельзя отбирать у них обещанную энергию. До первого мая есть ещё время. Сможете вы восстановить передаточную станцию и своевременно отправить ток?

Сергей не поверил своим ушам:

— Значит... продолжать... мне?

— Тут есть особые обстоятельства, и Москва учла их, — сказал полковник. Теперь он не казался уже таким суровым. — Когда ваш друг выздоровеет, мы разберемся во всех подробностях. Возможно, что Валентин Николаевич сам разоблачил врага. Всё это будет взвешено. А до той поры вам разрешается продолжать дело. Ваша работа будет проверкой. Мы посмотрим, глубоко ли вы поняли свою ошибку. Цените доверие и не злоупотребляйте им.

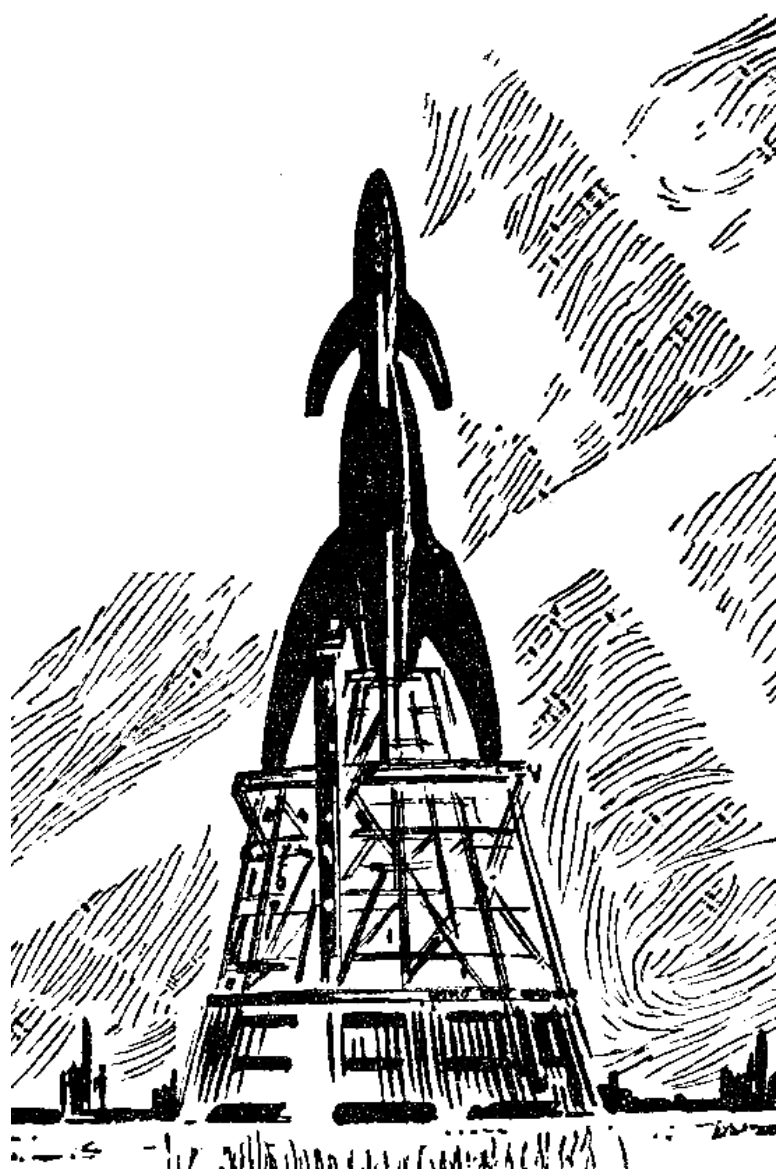
Выйдя от полковника, Сергей ещё раз позвонил в больницу.

— Больной спит, — ответили ему. — Температура тридцать пять и девять. Дыхание слабое... Но сердце бьется. Все будет в порядке.

Сергей с облегчением вздохнул полной грудью... Сердце бьется... Впереди долгие годы. Ещё можно работать, думать, ещё можно принести пользу родной стране, исправить ошибку, довести дело до конца.

Жизнь продолжается. Сердце бьется.

ГЕОРГИЙ ГУРЕВИЧ

ВОКРУГ СВЕТА В ОДИН ЧАС

Отрывок из фантастического романа

«Рождение шестого океана»

Рисунки Б. Резникова

ГЕОРГИЙ ГУРЕВИЧ

Вокруг света В ОДИН ЧАС

(Отрывок из романа «Рождение
шестого океана»).

Рисунки Б. Резникова

ВЫ вспоминаете, как это было? Под вечер, придя домой после работы, вы взглянули на часы, щелкнули выключателем телевизора, и как только лампы нагрелись, в рамке появилась миловидная женщина.

— Внимание, товарищи! — сказала она. — Сегодня мы проводим внестудийную передачу с одного из подмосковных аэродромов. Будет передаваться репортаж о скоростном полете вокруг света в один час. Аэродром будет включен через несколько минут без дополнительного предупреждения.

Вокруг света в один час! Вы забыли об ужине, бросились закрывать окна темными шторами. В комнату вошли сумерки. На светящемся серебристо-зеленом экране чернели отчетливые буквы: «Вокруг света в один час».

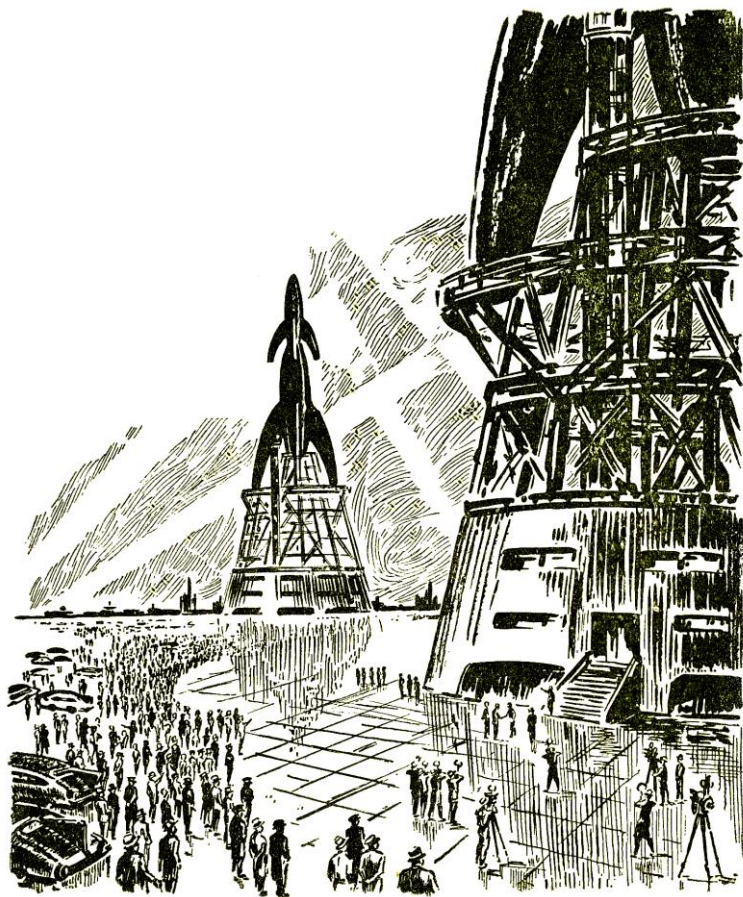
В один час! Вам вспомнились героические подвиги прошлого: кругосветное путешествие Магеллана — три года в океане. Отплывает триста человек, возвращается шестнадцать. Затем многолетние плаванья Дрейка, Кука, Головнина, Крузенштерна, Беллинсгаузена. В прошлом веке Жюль Верн, сидя за письменным столом, совершил путешествие вокруг света в 80 дней. Тогда 80 дней были фантастическим сроком. А сегодня — «в один час». Маловат стал земной шар для путешественников.

Потом надпись исчезла. Вам показали пустое зеленое поле (надеюсь, телевизор у вас цветной!). В середине его возвышались две заостренные башни, как бы два восклицательных знака. Не самолеты, какие-то крылатые трубы! Да-

же не верилось, что эти громоздкие сооружения способны подняться в воздух.

Появился диктор, в берете, надвинутом на лоб, в развевающемся плаще, с микрофоном в руках.

— Вы видите перед собой, — начал он, — ионопланы ИР-72 — новейшие высотные самолеты конструктора Иринина. Ионоплан — разновидность двухступенчатой ракеты. Внизу находятся так называемые самолеты-матки. Они должны поднять на высоту 25 километров пассажирский самолет.

Только теперь вы разглядели на вершине летающих башен добавочные крылышки. ИР-72 были надеты на тяжелые самолеты-матки, как набалдашник на палку, как шляпа на голову.

— Покинув свои летающие аэродромы, — продолжал диктор, — ИР-72 разовьют поистине сказочную скорость — около 28 тысяч километров в час. При этом ИР-72 могли бы и без дальнейшей затраты горючего совершить сколько угодно кругосветных полетов подряд. Но так как опыты требуют непрерывной работы двигателя, ионопланы полетят не как спутник — не по большому кругу, а прямо на восток, и окажутся над Москвой через 47 минут.

Потом вас познакомили с участниками полета. На экране прошли один за другим конструктор Иринин, летчик-испытатель Туляков и наблюдатели Новиковы — Сергей и Валентин. Конечно, вы не раз слышали фамилию Иринина, чьи самолеты появлялись ежегодно на Тушинском празднике. Знали вы и Героя Советского Союза Тулякова — участника арктических, антарктических, высотных и беспосадочных перелетов. Но что это за Новиковы? Такие молодые! За что им такая честь?

И диктор, видимо, не знал их.

— Вы братья? — спросил он.

Валентин улыбнулся, а Сергей поморщился. Вероятно, такой вопрос задавали им постоянно.

— Разве мы похожи? — спросил Сергей.

— Мы только однофамильцы, — терпеливо объяснил Валентин. — Но мы учились в одной школе, кончили один и тот же институт и сейчас вместе работаем... над одной проблемой.

— Ваше участие в полете связано с этой проблемой?

— Да, связано. Мы будем испытывать в ионосфере нашу аппаратуру.

Здесь диктора попросили не задерживать путешественников. Интервью кончилось.

Как водится, перед отлетом состоялся митинг. Полковник Рокотов, ведавший организацией полета, сказал в за-

ключение: «Прощаться не будем. И провожающих попросим не расходиться. Через час после проводов будет встреча».

Затем вам показали, как Рокотов пожимал руки всем четверым, и как путешественники расходились по своим самолетам: Иринин и Сергей Новиков пошли к ионоплану номер один, Туляков с Валентином — к номеру второму.

Затем предоставили слово сирене. Она завывала тревожно, и поле опустело, как будто сирена вымела его. Вспыхнул огонь, заметный даже при дневном свете. Ракета вздрогнула, как бы приготовилась к прыжку. И вдруг вы увидели, что она уже в воздухе. Громоздкое сооружение повисло над землей. Поползла по траве длинная тень, похожая на меч.

Ракета все уменьшалась. Труба превратилась в сверло, в карандаш, в иглу. Высоко-высоко стальная игла впилась в пухлые облака. И нет ее. Прошла насквозь, ушла в заоблачный мир.

НА ЭКРАН вернулась женщина. «На этом мы заканчиваем передачу о кругосветном полете, — сказала она. — А сейчас слушайте первое действие оперы «Русалка», которую мы транслируем из Государственного Академического Большого театра. Продолжение внестудийной передачи о прибытии кругосветных путешественников смотрите в антракте между первым и вторым действиями».

И зеленое поле сменилось сценой с фанерными деревьями, среди которых расхаживал бас в бутафорских лаптях, возмущаясь тем, что ему нужно твердить одно и то же сто раз, сто раз, сто раз, сто-о-о раз!

Никогда еще не было у него таких невнимательных слушателей. Во всех концах города юные любители техники тербили своих музыкальных сестер, спрашивая:

— Долго он будет твердить одно и то же? Когда же кончится действие?

— Дайте же послушать! — возмущались музыкальные сестры. — Действие кончится, когда он сойдет с ума.

— И скоро он сойдет с ума?

Наконец, вывернув руки наподобие крыльев, бас рванулся, чтобы прыгнуть за сцену. Хористы подхватили его, занавес сдвинулся. А вы все сидели, не шелохнувшись, и глядели, как неощутимый ветер шевелит тяжелые складки.

Занавес показывали до неприличия долго. Наконец, кто-то невидимый вздохнул: «Ничего не поделаешь, выходите!» И диктор вновь появился перед вами.

— Внимание! — сказала она. — Назначенная ранее вне-студийная передача по техническим причинам отменяется. О кругосветном полете мы вам расскажем завтра. А сейчас смотрите научно-популярный фильм «Торфоперегонные горшочки».

Она замолкла, и кажется, на ее лице на этот раз не было приветливой улыбки. А что такое «технические причины»? Она так и не разъяснила.

В ПЕРВЫЕ минуты связь работала безукоризненно. Аэродром получал подробные сообщения, в особенности от Валентина. Он оказался добросовестным и словоохотливым корреспондентом.

Вот отрывки из его сообщений:

Высота три километра. Мы поднимаемся быстро и без приключений. «Все идет нормально», — говорит Игорь Иванович Туляков. Но я в воздухе все еще новичок, и это «нормальное» кажется мне прекрасным и удивительным.

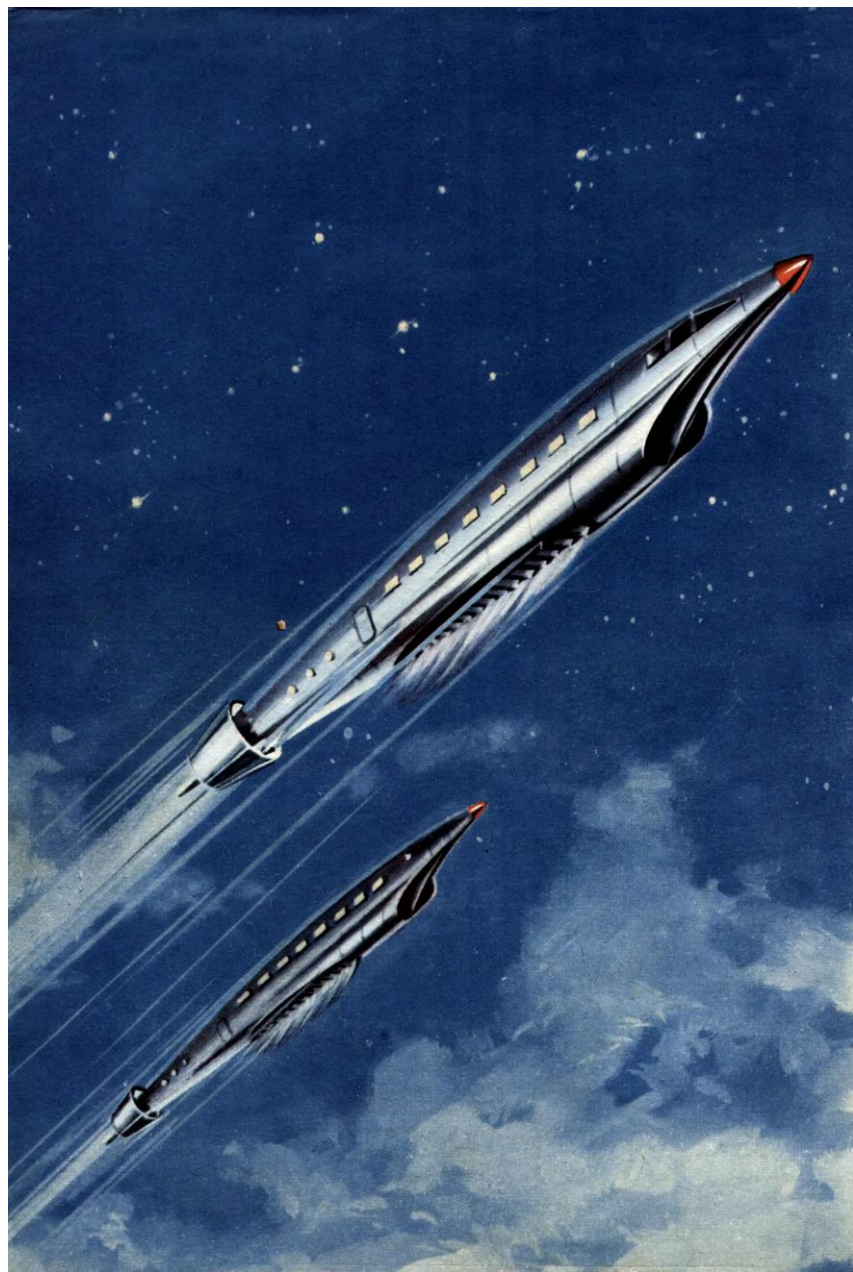
Удивительное начинается на аэродроме. Вы сидите в мягком кресле, где-то внизу ревет двигатель. И вдруг под вами крыша аэропорта и площадь с игрушечными автомобильчиками. Крыши и автомобильчики съеживаются, земля проваливается. Вы все выше, а высота ощущается меньше. Самолет все так же нутужно рычит, как грузовик на подъеме. Внизу панорама, похожая не на землю, а на узор, украшение, лоскутный ковер, на макет, стоящий под стеклом в музее.

Затем макет заволакивается дымкой, под нами проносятся клубы пара, и мы погружаемся в туман. На крыльях мелкие капельки, как роса. Но это ненадолго. Туман уходит вниз, и мы оказываемся в чуждой, непривычной стране. Облака, освещенные солнцем, сверкают, как снежные холмы в ясный зимний день. Только холмы эти аккуратно подстрижены, все они плывут на одном уровне, образуя ровный белоснежный этаж. А в просветах между облаками виднеется подвал — голубовато-зеленый с темными пятнами озер и светлыми разводами дорог.

12 километров. О быстроте подъема можно судить по приборам. И в барометре, и в термометре ртуть безостановочно ползла вниз. На высоте 4 километров мы вступили в зиму — температура упала до нуля. На 7 километре — минус 17 градусов. Тем, кто сегодня загорал и купался, кто жаловался на жару и духоту, странно было бы вспомнить,

что всего лишь в 7 километрах от них такой трескучий мороз.

На 10 километре ртуть замерзла, пришлось обратиться к электрическому термометру. Сейчас он показывает минус 49. Небольшой подъем — 47 градусов. Это тропопауза — нижняя граница стратосферы. Теперь — минус 51. Опять 51. Все еще 51. Температура установилась. Стало быть, мы в стратосфере.

Высота 24 километра. Сейчас во всем мире только мы четверо забрались так высоко. Второй ионоплан я вижу выше и левее. Освещенный солнцем, он блестит, как стальная игла на темно-синем шелке неба. За ним тянется хвост снежно-белого пара, такого же яркого, как облака. Над нами удивительное небо стратосферы. В зените оно почти черное, с лиловатым оттенком, похожее на засохшие чернила, ниже — темно-синее, ближе к горизонту — обыкновенного голубого цвета. Довольно резкая граница отделяет лазурную стратосферу от белесой мутной тропосферы. Где-то там, в мутной дымке, воздух переходит в землю. Если бы он был прозрачнее, мы видели бы километров на 500 Москву, Горький и Киров одновременно. Но все эти города теряются в голубом тумане.

Высота 25 километров. Наш летающий аэропорт явно выдыхается. Задирает нос и тут же проваливается. За окном видно, как ныряет второй ионоплан, кажется, что он прыгает по волнам. Пора оставить матки и начать самостоятельный полет.

Минуту спустя. Да, действительно, набирать кругосветную скорость нелегко. Меня вдавило в кресло. Ощущение такое, как будто тебя завалили матрацем и сели сверху. Трудно дышать, руки словно привязаны, даже головой ворочать не хочется. Туляков привычнее, он следит за приборами, двигается, а я никак не справлюсь с утроенным весом, едва дышу.

66 километров. Немного свыкся с перегрузкой. Могу хотя бы разговаривать. Над нами ночное звездное небо. Звезд очень много. Возможно, видны и телескопические, но

я не астроном и не знаю, какая звезда шестой величины и какая — седьмой.

Время от времени огненные черточки разрезает небосвод. Это метеоры. Они вокруг нас, выше, ниже. Мы видим метеорные следы в натуральную величину — огненные нити в десятки километров длиной. Они возникают мгновенно. Кажется, будто острое лезвие распоролло небосклон, и на царاپине проступила кровь. Звездное небо! Огненные нити! Добавьте к этой картине заход. Сейчас Солнце уже погрузилось в тропосферу, и вся она светится изнутри. Розовое море под черным ночным небом.

80 километров. Мы покинули стратосферу и входим в ионосферу. Здесь мы перейдем на горизонтальный полет и приступим к опытам:

Восьмидесятый километр — любопытная граница. Здесь загорается большая часть метеоров, и здесь же проходит нижняя граница полярных сияний. Здесь же плавают таинственные серебристые облака. Может быть, сегодня мы узнаем о них кое-что.

Сейчас берем пробу воздуха... если можно назвать воздухом вакуум, где давление в 20 тысяч раз меньше, чем у Земли. Между прочим, отсюда хорошо видно, что Земля выпуклая. Чтобы убедиться в этом, не надо было совершать кругосветное путешествие, достаточно было подняться на 80 километров.

По-прежнему все небо исчерчено огненными нитями. Их больше, чем мы рассчитывали. Боюсь, что это настоящий звездный дождь...

ВСЯ передача слышна была плохо. Отдельные слова пропадали, приходилось догадываться по общему смыслу.

— В чем дело? — строго спросил Рокотов. — Почему теряете время?

— Помехи какие-то, — оправдывался радист. — Они уже вошли в ионосферу, и короткие волны отражаются.

— А длинные?

— И длинные не берут.

— Хорошо, я свяжусь со Свердловском. Пусть ищут локатором.

Полковник Рокотов перешел в соседнее помещение, где стояли телефонные аппараты. Тут же висела схема маршрута, по которой слева направо, от Москвы к Москве продвигался алый огонек.

Скорость полета была так велика, что даже по схеме можно было на глаз заметить перемещение огонька. Еще заметнее это было тому, кто слушал голос полковника Рокотова. Только что он вызывал Омск, минуту спустя — Новосибирск. Еще минута, и Новосибирск уже ничего не может сообщить. Полковник требует Красноярск, Братск. И еще через несколько минут Сахалин, а затем Петропавловск-на-Камчатке.

Сведения поступали скудные. Да и то сказать, ионопланы нелегко было найти. За Уралом они догнали вечер и, погружившись во тьму, сами стали невидимыми. Шли они на большой высоте, а небосвод пересекали минуты за четыре, так что и локатор не успевал их засечь.

Омск как будто бы видел ионопланы в телескоп, Красноярск как будто бы поймал их локатором. Впрочем, шел настоящий дождь метеоров, и весь экран локатора был в пятнах. А Братск как будто бы уловил слова: «Валентин, слышишь ты меня, почему не отвечаешь, Валентин?»

Почему же Валентин не отвечает? Что могло случиться? Пожалуй, когда идет метеорный дождь, случиться может самое плохое.

Полз огонек по схеме, минутные стрелки ползли по часам. Минутная стрелка должна была сделать один круг на циферблате, ионопланы — один круг вокруг земного шара.

На Байкале была полночь. Здесь ионопланы перешли в завтрашние сутки. Но в будущем они оставались недолго — минут восемь. Над Тихим океаном их встретило утро. Это было утро сегодняшнего дня. Из будущего путь шел в прошлое. Еще пять минут, и они над скалистыми островами

Аляски. Когда-то русские мореплаватели тратили два-три года, чтобы добраться до этих островов. Еще пять минут — студёный Гудзонов залив. Внизу пустынные леса Лабрадора — там, к сожалению, нет наблюдателей. Атлантический океан. Может быть, в Европе заметят ионопланы? Рокотов запрашивает Ирландию, Шотландию, Данию, Швецию. Но над Западной Европой пасмурно, над Балтикой дождь и туман...

Минутная стрелка описала почти полный круг. По графику ионопланы сейчас над Литвой. Оттуда начинается торможение. Огненные газы, вылетающие из двигателя, должны быть видны на фоне вечернего неба.

— Ищите! — кричит Рокотов, выбегая на площадку.

Площадка похожа на боевой пост. Два телескопа, словно орудия, нацелились на запад, локатор ворочает свои решетчатые антенны, радисты, присев у аппаратов, грустно и монотонно зывают: «Я Земля, я Земля. Небо, слышите вы меня? Слышите вы меня, Небо? Отзовитесь, Небо!»

— Товарищ полковник, вас к телефону.

Рокотов поспешно схватил трубку.

— Рокотов у телефона. Кто вызывает? Почему Сарапул? Тише, товарищи, не шумите. Да, слышу: парашют с тяжелым грузом. Да, если очень большой парашют, может быть, и наш. Немедленно шлите машину и врача! Давно послали? Молодцы! Да, я жду у телефона.

Наблюдательная вышка насторожилась. Все зашептались: «Парашют... Сарапул...» Даже радисты перестали звать: «Небо, я Земля. Небо, слышите вы меня?»

— Да, я у телефона, — сказал полковник через некоторое время. Затем он выругался и с треском повесил трубку.

— Пустой бак от горячего, — объявил он. — Только сейчас спустился.

А между тем, прошли две минуты — те минуты, когда по графику ионопланы обязаны были вырваться из-за туч и в пламени взрывов, замедляя ход, повиснуть над аэродромом. Но пламени не было, не было взрывов, не было кругосветных путешественников.

По темнеющему небосводу плыли зловещие чернотные облака с багровой опушкой снизу. Небо казалось глубоким, как океан. Где-то там наверху, в бездонной синеве, затерялись два ионоплана — две крошечные стальные иголки. Что с ними случилось? Не утонули же они в воздухе. Опустятся рано или поздно. Только хотелось бы не рано и не поздно, а своевременно.

Корреспондент телевидения нерешительно подошел к полковнику.

- У нас передача назначена... — начал он.
- Ах, не до вас. Отмените передачу...
- Что же могло случиться, товарищ полковник?..

— Мало ли что. Люди впервые летят в ионосфере вокруг света. Кто знает, что там есть непредвиденного...

— А метеорный поток — большая опасность?

С тоской и надеждой наблюдатели смотрели на небо. Так хотелось, чтобы вот сейчас из-за туч полыхнул сноп огня и черные крылатые снаряды с воем пронеслись над землей. Вот сейчас. Пора уже! В следующую секунду. Через пять секунд...

— Товарищ полковник, вас вызывает Омск. Они приняли радиogramму.

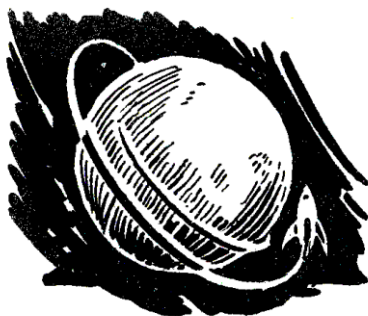
— Радиogramму! Наконец-то! Но почему из Омска? Вынужденная посадка? Катастрофа? Потеряли управление?

Громким голосом Рокотов читает вслух:

— Из-за неполадок в аппаратуре не сумели закончить опыты. Решили продолжать полет, совершить еще один круг без затраты горючего. Все благополучно. Настроение бодрое.

Иринин, Туляков, Новиков В., Новиков С.

ТАК закончилось первое кругосветное путешествие в один час, так было начато второе. Но о нем мы не собирались рассказывать, мы хотели сообщить только о самом первом.

ГЕОРГИЙ ГУРЕВИЧ

ШЕСТОЙ ОКЕАН

Отрывки из романа
«Рождение шестого океана»

Художник И. Ушаков

ЛИТЕРАТУРНЫЕ
СТРАНИЦЫ

Шестой океан

В этом номере журнала мы рассказывали вам о том, как воплощается мечта о России электрической.

Но воплощение рождает новые мечты, еще более значимые. На тысячи километров передается ток с Волги в Москву. В лабораториях ученых рождаются планы электропередачи на два тысячи километров и еще дальше.

А писатель Г. Гуревич, автор научно-фантастического романа «Рождение шестого океана», мечтает о том, чтобы можно было передать ток на любое расстояние... без проводов, чтобы над всей нашей планетой был неисчерпаемый электрический океан, по счету шестой.

Ничего мы здесь отрываем из этого романа.

Г. ГУРЕВИЧ

Рисунки И. УШАКОВА

Вулкан не пожелал подчиняться людям, стать рядовым работником Единой Электрической Сети, терпеливо крутить турбины, превращая в киловатт-часы свое жаркое дыхание. Вулкан капризничал, и Сергею Новикову не давали тока.

Строители улетели на вертолете исправлять аварию. Сергей остался в землянке один. Электрическое ожерелье дорог погасло. Темнело. Голубые тени на снегу стали синими, потом лиловыми. Громада горы, заслонявшая половину небосвода, казалась угрюмой, мрачной. Сергей, волнуясь, шагал по землянке. Зря послали его на этот ненадежный вулкан. Соблазнились высотой — башню не надо строить, можно успеть к намеченному сроку. А на деле получилось хуже, подвели сами себя. Ток надо было взять от старой, давно работающей станции, Куйбышевской, например.

Мысленно, он уже сочинял записку в Министерство Электростанций, не то жалобу, не то просьбу о надежных тылах:

«После неудачи первого опыта недопустимо было ставить беспроводную передачу в зависимость от капризов

вулкана. Кажущееся преимущество высокогорного района, который позволил удовлетвориться низкой вышкой, сведено на нет...»

— Контора? Контора, алло! Дайте же мне главного инженера.

На узком экранчике телефидефона показалось надменное лицо секретарши с ярко-черными губами.

— Главный инженер занят. Он сам позвонит вам. Ждите!

Что мог предпринять Сергей? Терпеливо ждать — и только. Его судьбу решали другие люди, где-то далеко в толще горы. И главное, он один: Валентина нет рядом. А Валентин что-нибудь придумал бы, Сергей так верил своему другу.

* * *

Они познакомились мальчишками, еще в школе. Кажется, это было в восьмом классе. Валентин жил тогда на окраине Москвы, в одном из тех районов, которые росли беспрерывно, тесня пригородные поля. Нарядные новенькие дома наступали сомкнутым строем, клином врезались в огороды, брали в окружение допотопные дачки с террасками, сарайчики, облупленные бараки, сокрушали их на своем пути. Там, где еще весной буксовали самосвалы, свозившие в овраг желтую липкую глину, осенью автокраны устанавливали деревья, привезенные из лесу. Там, где весной экскаваторы рыли котлованы, осенью к свежеокрашенным дверям подъезжали грузовики с полосатыми матрацами, шкафами и темно-синими связками энциклопедии. И видя эти грузовики, школьники знали, — через несколько дней к ним наверняка придут новички — ребята из только что заселенного дома.

Так пришел в школу и Сергей... В его памяти возникает шумный класс. Посередине — он, новичок, настороженный, колючий, готовый к отпору. Ребята сказали: «А у нас уже есть один Новиков». Тот прибежал веселый, с блестящими глазами, дружелюбно улыбнулся ошетинившемуся новичку,

пригласил на свою парту, сказал: «Давай мы, Новиковы, вызовем весь класс на соревнование».

Дружба началась с пустяка, со случайного совпадения фамилий. Новиковы вместе ходили в кружок авиамоделлистов, в музей и на стадион. Потом друзья, сидевшие в школе на одной парте, оказались за одним столом в институте, потом оба получили путевку в Новосибирск, в Институт экспериментальной энергетики.

* * *

Заводом открытий можно было назвать этот Институт. Здесь каждый опыт ставился щедро. Каждый проект, каждая идея проверялась на громадных моделях. Модели по чертежам изготавливали автоматические станки, ход испытания записывали автоматические приборы. Автоматические вычислительные машины по записям производили расчеты, печатали таблицы... человеку оставалось только сделать выводы.

По существу, это был не институт, а целый городок, посвященный науке, где разрабатывались способы получения и использования всех видов энергии. Здесь изучался «голубой уголь» — энергия ветра; «желтый уголь» — энергия солнца; «белый уголь» — энергия рек; «синий уголь» — энергия приливов; «жидкий уголь» — нефть; черный и бурый каменные угли, «серый уголь» — торф и т. д. Специальный корпус был отведен для атомной энергии. Потом, уже после прибытия Новиковых, открылся еще один корпус — для Института дальних передач.

Именно тогда Сергей впервые увидел академика Ахтубина, директора Энергетического городка.

Вышел на трибуну старик, совсем седой, но прямой, представительный, быстрым пронизательным взглядом окинул аудиторию, широким жестом показал на красное полотнище над сценой.

— Вот,— сказал он.— Я приказал повесить этот лозунг во всех корпусах. «Превратим институт в первоклассную школу советских энергетиков». Это для вас, молодежь. Не

воображайте, будто учение заканчивается дипломом. Мы все собрались здесь, чтобы учиться...

Но слово школа имеет и другое значение. Школа — в смысле коллектив мастеров, равных по силе друзей — соперников, которые, соревнуясь и обгоняя друг друга, идут вперед. Загляните в историю, и вы найдете десятки примеров. В крошечных итальянских городишках эпохи Возрождения существовали Сиенская школа художников, Болонская школа художников. Вспомните, наконец, о наших великих художниках, сколько их было в одной группе Передвижников! На равнине не бывает снежных пиков. Величайшие в мире вершины, все до единой, находятся в горных странах. Величайшие в мире творцы, в большинстве, выросли в школах.

Мы поставили рядом семь корпусов, где люди занимаются несхожими, мало связанными, даже противоречивыми делами. Поставили рядом, чтобы вы были в курсе чужих дел, вмешивались, советовали, критиковали, не оставляли бы новых товарищей в покое и одиночестве. Дальние передачи электроэнергии — наше общее дело. Пока не решена полностью проблема дальних передач, не имеет смысла строить ваших станций в Арктике, товарищи ветротехники, ваших станций в пустынях, товарищи гелиотехники, ваших плотин на Лене, товарищи гидротехники. Пока не решена проблема дальних передач, мы не можем отдавать излишки нашим зарубежным товарищам, нашим соседям, тем более, таким странам, которые не имеют общей границы с нами. Вот над чем надо поломать вам голову, молодежь.

* * *

Академик Ахтубин сказал: «Вмешивайся в чужие задания, ломай голову над большими проблемами, дерзай, молодой инженер Новиков!»

Сможет ли он стать изобретателем? Но вопрос поставлен иначе. Сергей должен стать. Это его служебное задание. Иначе его надо отчислить из института, как не справившегося.

Проблема сверхдальних передач. Что он может предложить? Переменный ток? Постоянный ток? Сверхпроводники? Передача без проводов электромагнитными волнами? Радиоволны? Токи высокой частоты? Сверхмощные аккумуляторы? Электризация воздуха? Все варианты известны. Победить затруднения, устранить недостатки? Но ученые всего мира десятки лет работают, чтобы устранить недостатки. Не получается пока.

Размышления Сергея прервал второй Новиков. Валентин шел в лабораторию на ночное дежурство. На собрание он не попал, и речи Ахтубина не слышал.

— Что такое, заветная тетрадка на столе? — спросил он. — Какая проблема сегодня? Дальние передачи? И уже подведена черта? Все способы исчерпаны?

— Да и ты тоже ничего не придумашь. Все предложено без тебя.

— Посмотрим. Про ионизацию воздуха не забыл? Молния так идет: сначала ионизирует воздух, потом бежит по заряженной дорожке.

— Опять про молнию! Энтузиаст своей лаборатории! (Валентин работал в лаборатории грозозащиты). Есть уже ионизация. Испробована. Невыгодно оказалось. Энергии тратится много.

— Энергию можно и не тратить. Вот в верхних слоях — в ионосфере — весь воздух электропроводен. Веди ток, куда хочешь — из Иркутска в Москву, из Москвы в любую страну.

Мысли возникали у Валентина в споре. Он высказывал их, не взвешивая возможные возражения. Про ионосферу он сказал просто так, для примера, и только после этого подумал:

— И правда, хорошо получилось бы: ни моря, ни расстояния, ни границы — не помеха.

— Пустые фантазии! — проворчал Сергей.

Он сердился... Ему казалось, что Валентин опешляет серьезные размышления.

— Почему фантазии?

— Ток не пойдет.
— Почему?
— Проводимость мала.
— Проводимость примерно, как у почвы. Толщина — десятки километров.
— А вот я посчитаю. Цифрам ты поверишь?
— Посчитай, посчитай. А я завтра зайду подразнить тебя.

* * *

Под утро, вернувшись с ночного дежурства, Валентин застал друга за письменным столом.

— Ну как моя ионосферная передача? — спросил Валентин.

Сергей посмотрел на него покрасневшими от бессоницы глазами.

— А как ты думаешь сам? — спросил он. — Стоит посвятить жизнь этой проблеме?

* * *

Всю жизнь посвятить не понадобилось, но потрудиться пришлось изрядно. И настал день, когда Новиковы делали доклад в министерстве. Сидели за одним столом с академиками, краснея, слушали аплодисменты, по очереди отвечали на вопросы: Какие были помехи? Какие потери в цепи? Какие затраты на выпрямление? Как регулировалась передача?

Потом слово взял иностранный гость, смуглый человек, в турбане. Старательно выговаривая русские слова, он сказал, что его родина Джанджаристан (не ищите такую страну на карте. В 1960 году она еще не получила независимость и называлась иначе), с особенным интересом относится к передаче без проводов. У них нет общей границы с СССР. Но ток им очень нужен. Если бы можно было осуществить передачу без проводов!

Дальше пошел деловой разговор: откуда выгоднее взять ток, где имеется свободная энергия, где ставить вышки. И

подводя итоги довольно краткому обсуждению, председатель сказал Новиковым:

— Итак, энергию вы получите в Мезени, на новой электростанции. Там сейчас стройка. За одну зиму обещают соорудить плотину, к весне пустят турбины. Валентин Николаевич пусть едет туда, готовится принимать ток. А Сергею Федоровичу придется отправиться на юг, к нашим гостям, в Джанджаристан,

Стояла зима. Пухлый снежок падал на высоболенные тротуары. У подъезда Новиковых поджидала машина, но они отпустили ее, пошли пешком. Сергей шагал молча, солидно, как бы боялся расплескать радость. А Валентина так и распирало. Он снял шапку, подставил снежинкам разгоряченный лоб, потом вслед за мальчишками прокатился по замерзшей луже.

— Сережка, мне хочется что-нибудь выкинуть. Давай играть в снежки.

— Стыдись, ты же солидный ученый.

— А все-таки, молодцы мы с тобой!

— Только не смей зазнаваться!

— Все равно, я зазнаюсь. Я обязательно зазнаюсь!

* * *

Зазвонил телефон. Сергей схватил трубку.

Нет, это был не главный инженер. В трубке слышался голос Бха — переводчика Сергея. Он звонил из Джанджаристана. Бха справлялся, почему задерживается электрический ток. «Уже три часа, скоро вечер», — сказал он.

— Ждите! — распорядился Сергей. — Ждите всю ночь, если понадобится. Скажите нашим инженерам, чтобы не уходили, были готовы к приемке. У нас тут небольшие неполадки.

— Постарайтесь не задерживаться, — сказал Бха. — Тут все спрашивают, когда придет русский ток. Собрались в праздничных костюмах, с трубами и барабанами. Неудобно отменять праздник.

— А зачем вы собирали народ? — рассердился Сергей. — Вы же знаете, что мы производим опыт. Могут быть неудачи. Ждите, я сам позвоню.

* * *

...Итак, Сергей тогда поехал в Джанджаристан принимать ток, а Валентин — в Мезень. О том, что произошло в Мезени Сергей узнал от очевидцев.

Все решилось в один день, 11 апреля.

В этот день Валентин был сух, деятелен и точен. Хотя вся работа по пересылке энергии была продумана до мельчайших деталей и передаточная станция проверена накануне, Валентин еще раз осмотрел вышку, заземление, всю аппаратуру.

В стороне от передаточной станции, примерно за километр от вышки, был построен бетонный блиндаж, где одну стену занимал мраморный щит с приборами и рубильниками. В блиндаже было тесно сегодня — здесь собрались научные сотрудники, инженеры из штаба строительства, корреспонденты из Москвы, Архангельска и Мезенской многотиражки. Войдя, Валентин поздоровался и взглянул на часы. Было без двенадцати минут четыре.

— Товарищи! — сказал Валентин, — сейчас будет проведен важный опыт. Мы хотим передать ток на пять тысяч четыреста километров. До сих пор передавать энергию на такое расстояние не удавалось ни по проводам, ни, тем более, по воздуху. Ровно в шестнадцать часов я нажму кнопку и введу в действие ускоритель — источник искусственных ионизирующих лучей. Мы создадим электропроводный мостик от Земли до ионосферы. Наши товарищи на юге создадут такой же мостик и, тем самым, замкнут цепь. По этой цепи ток пойдет (Валентин взглянул на часы) через семь минут...

Корреспонденты окружили его, засыпали вопросами. Валентин отстранил их жестом.

— Товарищи, я рассказал вам, сколько успел. Подробные объяснения после шестнадцати часов.

Семенили секундные стрелки. Несогласно тикали полтора десятка часов. Ровно в шестнадцать часов на мраморном щите начала краснеть контрольная лампочка. Потом донесся гул выстрелов. Это береговые батареи салютовали первому мезенскому току. Новая приливная станция дала ток.

Когда лампочка засветилась полным накалом, Валентин повернул рукоятку реостата, нащупал пальцем кнопку, вздохнул... и нажал ее.

В первую минуту ничего не произошло, только дрогнули стрелки приборов на мраморной доске. В блиндаже для безопасности не было окон, вышку приходилось наблюдать с помощью коленчатой трубы, похожей на перископ.

— В темноте мы видели бы светящийся столб над вышкой,— сказал Валентин корреспондентам.— Впрочем, это от вас не уйдет. Вечером полюбуетсясь...

Он не успел закончить фразу.

Позже очевидцы вспоминали, что они вздрогнули от яркого света. Свет был так силен, что даже через щели перископа он проник в блиндаж. Затем возникла молния... но какая! Столб ослепительного огня сошел с неба на землю. Не искра, не зар-

ница, целый водопад электричества! С вышки слетела сбившая целиком верхушка. Она была еще в воздухе, когда до блиндажа долетел звук невиданной силы, гром, гул, и рев взрыва. За первой молнией последовала вторая, третья, потом несколько десятков вторичных обыкновенных молний. Но раскаты обычного грома уже не казались страшными после первого удара.

— Что это, почему? — послышались голоса. Потрясенные свидетели жались к стенкам. И только один из корреспондентов, со смелостью неведения, взялся за дверь.

— Запрещаю выходить из блиндажа, — отчетливо сказал Валентин. Он был главным здесь и первым обязан был опомниться.

— Диспетчера мне! — крикнул он в телефонную трубку. — Новиков говорит. Срочно отключайте электропередачу. Авария. Доложите начальнику строительства. Алло, станция! Дайте мне телеграф. Посылайте молнию, срочную, правительственную. Кто говорит? Я, Новиков. Диктую: «Джанджаристан. Пустыня Дхат. Новикову Сергею». Текст. «Опыт кончился неудачей. Не подключайтесь к ионосфере до выяснения». Чья подпись? Моя — Новиков Валентин.

Придерживая телефонную трубку плечом, Валентин застегивал на себе защитный комбинезон. Потом еще раз повторив запрещение покидать блиндаж, он один, без проводящих, вышел наружу.

Вышки не существовало. На месте озера вздулся холм с рваными краями, как будто земля лопнула изнутри. Чадая, догорал кабель. Дымились горячие пузыри, оставшиеся от расплавленных стоек. Мачты электропередачи были скручены винтом и согнуты...

* * *

Тогда была первая попытка. Сегодня на вулкане — вторая.

А тока все не было? Когда же дадут ток?

Лиловые тени стали непроглядно черными. Черная гора слилась с черным небом. А Сергей все ждал, вышагивая из

угла в угол; в далекой южной пустыне ждал, суетясь и нервничая, Бха; изнывая под знойным небом ждали наши друзья — джанджаристанцы.

И недруги ждали, с удовольствием поглядывая на часы:

— Опять ничего не вышло с током без проводов

Вдруг, в непроглядной тьме затеплились красноватые огоньки. Постепенно они желтели, набирали яркость и силу. Вновь черная громада вулкана опоясалась электрическими гирляндами.

Телефонный звонок. На проводе начальник Вулкан-строа: «Давайте, товарищ Новиков. У нас все хорошо».

Программа действий давно разработана. Сергей звонит на обсерваторию. Потом предупреждает Джанджаристан.

И вот, наконец, наступает долгожданный момент. Дрожащим пальцем Сергей нажимает заветную кнопку.

Что произойдет на этот раз? Грянет ли молния с неба, искорежит аппарат, разрушит надежды?

Или ионизирующие лучи не пробьются сквозь толщу воздуха, не достигнут ионосферы?

Сергей бросается к окошку. Гигантский светящийся столб вырос над головой, ушел в темное небо.

С ионосферой соединились. Но пойдет ли ток?

Бха! Кто там, на проводе? Передайте, чтобы включали.

Пойдет ли ток? Сергей напряженно смотрит на стрелку магнитного прибора. Дрогнула, кажется.

А нужно смотреть не на стрелку, на небо следует смотреть, потому что невооруженным глазом видно, как на звездном небе бегут, переливаясь, травянисто-зеленые, оранжевые, соломенно-желтые, перламутровые струи искусственного полярного сияния.

Ток идет! Горит многоцветная лента над Охотским морем, над тайгой, над горами и пустынями. В далеком Джанджаристане краснеют спирали плиток и лампочек, гудят моторы, в электрических ваннах плавится руда, растекаясь, как тающий воск; хлюпают насосы, толчками выливая воду на иссохшую почву.

Пришел русский ток!

Жизнь
- сила

... ГРОМАЗДНАЯ СТАЛЬНАЯ СИГАРА, ГОТОВАЯ К
ДАЛЬНЕМУ ПЕРЕЛЕТУ, ЛЕЖАЛА НА СПЕЦИАЛЬНОЙ
ТЕЛЕЖКЕ, КАТИВШЕЙСЯ ПО РЕЛЬСАМ.

Художник С. КАПЛАН.

МИХАИЛ АРЛАЗОРОВ

10 000 КИЛОМЕТРОВ В ЧАС

Научно-фантастический очерк

ТАК МОЖЕТ БЫТЬ...

РОДИНА?... Стратоплан «Родина»?

Говорит редакция журнала «Знание — сила»; попросите к аппарату нашего корреспондента инженера Евгеньева. Да... ждем... Товарищ Евгеньев, это вы? Наконец-то...

— Привет, товарищи, привет с борта «Родины».

— Примите привет и от нас с Большой земли... Товарищ Евгеньев, времени у нас немного. Сами понимаете, читатели с нетерпением ждут ваших впечатлений... Номер не печатаем, держим типографские машины. Приступаем к вопросам. Отвечайте: какова высота?

— Извините, отвечать отказываюсь.

— То-есть, как отказываетесь?

— Очень просто, отказываюсь! Пока мы будем вести разговоры, все будет кончено.

— То-есть, как?...

— Очень просто. Вы забываете о скорости полета — мы уже приближаемся к финишу.

— Что же вы предлагаете?

— Решение есть. Я записываю все, что вижу. После приземления передам по радио законченную статью.

— Согласны, но сообщите, по крайней мере, заголовок.

— Это можно — заголовок есть.

— Какой?

— Десять тысяч километров в час!

10000 КИЛОМЕТРОВ В ЧАС

Было шесть часов утра, но, несмотря на воскресный день, Москва просыпалась. С экранов огромных телевизоров, установленных на площадях, бульварах и перекрестках, смотрело лицо диктора, читавшего утренний выпуск последних известий; празднично одетые люди торопились к станциям метрополитена.

В это приятное майское утро Москве было не до сна. Москвичи спешили к Тушинскому аэродрому, чтобы присутствовать при событии, открывавшем новую эру в авиации.

Что касается меня, то, кроме простого любопытства, я имел более основательные причины к тому, чтобы вовремя попасть на аэродром. Я был в числе ста счастливцев, которым предстояло перенестись из Москвы во Владивосток за несколько десятков минут. Я встречусь там с людьми, которые, чтобы попасть во Владивосток к моменту посадки, уехали из Москвы еще несколько дней назад.

Машина выехала на улицу Горького. Автомобилей было так много, что улица походила на реку.

Включив шофер-автомат, чутко реагирующий на все сигналы светофоров, я внимательно следил за экраном телевизора, установленного в машине, и слушал радиопередачу.

Стратоплан «Родина» был в центре внимания всего мира, и неудивительно, что большая часть выпуска последних известий была посвящена перелету.

Но вот, последние известия кончились, и на экране появился кинофильм. Это была весьма оригинальная хроника. Первые кадры перенесли зрителя на много лет назад, в 1910 год. Демонстрировался перелет Петербург — Москва. В аппарат, не мигая, смотрел летчик Васильев, победитель перелета. Забинтованная голова лучше всяких слов говорила, что приз достался ему нелегко. Из Петербурга в Москву он прилетел за 24 часа 41 минуту 14 секунд.

На экран наплывали все новые и новые кадры... Широко раскинув длинные узкие крылья, бежал по бетонированной дорожке аэродрома краснокрылый гигант АНТ-25. Это летели Чкалов, Байдуков, Беляков. Они летели по Сталинскому маршруту Москва — остров Удд, и затратили на перелет 56 часов 20 минут.

Досмотреть фильм до конца не удалось. Машина оставалась. Море автомобилей, начиная от маленьких малолитражек и кончая комфортабельными лимузинами, заполняло все вокруг. Попрощавшись с провожавшими, я двинулся к летному полю. До начала перелета оставался еще целый час: «Родина» должна была стартовать ровно в десять.

Экипаж ракетоплана был уже на аэродроме. Летчиков окружила плотная толпа журналистов. Вопросы сыпались со всех сторон.

— Скажите, — спросил невысокий человек с гладко зализанными черными волосами, — вы не боитесь погибнуть при взлете?

— Погибнуть?! — удивился летчик.

— Да, — продолжал черноволосый мужчина, представлявший одну из иногородних газет, — ведь возникнут большие перегрузки.

Летчик подошел к корреспонденту и дружелюбно хлопал его по плечу. Рядом с корреспондентом пилот казался великаном.

— Нет, — спокойно ответил он, — не боимся. Конструкторы прежде всего позаботились о безопасности полета. Инерционные силы, возникающие при изменении скорости, действительно могут раздавить человека. Но наш стратоплан будет разгоняться так плавно, что толчок будет не большим, чем в трамвае, когда он резко трогается с остановки.

Аппарата еще не было видно. Он стоял в ангаре, из ворот которого шла длинная рельсовая колея.

— Это похоже на железную дорогу, — сказал кто-то из присутствующих.

Но в этот момент распахнулись ворота ангара, и мы увидели аппарат, отнюдь не напоминающий собой паровоз.

На невысокой, но длинной тележке, медленно катившейся по рельсам, лежала громадная стальная сигара. Ее поверхность ослепительно блестела, и только небольшие крылья да стеклянная решетка в носовой части отличали ее от огромной авиационной бомбы. Сигара имела около 70 метров длины и в диаметре была равна двухэтажному дому.

Плавню выкатившись из ангара, тележка остановилась. Со всех сторон пулеметными очередями строчили киноаппараты. Операторы атаковали ракетоплан объективами своих камер с самых различных точек.

Дверь, прорезанная в стальном теле сигары, распахнулась, и на землю опустилс трап. Репродукторы на аэродроме попросили пассажиров занять места. Началась посадка.

Задраены люки. Убран трап. Стратоплан готовится к дальнему пути. Взлетела сигнальная ракета, прочерчивая на голубом небе прозрачный серебристый след, и тележка покатила по рельсам вперед. В пассажирской кабине темно, лишь ярко горит экран телевизора, на котором мы видим наш стратоплан с точки зрения людей, оставшихся на аэродроме. Все быстрее и быстрее катится тележка по рельсам. Мощные электромагнитные устройства создают магнитное поле, заставляющее ее непрерывно ускорять свой бег.

Ракета разгоняется. Через несколько секунд она отделится от тележки и уйдет в воздух. Летчик включает двигатель. Мы отчетливо видим, что «Родина» уже в воздухе. Скорость полета еще невелика — 2 тысячи километров в час, но она уже достаточна, чтобы аппарат имел подъемную силу, поборовшую его огромный вес. Стратоплан весит около 200 тонн, и его маленькие крылья не способны создать достаточную подъемную силу. Им помогает фюзеляж. Днище его плоское, и эта плоскость тоже «работает», взаимодействуя со встречным воздухом.

Бортинженер выключил телевизор и зажег свет. Вспыхнули газосветные трубки, и, несмотря на то, что все иллюминаторы были плотно закрыты, кабина казалась освещен-

ной яркими солнечными лучами. Рядом с экраном телевизора мы увидели другой экран, меньших размеров. Из нижнего левого угла маленького экрана двигался силуэт «Родины». Он перемещался над рельефной картой СССР, уходящей куда-то в глубину.

Машина шла под углом в 20 градусов к горизонту и должна была набрать высоту в 80 километров. Не выше и не ниже, ибо в противном случае было бы труднее бороться с опасным врагом — температурой. За счет трения о воздух стенки стратоплана сильно нагревались во время полета. Значительная часть тепла уносилась воздухом, обтекающим стратоплан, но оставшаяся часть все же нагревала стенки.

Оболочка стратоплана, изготовленная из специальных, жароупорных сплавов, могла выдерживать очень высокую температуру, но, чтобы тепло не передавалось в кабину, стенки были сделаны двойными, и в промежутке между ними была пустота — вакуум: не было среды, проводящей тепло.

Поверхность корпуса была сделана блестящей не случайно. Она отражала, отбрасывала от корабля солнечные лучи с тем, чтобы уменьшить и без того очень большой нагрев, — при полете со скоростью 10 тысяч километров в час нагрев за счет трения стенок машины о воздух достигал 1500 градусов.

Однако все эти мероприятия могли бы оказаться недостаточными, если бы конструкторы пренебрегли выбором высоты полета. Долгое время люди думали, что чем дальше от Земли, тем разреженнее воздух и тем ниже его температура. Однако это мнение оказалось неправильным. Еще в 1947 году было установлено, что температура воздуха с изменением высоты меняется очень своеобразно. Сначала, вплоть до высоты 11 километров, она уменьшается; затем, с 11 до 50 километров, она остается без изменений — 56,5 градуса холода; далее снова растет и снова падает, и потом растет вновь. Ученые выяснили, что это объясняется наличием в атмосфере слоев озона, который активно поглощает ультрафиолетовые лучи, и вследствие этого нагревается.

Итак, мы на высоте 80 километров. Силуэт стратоплана на экране идет по прямой, не набирая высоты. Теперь экипажу легче. Машину ведет автопилот. Я направляюсь в пилотскую кабину. Мой путь лежит через огромный тоннель, диаметром около двух метров. За стенками тоннеля топливо — я прохожу через бак с горючим.

В кабине экипажа светло, но решетчатые окна закрыты металлическими створками. Мы идем со скоростью 10 тысяч километров в час, и даже жаропрочное стекло может не выдержать нагрева в полторы тысячи градусов. Многочисленные приборы, занимающие почти все стенки кабины, сообщают необходимые данные о работе механизмов.

С летчиком, ведущим стратоплан, мы были знакомы давно, и встретились, как старые друзья.

— Сейчас покажу тебе самое интересное!

Мы подошли к перископу. Пилот нажал кнопку, и стальная створка, закрывающая объектив перископа, отодвинулась в сторону. Картина, открывшаяся перед нами, была чудесной. Где-то вдали, сквозь рваные отверстия в облаках, темнела Земля. Горизонт над облаками протянулся белесой, дымчатой полосой. Над ним голубое небо. Но чем выше поднималась труба перископа, тем темнее становилось небо. И над нами в зените мерцали звезды. Это была сказочная картина — звезды среди бела дня!

— Хватит, — сказал летчик, — стекло хоть и жаропрочное, но злоупотреблять не стоит! — и с этими словами он закрыл створку.

Посмотрев на мое восхищенное лицо, летчик сказал:

— «Экскурсия в страну чудес» продолжается! Поговорим о двигателе. Двигатель развивает тягу в сто тонн; при нашей скорости в десять тысяч километров в час это значит три миллиона семьсот тысяч лошадиных сил!

— Сколько же топлива съедает он? — спросил я.

— Немало. Сама машина весит около двухсот тонн, и сто восемьдесят тонн весит топливо — жидкие углеводороды и жидкий озон. Несколько лет назад на таком топливе никто не рискнул бы лететь. Боязнь взорваться удержала бы

от полета даже самого бесстрашного человека. Но мы летим спокойно. Советские химики нашли вещества, добавка которых к топливу исключает взрыва, — увидев, что я делаю пометки в блокноте, он добавил: — Но самое интересное — это, конечно, гениальное предвидение Циолковского. Еще в тысяча девятьсот третьем году он писал о ракетном полете и предлагал именно такое топливо, на котором мы сейчас летим.

Пилот взглянул на часы, а затем перевел глаза на экран, подобный установленному в пассажирской кабине. Силуэт «Родины» уже пронеслся над Новосибирском.

— Через минуту выключаю двигатель и перехожу на планирование! — сказал командир корабля.

Я понял, что мне пора уходить, и, поблагодарив за беседу, покинул пилотскую кабину. Но мне не сиделось на месте. Я решил спуститься в первый этаж пассажирского помещения. Здесь размещалось «подсобное хозяйство» — кладовые для багажа, Туалетные комнаты, читальня, буфет. Голубой плюш, которым были обиты стены и мебель, поглощал звуки, просачивающиеся через толщину изоляции. В кабине было совсем покойно, несмотря на то, что в этот момент мы неслись в несколько раз быстрее звука.

Собственно говоря, наибольшая скорость осталась позади. Теперь разогнавшийся стратоплан двигался по инерции. Летчик выключил двигатель, и мы планировали.

Гаснут газосветные трубки. Медленно раскрываются стальные ставни. Солнечный свет заливает помещение стратоплана. Скорость полета непрерывно снижается. Я вновь направляюсь в кабину пилота. Стрелка указателя скорости стремительно движется к нулю: 2000—1500—1000... километров в час. Стрелка неумолимо совершает свое движение. Я остановился в тоннеле и молча наблюдаю за работой экипажа. На этот раз никто не обращает на меня внимания: членам экипажа некогда.

Летчик, следя за показаниями приборов, нажимает — многочисленные кнопки. На стратоплане нет рукоятки управления или штурвала. Рули приводятся в действие

электромоторами. На экране радиолокаторной установки отображается местность, над которой мы летим. Штурман внимательно следит за этой движущейся картой. Делает какие-то вычисления и время от времени что-то докладывает летчику — командиру корабля. Так проходит несколько минут, и наконец я вижу в передние окна кабины, как стремительно набегает на стратоплан земля. Она приближается с огромной скоростью. Я вижу уже аэродром, на котором огромным пятном чернеет многолюдная толпа и блестят тонкие металлические нити рельсовой колеи.

Радиолокационное устройство точно ведет машину прямо на эти нити. Но обычного для посадки резкого удара нет, хотя самолет уже на земле и плавно скользит по рельсам.

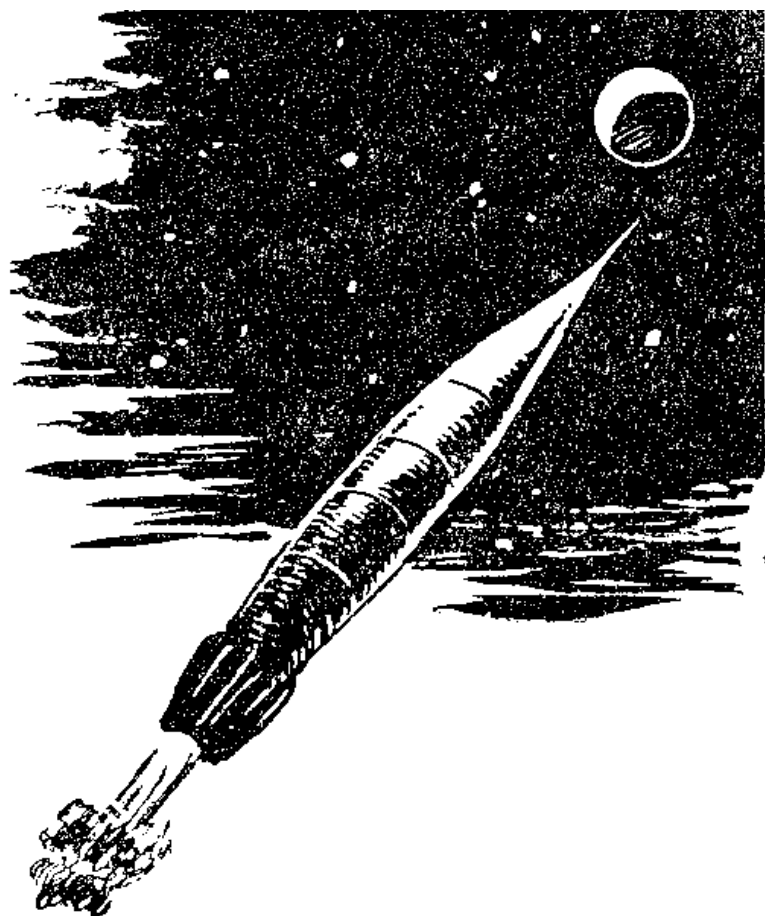
Я догадываюсь: самолет сел на такую же тележку, с которой взлетел. Но почему же не произошло удара?

Позже мне рассказали, что тележку, на которую мы сели, предварительно разогнали, и в тот момент, когда стратоплан опускался на нее, она двигалась с такой же скоростью, как и он сам. Поэтому мы не почувствовали удара, а плавно затормозить тележку не составило большого труда.

Машина катилась по рельсам, постепенно замедляя свой бег. Стекла кабины раздвинулись, и ликующие крики встречающих ворвались в стратоплан вместе с потоком воздуха. Вечерние длинные тени уже падают на поверхность аэродрома. Я смотрю на часы. Все ясно. Мои часы показывают московское время. Оно отличается от местного на 8 часов. Когда «Родина» полетит обратно, она, наоборот, — обгонит время и, вылетев в 12 дня, прилетит в Москву утром...

Мне хочется остановиться и продумать всю грандиозность замечательного достижения ученых и инженеров нашей страны, научившихся обгонять время, но... уже открыты двери, бурлит человеческое море, заполнившее аэродром. Надо срочно отправлять в редакцию корреспонденцию о перелете.

ГЕОРГИЙ ГУРЕВИЧ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ МАШИНЫ

Главы из научно-фантастической повести

Рисунки К. Арцеулова

ПРИКЛЮЧЕНИЯ Машины

Георгий ГУРЕВИЧ

Рисунки К. Арцулова

Научно-фантастическая повесть*)

ТРЕБОВАЛОСЬ найти его во что бы то ни стало. Где он прячется, не представлял никто, и не было уверенности, что мы ищем там, где нужно. Правда, мы знали его приметы, знали, в каком окружении его можно встретить, находили следы этого окружения. В довершение трудностей, местность эта была для меня недоступна. Я не мог отправиться туда лично, посмотреть следы своими глазами, вынужден был, сидя по ту сторону грани за письменным столом, обдумывать донесения, сопоставлять, сравнивать, взвешивать факты, чтобы в результате сказать: «Здесь вы его найдете».

Может быть вы ожидаете рассказ о выслеживании преступника, что-либо вроде приключений Шерлока Холмса. Но почему, собственно? Разве только уголовников приходится разыскивать, разве только агенты умеют, сопоставляя факты, находить нить? Лично я занимался этим всю жизнь... Я мог бы привести много примеров...

*) Публикуется глава из новой научно-фантастической повести.

Да вот хотя бы недавно, на Курильских островах...

1

Н А Курильские острова я попал впервые. До той поры я видел их только на карте. На карте они похожи на провисшую цепь, запирающую выход из Охотского моря. И в голове у меня невольно сложился образ: каменная гряда, нечто вроде разрушенного волнолома, мокрые черные скалы, фонтаны соленых брызг и неумолчный крик чаек. Но Итуруп приятно разочаровал меня. Я увидел зеленые горы с мягкими очертаниями, яркосиние заливы, перешейки под ватным одеялом тумана. Лихой шофер мчал нас по мокрому пляжу, и волны подкатывали под колеса, словно хотели нас слизнуть. Рядом были белые скалы из пемзы, заросли бамбука, похожего на гигантские колосья, где человек подобен полевой мыши, запутавшейся в стеблях. Затем мы перевалили через хребет с охотской стороны на тихоокеанскую и нырнули в море тумана цвета чая с молоком. Шофер отчаянно сигналил, но тормозить не хотел ни за что. Из-под колес в бездонную мглу летели мелкие камешки. Навстречу из мути выплывали толстые столбики, обозначающие опасный поворот, бульдожьи морды грузовиков, прохожие, прижавшиеся к откосу, рыхлые осыпи, корявые изуродованные ветром деревца. Затем послышался глухой, все усиливающийся гул, запахло сыростью, солью, гниющими водорослями и из тумана начали выкатываться могучие валы, шелково-серые у основания и с мыльной пеной на гребнях. Они выплывали из мглы безмолвно, медленно склоняли головы, и вдруг с яростным грохотом обрушивались на берег. На секунду все исчезало в пене, но исчерпав свою силу, вал откатывался, соленые струйки, ворочая гальку, убегали во мглу, откуда уже выплывала следующая громада.

Машина запрыгала по камням. Дорога здесь была вымощена вулканическими бомбами, круглыми, величиной в человеческую голову. Мотор застучал, задрожали борта, зубы у меня начали выбивать дробь, как будто от озноба. Но тут поездка кончилась. Мы остановились у низкого деревянного дома, над дверью которого виднелась надпись: Научно-испытательная станция океанографического института.

— Ходоров в мастерской, — сказали мне. — Пройдите через полигон.

Я пересек голую каменистую площадку, скользкую от соленых брызг. На другом конце ее была мастерская — дощатый сарай, в воротах которого толпились люди возле машины, похожей на остов ремонтирующегося трактора. Я спросил начальника экспедиции. Мне показали спину в выгоревшем голубом комбинезоне... Я представился: Сошин Юрий Сергеевич. Прислан к вам консультантом по геологии.

С первого взгляда Ходоров не внушил мне особого доверия. Ему было лет 28, для начальника экспедиции маловат... Он был худ, очень высок и походил на непомерно вытянувшегося подростка. Глаза у него были светлые, близорукие, черты лица крупные, крупный нос, толстые добрые губы. Я лично полагаю, что губы у начальника должны быть тонкие. Ходоров был похож не на взрослого инженера, а на многообещающего юношу-студента из тех, что забирают все премии на математических конкурсах, смущают лекторов глубокомысленными вопросами и со второго курса пишут научные работы. Поддавшись просьбам восхищенных профессоров, я раза три брал таких в экспедицию и с ужасом убеждался, что ученые труды они знают наизусть, в уме перемножают трехзначные числа, но колоть дрова не умеют, не отличают дуб от осины, не научились грести, плавать, заворачивать портянки, пришивать пуговицы. А лето коротко, и в экспедиции предпочтительнее не тратить время на изучение этих разделов «науки».

Одним словом, я бы не взял Ходорова в свою партию. Но в данном случае я сам был приглашен со стороны, как бы в гости.

— Мне хотелось бы познакомиться с планом экспедиции, — сказал я.

Ходоров озабоченно поглядел на часы.

— В общих чертах план такой, — начал он торопливо. — Машина пойдет по дну океана до максимальной глубины — до 9 или 10 тысяч метров. Потом вернется сюда же. Старт сегодня в 12 часов. Машина, вот она — перед вами. — И он показал на решетчатый остов, стоявший в воротах...

Я был удивлен.

Как вы сами представляете себе машину для путешествия на дно океана? Я ожидал увидеть что-то сверхмассивное, крепости необычайной — стальной шар или цилиндр с полуметровыми стенками.

А передо мной стояло непрочное на вид сооружение, состоящее из рам, ячеистых пластин, решеток, валов, лопастей. Никакой мощи, никакой сверхпрочности, наоборот, — все плоское, открытое, беззащитное. Треугольный нос мог предохранить машину только от лобового удара. Каким же образом эта шаткая конструкция отправится на дно океана, как она выдержит страшное давление в сотни и тысячи атмосфер?

Однако о технике расспрашивать было некогда и неуместно. Я сказал:

— О задачах экспедиции мне рассказывали еще в области. Но меня интересует план геологических исследований.

Нас прервал подошедший рабочий:

— Алексей Дмитриевич, посмотрите, пожалуйста.

— Прошу прощения, — пробормотал Ходоров. — Минуточку...

Дело было пустяковое — нужно было подписать какое-то требование. Потом Ходорова позвали к телефону.

«Отложите, ничего не делайте без меня», — крикнул он, уходя. Потом понадобились какие-то окуляры. Ходоров сам побежал на склад. Я ожидал, возмущаясь все больше. Накануне отбытия бывает много мелочей, я это знаю, но начальник экспедиции не должен быть своим собственным курьером. Мелочи нужно уметь доверять подчиненным. Ходоров же явно был из тех, кто доверяет только себе, суетится, волнуется, делает маловажное и упускает главное. А поговорить со мной о научных планах экспедиции следовало бы, не откладывая.

— Может быть, вы сведете меня с кем-нибудь из ваших сотрудников? — настаивал я.

— Сейчас, минуточку. — И убегал.

А я все слонялся по площадке, сердясь все больше и на Ходорова, и на свою уступчивость.

«Не отправятся они в 12», — думал я.

Но здесь ко мне подошел небольшого роста аккуратный человек с усиками, чистенький и подтянутый, полная противоположность встрепанному Ходорову.

— Если не ошибаюсь, вы Сошин? — спросил он. — Это вы тот Сошин, который изучал строение Алтын-Тага? Я читал ваши отчеты. Прекрасный у вас язык — сухой, точный, безукоризненно научный.

Я предпочел бы, конечно, чтобы меня хвалили за выводы, а не за язык. Но читатель — человек вольный, у него своя собственная точка зрения.

— А моя фамилия Сысоев, — сказал он. — Может быть, слышали?

Я действительно знал эту фамилию. В научных журналах встречались мне коротенькие статейки, почти заметки, за подписью: канд. наук Сысоев. Не знаю как у меня, а у Сысоева и в самом деле все было сухо, безукоризненно и добросовестно. Никаких рассуждений, никаких претензий на открытие — честное описание. Но зато какое описание — образец точности, хоть сейчас в справочник. Так и чувствовалось, что автор любит порядок, в домашней библиотеке у него каталог, к завтраку он не выходит

небритый и сам себе гладит брюки по вечерам, потому что жена не умеет выгладить по его вкусу.

— Вот хорошо, — сказал я, обрадовавшись. — Наконец-то я получу нужные сведения. Постараемся, чтобы у нас был порядок, хотя бы в геологии.

Мы нашли укромный уголок и через несколько минут, разложив на камне карты, Сысоев говорил:

— Это путешествие на дно океана открывает перед нами исключительные перспективы. Машина пройдет весь склон от берега до дна глубоководной впадины. В глубинах нет морозов и зноя, нет ветра, почти нет кислорода, разрушение идет там гораздо медленнее. Вода как бы сохраняет для нас далекое прошлое. Мы увидим горы в их первобытном состоянии. Землю нужно изучать под водой — это новый принцип в геологии.

— Однако, вы энтузиаст, — подивился я. — Неужели машина Ходорова так уж хороша?

— Вот увидите, — улыбнулся он многообещающе. — Потерпите до 12 часов.

2

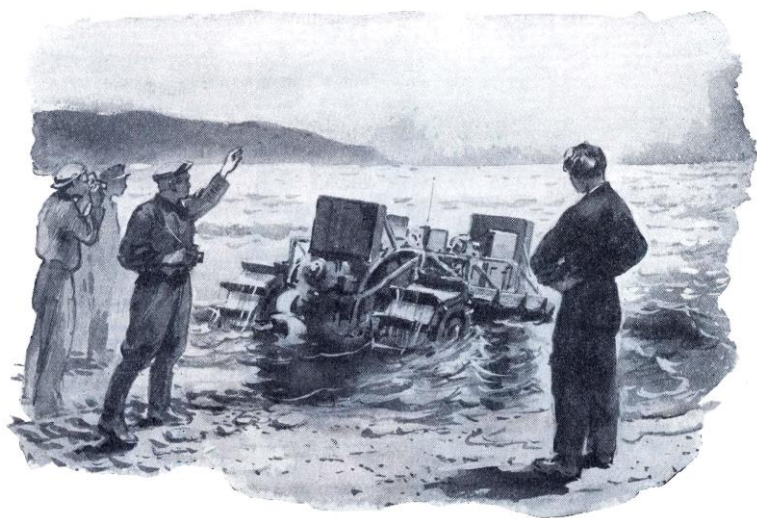
НАСЧЕТ старта я не ошибся. Солнце взошло, поднялось, пригрело, туман сполз в море, открыв синие просторы с белым пунктиром гребней, а возле машины все еще сновали механики с паяльниками, роняя капли олова на сыроватые камни.

Уже в третьем часу дня Ходоров созвал всех.

— Мы немного запоздали, — сказал он, — поэтому митинга не будет. Да и к чему митинг — машина уходит, а мы все остаемся. Но сегодня я тут держу экзамен перед вами, товарищи. Пожелайте мне, чтобы испытание прошло хорошо. Ну и все. Даю старт.

Он нажал какую-то кнопку, отскочил в сторону и через несколько секунд машина тронулась. Лязгая гусеницами по камням, она поползла к небольшой бухточке, где прибой не чувствовался. Мы двинулись за ней, крича и махая

платками. Так уж принято махать платками, провожая, а махать было некому, на машине никто не сидел. Неожиданно я заметил, что на пути торчит ребристая плита. Я кинулся, чтобы оттолкнуть ее. Куда там? Плита весила тонны полторы — не меньше. Я беспомощно оглянулся. Вот так старт. Сейчас машина наедет и опрокинется. Но не доходя пяти метров до препятствия, она взяла в сторону, и не сбавляя хода, объехала плиту. Машина сделала это самостоятельно. Ходоров не вмешивался, не притрагивался к рычагам, не нажимал кнопок. Как я, как все другие, он шел сзади, махая рукой.

Машина постепенно погружалась в воду.

Берег сравнительно круто спускался к воде, но машина и здесь не сплеховала. Она чуть притормозила и мягко съехала, увлекая за собой плоскую гальку. И вот уже гусеницы шлепают по воде, струи заливают ступицы... Не заглухнет ли мотор? Нет, вот и ребристый вал покрыт водой, лопатки взбивают пену, как белок для пирожного.словно робкий купальщик, машина постепенно погружается по колени, по пояс, по грудь. С полминуты она

режет колыхающиеся волны острым носом, но вот и нос ныряет, волны переплескивают через него. Тонут решетчатые рамы, продольные и поперечные плоскости. Некоторое время еще скользит над водой антенна, как перископ подводной лодки. Непокойное море стирает треугольный след. Что там происходит сейчас под этой блестящей колыхающейся поверхностью? Как бы хотелось видеть...

Сысоев потянул меня за рукав.

— Пойдемте в экранную. Народ уже там.

3

МЫ открыли обыкновенную дверь, обитую кожей по войлоку, вошли в полутемную комнату и... оказались в подводном мире. В комнате было несколько светящихся экранов — самый большой на передней стенке, два небольших под ним у пола, еще один — на потолке, один — на задней стенке и два продолговатых сбоку.. Окна были завешены, свет исходил только от экранов. Мы видели лишь то, что находится перед машиной, позади, наверху. Даже если бы мы путешествовали в машине под водой, пожалуй, мы не увидели бы больше. В первую секунду я даже вздрогнул: открыл дверь и очутился под водой. Только пол под нашими ногами был неподвижен, а то иллюзия путешествия была бы полной.

По центральному большому экрану плыли навстречу нам темные силуэты подводных скал. Над ними шевелились водоросли, похожие на волосы, ставшие дыбом. Нижние небольшие экраны показывали дно. На них мелькали перламутровые створки мертвых раковин и извилистые следы живых, распластывались мохнатые пятилучевые звезды, бегали боком проворные мелкие крабы. На табло над большим экраном менялись светящиеся цифры: время. Направление движения по азимуту, глубина в метрах, километраж по спидометру. Машина прошла уже около 2 километров и ушла в глубину на 16 метров. Опасная полоса приборя осталась позади.

Хорошо, что старт запоздал. Туман успел рассеяться. Солнце пронизывало воду, и экраны светились радостным золотистым светом. Цвет передавался прекрасно, и непривычный подводный мир предстал перед нами во всей своей красочности. В золотисто-зеленой воде расплывчатыми тенями проплывали подводные скалы. Развевались зеленые ленты морской капусты, под ними прятались другие водоросли, какой-то бурый мох и красный папоротник. Мелькали похожие на астры белые, розовые и кремовые актинии, приросшие к раковинам раков-отшельников, и морские лилии с пятью лепестками вокруг жадного рта. В этом чужом мире цветы были хищными животными, в лесах порхали пестрые рыбки, не мошкара, а рачки плясали в лучах света. И все это было так близко, в каких-нибудь 20 метрах под однообразной пустынной поверхностью океана.

Глаза не успевали все охватить, все заметить. Океанографы разделили между собой экраны — один следил за передним, другой — за верхним и т. д. — Смотрите, смотрите — слышалось то и дело. Вот стайка мелких рыбок, брызгами разлетелись они, уступая дорогу. Вот пронесся толчками маленький кальмар — морская ракета, изобретенная природой. Выталкивая воду, он вытягивал щупальцы в струнку, а исчерпав инерцию, сжимался комком. А вот оранжево-красная офиура, словно пять змеек, сросшихся головками.

Машина спускалась по затопленному склону вулкана. Обвалившиеся скалы лежали в хаотическом беспорядке, расщелины между ними занесло песком, бока густо обросли сидячими морскими животными — губками, мшанками, актиниями, устрицами, уточками. «Зверюшки» были неподвижны, а гигантские водоросли словно щупальцы хватались за гусеницы, наворачивались на вал, будто старались задержать, опутать, задушить непрошенного пришельца из чужого надводного мира. Но на машине имелись специальные ножницы. Они раскрывались ежеминутно и состригали зеленые путы.

Ходоров стоял, небрежно прислонившись к стене и скрестив на груди руки.

Безжалостно давя хрупкие раковины и губки, машина переваливала через скалистые гребни, замедляя ход, съезжала по наклонным плитам, обходила сторонкой одинокие скалы, прибавляя скорость, всплывала, чтобы преодолеть каменный барьер или расщелину. Она прокладывала путь с такой уверенностью, как будто за рулем там сидел опытный водитель, много лет проработавший на подводных трассах. И мы, зрители, после каждого ловкого броска невольно начинали аплодировать. Кому? Конечно, сегодняшнему имениннику — Ходорову, конструктору этой смышленной машины.

А именинник между тем стоял близ меня, небрежно прислонившись к стене и скрестив на груди руки, как капитан Немо. Поза его должна была выражать бесстрастное хладнокровие, но хладнокровие не получилось. Брови, губы, веки, лоб выдавали волнение изобретателя. Мысленно он сидел в машине, и это отражалось на его лице. Если на нижних экранах виднелся разрисованный рябью песок,

уголки губ Ходорова сдержанно улыбались, морщины на лбу разглаживались. Когда появлялись камни, Ходоров хмурился, и чем крупнее были камни, тем глубже становились морщины.

Мне вспомнились юные годы, давно забытые соревнования авиамоделистов. Там тоже было так: пока модель у тебя в руках, ты — хозяин, ты ее создал, ты еще можешь переделать. Но вот моторчик заведен, модель запущена... летит. Милая, не подведи! Набери высоту, не завались, не сдай! Еще тяни, еще немного! Все, что от меня зависело, я сделал, пришли минуты, подводящие итог месяцам. Помочь я уже не в силах. Можно только надеяться, переживать, волноваться сложа руки. Экзамен сдает моя работа, а не я.

Мы — эксперты — были здесь пассажирами. Мы стояли у окон подводного поезда и любовались невиданным зрелищем. Ходоров не любовался, возможно, он даже не замечал подводных цветников. Его волновали грунт, ход, скорость, повороты...

Миновав пеструю полосу рифов, машина пересекла подводный луг, заросший морской травой — зоостерой. Он был похож на обычные зеленые луга, только крупные паукообразные крабы на своих остrokонечных ногах — ходулях нарушали сходство. За лугом начинался дремучий подводный лес. Водоросли встали перед машиной десятиметровой стеной. Они охотно расступились перед острым носом и тут же сомкнулись, опутав машину зеленым и бурым серпантинном. Стало темновато, как в самом настоящем лесу. Ножницы заработали вовсю, настриженные куски заполнили и передний экран, и задний, и верхний. И все же избавиться от тенет не удавалось. Мочальные хвосты, свиваясь, тянулись за каждой рамкой. Скорость заметно падала. Вдруг, стоп. Машина встала. Неужели застряла?

На экранах заиграли радужные рыбки зарослей. Двигающаяся машина пугала их, к застрявшей они подплывали без страха.

Но вот рыбки метнулись и исчезли. Машина давала задний ход. Да, это было удачно.

Машина вступила в дремучий подводный лес.

И снова машина действует правильно. Рывок. Мотор работает энергичнее, лопасти шлепают по воде... И вот уже подводный лес плывет под гусеницами. Машина обходит его поверху, перескакивает, как через скалистый барьер.

За подводным лесом дно заметно пошло под уклон. Это показывали и светящиеся цифры и цвет воды. Она становилась все темнее, как будто в ней разводили синюю краску. Золотисто-зеленый цвет сменился густой плотной изумрудной зеленью, зелень постепенно пропиталась синевой — прозрачной, чистой, как небо в сумерки. Потом в синеве проявились фиолетовые тени — машина перешла в область подводного вечера.

Остались позади многокрасочные леса, луга, скалы, обросшие подводной живностью. Теперь машина шла по голому дну — то песчаному, то каменистому. Попадались и крабы, и губки, и актинии, верхом на раках, и моллюски... но уже не колониями, а в одиночку. Зрелище становилось однообразным, утомительным. Гости начали позевывать, зато на лице Ходорова сияла торжествующая улыбка. Впрочем, он имел право торжествовать. Машина сдала экзамен на «отлично».

Но вдруг улыбка исчезла, уголки рта опустились, глаза забегали растерянно...

Я посмотрел на экран. Прямо на нас из синей тьмы глядели выпученные глаза, почти человеческие, со зрачком, хрусталиком, радужной оболочкой, только очень уж холодные, жестоко-бесстрастные. А под этими разумными глазами торчал громадный черный клюв.

— Спрут? — Нет, кальмар.

— И какой громадный. Гораздо больше нашей машины.

Действительно, щупальцы виднелись на всех экранах: верхнем, заднем и боковых. Они походили на толстые темные канаты, а присоски были с чайное блюдце. На каждом экране умещались три-четыре присоска. Кальмар держал нашу машину в объятиях и подтягивал к жадно раскрытому клюву. И нам показалось, что и наша комната движется к этой страшной пасти.

Женщина-гидролог взвизгнула и закрыла лицо руками. Сознаюсь, и мне стало не по себе, когда я увидел глаза впереди, а кончики щупальцев за спиной. Послышались взволнованные голоса: — Какое страшилище!

— Неужели кальмар сильнее машины?

— А зачем ему машина? Ведь она несъедобная.

— Алексей Дмитриевич, неужели вы не предусмотрели ничего?

На Ходорова жалко было смотреть. Он беспомощно оглядывался, смотрел то на правый экран, то на левый...

— Это же не водоросли! — вырвалось у него.

Трагическая битва под водой была основана на чудовищном недоразумении. Кальмар не понимал, что машина не съедобна. Он хватал все движущееся и, как ребенок, тащил прямо в рот. В свою очередь, и машина не понимала, что в ее глазах — экранах отражается живой противник. Она действовала по программе «борьба с гибким препятствием» — стояла на месте и стригла ножницами.

А страшный клюв все приближался. Сколько же кальмар наломает, напортит, прежде чем до него дойдет, что это все ненужный ему металл.

Как и в подводном лесу, некоторое время спустя машина дала задний ход, а затем сделала рывок для всплытия. Но ее маломощный двигатель не мог пересилить упругих мускулов кальмара. Кальмар чуть-чуть вытянулся, но по-прежнему крепко держался двумя щупальцами за скалу, а прочими тащил машину к себе.

— Алексей Дмитриевич, сделайте же что-нибудь. Неужели нельзя увеличить скорость?

Но здесь неразумный кальмар совершил ошибку. Своим длинным щупальцем он ухватился за крутящийся вал. Мгновение, и кончик щупальца был прихвачен шестернями. Кальмар побурел от ярости, рванулся, чуть не опрокинул машину и ударил клювом куда-то под экран. Мелькнула ослепительная вспышка. Мы вздрогнули, отшатнулись, невольно зажмурились... И когда открыли глаза, на всех экранах было темно.

— Что случилось? Испорчен передатчик?

Но Ходоров довольно улыбался:

— Ничего страшного. Кальмар испугался разряда и выпустил чернила. Теперь удирает в свою пещеру.

Все вздохнули с облегчением, разом заговорили, делясь впечатлениями. Казакова-гидролог смеялась. Сысоев держал за пуговицу изобретателя и убеждал его:

— Вы должны предусмотреть какие-нибудь средства против таких нападений.

— Но мы предусмотрели электрический разряд, — оправдывался Ходоров.

— А почему он так запоздал?

— Это же машина, она не соображает. Пока кальмар держал ее, она исполняла программу: «Борьба с водорослями». А когда он стал грызть, последовал защитный разряд по программе «Борьба с хищником».

— Но ведь она видела, что это не водоросли.

— К сожалению, это только мы видели. Машина не видит, она лишь отражает... как зеркало.

— Надо предусмотреть, чтобы машина видела, — упорствовал Сысоев.

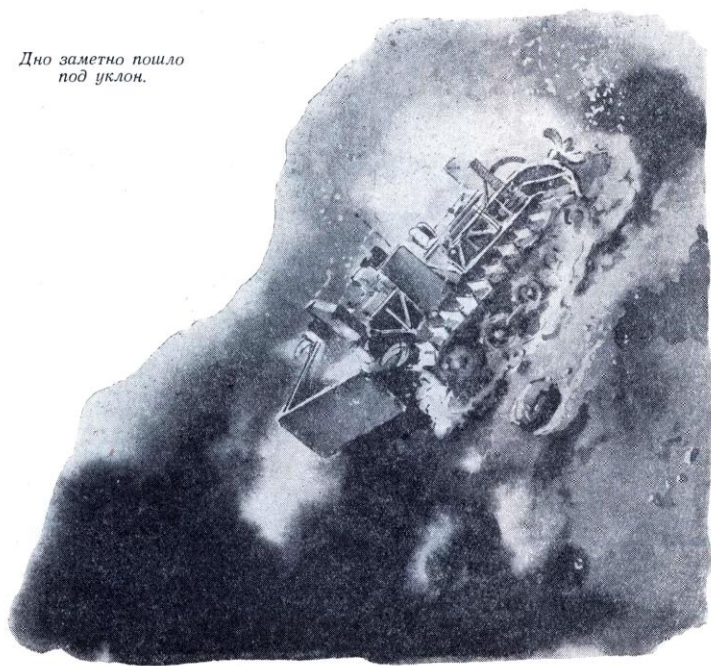
4

 ПУСК продолжался. Светящиеся цифры оповещали, что машина побивает один рекорд за другим. Далеко позади остались рекорды ныряльщиков за жемчугом, рекорды водолазного колокола, подводных лодок, водолазов в жестком скафандре. На 200-метровой глубине в темносиней воде еще плавали черные силуэты водорослей. Но когда они попадали в луч прожектора, оказывалось, что водоросли эти не черные, а красные. Красные лучи не доходили сюда с поверхности, поэтому красный цвет был здесь защитным. Мы видели багровые заросли в темносиней воде и алые стайки рачков над ними.

Вечерняя синева вскоре сменилась фиолетово-серой тьмой, потом угольной чернотой запертого погреба. Про-

жекторы светили под гусеницы. Навстречу плыло однообразное голое дно — то илистое, то песчаное. Мелькали створки моллюсков, сидячие черви со щупальцами, голотурии, похожие на мешочки, морские ежи с прямыми твердыми иглами. На ходу трудно было рассмотреть всю эту мелочь, и мы не разделяли восторгов биологов, которые то и дело щелкали фотоаппаратами, выкрикивая латинские названия.

*Дно заметно пошло
под уклон.*

Цифры дошли до 650, затем начали уменьшаться. Теперь машина шла вверх, взбираясь на подводный хребет Витязя, открытый не так давно — в 1949 году — океанографическим судном «Витязь».

На глубине 500 метров машина остановилась.

— Ну теперь дошла очередь и до вас, товарищи геологи, — обратился к нам Ходоров. Наблюдайте. Здесь первая станция. По программе бурим для вас колонку.

Как только машина остановилась и погасила свет, океанская тьма ожила. Так бывает и на земле. Пока сидишь в комнате, кажется, только и свету, что от настольной лампы, а снаружи все черным черно. А выйдешь, и тьма расчленяется. Различаешь и мерцающие звезды, и ясные планеты, и прозрачное сияние Млечного пути, голубоватую тьму неба, стеклянный блеск реки, вспыхивающие искры светлячков, причудливые силуэты деревьев.

Итак, когда погасли прожекторы, подвижные цветные созвездия окружили машину. Мелькнула подводная Кассиопея — рыба с пятью голубыми пятнами в виде буквы «М». Проплыло что-то вроде океанского парохода — более крупная рыба со светящимися желтыми точками на боковой линии, напоминающими огоньки кают. Осмелевшие обитатели глубин тыкались мордами в экран. У одних светились глаза, у других плавники или оскаленные зубы. Проплыла огромная пасть на махоньком вертлявом тельце, плыли рыбы, круглые, как шар, и плоские, словно платок, с развеваящимися плавниками, как бы разорванными на лохмотья, — существа, с нашей сухопутной точки зрения, невероятные. Но здесь, на глубине, иные законы — однородная среда, вечное спокойствие, и не столь нужны обтекаемая форма и крепкие мускулы, без которых не уцелеешь на бурной поверхности, среди волн.

Мы видели также хаулиола — живоглота, который способен заглатывать рыб, в три раза больших, чем он сам, надеваясь на них, как перчатка. Видели глубоководного удильщика со светящейся приманкой над головой. Рыба эта таскает на своей спине приросшего мужа, чтобы не потерять его в темных глубинах.

Но пусть о рыбах расскажут ихтиологи. Они были рядом с нами в той же комнате, записывали, снимали, делали зарисовки, спорили о семействах, родах и видах. У нас с Сысоевым были свои переживания. Зажегся свет на одном

из продолговатых экранов, и мы увидели ползущую снизу вверх колонку — пробу грунта.

— Песок, Юрий Сергеевич. Я сказала бы, вулканический.

— Ничего нет удивительного. На островах вулканы. Во время извержений пепел падает в море.

— Ил, Юрий Сергеевич.

— Вот как, ил?

— А это, если не ошибаюсь, сланцы...

— Нет, вы не ошибаетесь.

— Сланцы, так и записать?

— Конечно, запишите. Или вы своим глазам не верите?

— Нет, я верю. Но все же странно. Почему же сланцы?

— А вы верьте глазам, а не теориям. Ведь рядом на Шикотане сланцы. Раз видите, так и пишите.

5

ВЕРОЯТНО, для окружающих непосвященных наши восклицания казались странными. Сланцы, ил, какая разница? Стоит ли волноваться из-за этого?

Но дело в том, что мы решали задачу и получили ответ. Ответ, естественно, не интересовал тех, кто не ставил вопроса. Помните, как бывало в детстве? Сидите вы над трудной задачей, ломаете голову час, два, получилось 22 и 3/4. Волнуясь, ищете ответ в конце задачника. Вот он — ровно 22. Вы недоумеваете, обескуражены, обижены. Почему же ровно 22? Куда делись 3/4? Хватаясь за соломинку, смотрите список опечаток. Нет и здесь трех четвертей. Неужели начинать сначала? А по комнате в это время бегает, размахивая игрушечной саблей, ваш маленький братишка, трубит в жестяную дудку. Он не решал задачи, не ставил вопроса и ответ его не волнует. Ему совершенно безразлично — 22 или 22 миллиарда.

Задача у нас, у геологов, всегда одинаковая: во что бы то ни стало найти его — полезное ископаемое: руду, строи-

тельный материал, горючее, драгоценные камни, даже пресную воду, иногда.

Но земной шар велик. Прежде чем отправиться на поиски, нужно подумать, где искать.

Сосна любит сухой песок, а клюква — болото, финиковые пальмы предпочитают пустыни, а кокосовые — тропические побережья. У растений свои вкусы, обычаи, привычки. Так и у минералов. У каждого своя история, свое происхождение, свои излюбленные места рождения. Отсюда извечный геологический вопрос: как оно возникло? Как появились на свет эта гора, это озеро, этот обрыв, эта впадина? А затем уже следует второе практическое: какие полезные ископаемые стоит искать здесь?

И когда машина вступила на хребет Витязя, мы с Сысоевым должны были понять: как произошел этот хребет, что могло быть полезного здесь?

За спиной у нас были Курильские острова. Хребет Витязя тянется рядом с нами, тоже от Японии до Камчатки, только на Курилах вершины над водой, а на Витязе — под водой. Но происхождение Курильского хребта известно, он рожден вулканами. Земная кора лопнула здесь, из трещин проступила лава — горячая кровь Земли. Острова все целиком сложены застывшей лавой и вулканическим пеплом — они извержены из недр. Можно сравнить их с запекшейся кровью на царапине.

А что такое хребет Витязя? Соседняя царапина? Но океанографы и раньше знали, что хребет этот плоский. Почему? Высказывалось предположение, что вершины его разрушены волнами, вулканы как бы сбиты под основание. Тем интереснее для теории...

На островах мы видели вулканы снаружи, а здесь увидим изнутри — посмотрим, как устроено основание. Тем интереснее и для практики. Вулканические страны — Япония, Италия, например, — не очень богаты ископаемыми. Там встречаются сера, пемза, мрамор, минеральные источники. Руды ценных металлов находятся глубже, они обнажаются в старых разрушенных горах,

таких, как Урал. Но если хребет Витязя — размытая вулканическая цепь, тогда мы найдем там рудные жилы на поверхности. Чем порадует нас хребет Витязя? Вот как ставили мы вопрос.

— А какой получили ответ? Сланцы! Но сланцы — это слои слежавшейся глины. А глина — не вулканическая порода. Она рождается на дне морей из ила. Стало быть, хребет Витязя не был затонувшей цепью. Это было древнее дно моря — неповрежденная кожа Земли, которая растрескалась рядом — на Курильских островах. И недра вулкана изучать здесь не приходилось, и ценные жилы искать не стоило. Вот какой ответ преподнесла нам первая колонка, а прочие подтвердили его.

Вывод сложился у нас к концу рабочего дня, когда машина остановилась на скалистой площадке и погасила прожекторы. Только теперь мы ощутили усталость. Шестичасовой сеанс в кино — вещь утомительная. А ведь мы не просто смотрели на экраны, мы ловили мелкие детали, узнавали, определяли, описывали, не отводя глаз, боясь пропустить важное. От напряженного смотрения болели глаза, шея и лопатки. Но покидали экранную мы с удовлетворением. Получен ответ. Целый ответ, и всего лишь за день. Для науки — это щедро.

Впрочем, Сысоев не считал, что ответ уже получен.

— Не надо записывать, что здесь нет вулканизма, — предлагал он. — Напишем, что мы не обнаружили.

— Хорошо, напишем, что мы не обнаружили.

— Не обнаружили на нашем маршруте...

— Но это само собой разумеется.

— Ведь мы пересекли хребет в случайном месте. У нас и результаты случайные, — сомневался Сысоев.

— Возможно случайные, но вероятнее средние.

— Наши предшественники придерживались иной точки зрения. Были же у них какие-нибудь основания. Не глупее нас люди.

— Не глупее. Но такой машины у них не было, чтобы шла по дну и бурила разведочные скважины.

— Нет, все-таки нужно проверить, прежде чем составить мнение, — настаивал Сысоев.

— А по моему, прежде нужно составить мнение, а потом уже проверять. Что же вы будете проверять, если у вас нет мнения? Впрочем, насчет проверки я согласен...

6

РАЗГОВОР этот происходил по дороге в столовую и в столовой, пока все мы рассаживались за столиками. Возле Ходорова оказалось свободное место. Я решил не откладывать дела на завтра и подсел к изобретателю.

— Ваша замечательная машина, — сказал я ему, — с первого же дня вносит сумятицу в науку, опровергая установившиеся взгляды. Мы предполагали встретить одно, а нашли совсем другое. Нельзя ли завтрашний день посвятить проверке. Нам хотелось бы пересечь хребет Витязя еще раз четыре зигзагами.

К моему неудовольствию, Ходоров отказался:

— Машина пересечет хребет еще раз на обратном пути. Так записано в ее программе.

— А разве нет никакой возможности изменить программу?

— Нет, возможность есть. Правда, это хлопотно и займет немало времени. Но нам просто не хотелось бы задерживаться на малых глубинах. Представьте — какая-нибудь мелочь, случайность, машина застрянет на хребте Витязя, а получится впечатление, что она не способна идти глубже. Нет, уж мы хотим дойти до самого дна впадины.

Я пытался спорить:

— А не лучше ли обследовать первую ступень и вернуться, потом сделать другую машину... покрепче, и ее уже отправить на следующую ступень, где давление больше.

Ходоров улыбнулся с превосходством:

— Наша машина рассчитана на любую глубину, на любое давление.

— Но все же есть предел? Ведь у каждой машины свой расчет. Даже пушки разрываются, даже дома рушатся, когда предел прочности пройден.

— Тут совсем другой принцип, — сказал Ходоров. — Когда человек спускается под воду, он везет с собой воздух — частицу привычной атмосферы и старается сохранить ее под водой. Толстые, стальные стенки, резиновая оболочка, иллюминаторы, похожие на орудия, герметичность, необыкновенная прочность — все это требуется, чтобы уберечь воздух. Но машина ведь не дышит. И мы решили: пусть она живет в воде, как рыба, пусть все части ее работают в воде. Пусть на ней не будет ни одного цилиндра, никаких воздушных камер, ничего такого, что можно было бы раздавить. Вы же видели нашу машину. Все плоское, все омывается водой. С одной стороны, давление 700 атмосфер, и с другой стороны — 700. А давление само по себе не страшно, опасна разница давлений. Если бы сверху было 700 атмосфер, а снизу — одна, машина расплющилась бы, как под прессом.

— Но неужели все плоское? А двигатель? В нем же есть камеры сгорания?

— У нас электрический двигатель, и работает он от атомных аккумуляторов.

— А все эти телевизионные установки, аппаратура управления? Там же тысячи пустотных ламп.

— Ни одной. Кристаллы, полупроводники. И вода для них не страшна, и давление не страшно.

Я представил себе мысленно, какую работу надо было проделать, чтобы каждую деталь приспособить к воде...

— Но это же гора проблем, — воскликнул я. — Когда вы успели все поднять? Ведь вы так молоды.

Если хотите распознать человека, похвалите его в глаза. Тут он весь раскроется перед вами. Один ответит смущенной улыбкой, другой — самодовольной, этот — распетушится, а тот спрячется за общие слова.

— При чем здесь я? — сказал Ходоров. — Машина создана целой лабораторией. Правда, идея моя, но ведь идеи

тоже не падают с неба. Учась, мы получаем в наследство достижения всего человечества, и самый великий изобретатель прибавляет только кроху. Ведь атомный двигатель изобретен до нас, подводный мотор — до нас, телевидение, в том числе и подводное, — тоже до нас. До нас были созданы вычислительные машины, саморегулирующиеся и самоуправляющиеся устройства. Нам пришлось только соединить, скомпоновать, кое-что проверить и приспособить для воды. На это ушло четыре года... Больше, чем мы предполагали.

И я понял, что этот молодой человек сделает еще очень много в своей жизни. Так часто встречаешь людей, которые додумаются до какого-нибудь пустячка и кричат везде о своих заслугах. А Ходоров умалил действительные заслуги, значит он мог уйти далеко вперед. И так ли важно, что он относился к породе неумелых, не привыкших колоть дрова, не научившихся распоряжаться людьми. У него была своя задача в жизни, и он справился с ней прекрасно.

— Машины не боятся среды, — продолжал Ходоров. — В этом их главное достоинство. В дальнейшем мы сделаем машины для безвоздушного пространства, для огня, для сверхвысокого давления. Можете быть уверены — и в глубинах Земли, и на окраинах Солнечной системы вскоре будут работать самодвижущиеся машины, действующие по программе.

Но здесь интересный разговор прервала Казакова, та женщина-гидролог, которая так переживала столкновение с кальмаром.

— Товарищи, сейчас ужин, отдых. Хотя бы за ужином забудьте о делах.

Сысоев поддержал ее:

— Да-да, рабочее время истекло. Оставим дела до утра.

Я замолчал. Никогда я не понимал этой застойной вежливости. Почему не говорить о делах, разве работа — скучная обязанность? Я, например, бывал в экспедициях, могу рассказать о них бездну поучительного. В геологии я знаток, тут меня можно слушать с пользой. О музыке, о

стихах, о любви и прическах я рассуждаю, как все. Кому же это нужно, чтобы я повторял общеизвестные истины?

И сразу после ужина я ушел. Я лег в постель, укрылся чистой простыней, с удовольствием вытянул ноги, закрыл глаза. Перед глазами сразу возникли впечатления дня: треугольный нос, погружающийся в воду, красно-буро-зеленые подводные заросли, морские звезды с растопыренными лучами, рыба, похожая на далекий пароход, присоски кальмара, величиной с блюдо. Это было сегодня... И праздничный ужин в столовой, шумные веселые голоса тоже были сегодня... И я подумал — вот сейчас, когда мы отдыхаем, в холодной черной глубине стоит героиня нашего торжества — машина. Вокруг черно, как в погребу, слепые рыбы тычутся в нее мордами, крабы царапают острыми ногами. И мне стало немножко грустно за нашего посланца... Хотя я и знал, что машина ничего не чувствует, все-таки было жалко ее, как всаднику жалко коня, а шоферу — автомобиль.

7

КАК вы думаете, где океан глубже всего? Напрашивается ответ: вероятно, в самом центре, вдали от берегов. Не угадали. Как раз наоборот. Величайшие в мире впадины примыкают к суше, жмутся к прибрежным горам, к островным дугам.

Посмотрите на карту, без карты вы меня не поймете. Вот голубой простор Тихого океана. Мелкие места белесые, как утреннее небо. Чем глубже, тем гуще синева. И самое синее по краям океана, словно картограф синим карандашом подчеркивал берега. Узкие удлиненные впадины вытягиваются вдоль Америки, Алеутских островов, Курильских, Японских, Рюкю. Филиппия. Еще одиасиняя ветвь, отходя от Японии, очерчивает острова Бонин, Тонга, Кермадек. Эти подводные ущелья километра на три врезаются в дно океана. Здесь рекордные глубины — 8, 9, 10, почти 11 километров. Океан подобен каменному

бассейну с каменными же бортами. Но дно его неплотно пригнано к бортам. Между плитами остается щель, залитая водой.

Почему же возник этот великий всемирный разлом по краям Тихого океана? Всегда ли был здесь океан или когда-нибудь была и суша? Как образуются здесь горы, все ли горы на Земле возникают близ океанских впадин? И не встретим ли мы в глубочайших впадинах какие-нибудь редкие и ценные минералы из самых глубоких недр? С надеждой ожидали мы, что наша машина прояснит эти важные вопросы. И с нетерпением поглядывали на табло, где сменялись четырехзначные числа.

Вторую ночь машина провела на глубине 7 километров, а утром начался спуск во впадину.

Склон был здесь круче всего. То и дело он обрывался отвесной стеной. Для земных машин склон был бы непроходим. Но вода тормозила падение, наша машина удачно сползала по кручам, а с выступов прыгала, как лыжник с трамплина. Прыжки получались плавными, словно в замедленной съемке. Летящий лыжник опускает пятки, иначе он врежется носками в снег и перевернется через голову. Так же снижалась и машина. Она становилась на грунт задней частью гусениц, потом всей подошвой... и тогда уже продолжала путь.

На склоне было бесконечное разнообразие трамплинов. Машина преодолевала их с неизменным искусством. Местами ей приходилось делать двойные, даже тройные прыжки. Только прикоснувшись к грунту и снова парит... в воде.

Восьмой километр, за ним — девятый. Люди еще не бывали так глубоко. На суше нет восьмикилометровых шахт, нет даже буровых скважин. Только глубоководные лоты и драги, влекаемые стальным канатом, изредка появлялись здесь, чтобы промерить глубину или зачерпнуть грунт.

Таинственная, недоступная область! Робкие лучи прожектора выхватывали из черной маслянистой воды смут-

ные очертания скал. Мерещились башни, крепостные стены. В памяти всплывали страницы из читанных в детстве романов. Как интересно было бы наткнуться на каких-нибудь атлантов, живущих под прочными сводами в вечной тьме!

Но замки подплывали ближе и оказывались обычными скалами. Жизнь была и тут, но увы, не разумная, а убогая, нищая, как и полагается на пустынной окраине. А черные воды глубин и были пустынной окраиной, как бы Заполярьем для прогретого солнцем теплого поверхностного слоя. Пища шла сверху, оттуда падали отмершие остатки животных и растений. И обитатели глубин ловили жадными ртами этот пищевой дождь, океанскую манну небесную, или рылись в иле, подбирая объедки.

Нам попадались морские лилии, распластанные морские звезды, а чаще крошечные мешочки голотурий и погонофоры — жители самых больших глубин — тоненькие трубочки с кишечником в щупальцах. Трубочки эти десятками наматывались на валы и оси. Машине приходилось состригать их, как водоросли в первом подводном лесу. Рыбы уже не встречали. Исчезли плавучие созвездия и рачки, вспыхивающие, как бенгальские огни. Здешные животные были прозрачными, слепыми, даже безглазыми. Зрение было ни к чему в этой кромешной тьме.

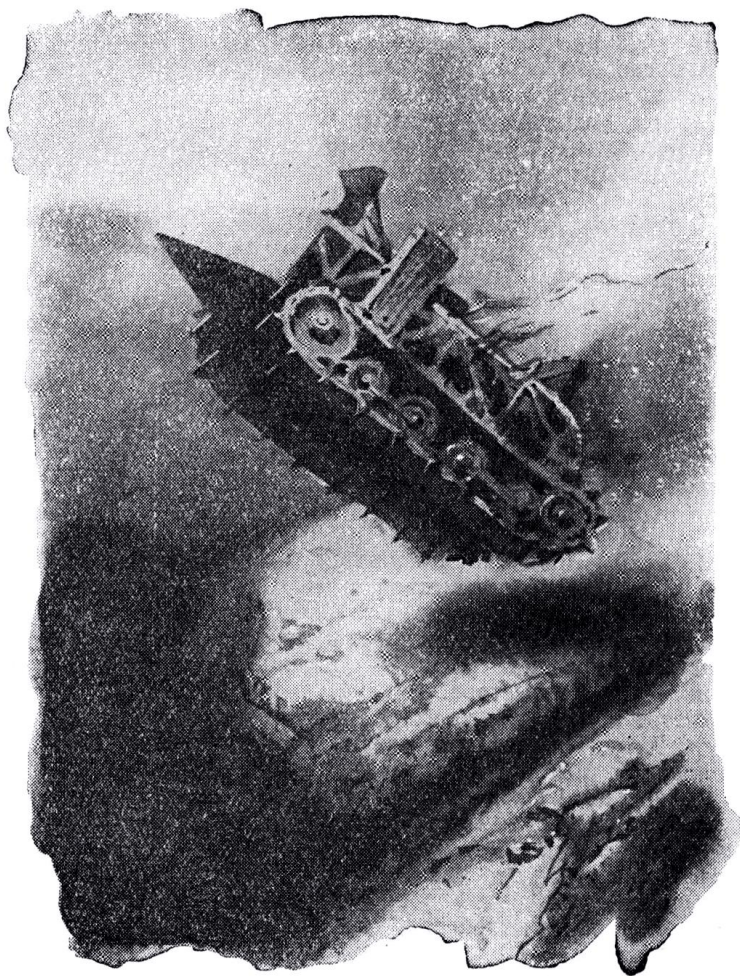
Но слепая анемичная живность плодилась и процветала здесь при давлении в 900 атмосфер, смертельном для любого из нас.

Десятый километр. Спуск стал положе, но еще труднее. Машина пробиралась среди просевших, отколовшихся, скатившихся глыб. То и дело заходила в тупики. Ну, кажется, нет выхода. Застряли. Нет, отыскала дорогу, сворачивает вправо, влево, дает задний ход, и снова — перед нами чистая вода. Вот качающаяся глыба. Не опрокинется ли машина? Не рухнет ли вместе с неустойчивой скалой? Нет, проползла, нет, увернулась.

Нам с Сысоевым приходилось тяжело. Крутизна не позволяла задержаться, пласты сменялись, как в кинофильме.

Что-то мы подмечали и записывали на ходу и, конечно, не успевали проверить.

— Юрий Сергеевич, вы не ошиблись? Вы диктовали — пологий пласт. Посмотрите, какой уклон...

Машина плывет... Вниз гусеницами, как и полагается.

Да, верно. На этот раз замечание справедливое. Как же это я спутал? Пласт красноватого песчаника стоит дыбом... Запрокинулся... Что такое? Обвал, оползень, подводная лавина?

Только что красноватый пласт был внизу, а грязно-белый — наверху. Теперь они поменялись местами,

Но это был не обвал. Опрокинулся не склон, а машина. Она не промахнулась, подвела природа. Прыгая с очередного трамплина, машина нацелилась на широкий уступ. Но он был непрочен. На расстоянии этого нельзя было определить. Под одной гусеницей грунт обрушился. Вода смягчила падение, поломок не было, во всяком случае, передача изображений сохранилась.

Но машина лежала на спине, беспомощная, как перевернутый жук, и баламутила воду гусеницами.

— Алексей Дмитриевич, а на перевертывание есть программа?

Оказалось, что есть. Имеется специальный маховик, он должен раскрутиться, создать опрокидывающее усилие...

На заднем экране побежали струи, закипела вода, взбитая лопастями. Ну же, ну! Нет, все на прежнем месте, красноватый пласт наверху, белый — внизу.

— Сейчас она повторит и перевернется, — сказал Ходоров не очень уверенно.

Опять потекли спиральные струи, муть застлала экран. А когда она осела... красноватый пласт был по-прежнему наверху, а белый внизу.

И третья попытка была неудачна, и четвертая, и пятая.

Лица у нас постепенно вытягивались. Чувствовали мы себя как путник, который упал в грязь и не может выбраться. Сначала он смущенно посмеивается, потом досадует, сердится, а под конец приходит в ужас. Он уже не жалеет одежды... лишь бы выбраться как-нибудь.

Рывок... Без результата.

Цифры неизменны. Маячит на табло все та же глубина — 9276 метров. Остановился спидометр. Только неумолимые минуты ползут непрерывно.

Сколько мы уже стоим?

И подкрадывается опасение: не закончилось ли наше путешествие? Что-то нужно предпринять серьезное. Но что именно? Машине можно задать лишь то, что ей по силам. Она не сумеет перевернуться, какие приказы ни посылай. Были бы в ней люди, они бы вылезли, навалились плечом, приспособили бы какой-нибудь рычаг, переложили груз на один борт. Одним словом — придумали бы и смастерили что-нибудь. Но машина не способна придумывать и мастерить. У нее свои возможности, своя программа.

Рывок... Муть... Без изменения...

Светится все то же роковое число — 9276. Глубина свыше 9 километров. Просить помощи? Но никакие подводники не спасут машину. Нет таких водолазов, чтобы работали при давлении около тысячи атмосфер.

— Алексей Дмитриевич, как же быть?

— На плавучей базе есть электромагнитный кран. Придется послать им радиограмму.

Что же выходит? Путешествие прервано? Конец? Споры повисли в воздухе. Мы так и не узнаем, есть ли что-нибудь небывалое на самом дне. Вопросы поставлены, ответа нет и не будет.

И вдруг, — красноватое внизу, а белое наверху.

Ура! Машина перевернулась сама. Раскачала край выступа, он обломился... И вот машина плывет вниз гусеницами, носом вверх, как и полагается.

8

 НОВА на экране сменяются цифры — 9277, 9278, 9279... И еще сто метров, и еще... Когда машина не стоит, цифры так и мелькают. Сысоев опять ворчит, но уже не всерьез. Излишек работы лучше безделья. И вот первое пятизначное число — единица с четырьмя нулями — 10 километров.

В этот момент никто не смотрит на экраны. Все ждут, когда появится знаменательное число. Его встречают аплодисментами, рукопожатиями, объятиями.

Скоро дно. Освещенный круг все теснее, свет прожекторов упирается в мутный туман. Машина плывет во взвешенном иле. Под гусеницами не то слякоть, не то кофейная гуща. Это тоже ил, уже осевший, но не слежавшийся.

— Алексей Дмитриевич, мы не завязнем в этой грязи?

Дно впадины плоское — первая равнина сегодня. Пожалуй, дном его можно назвать только условно. Это просто уровень более плотной мути. Из нее, как обломанные зубья, торчат полужасосанные скалы. Когда машина проходит мимо них, мы с Сысоевым определяем — эта глыба скатилась с 7200 метров, а этот серозеленый песчаник из ближайших мест, с 9 километров. Все знакомое, все прибывшее сверху. Лавы мы не видим, не видим древних вулканов. Никаких неведомых глубинных пород. Все знакомое, все прибывшее сверху. Разочарован я? Пожалуй, нет. Дороже всего достоверные факты. На них можно опираться твердо, чтобы идти вперед. И в голове у меня всплывает обычное: «Так вот она какая, океанская впадина. Почему же она возникла в таком виде? И что полезного стоит искать здесь?»

Из желтой мглы выдвигается серая тень. Гуще, отчетливей, придвинулась вплотную. Машина остановилась перед крутой матово-черной базальтовой стеной. Это противоположная грань впадины — край океанского ложа.

Если бы океан внезапно высох, удивительная картина предстала бы перед нашими глазами.

Мы увидели бы узкую долину, почти ущелье, шириной не более 5 километров, занесенное красноватым илом. А с обеих сторон его — горные массивы, не хребты, а, скорее, каменные стены. На востоке стена в 3—4 километра высотой, серо-черная, угрюмая, почти отвесная. На западе стена полосатая, пестрая, разбитая трещинами на причудливые глыбы — узкие и плоские, остроконечные и

округлые, похожие на рыцарей в шлемах и на солдат в касках. Полнеба заслонила бы эта стена. И высоко-высоко на горизонте на 11-километровой высоте над ней вились бы дымки Курильских вулканов.

Мы увидели бы... Но океан не высох. Прозрачная вода вовсе не так уж прозрачна. На глубину 10 километров она не пропускает ни одного луча. Подводное ущелье было заполнено черной, как смола, жидкостью, и никто не мог полюбоваться его суровой красотой.

9

"ГОРЯЧО ПОЗДРАВЛЯЕМ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫМ
УСПЕХОМ ЖЕЛАЕМ НОВЫХ ТВОРЧЕСКИХ
ДОСТИЖЕНИЙ НА ПОЛЬЗУ РОДИНЕ.

КОЛЛЕКТИВ

РАБОТНИКОВ ЛАБОРАТОРИИ № 4».

Машина дошла до рекордной глубины в 5 часов вечера по курильскому времени, а по московскому — в час ночи, и утренние газеты успели поместить короткое сообщение о нашей победе. А когда утро пришло на Итуруп, к нам дождем посыпались поздравительные телеграммы.

Поздравления присылали знакомые и незнакомые: сотрудники лаборатории, где создавалась машина, рабочие опытного завода, где она была изготовлена, студенты — однокашники Ходорова, профессора, некогда ставившие ему отметки, коллективы и отдельные лица. Самую длинную и восторженную телеграмму прислал некто Волков — непосредственный начальник Ходорова. Прочтя ее, Алеша иронически улыбнулся и сказал:

— Конечно, теперь он поздравляет. А раньше на каждом совещании твердил: мы не имеем права разбазаривать народные средства на никому не нужные проекты, вроде подводной машины.

Потом пришли поздравления от «съезда океанографов», от Института вычислительной техники и от пионеров школы № 7 города Нижнего Тагила. «Мы обещаем учиться

только на хорошо и отлично, чтобы в будущем делать такие же умные машины, как ваша», — писали ребята. И еще какая-то Людмила Стороженко-Петрова прислала прочувствованную радиogramму из Сочи. Ходоров долго тер себя по лбу, вспоминая, где они встречались. «Да это же Люся Петрова! — воскликнул он. — Я был страшно влюблен в нее в 8 классе, даже хотел топить. А она рвала мои записочки, не читая».

Но беспрерывно прибывающие приветствия отрывали нас от экрана, где происходили волнующие события. И, как ни приятно было получать поздравления, Ходоров приказал радисту самому просматривать почту, передавать только деловые сообщения. Часа полтора никто не тревожил нас, потом радист все же постучал и вручил еще одно послание от того же Волкова:

«СООБЩИТЕ ТОЧНЫЕ СРОКИ ВЫХОДА МАШИНЫ НА БЕРЕГ. К ВАМ ВЫЕЗЖАЮТ ДЛЯ ВСТРЕЧИ ПРЕДСТАВИТЕЛИ НАУЧНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ, ОБЩЕСТВЕННОСТИ, ЦЕНТРАЛЬНОЙ ПЕЧАТИ. ОБЕСПЕЧЬТЕ ПРИЕМ, ПИТАНИЕ, ПОМЕЩЕНИЕ...»

— Куда же мы денем столько людей? — спросил радист растерянно.

Но это смущало нас меньше всего. Гостей мы как-нибудь разместили бы. Беда была в том, что за четверть часа перед этим экраны погасли, связь с машиной была утеряна.

10

ВИНОВАТ был, пожалуй, я. Или, точнее сказать, машина вышла бы на берег благополучно, если бы не я с извечным геологическим «требуется найти его, во что бы то ни стало».

В то лето мне поручено было найти алмазы — самые прекрасные и самые твердые из камней. Две жизни у этого

редкого минерала. Во-первых, алмаз красиво сверкает и дорого стоит, он может поэтому ублажать богачей, украшать уши, волосы и пальцы тунеядцев, высокомерно сиять в коронах, дремать в витринах музеев, поблескивать на ризах священников, подчеркивать власть имущих, унижать неимущих.

Но есть у алмаза и другая жизнь — трудовая. Самый твердый на свете — он грызет гранит в буровых скважинах, шлифует кристаллы, режет стекло и самую твердую сталь. Будь алмазы обильнее, мы применяли бы их на каждом шагу, делали бы алмазные резцы, ножи, сверла, алмазные пилы, сверхтвердые, неизносимые, нержавеющие.

К сожалению, алмазы дороги и редки. Сотни рублей стоят доли грамма. Месторождения их можно пересчитать по пальцам: Южная Африка, Бразилия, истощенные ныне копи Индии, наша Якутия. А промышленность требует еще и еще. Нужны новые месторождения. Где их искать? Всюду.

И вот поступило сообщение с Камчатки, что местные геологи обнаружили алмазные трубки. Меня послали проверить, составить карту, определить запасы. Но в первый же день я понял, что мы приехали напрасно. Нас обманули, конечно, без умысла. Людей подвела неопытность, молодой задор, страстное стремление сделать от крытие. Кто хочет видеть сны, тот видит их. Энтузиазм приняли за доказательство, отпустили средства... И поскольку средства были отпущены, приходилось теперь убедительно, со знанием дела, на основании точных данных убеждать, что мы ищем не там, где следует. Есть люди, которые испытывают наслаждение, разгромив чужой замысел. Я не принадлежу к их числу. Лето, потраченное на опровержение, было самым утомительным и неприятным в моей жизни. Чему радоваться? В науке ошибки обходятся дорого. Полтора миллиона были выброшены на ветер, и я целое лето доказывал, что они выброшены. Совесть мучила меня, может, и зря. Мне хотелось сделать что-нибудь более продуктивное. И я с охотой согласился на дополнительную работу — поехал консультантом к Ходорову.

Но и здесь мне приходилось заниматься ликвидацией надежд, своих и чужих. Мы видели много любопытного, но ничего ценного не нашли ни на хребте Витязя, ни на дне океанской впадины. Потом машина дошла до базальтового массива, двинулась вдоль него. Километр за километром плыли мимо нас базальтовые глыбы, шестигранные столбы, застывшие потоки лавы. И я подумал: «сколько же здесь базальта! Как в Индии на Деканском плоскогорье». Затем в голове мелькнуло: «Индия — плоскогорье с крутыми краями. По краям — невысокие горы. Месторождение алмазов позади — в тылу. В Южной Африке то же. По краям невысокие горы, за ними плоскогорье и там — алмазы. В Бразилии по берегу невысокие горы, в тылу их — на плоскогорье — алмазы. И тут на дне океана передо мной крутые края плоскогорья. За возвышенностью равнина, как в Индии, как в Южной Африке. И там могут быть алмазные трубки... стоит их поискать».

Бывают в жизни минуты, которые дороже месяцев и лет. Поэты называют их вдохновенными. А в науке, как я замечал, вдохновение дает правильная мысль. Пока вы ищете не там, пока пробираетесь ощупью, годы и годы уходят у вас на маленький шагочок. Но в конце концов вы приходите к верному решению. Примеряете. Совпало. Подходите с другой стороны. Получается. Чужие несвязанные вещи, начинают сходитьсь, объясняться, выстраиваться... Вы разгадываете тайны, вы легко открываете двери, закрытые веками.

Ключ в руках, не для себя же его хранить. Находку хочется показать, пусть люди порадуются. И я понес свои мысли Сысоеву, человеку, который лучше других должен был меня понять.

Сысоев слушал внимательно. Но заглядывая ему в лицо, я не увидел ни сочувствия, ни радости.

— До чего же вы любите предположения, — поморщился он. — Догадки, теории, сравнения. Аналогия — не доказательство. А где факты? Во всяком деле нужен порядок. Сначала следует собрать факты, потом обдумывать.

Я рассердился.

— И после которого же факта вы начинаете думать, страшный вы человек? А до той поры что делаете? Отражаете, как машина Ходорова? Что для вас дороже — открытие или порядок? Вероятно, дома у себя вы обедаете по часам 16 минут с четвертью и устраиваете жене скандал, если она вилку положила не с той стороны.

Так вздорными колкостями и кончился этот разговор. Я вышел, хлопнул дверью, мысленно обругал аккуратиста Сысоева, потом самого себя за несдержанность, собрал мысли, упорядочил их и отправился на этот раз к Ходорову.

Каждому научному работнику нужно быть немножко адвокатом. Не всегда есть возможность доказать свою правоту, нужно уметь и убеждать. С Сысоевым я был излишне откровенным, не подумал, что ему нравится и что раздражает его...

А что за человек Ходоров?

По-моему, патриот своего дела, и второстепенные соображения ему чужды.

И я сказал ему, что до сих пор экспедиция была, по существу, спортивной. Машина поставила рекорд глубины — таков итог. Попутно делались разрозненные научные наблюдения. Но на самом деле машина построена для науки, и это нужно еще подтвердить. И вот подходящий случай. Машина может проверить мои предположения на океанском ложе. А если вдобавок она найдет алмазы, всем будет ясно, на что она способна. Не гостем-разведчиком, — покорителем океана вернется она на берег.

И Ходоров согласился. Этот молодой инженер был настоящим исследователем. Завтрашние трудности интересовали его больше вчерашних успехов. Больше всего ему понравилось, что у машины есть возможности, которых он сам — автор ее — не предвидел.

Нас поддержали все участники экспедиции. Все жаждали увидеть, что откроется впереди, не хотели прерывать красочное путешествие. Даже Сысоев с оговорками высказался «за».

— Но я должен предупредить, что доводы моего коллеги Сошина — совершенно ненаучны, — сказал он.

Я не спорил с ним. Пусть остается самим собой. Важно, что машина отправится вперед.

11

РАЗЛОЖИВ на большом столе подробную карту дна, Ходоров предложил мне:

— Прошу вас, Юрий Сергеевич, проинструктируйте машину. Но учтите, что она действует механически, не понимая, что делает. Представьте себе, что у вас очень исполнительный, старательный, точный, неутомимый, но ничего не соображающий помощник.

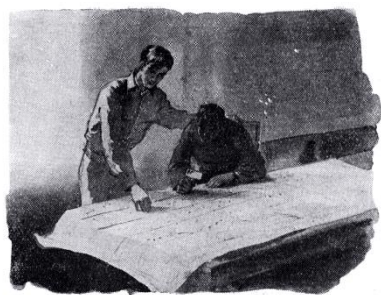
А я терпеть не могу исполнительных дураков. Всю жизнь я добивался, чтобы мои подчиненные — не только студенты, но и рабочие — понимали научные задачи экспедиции.

— Ну, если вам трудно перестроиться, разъясните мне, чтобы я понял, а я уже дам задание машине, — сказал Ходоров.

Так вот, я говорил уже не раз: чтобы знать, где можно встретить минерал, мы изучаем его происхождение.

Происхождение алмазов рисуется нам так:

Были времена, когда вулканическая деятельность на Земле была гораздо сильнее, чем сейчас. Пепел и лаву из-

— Прошу вас, Юрий Сергеевич, проинструктируйте машину.

вергали не отдельные вулканы, не ряды огнедышащих гор, а глубокие пропасти. Земная кора лопалась, из трещин-пропастей выливались озера базальтовой лавы. Индия была огненным морем в один из таких периодов. Здесь не было ночи, багровым светом

была освещена вся страна. Километровый слой лавы излился там. Сейчас ничего подобного, к счастью для нас, нет на Земле. Крошечное озеро лавы на Гавайских островах да трещина, которая открывалась в Исландии в 18 веке, — вот все, чем мы можем похвастаться.

Земная кора колыхалась, проседали целые страны. Кое-где под землей давление падало, там возникали газовые пузыри. Если же растяжение сменялось быстрым сжатием, пузырь выталкивался наверх, пробиваясь сквозь толщи пород. Земля как бы стреляла изнутри. Неожиданно возникало жерло. Сноп огня, пепла, пара вырывался на поверхность. Затем глубинная лава заполняла пробитую дырку, и только что родившийся вулкан засыпал навеки.

Вот в этих особенных, один раз существовавших вулканах и родились алмазы. Они возникли в тяжелых темных породах, пришедших с глубины около 150 километров при страшном давлении свыше 100 тысяч атмосфер, давлении, которое в сотни раз больше, чем на дне океана или в стволах орудий. Даже машина Ходорова не выдержала бы ста тысяч атмосфер, потому что в таких условиях сталь течет, как горячий асфальт.

Так начинается пунктирная цепочка следов, ведущая к тайному убежищу алмазов. Нужно искать обширные излияния древних лав, возле них подвижные линии на земной коре там, где возникали растяжения и сжатия, а на этих линиях — алмазные трубки — жерла древних вулканов.

Выслушав мою лекцию, Ходоров сказал:

— Насколько я понимаю, вы полагаете, что перед нами базальтовый массив. Попробуем сформулировать. Итак, мы поднимаемся на плато, пересекаем краевую возвышенность. Дальше что?

— Дальше мы ищем выходы древних пород.

— А как их отличить?

— Пусть машина ищет переход с возвышенности на равнину. Этот пограничный перегиб и может быть той подвижной линией, где садятся трубки.

— Годится, — обрадовался Ходоров. — Перегиб машина найдет. А как она узнает трубки?

— В трубках есть особая порода — кимберлит, или синяя глина. Ее можно отличить по внешнему виду или по составу. В ней очень мало кварца, меньше, чем в других породах.

— Опять-таки, на машине нет приборов, определяющих содержание кварца.

Я задумался. Ходоров ставил меня в трудное положение. Что же можно посоветовать нашей неумелой машине? Возвратить ее на берег, чтобы специально оборудовать для поисков алмазов? Именно этого мне и не хотелось.

— Есть еще одна примета, — припомнил я. — В трубках силен магнетизм, в десятки раз сильнее, чем в окружающих породах.

— Очень хорошо, — кивнул Ходоров, — магнетизм мы измеряем. Можно присоединить на управление.

И он начал заполнять отпечатанный бланк. Получилось примерно вот что:

ПРИКАЗ № 2
от 29 августа 19..... года
Самодвижущейся подводной машине СПМ № 1

Ориентир	Действие
Немедленно	Отложить выполнение прежней программы курс на восток
Перегиб. Переход со спуска на подъем. После минимальной высоты 3 километра	Курс на север
Магнитная аномалия	Бурение скважины. Взятие проб

Так, шаг за шагом, были описаны все действия машины. Мысленно Ходоров прошел весь маршрут до конца. Заняло это довольно много времени. Наконец, он заполнил последнюю строчку:

«Ориентир: 600 километров по счетчику. Действие: возвратиться по пройденному маршруту».

— Все? — спросил я с облегчением.

— Нет, не все. Мы это написали по-русски, нужно перевести еще на язык, понятный машине.

Он вынул толстую книгу с надписью «Код», разыскал там слово «немедленно» и подсел к стрекочущему аппарату, который пробивал дырки на длинной ленте. «Ориентир». «немедленно», «действие», «приостановить», — все это изображалось различными комбинациями дырочек. Ходоров пробивал их, его помощники проверяли.

Я вышел из помещения. Давно наступила ночь. Черные тучи ползли по небу. Из тьмы, тускло поблескивая, выкатывались лаково-черные валы. Одинокий огонек в окошке радиста терялся в море мрака, и оттуда во тьму, под хмурыми тучами, под сердитыми волнами, в крутое подводное ущелье несясь приказ:

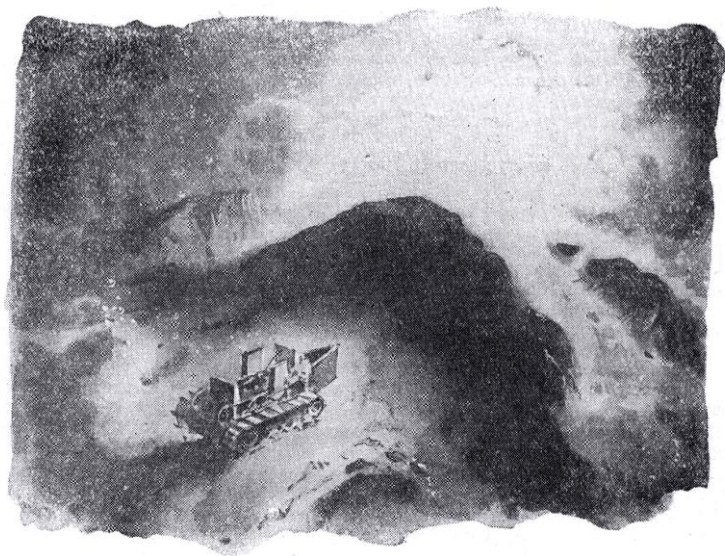
«Ориентир — немедленно. Действие — приостановить прежнюю программу, курс — восток»... Вперед, на проверку гипотезы Сошина!

12

 ВЕТ мы заметили сразу, как только машина выбралась из подводного ущелья. Сначала мы не придавали ему значения, полагая, что слабое фиолетово-серое свечение зависит от свойств экрана. Но свечение становилось все ярче, а главное, меняло цвет. Фиолетовый оттенок сменился синим, синий — голубоватым. Это показывало, что источник света действительно находится под водой и наша машина приближается к нему. С поверхности океана фиолетовые лучи тоже проникают глубже всего, голубые — несколько мельче, зеленые — еще мельче.

Что же светится в глубине? В голове мелькали различные догадки. Огромное скопление бактерий? Залежи радиоактивных минералов? Как хорошо было бы открыть в

глубинах небывалое месторождение! И затаив дыхание, мы напряженно всматривались вперед.

Машина начала спуск с опасной горы.

Таинственный свет мерцал примерно так, как мерцает неисправный экран. Никакой закономерности во вспышках мы не подметили. К тому же нам мешали светящиеся креветки. Они ослепляли нас огненными взрывами, после этого глаза переставали различать бледно-голубое сияние.

Но потом мы все же разобрали, что сияние это исходит из определенной точки по курсу машины. Еще минут через 20 мы начали различать светящееся ядро и слабо освещенную оболочку вокруг него... В нижней части ее был вырезан темный сектор — свет как бы поднимался из-за горы...

— Вулкан? — предположил Ходоров.

И это был, действительно, вулкан. С каждой минутой мы видели его все яснее. Впервые люди любовались подводным извержением. Наземные вулканы выбрасывают пар и пепел на высоту до 15 километров. Но пятикилометровый столб воды, конечно, никакой вулкан пробить не мог. Это было как рычание с зажатым ртом. Пепел расплывался под

водой тяжелой тучей, раскаленная лава, вырвавшись из недр, тут же меркла. Короткие огненные языки освещали облако пара. Над горой плавал мерцающий туман.

Вероятно, до кратера оставалось километров шесть, не больше. Но, поглощая свет, вода скрадывала расстояния. Лава казалась не огненно-красной, как на суше, а мертвенно-зеленоватой. Мы все еще с трудом различали происходящее, скорее догадывались, а не видели. И какая-нибудь ничтожная креветка все еще могла затмить для нас вулкан.

Внезапно Ходоров, опрокидывая стулья, ринулся к двери, распахнул ее, с порога крикнул радисту:

— Саша, срочно, изменение программы. «Ориентир — немедленно. Действие — отложить прежнюю программу. Курс — юг». Скорее, иначе машина врежется в лаву.

Я мысленно продолжил потоки лавы и понял, что Ходоров не напрасно встревожился. Там, где лава уже не светила, она была достаточно горяча, чтобы кипятить воду, и бледные полосы тумана пересекали наш путь. Невидимая под темной тоненькой корочкой огненная река была впереди.

Прошла минута, прежде чем радист зашифровал и передал приказ. За это время грозная опасность придвинулась вплотную. На экране появилось смутное облако. Оно приближалось, становилось плотнее. Вот уже половина экрана затянута паром.

Приказ дошел все же. Машина повернула. Туман переместился на левый боковой экран. Ковыляя по буграм застывшей лавы, качаясь, как на волнах, машина начала спуск с опасной горы. Лава двигалась рядом где-то левее.

Но почему же и на переднем экране появился снова туман? Как понять? Обгоняет лава, что ли? А не забежит ли она вперед, не перережет ли дорогу? Что это? Впереди темно, ничего не видно. Цифры глубины стремительно растут. Очевидно, прыжок с трамплина. Минута, другая. Когда же пологое дно? Какой-то туман поднимается снизу. Ил или пар? Неужели машина угодила в побочный кратер?

Пронесются громадные пузыри. Туман все гуще. Яркая вспышка, и...

По всем экранам бегут косые светлые линии, так хорошо знакомые каждому телезрителю. Приемник работает... но изображения нет.

Механики даже не стали проверять аппаратуру. Всем было ясно, что поломка произошла внизу, на склоне подводного вулкана.

13

ТУМАН стоял над океаном, неизменный курильский туман. И грозные валы, выплывающие из мглы, казались еще страшнее — безмолвные тени волн, призраки опасности. Катер вспарывал их острым носом, нырял в кипящую пену, соленые струйки текли по нашим лицам, брезентовым плащам, капюшонам.

Мы спешили на плавучую базу, лелея слабую надежду найти машину ультразвуковым локатором и поднять со дна хотя бы остров. Все были здесь в тесной каютке — Ходоров, механики, океанографы, геологи — все, кто с восхищением следил за приключениями машины, вплоть до последнего трагического прыжка.

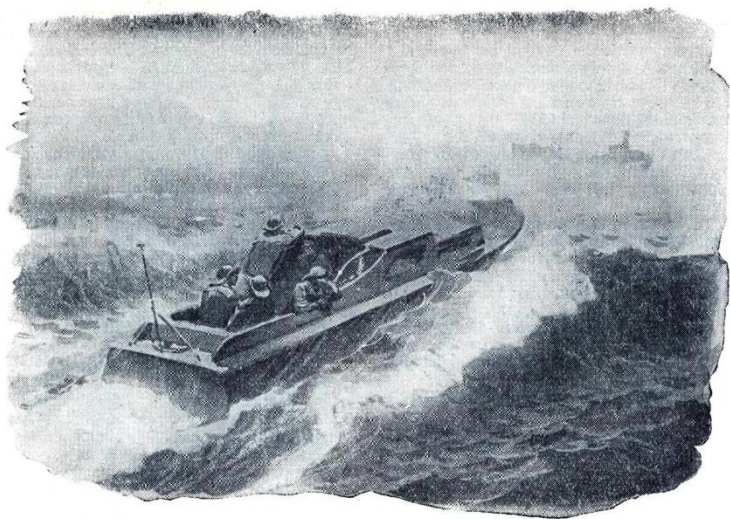
Люди по-разному переживают неудачу. Казакова, например, вздохнула и сетовала: «Ах, какое стечение обстоятельств! Ах, какая жалость! Если бы повернули на 5 минут раньше, если бы взяли на 5 километров южнее...»

Бледный Сысоев (его мучила морская болезнь) настойчиво искал виноватых:

— Когда люди очертя голову лезут на рожон, беды не миновать. Экспедиция была не подготовлена, не продумана. Спешили, как на пожар...

— Задним умом все крепки, — сказал я ему. — Извержение — редкая случайность. Кто мог предусмотреть, что на пути могут быть потоки лавы?

— Без человека не обойдешься, — мрачно изрек Сысоев и перегнулся через борт. Его человеческая натура не выдержала качки.

Ходоров не принимал участия в разговорах. Сутулясь, он молча смотрел за борт. Только один раз сказал мне негромко:

— Знаете, нам долго отказывали в материалах. И мы построили из отходов модель с папиросную коробку. Она ползала по аквариуму и показывала на экране всякие ракушки. Почему-то эта игрушка убедила всех, даже Волкова. Он потом настаивал, чтобы не строить больших машин.

Мне стало стыдно за свое раздражение. Я вспомнил, что Алеша потерял больше всех. Вот он сидит, одинокий, и мысленно повторяет всю биографию своего механического ребенка. Когда-то машина была маленькой и ползала по аквариуму. Сколько изобретательности, энергии, усилий, сколько споров со всякими волковыми потребовалось, чтобы вырастить ее и отправить в океан... навстречу гибели.

Но вот из тумана донеслись прерывистые гудки. Плавающая база подавала голос, подзывала нас. Вскоре появилась остроносая тень небольшого парохода. Сбавив скорость, катер осторожно приблизился к прыгающему борту. Матрос, стоящий на палубе, ловко поймал конец.

И понимая наше волнение, капитан крикнул нам, перевесившись через перила:

— Нашли уже!

14

ВСЕ вместе и по очереди мы ходили в штурманскую будку, чтобы посмотреть на черное пятнышко. Так выглядела наша машина на небольшом экране локатора. Неподвижная, она ожидала нашей помощи на дне под пятикилометровой толщей воды, под зыбкими серо-зелеными неустойчивыми холмами. Но помощи мы не могли оказать. Именно эти холмы мешали нам. Океан развоевался, волны метались в суматошной пляске, пенные языки гуляли по палубе вдоль и поперек, ветер бил по лицу, рвал двери. Мы вынуждены были ждать и утешаться, глядя на черное пятнышко.

Буря бесновалась... а эфир был спокоен, и беспрепятственно доносил до нас радиogramмы. Волков слал приказы, настаивал принять срочные меры, ускорить темпы, обеспечить подъем машины, сохранить в целости материальную часть.

Только на третий день океан утих. Темпераментная пляска сменилась задумчивым покачиванием. Волны были, но совсем иного сорта — широкие, пологие, размеренные. Капитан счел погоду приемлемой, стрела подъемного крана свесилась над водой, и тяжелый электромагнит бултыхнулся в воду.

Океан тут же стер его след. Воды сомкнулись, возобновили мерное раскачивание. Журчала лебедка, стальной канат скользил через борт. К пострадавшему шла помощь. Последнее действие трагедии разыгрывалось в глубинах. К сожалению, океан плотным занавесом скрыл от нас сцену.

Впрочем, мы могли видеть кое-что: два пятнышка на экране, одно побольше, почернее, — электромагнит, другое поменьше и не такое отчетливое — машину. Большое пятно

тускнело и съеживалось,. — электромагнит уходил в глубину. Матрос у лебедки выкрикивал цифры: 3000 метров, 3 100 метров...

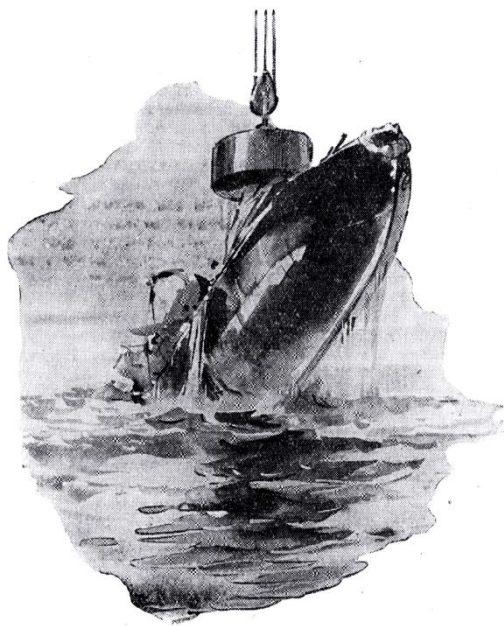
Самое трудное началось у дна. Надо было подвести магнит вплотную, а он качался на пятикилометровом канате не в такт с движениями судна. Капитан долго маневрировал, прежде чем два черных пятнышка слились.

И вот они поднимаются вместе. Матрос снова выкрикивает цифры, но уже в обратном порядке. Вверх канат идет гораздо медленнее, наше нетерпение еще усиливает эту медлительность. Ползет, ползет из воды мокрая стальная змея. Только сейчас понимаешь, как много это — пять километров. А когда идешь по твердой земле — пять километров совсем рядом.

Мы увидели острый нос... а затем и весь корпус...

Осталось пятьсот метров... четыреста, триста. Весь экипаж на одном борту, так бы и пробили воду взглядом. Сто метров... пятьдесят, тридцать. Смутная тень намечается под водой — сначала что-то неопределенное, бесформенное. Но вот океан раздается, черный корпус электромагнита повисает в воздухе, вода сбегает с него каскадом. Теперь очередь машины. Сейчас она появится. Мы видим острый нос...

...А затем и весь корпус старого моторного бота с пробитым дном.

ДОБАВОЧНЫЕ поиски ничего не дали. Судно трижды обошло район вулкана (его нетрудно было найти с помощью эхолота), но никаких металлических предметов не обнаружило. Час за часом плыл наш пароход по глади океана, и с каждым часом угасали надежды. И я начал понимать, что пора подумать о дальнейшем — о тех временах, когда, очистив совесть, мы вернемся на берег ни с чем. И однажды вечером я направился к Ходорову.

Дверь в каюту была приоткрыта. Подходя к ней, я услышал голос Сысоева:

— Не следует смягчать из вежливости, — говорил тот убежденно. — Какой он приятель для вас? Ведь это он со своими беспочвенными гипотезами толкнул вас на авантюру, подставив под удар такое прекрасное начинание. Напишите со всей прямоотой...

— Кто толкнул на авантюру? — крикнул я, распахивая дверь.

К моему удивлению, Сысоев не смутился. Он посмотрел мне в глаза твердым, даже бесстрашным взглядом.

— Я вас имел в виду, — объявил он. — И я говорю вам открыто, Юрий Сергеевич, что вы — виновник катастрофы. И если Алексей Дмитриевич постесняется, я сам напишу в институт о вашем безответственном поведении.

И он вышел, высоко подняв голову.

Ходоров поглядел на меня усталыми глазами.

— Я вовсе не виню вас, Юрий Сергеевич, — сказал он. — Я сам виноват. Так легко было предотвратить аварию, измеряя температуру воды, но я не догадался. Кто же знал, что нужно опасаться извержений?

— А я не пришел извиняться, — возразил я, — я сам не считаю себя виноватым. И вы не виноваты. Мы действовали совершенно правильно. Конечно, безопаснее было держать машину в музее, но ведь она не для этого построена. Нет, она обязана была идти вперед.

Ходоров грустно улыбнулся.

— Теперь уже никуда не пойдет. Будем плавать по бумажному морю. — И он указал на стол, где лежала папка с надписью:

Дело №....
Объяснительная записка
о причинах аварии машины
ПСМ-1.

— Трудно придется, — добавил он. — Предстоят большие бои. Понимаете, как тяжело после неудачи доказывать, что работу следует повторить.

А я понял другое. Я понял, что в таком настроении Ходоров не способен выиграть бой, что в своей «объяснительной записке» он защищается, кладет на плаху виноватую голову, и необходимо приободрить его.

И я позволил себе взять дело № со стола и швырнуть его в угол.

Ходоров смотрел на меня молча, скорее удивленно.

— Ты пиши всю правду, а не четверть правды, — сказал я с деланным возмущением. — Авария машины — это не итог. Настоящий итог в том, что машина блестяще себя оправдала, что она способна выполнять сложнейшую программу, что она свободно ходит по дну и дает богатейший материал для всех разделов науки. А гибель машины — эпизод. Он тоже был полезен, кое-чему научил тебя. Теперь ты поставишь температурный переключатель и сможешь смело идти вперед. Куда идти — вот о чем надо думать. Ты выбрось свою «извинительную записку», возьми чистый лист. Пиши: «Доклад о перспективах покорения океанского дна».

ПЕРСПЕКТИВЫ покорения океанского дна! Я прошел много дорог, но все они обрывались у воды. Яркими красками мы красили карты материков, океан оставался громадным белым пятном. И вот распахнуты ворота — дно открывается для науки.

Перед нами 360 миллионов квадратных километров — девять америк, тридцать шесть европ. Представляете, что чувствует путешественник, которому поручено изучить девять америк?

С чего начать? Глаза разбегаются, слишком много простора. Пожалуй, прежде всего надо осмотреть то, что на сушу не похоже. Океанские впадины заслуживают специальной экспедиции — не беглого взгляда. Надо пройти их по всей длине, сделать траверс, как говорят альпинисты. Начать от Камчатки, проследовать на юг мимо Японии до Новой Зеландии. Посмотреть, чем отличаются восточные впадины от западных — выходящих среди островов Индонезии. Наверняка найдутся рекордные глубины, нам еще не известные. Надо понять, почему нет впадин глубже 11 километров, что это за предел. И почему впадины связаны с землетрясениями, мы же еще не выяснили.

Потом надо пересечь Тихий океан от Дальнего Востока до Южной Америки. Есть предположение, что Тихий океан — шрам от оторвавшейся Луны. Надо проверить, всегда ли дно его было под водой. Если это так, там должны быть своеобразные породы, каких не бывает на суше. Надо обследовать дно у Гавайских островов, чтобы понять, почему Гавайские вулканы не похожи на все остальные. А в заливах у Аляски под водой множество гор с плоской вершиной. Что это за горы? Почему у них срезана макушка?

Подводные каньоны. Эти крутые ущелья продолжают под водой некоторые реки. Как они возникли? Одни полагают, что реки пропилили крутой берег, а потом вместе с берегом каньон был залит водой. Другие говорят — не мог

океан подниматься так быстро. Сначала образовалась трещина, на суше она была занесена речным песком, на дне сохранилась в прежнем виде. Спор этот будет решен, как только машина пройдет по дну каньона. И тогда выяснится, какие ископаемые стоит здесь искать.

Машины будут населять океан, машины будут собирать его дары. Я представляю небольшие машинки, ползающие по жемчужным отмелям. Найдя раковину, они просвечивают ее рентгеном и ту, где созрела жемчужина, откладывают в багажник. Я вижу машины, добывающие янтарь на Балтийском море. Вы знаете, как добывают янтарь? На пляже после бури собирают медово-желтые и оранжевые кусочки, выброшенные волнами. Но если есть подводные машины, к чему дожидаться волнения? Пусть ползают по дну, просеивают песок.

Меня волнует загадка Атлантиды. Две тысячи лет назад Платон записал легенду о материке, погрузившемся в воду. Было это на самом деле? И где было? За Геркулесовыми столбами или близ Крита? Пусть машины поищут, пусть они раскопают тысячелетние развалины, древние храмы, сохранившиеся под водой.

Как и прежде, по волнам будут плыть пароходы и белые чайки скользить над зеленой водой, хватая рыбешку на лету. Изогнувшись дугой, будут подскакивать поочередно дисциплинированные дельфины. И пассажиры, стоящие у перил, не догадаются, что под их ногами уже вырос целый город. Разнообразные машины роют дно, снимая пустую породу, выламывают руду, грузят ее на донные транспортеры, а те ползут к берегу, чтобы доставить подводную добычу на обогащательный завод.

Таких машин пока нет. Нет у нас никакой машины, была одна, и та потеряна. Ходорову еще предстоит держать ответ перед специально назначенной комиссией об обстоятельствах аварии. Сысоев, пожимая плечами, говорит, что мы занимаемся наивным прожектерством. Но на самом деле, все, что мы описываем, будет обязательно. Ибо, в принципе, вопрос уже решен, самодвижущиеся машины, выполняю-

щие сложную программу, имеются. Нужно только приспособить их для различных программ.

17

НЕСКОЛЬКО дней спустя, оставив безрезультатные поиски, мы вернулись на берег. Здесь все было по-прежнему: не умолкая, грохотал прибой, каменистая площадка была скользкой от соленых брызг. Перед запертой мастерской я увидел капли олова на земле. Капли олова — вот все, что осталось от машины. На них было грустно смотреть, как на ненужную склянку с лекарством у постели умершего. Человек ушел, а склянка стоит.

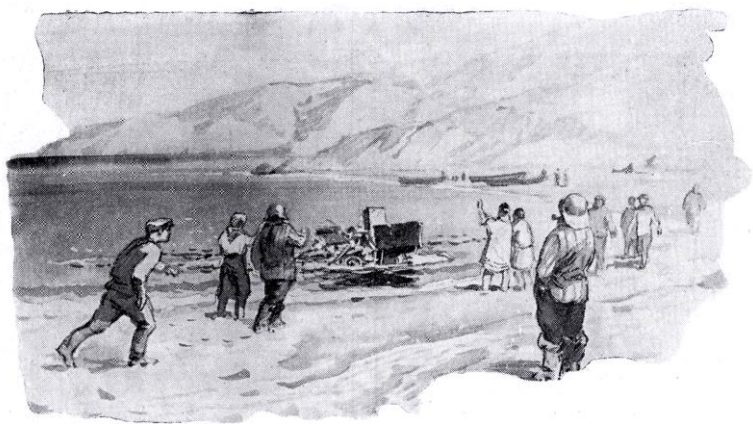
Нам незачем было задерживаться на станции, мы собрали вещи и в тот же день отправились в порт. Вновь автомашина запрыгала по камням, зубы у нас застучали, здание испытательной станции скрылось за поворотом, послышался гул прибоя, запахло солью, гниющими водорослями. Мысленно мы уже были в Москве, готовили доводы для будущих споров за машину, а глаза еще отмечали детали курьезного пейзажа — пенные валы, скалы пемзы, рыбаков, развешивающих сети. Вот, прекратив работу, все они обернулись к морю, смотрят из-под ладони на волны. И женщины побежали к воде, сгрудились в одном месте. Что там ворочается темное в волнах? Туша кита, что ли? Нет, гораздо меньше.

— Стой! — крикнул я шоферу и, сбивая локти, колени, падая и вскакивая, ринулся вниз.

Да, это была она — наша исчезнувшая машина. Зеленые ленты водорослей вились на ее боках, повсюду налипли мшанки, какие-то пестрые черви прижились на металле, лопасти были погнуты, один экран разбит. И, все же, она вернулась, наша заслуженная путешественница!

Что с ней произошло? Об этом можно было только догадываться. Спросите кошку, пропадавшую две недели,

где она была и кто поцарапал ей глаза? Внимательно осматривая машину, мы нашли следы ожогов. Очевидно, она побывала-таки в горячей лаве. При этом были испорчены экраны, оборвана антенна, утеряна связь с нами. Но двигатель, измерительные приборы, блоки управления остались. Машина перестала отчитываться, но продолжала работу по заданной программе. Она шла на север, поворачивала на восток, отмечала перегибы и магнитные аномалии, бурила и наполняла пробамии грунта заготовленные цилиндры. А потом, как и было ей задано, вернулась по пройденному маршруту и вышла на берег почти у самой станции, с ошибкой в два-три километра.

Да, это была она — наша заслуженная путешественница.

Ходоров первым долгом кинулся к приборам — смотреть, целы ли записи. Я же не удержался и распечатал один из цилиндров с пробой. Там был... нет, не алмаз. Алмазы не так легко найти, даже в трубке. Но я увидел кимберлит — синюю глину, ту самую породу, в которой находят алмазы.

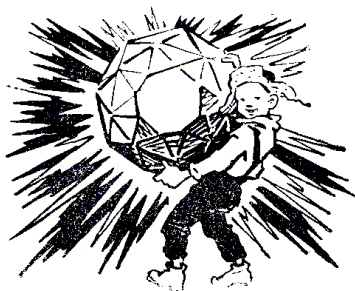
ЧТО было дальше? «Было» или «будет»?

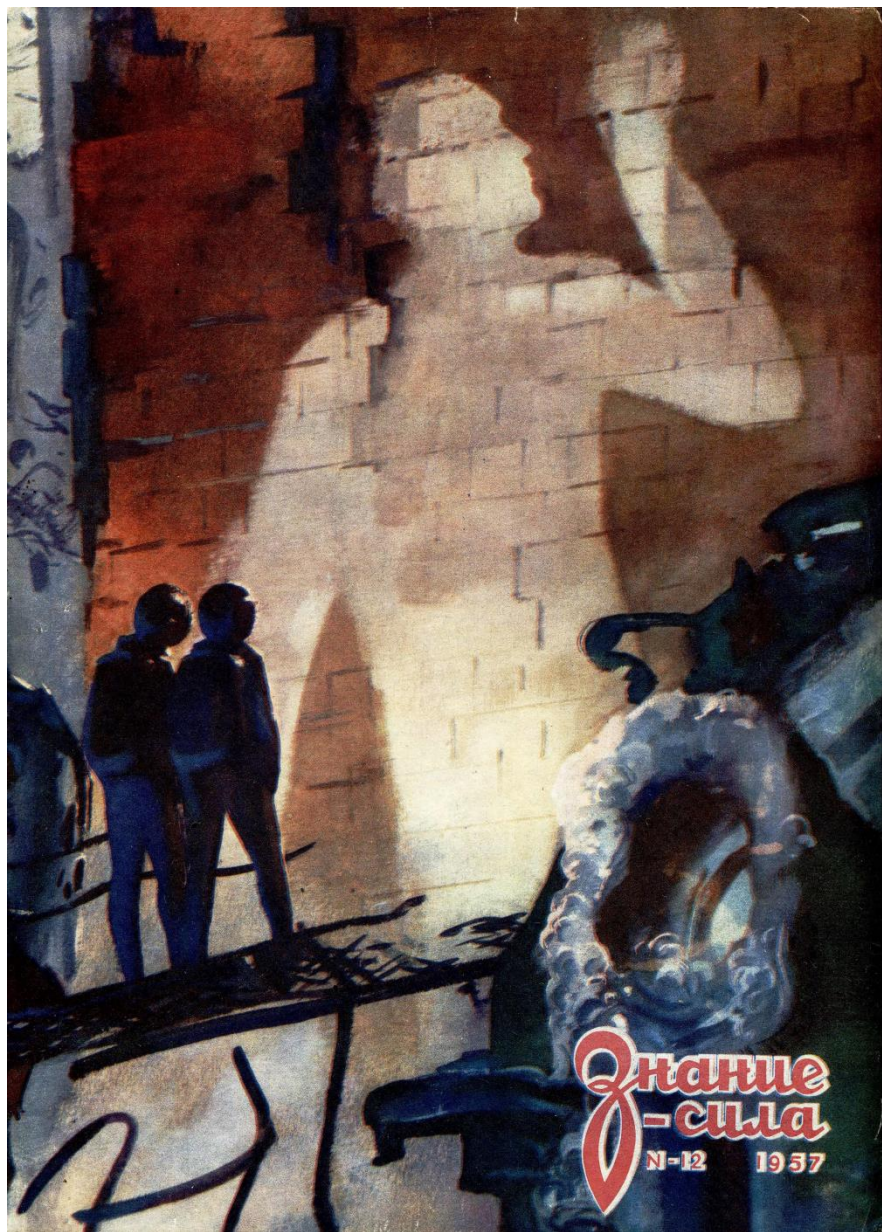
Было не так много. Машина вторично спустилась под воду и подтвердила, что месторождение алмазов имеется, по-видимому, не беднее знаменитого кимберлейского.

Сысоев считает, что мне просто повезло. «Так не делают открытия», — твердит он. — «Попирая порядок, ринуться очертя голову и сразу наткнуться!» — Сам он никогда не нарушит установленный им же порядок и, конечно, открытий не сделает. До самой смерти будет публиковать коротенькие сообщения, почти заметки, написанные безукоризненным языком.

Ходоров возглавляет сейчас отдельное конструкторское бюро. Программа у него обширная. В этом году будет создано десять машин, в будущем — пятьдесят. Предстоит осуществить все, что описывалось в докладе, и много нового, непредвиденного, ибо заказы приходят из разных отраслей, в том числе и таких, о которых Ходоров и понятия не имел. Алеша жалуется, что у него мало умелых людей, любящих и знающих дело. Он даже просил обратиться к читателям журнала — нет ли среди них желающих посвятить свою жизнь созданию сложных самостоятельных машин.

А что будет сделано в дальнейшем, зависит от них, от вас — читатели.

ВЛ. САВЧЕНКО

ТЕНЬ НА СТЕНЕ

Отрывок из научно-фантастической повести

«Черные звезды»

Художник Н. Гришин

ТЕНЬ на стене

(Отрывок из научно-фантастической повести
«Черные звезды»)

В.А. САВЧЕНКО

Рисунки Н. Гришина

Герои повести — профессор Голуб, инженеры Сердюк, Самойлов и Якин — работают над созданием нейтрида — вещества, состоящего исключительно из нейтронов. Нейтрид должен быть в миллионы раз прочнее и плотнее обычных веществ.

После двухлетней упорной работы нейтрид удается полу-

чить с помощью мезонатора. Но стоит он невероятно дорого и производство идет слишком медленно. Профессор Голуб с Сердюком ищут предполагаемое вещество — «мезонид», которое позволило бы изготовлять нейтрид дешево и быстро.

Один из опытов кончается катастрофой.

ТЕРРИТОРИЯ института вместе с прилегавшим к ней парком была оцеплена. По шоссе пропускали только машины сотрудников и аварийных команд. Пожар потушили сравнительно быстро. Часть пламени была с самого начала сбита взрывом и задавлена обвалом. По лужайкам и асфальтированным дорожкам, проверяя зараженность почвы радиацией, ходили солдаты в темно-серых, холодно поблескивавших комбинезонах и капюшонах из толстой резины, с одинаковыми уродливыми лицами — масками противогазов. На животе у каждого из них висел зеленый ящик — индикатор радиации. Солдаты неровным кругом сходились к стеклянному главному корпусу.

Впрочем, он уже не был стеклянным. Негреющее ноябрьское солнце, поднявшееся из-за Днепра, не отразилось в зеркальных лентах этажей — все стекла были выбиты взрывом. На фоне неба торчала десятиэтажная клетка — уцелели только бетонные перекрытия и стальные переплеты рам. Здание осело и накренилось на одну сторону. Оно напоминало большой пароход, севший на мель и покинутый командой.

Через несколько часов было установлено, что в лаборатории № 17, занимавшей первые два этажа, произошел

взрыв, сопровождавшийся выделением большого количества тепла и радиоактивного излучения. Взрыв был не атомный — по силе действия он соответствовал авиабомбе крупного калибра.

Так доложил академику Тураеву начальник команды — молодцеватый капитан с черными усиками на красном от холодного ветра лице. Отдавая рапорт, он стоял смирно и держал руку под козырек. Академик неловко, по-штатски сутулился перед ним.

Окончив рапорт, капитан отступил на шаг и опустил руку.

— А лабораторию вы осмотрели? — спросил Тураев.

— Разрешите доложить: в районе лаборатории радиоактивность выше допустимой нормы. Я приказал установить воздухоочистительные установки. Какие будут указания?

— Указания... никаких. Впрочем... пожалуйста, не включайте эти установки... Вообще не предпринимайте ничего рискованного. Будем ждать Самойлова.

— Есть, не предпринимать! — капитан снова козырнул и повернулся через левое плечо. Он не стал возражать, но про себя подумал:

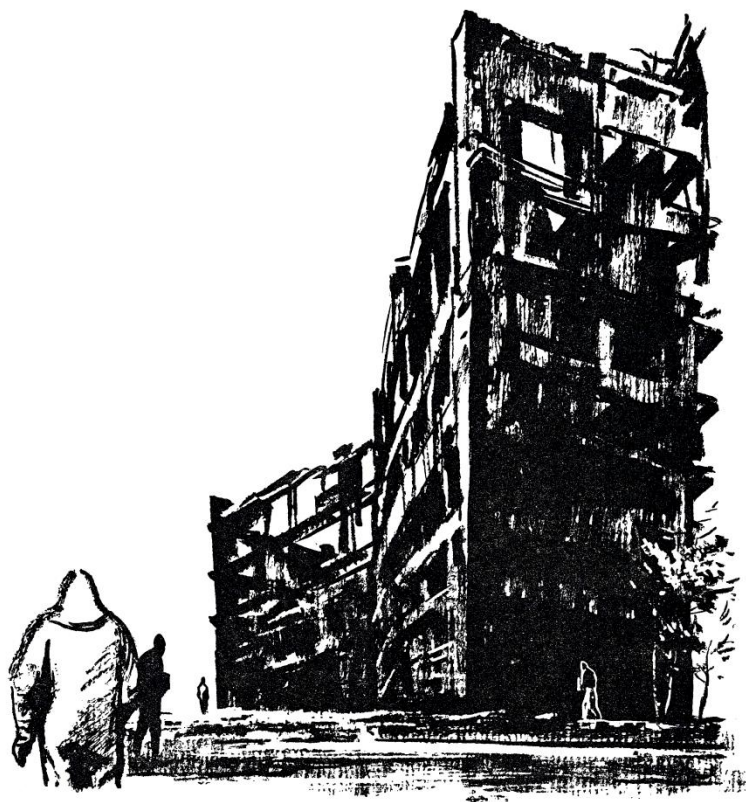
«Ничего не понимает старик. Сказано русским языком:

«Выше допустимой нормы». Никакой Самойлов тут не поможет».

В МАШИНЕ по дороге в институт Самойлов никак не мог осмыслить катастрофу. Только увидев покосившееся, ободранное взрывом здание, он почувствовал реальность нагрянувшей беды.

Тураев находился в уцелевшем административном корпусе. В разбитые окна задувал ветер. Академик сидел в плаще, положив на стол озябшие, посиневшие руки, и смотрел на жетоны, принесенные из проходной. Такие жетоны сотрудники института оставляли в обмен на пропуск. На треугольных кусочках алюминия была дырка для гвоздя и цифры: «17-24» — жетон Ивана Гавриловича Голуба и «17-40» — жетон Сердюка. Теперь не было сомнения — Голуб и Сердюк не ушли из лаборатории. Жетоны пережили людей.

— Здравствуйте, Александр Александрович, — Самойлов пожал холодную, вялую руку академика. — Я привез два нейтрид-скафандра для... — не найдя нужного слова, он кивнул в сторону разрушенного корпуса. — Идти в лабораторию нужно мне: я знаю расположение всех установок...

Тураев кивнул, подумал секунду:

— Одному нельзя, найдите себе ассистента.

Самойлов оглянулся и увидел стоявшего рядом Якина.

— Вот Яков Викторович пойдет. Он тоже знает лабораторию № 17. — Самойлов сказал это уверенно и громко, а в голове мелькнула мысль: «А вдруг Яшка струсит, откажется?» Но Якин не отказался.

Скафандр был похож на спортивный костюм из черного, необычно тяжелого шелка. Натягивая его на себя, Якин спросил:

— Коля, а от чего он предохраняет?

— От всего. От холода, от высокой температуры, от вакуума, от механических разрывов. Два слоя нейтрид-фольги с набивкой из микропора. Это надежно, не бойся.

— Иди ты... с чего ты взял, что я боюсь?

Разговор оборвался, на них стали надевать круглые водолазные шлемы с перископическими очками. Инженер из бюро приборов проверил все стыки, ввинтил в шлемы металлические палочки антенн. Самойлов включил миниатюрный приемопередатчик — в наушниках послышалось неровное дыхание Якина.

— Яша, слышишь меня?

— Ну, слышу.

— Перестань сопеть... Слышите нас, товарищи?

Длинный зал лаборатории стал темнее и ниже: внешняя стена с окнами выпятилась наружу. Колонны, выгнутые в одну сторону от мезонатора, сдерживали все же просевший потолок. Под ногами трещал превратившийся в уголь паркет.

В окнах не было прежних матовых стекол, в лабораторию проникал яркий дневной свет, и в то же время казалось сумрачнее. Самойлов посмотрел на стены и понял, в чем

дело: белые кафельные плитки внутренней облицовки стали желто-коричневыми — они потемнели от вспышки.

Темно-серая сорокаметровая громада мезонатора, улегшаяся вдоль искореженной стены, обгорелые остатки столов, вывороченные прутья железобетонных балок, темная ребристая плита ускорителя, уходящая в коричневую полутьму... Самойлову лаборатория казалась чужой, будто он никогда и не был здесь.

— Яша! — позвал он. В наушниках слышалось шипенье и легкий треск. «Помехи! — подумал Самойлов. — Воздух сильно ионизирован. Здесь все насыщено радиацией».

— Слушаю. — У Якина было такое чувство, как будто он разговаривает по телефону.

— Яша, давай осмотрим бегло всю лабораторию, наметим важные участки. Ты иди по правой стороне, а я по левой.

Самойлов спешил. Его, как и Якина, подгоняла одна и та же мысль: а выдержат ли скафандры смертельный обстрел радиации? Он сам рассчитывал защитный слой нейтрида, неоднократно проверял скафандры в лаборатории. Но ведь там он не рисковал собственной жизнью. Индикаторы радиации ничего не показывают, но кто знает? Может быть, в недоступные для контроля складки уже просочились неощутимо губительные частицы, может быть, уже впиваются в тело. И уже не верилось, что микроскопически тонкая пленка нейтрида защищает от радиации лучше, чем бетонная стена.

Обойдя мезонатор, они встретились у пульта. Пульта, собственно, не было: полукруглый железный каркас с выгоревшими дырами вместо приборов, с оплавившимися обрывками медных проводов. Все — и железо, и медь, и обуглившиеся деревяшки неизвестного назначения — было покрыто зеленовато-пепельным налетом. Железная лесенка, которая вела на мостик, обрывалась на середине — верхних ступеней и перил не было, торчали только сплавленные прутья, загнутые назад.

Подбирая по пути кусочки металла и бетона, Самойлов

водил по стене мезонатора стеклянным шупом счетчика. Радиация резко повышалась по лесенке. Дойдя до обрыва, Самойлов гимнастическим движением подтянулся вверх. Здесь, видимо, был центр взрыва. Все было расплавлено и сожжено вспышкой, бетонная камера мезонатора разворочена и выжжена, в передней, полуметровой толщины стенке зияла огромная воронка с блестящими, опалившимися краями. Из стены торчали серые прожилки алюминиевых труб. Бетон, очевидно, кипел — он застыл пузырящейся стекловидной, мутно-зеленой массой.

От интенсивных движений стало жарко. Скафандр не пропускал тепла снаружи, но и не отводил его изнутри. В нем пахло потом и разогретой резиной, как в противогазе. Самойлов вспомнил о радиации. На индикаторе все в порядке. А снаружи? Ого! Стрелка вышла за шкалу и билась о столбик ограничителя. Самойлов уменьшил ток — стрелка двинулась влево, стала против цифры «5». Пятьсот рентген! Самойлову стало не по себе, возникло малодушное желание уйти скорее, убежать...

— Николай, смотри. Это от них...

Перископические очки позволяли смотреть только вперед. Самойлов повернулся всем телом, чтобы увидеть то, что показывает Якин. Прямо против лесенки, на темно-коричневой от жара кафельной стене белел силуэт человека, большой, во всю двухэтажную стену, но без ног — они не уместились.

— Так вот оно что... вот они как... — мелькнуло у Николая.

Это была как бы тень наоборот. Кафель потемнел от вспышки, но там, куда лучи не попали, заслоненные телом человека, стена осталась белой. Можно было различить голову, плечи, туловище и приподнятую руку. Очевидно, человек в последнем движении хотел закрыть лицо.

— Вот что осталось от них: негатив... — голос Якина в наушниках был хриплым, не то от помех, не то от волнения. — Кто это: Голуб или Сердюк?

— Не знаю, не разберешь.

— Надо сфотографировать.

Якин взялся за аппарат:

— Боюсь, не получится. Излучение... и темнеет уже.

В лаборатории в самом деле темнело — ноябрьский день кончался.

— Ну, тогда пойдем, — не без облегчения сказал Николай. — Завтра вернемся.

Они направились к выходу. Уже у дверей Самойлов обернулся и удивленно ахнул. Исковерканный мезонатор светился, сияли переливающимся зеленым светом мостик, бетонная площадка и оплавленные металлические прутья. Мерцая, клубился над мезонатором насыщенный радиацией голубоватый воздух.

Только выйдя из лаборатории, они почувствовали, как были напряжены их нервы. Оба смертельно устали. Веснушчатое лицо Якина побледнело: он с безучастным видом закуривал одну папиросу за другой. Николай собрал пленки, кусочки бетона и металла, взятые для анализа, и пошел в административный корпус сдавать их. Он чувствовал непреодолимое желание растянуться на земле и тут же уснуть.

Почти за сто лет до описываемых событий Дмитрий Иванович Менделеев открыл закон, связывающий химические элементы в единую периодическую систему.

За 60 лет до описываемых событий молодой, никому не известный немец, работник Швейцарского бюро патентов, Альберт Эйнштейн в своей специальной теории относительности вывел известное соотношение $E=MC^2$, показывающее, что в любом веществе скрыта громадная энергия, пропорциональная квадрату скорости света.

Еще 20 лет спустя английский физик с французским именем Поль Дирак опубликовал свою теорию пустого пространства — вакуума. Из этой теории следовало, в частности: кроме обычных элементарных частиц — протонов и

электронов, должны существовать античастицы — положительный антиэлектрон и отрицательный антипротон.

Вскоре после опубликования этой теории был открыт антиэлектрон — позитрон.

С антипротоном пришлось подождать. Наконец, 19 октября 1955 года, за несколько лет до описываемых событий, он был обнаружен в институте Лоуренса при Калифорнийском университете, где производились опыты на гигантском ускорителе — бэватроне.

Если отвлечься от разницы во времени, национальностях, возрасте и подданстве людей, делавших эти открытия, можно сказать: это были вехи одного и того же величайшего дела науки, начатого Менделеевым, — завоевания для человечества всех возможных во Вселенной веществ.

Идея электрической симметрии веществ содержится в зародыше уже в периодическом законе Менделеева. В самом деле, почему номера химических элементов должны обязательно увеличиваться после единицы? Ведь номер элемента — не просто абстрактная цифра. Он показывает знак и величину заряда ядра. Почему же не предположить существование элемента номер «минус один» или «минус 15»? Это означало бы только, что ядра таких веществ заряжены отрицательно.

Отрицательные ядра должны были, естественно, притягивать положительные позитроны, образуя антиатомы, — антиводород, антигелий, антибор... — зеркальное отражение Менделеевской таблицы. Антипротоны устойчивы в вакууме, устойчиво там и антивещество. Но встречаясь с обычным веществом, оно мгновенно взрывается, выделяя энергию, равную 2 МС^2 , в виде мезонов и гамма-лучей.

Можно, наконец, предположить еще один элемент — номер ноль, вещество, состоящее из незаряженных частиц. В 196... году, за два года до описываемых событий, ученые США и СССР, работая независимо друг от друга, получили его осаждением ртути и в разных странах назвали по-разному: в СССР — нейтрид, в США — нейтриум.

НИКОЛАЙ Самойлов за всю жизнь не написал ни одной рифмованной строчки. Даже в юношескую пору первой любви, когда стихи сочиняют поголовно все, он вместо стихов писал для своей девушки только контрольные по тригонометрии. И, тем не менее, Николай был поэтом.

Потому что поэт — это, прежде всего, человек большого и яркого воображения. И хотя воображение Николая занималось, прежде всего, атомами и атомными ядрами, это не значит, что называть его поэтом — кощунство.

Николай не подозревал, что он мыслит не так, как другие физики. Ему казалось удобнее, занимаясь атомными расчетами, представлять себе атом — прозрачно-голубое пульсирующее облачко электронов вокруг угольно-черной точки. Ядро казалось ему черным, должно быть потому, что черным был нейтрид. Он мог представить себе химиче-

скую реакцию в газе — голубые капельки мечутся, сталкиваются, расплывчатые облачка искажаются: то сплющиваются, то вытягиваются, то сливаются, образуя новую молекулу. Самойлов мог вообразить даже то, чего не представляет никто: электрон-частицу-волну.

В лабораториях есть приборы для тончайших наблюдений — они видят то, что не различает глаз. Есть счетно-аналитические машины, вычисляющие в миллионы раз быстрее человека. Наука — это факты, цифры и уравнения. Однако без воображения нет и не было науки. Без него невозможно понять факты, осмыслить формулы, выделить новое, важное. Именно воображение отличает человека от любой, самой «умной» электронной машины. Воображение — способность увидеть то, что нельзя увидеть.

Факты были. После нескольких посещений лаборатории их накопилось столько, что Самойлов попытался систематизировать их. Он составил перечень:

1. Голуб и Сердюк облучали пластинки нейтрида отрицательными мезонами. Такова официальная тема.

2. В образце нейтрида, который они облучали, видна ямка глубиной в несколько микронов. Такую ямку невозможно получить ни механически, ни химически из-за сверхпрочности нейтрида.

3. Взрыв произошел не во время опыта, а после, когда мезонатор уже был выключен из силовой сети. Сведения от главного энергетика.

4. Сила взрыва и анализ образцов показывают, что это был не урановый, не плутониевый и не термоядерный взрыв.

5. Взрыв произошел не в главной камере облучения, а во вспомогательной, откуда образец вынимался.

6. Судя по четкости силуэта на кафельной стене, взрыв и вспышка были точечными.

7. Обнаружено короткое замыкание электромагнитного фильтра, вытягивающего положительные частицы. Замыкание не могло произойти при взрыве, так как в этот момент мезонатор был уже выключен.

Факты были. Но несвязные и противоречивые, как реплики больного в бреду.

Николай осунулся в эти дни. Смугловатое лицо его стало желто-серым от неумеренного курения. На щеках отросла густая черная щетина. С утра он надевал скафандр и шел в лабораторию № 17 просто так. Он не мог разгадать катастрофу логикой и пытался вообразить себе обстановку.

Стояли погожие дни. Солнечные зайчики жизнерадостно играли среди пыли и запустения... В груде осколков на полу они нащупывали стеклянные брызги; полированный металл и кусочки фарфора мягко поблескивали на кафельной стене, где белел человеческий силуэт.

Кто это был — Голуб или Сердюк? Николай пытался припомнить их облик, но тут воображение отказывало. Он вспоминал, что у Голуба была лысина с венчиком седых волос, нос мягкий, короткий, разделенный пополам дужкой очков, лицо мясистое, грубоватое, взгляд исподлобья. У Сердюка глаза с хитринкой, лицо смугловатое, как бы загорелое круглый год, длинный хохлацкий нос... Черты, детали... а зрительный образ не возникал. Это было неприятно и обидно. Столько лет проработали вместе, столько раз видели друг друга...

Лица забылись, а обстановка помнилась отлично. Когда проводилось облучение, окна закрывали шторами, чтобы не мешал дневной свет. В лаборатории становилось сумрачно, перемигивались разноцветные сигнальные лампочки, от широкого экрана исходило мягкое синеватое сияние. На экране видна была внутренность главной камеры. Голубоватый и прозрачный, словно мираж, луч отрицательных мезонов упирался в фарфоровую подставку, на которой лежал испытываемый образец.

Сердюк, не глядя на пульт, небрежно и быстро бросал пальцы на кнопки. и переключатели — в этом состоял его шик. Голуб, морщась от дымящей в углу рта папиросы, ручьями настраивал мезонный луч. Он, Николай, следил за вакуумными насосами, откачивающими воздух...

Да, воздух откачивался! В главной камере поддерживался глубокий вакуум. А в ночь катастрофы фильтр испортился. В камере создавалась атмосфера из позитронов. Новый фактор! Атмосфера положительных частиц! Новый фактор!

И картина происшедшего начала вырисовываться в голове у Николая.

ОНИ облучали нейтрид отрицательными мезонами.

Испортились фильтры — короткое замыкание. Нельзя было не заметить неисправности — электронные следящие системы докладывали о малейшем отклонении от режима.

Вероятнее всего, Иван Гаврилович, подобно Самойлову, подумал: «Атмосфера из позитронов. Новый фактор. Что если попробовать?»

Опыты длились уже несколько месяцев, длились безрезультатно. Никто не верил в гипотезу «мезония», даже Самойлов. Это была последняя и, пожалуй, отчаянная попытка добиться каких-нибудь результатов.

Облучение затянулось до ночи — они ждали, появятся ли какие-нибудь изменения на нейтриде. Иван Гаврилович ходил по лаборатории, курил и нервничал. В ту ночь шел дождь, капли стучали по стеклам, по железу подоконника. Настроение было, наверное, неважное. То один, то другой подходили к экрану мезонатора, смотрели, как пучок мезонов упирается в черную гладкую пластинку нейтрида. Изменений не было.

Нет, изменения были, теперь Самойлов понимает это. Очевидно, и прежде отрицательные мезоны, воздействуя на нейтрид, превращали нейтроны в отрицательные антипротоны. Но процесс этот быстро прекращался. Облако отрицательных частиц тормозило и отталкивало отрицательные мезоны. Однако в положительной атмосфере дело пошло иначе: антипротоны захватывали позитроны. Возникали антиатомы — отрицательно заряженные ядра обрастали позитронными оболочками. В главной камере накапливалось антивещество.

И вот Голуб или Сердюк — неважно, кто из них, — заметил, что под острием мезонного луча растет что-то, какая-то микроскопическая капелька.

Что они чувствовали в этот момент? Пожалуй, это были, как при открытии нейтрида, радость, надежда и тут же страх: может быть, не то, может быть, случайность... Год назад, когда под облачком мезонов медленно оседала ртуть, все они в радостной растерянности метались по лаборатории. Сердюк добыл из инструментального шкафа бутылку вина, которую он хранил два года в ожидании успеха. Запасся ли он бутылкой на этот раз?

Пожалуй, на вид капелька выглядела очень знакомо. Ведь антиатомы внешне не отличаются от обычных атомов. Нейтрид осаждается из ртути. Не получилась ли тут анти-ртуть?

Вероятно, они были обескуражены и разочарованы. Обыкновенная ртуть вместо чудесного мезония! Но анализ надо было сделать. Они выключили мезонатор, перевели образец во вспомогательную камеру. Конечно, оба поднялись на мостик посмотреть, что же получилось. На черной пластинке лежала маленькая блестящая капелька ртути. Безвредная маленькая капелька, пока в камере сохранялся вакуум.

Но затем Сердюк или Голуб включили моторчик, стекло начало подниматься. В камеру хлынул воздух, обыкновенный воздух, состоящий из протонов и электронов, — сильнейшая ядерная взрывчатка для антиртути.

И Николай с болезненной ясностью почти увидел последнее мгновение своих друзей.

...Капелька распухает, превращается в ослепительный бело-голубой шар. Стоящий ближе заслоняется рукой от вспышки...

Взрыва они уже не услышали.

И не успели догадаться о своей победе. Ведь антивещество, соединяясь с обычным веществом, распадается на мезоны. В сущности, они получили «мезоний» Голуба — философский камень, превращающий ртуть в нейтрид.

Нейтрид! Самое твердое, самое тяжелое, самое инертное вещество, не боящееся мороза, жара, кислот, ударов, выстрелов.

Нейтрид! Идеальные буры, резцы, фрезы, неистомимые машины, ножи, режущие гранит, как масло. Дома с каркасом тоньше проволоки. Мосты в сотни километров длиной на нейтридных канатах. Нейтридная броня! Она позволяет путешествовать по дну океана и к центру Земли. Нейтридная изоляция! С ней можно лететь даже на Солнце, влезть в доменную печь, уцелеть при взрыве атомной бомбы.

Богатое наследство оставила ты нам, тень на стене!

— СЛУШАЙ, Николай, — сказал Якин ненатурально звонким голосом. — Ведь это значит, что нейтрид можно готовить тоннами, сотнями тонн на заводах, не в лаборатории! Мы же с тобой сделали колоссальное открытие!

— Мы? — Самойлов поглядел на него внимательно и устало. — Открытие принадлежит им. Мы, в лучшем случае, расшифровали его. А они... Кстати, у тебя есть папиросы?

ВЛ. НЕМЦОВ

ВЫСОКО НАД ЗЕМЛЕЙ

Отрывок из научно-фантастического романа

«Последний полустанок»

Художник Г. Бедарев

Возможно, кое-кому из читателей знакомы два путешественника — Вадим Багрецов и Тимофей Бабкин. С семнадцати лет они работают техниками научно-исследовательского метеоинститута и побывали в разных концах страны.

Об этих путешествиях и приключениях моих друзей-комсомольцев я рассказал в книгах «Семь цветов радуги», «Счастливая звезда», «Осколок солнца» и, наконец, в новом романе «Последний полустанок».

Мне хотелось показать вечную юность нашей, теперь уже сорокалетней, советской Родины и помечтать о том, какой она будет. Хотелось рассказать о мужестве, о чести, обо всем, что волнует писателя и вас, мои молодые друзья.

Не всегда это получается. И, конечно, очень трудно судить по отрывку из романа, что в нем хорошо и что плохо. Однако я все же решаюсь предложить вам небольшой эпизод из «Последнего полустанка», где действует Тимофей Бабкин, случайно оказавшийся в летающей лаборатории.

Я не очень люблю отрываться от Земли, но в данном случае эта лаборатория под названием «Унион» (универсальная ионосферная), а вместе с ней и Тимофей Бабкин — теперь уже инженер — поднялись довольно высоко, километров на сто пятьдесят.

Со своим другом Багрецовым он остался в «Унионе», чтобы предотвратить возможную аварию. Никто об этом не знал, и лаборатория отправилась в испытательный полет.

Представьте себе огромный диск, управляемый по радио с Земли. В нем всевозможная аппаратура и многое другое, с чем Бабкин не встречался. Багрецову удалось спуститься на тросе, когда диск пролетал над горами. И вот Тимофей остается один.

* *

*

Окошко в полу кабины светлело. Вкрадчиво и незаметно вползало утро. Мертвое утро, без птичьего гомона, злобно молчаливое, а вместе с ним в сознание Тимофея вползала упрямая, скользкая мысль: неужели это его последнее утро? Там, наверху, куда он летит, — пустота и смертельный холод.

Надо что-то делать, пока ты мыслишь, двигаешься и живешь! Надо еще раз попробовать добраться к двигателям. Раньше это было легко. Неужели все люки заперты?

Тимофей выходит в кольцевой коридор, бежит к боковому люку, который, как ему припомнилось, ведет в отсек двигателей. Бежит и с облегчением открывает крышку, прочную, надежную, с уплотняющими прокладками, как на морском теплоходе.

За ней видны тускло поблескивающие стенки радиальной трубы. Перешагнув через порог, Тимофей, согнувшись, пробежал еще несколько метров и наконец-то достиг желанной цели. Здесь, в этом пустотелом кольце, расположенном почти по краю диска, должны находиться двигатели. Во всяком случае, так было раньше.

Опять неудача! Неизвестно, зачем тут понастроили перегородок. Теперь уже нельзя пройти коридор насквозь и возвратиться на прежнее место. Бабкин уперся в закрытую дверь, вернее в крышку люка. «Сектор № 2» — прочитал он четкую надпись. Интуиция, а главное, смутные воспоминания подсказывали, что стоит лишь проникнуть за эту перегородку, как тебя там ждет еще не остывшее тепло двигателя. Неужели и здесь заперто? Тимофей взялся за ледяную ручку, опустил ее книзу, как у дверцы машины, и потянул к себе.

Точно пламя вырвалось из пустоты, ударило в лицо, проникло в горло. Бабкин задохнулся и сразу же захлопнул дверь. Придерживая ее спиной, будто кто-то ломился сзади, Тимофей старался отдышаться, жадно лоя ртом оставший-

ся воздух. Еще немного — и все было бы кончено. Потом он отчаянно корил себя за неосторожность. Ведь это же понятно. Двигателям нужно охлаждение, а кроме того, при работе они выделяют вредные газы, от которых надо защитить аппараты «Униона». Вот и поставили перегородки.

А нельзя ли подойти к двигателям с другой стороны? Вдруг какой-нибудь из них стоит у самой стенки. Хорошо бы прижаться к этой теплой печке. И, опасливо покосившись на закрытую дверь, Тимофей поплелся обратно. Вот здесь он вышел в кольцевой коридор и повернул налево. Значит, теперь надо идти дальше?

Но что это? Впереди ярко сияют плафоны, как в вагоне московского метро. Кто их включил? Зачем они здесь?

Да нет, это не лампы, не матовые плафоны, а оконца в солнечный мир. Играют зайчики на полу, радужные, веселые.

Наверху надпись: «Сектор № 4». Тимофей переступил порог и подошел к первому оконцу. Не нужно тянуться к нему на цыпочках, стоит лишь чуть приподнять лицо. За толстым стеклом величиной с блюдо Тимофей не увидел неба, и Солнце светило где-то в стороне, сквозь другое окно, побольше. Лучи падали на широкие листья, вроде как у тыквы, плети ее лежали на кирпично-красной земле. Все это было вроде игрушечной оранжереи в большой металлической банке.

Бабкин заметил знакомые ему телеметрические приборы, которые определяют температуру и влажность почвы, воздуха, отмечают процент кислорода, учитывают интенсивность солнечного сияния. Все эти приборы конструировались в лаборатории, где работал Тимофей. Знал они о том, почему тыква растет на красной земле. Это вовсе не земля, а искусственный грунт, в который вводятся питательные вещества... Вон они, трубки, торчат. А наверху другая трубка, через нее отводится кислород, вырабатываемый листьями, если они освещены солнцем или даже электрической лампочкой.

Неясное предчувствие царапнуло по сердцу. Уже известно, что с одного квадратного метра листьев, примерно как в этой банке, можно получить столько кислорода, что его хватит для дыхания двух человек. Это подсчитали ученые, проектируя большой искусственный спутник Земли. Уж не собираются ли там, внизу, попробовать загнать диск

за пределы земного притяжения? Бабкин хотел было узнать, куда идет трубка с кислородом, но это оказалось не так-то просто. В соседней испытательной камере плавали красные водоросли, в следующей росли какие-то лопухи.

Заглянув еще в одну камеру, Тимофей инстинктивно отпрянул. На него бросился одноглазый пес. Тычась мордой в окошко, он отчаянно лаял, но сквозь изолированные стенки камеры и двойные стекла, между которыми, вероятно, был выкачан воздух, звуки почти не проникали.

— Тимошка! На место. Фу! — послышался знакомый женский голос.

Вздвигнув, Тимофей оглянулся и со злостью щелкнул крышкой приемника. Оказывается, радиоволны попадают внутрь диска, вероятно через антенны, которые соединены с разными приемниками. Вот и сейчас лаборантка Римма успокаивает подопытного пса по радио. Наверное, в его камере громкоговоритель. Где же он?

Как ни старался Тимофей рассмотреть внутренность собачьей камеры, но сделать ничего не мог. Пес прямо так и прилип к стеклу. Стоило лишь улучшить мгновение, чтобы заглянуть хоть в щелочку, как оскаленная морда тут как тут. Тимофей опять включил приемник. Может быть, внизу скажут что-нибудь насчет испытаний.

— Будь ласка, одноглазик, успокойся, — ласково утешал его голос с Земли. — Який дурень. На мышей гавкаешь.

Бабкин обозлился еще больше. Придумала тоже... На мышей. Совсем похоже. Впрочем, чем же он отличается от того несчастного мышонка, который так же случайно, как и Тимофей, оказался в диске?

Пес, видно, услышал знакомый голос, устыдился и лег на свою подушку. Теперь Бабкин мог подробно осмотреть его помещение. Кроме громкоговорителя, в стене торчал объектив маленькой телекамеры. К сожалению, в поле ее зрения не попадало нижнее оконце, а то бы Тимофея заметили. Он не может просунуть руку, чтобы помахать ею перед объективом. Разбить стекло? Напрасная затея. Такие

стекла не разбиваются, они должны выдерживать огромное давление, как в батисфере.

Под объективом — микрофон, похожий на перевернутое чайное ситечко. Каждый собачий вздох воспринимает он своим чутким ухом. А Тимофей сколько бы ни орал под окошком, сколько бы ни стучал в него, все равно на Земле не услышат. Этому одноглазому псу предоставлена временная конура с абсолютной звукоизоляцией. А если все-таки раздражить его? Может, там, внизу, догадаются, что здесь не мышонок застрял? В самом деле, разве порядочный пес будет выходить из себя по такому пустяку?

Носом прижавшись к стеклу, Тимофей строил, как ему казалось, самые оскорбительные для собаки рожи, делал вид, что нагибается и поднимает камень, грозил кулаком. Пес показывал зубы, рычал, а Римма его стыдила.

— Ось дурило. Тут ликаря кажуть, що у тебя давление повышается, — слышались какие-то другие голоса, и она спросила: «Хочешь сахара?»

Тимошка вскинул голову. Под репродуктором вздрогнула металлическая пластинка, на мгновение открылся наклонный желобок, и в тимошкину пасть скатился кусок сахара.

Виляя хвостом, пес ждал, когда вновь бросят ему сахар. Как же тут Тимофею не досадовать? Назвали пса человеческим именем, посадили в тепло, кормят. А ты приплясываешь от холода, со вчерашнего дня маковой росинки во рту не было, дышать трудно. Псу хорошо, там внизу врачи о здоровье его заботятся. Успокойся, Тимоша, нельзя нервничать!

От собачьего ошейника к втулке в стене тянулся кабель в металлической оплетке, соединенный с приборами на поясе. Наверное, к этому широкому поясу собака привыкла. Ей не мешали ни микрофон для выслушивания сердца, ни электрический термометр, ни разные другие приборы, показания которых передаются на Землю и автоматически записываются на ленте.

Бабкину не приходилось иметь дело с подобными исследованиями, но некоторые приборы этого типа конструировались, вернее, приспособлялись для медиков в лаборатории, где он раньше работал.

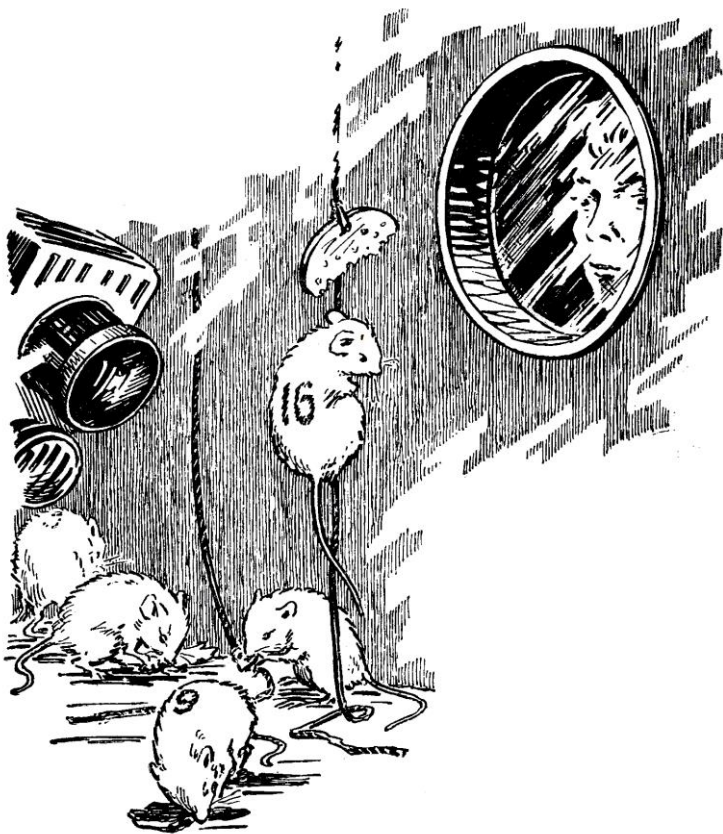
Тимошка не дождался сахара, равнодушно взглянул на страдающее лицо за стеклом и потянулся к кормушке. Она была устроена довольно занятно и чем-то похожа на автоматическую поилку. В маленькое блюдце, прикрытое сеткой, поступала полужидкая овсянка. Пес слизывал ее с сетки, а голодный Тимофей глотал слюну и в то же время прикидывал, чем можно объяснить столь сложное устройство. Выводы, к которым он пришел, оказались малоутешительными. Сетка нужна затем, чтобы удерживать кашу, когда диск поднимется так высоко, что исчезнет земное тяготение. Видно, в кормушке пружина, она постоянно прижимает кашу к сетке. Ведь собственной тяжести не будет.

— Не будет, — вслух прошептал Тимофей, еще раз глотнул накопившуюся слюну и перебежал к следующему окошку.

Здесь действительно были мыши. Но собака не могла их ни видеть, ни слышать. В такой же звукоизолированной, как и у нее, камере, обитой мягким, бегали нумерованные белые мыши. Да, да — нумерованные! На спинках их четко выделялись цифры. «Как у футболистов», — подумал Тимофей, и опять ему стало неприятно. Откуда-то вынырнула зеленая мышь, потом розовая, голубая. Мыши раскачивались на веревках, грызли хлеб и сыр. Аккуратно нарезанные кусочки этой великолепной пищи торчали в специальных зажимах. Тимофей не мог смотреть на это без головокружения. И дело не в том, что он голоден. А в том, что пройдет еще немного времени и он, абсолютно невесомый, будет болтаться в этом коридоре, как детский воздушный шарик.

За мышами смотрели глазом телекамеры — вон опять торчит ее объектив, — микрофон прислушивался к веселому пisku, приборы передавали вниз, на Землю, не холодно ли мышатам, хватает ли воздуха, не прибавить ли кислорода. Ну, конечно — вон куда потянулась трубка из оранже-

реи. Этим же кислородом дышал и одноглазый. Своим именем Тимофей не хотел называть пса даже мысленно. «А где же забота о человеке?» — с печальной иронией подумал он, еле передвигая закованные ноги.

В соседней камере жили тимомеевы предки — пара макак-резусов. Родство, конечно, далекое, но существа они живые, веселые. Чувствуют себя прекрасно, прыгают, резвятся, перебрасываются бананами. Рядом с окошком лежит

апельсин. Протянуть бы руку, схватить и впиться зубами в сочную мякоть. Губы пересохли, пить хочется. Дразнится обезьяна, проклятая, содрала апельсиновую кожу и брызжащие соком дольки бросает в окошко. Мякоть шлепается о стекло, и тонкие обезьяньи пальцы размазывают ее по поверхности.

Обезьяны одеты довольно странно, в плотные с молниями курточки, из которых одна темная, а другая в большую клетку, похожую на шахматную. Видно, это сделано затем, чтобы лучше различать обезьян в телевизоре. Под куртками, наверное, приборы. А вон и кабели прикреплены к поясам.

Но до чего же хочется пить! Неужели макаки ничего не пьют и обходятся апельсинами? Впрочем, если «Унион» поднимется выше, где не будет тяжести, то вода выскочит из сосуда и шариком поплывет в пространство. Попробуй тогда напейся.

Зря беспокоился Тимофей. Обезьяны не умрут от жажды. Смотри: той, что размазывала апельсин по стеклу, макак в шахматной куртке, надоело это занятие. Она потянулась к резиновой соске, торчащей из стены. «Неужели в космическом полете и человеку так же придется? — невольно усмехнулся Тимофей. — Несolidно. Младенчество». В разных книжках о таких полетах он читал, что люди будут пить из резиновых груш. Но ведь это то же самое — соска. И опять он с философской усмешкой решил, что, собственно говоря, так и должно быть. Человек в космическом пространстве действительно младенец. Он еще не сделал даже первых шагов.

Угол подъема диска постепенно увеличивался. Казалось, что вот-вот диск встанет совсем вертикально. Бабкин находился внизу, неподалеку от двигателей и уже всерьез подумывал о том, как он сможет возвратиться в центральную кабину. Неужели придется карабкаться вверх? Во всяком случае, по ближайшей радиальной трубе не доберешься.

Он с трудом преодолевает подъем в кольцеобразном коридоре, чтобы повернуть в более пологую радиальную трубу. Надо торопиться, иначе совсем замерзнешь. Теперь его

уже не интересуют окошки испытательных камер, где зеленеют еще какие-то растения, кролики шевелят розовыми носами, порхают птицы.

Некоторые камеры свободны, и, что самое главное, нижние окошки у них без стекол. В камерах — никакой живности, нет ни воды, ни кислорода. Но как бы хорошо протянуть руки навстречу теплому солнышку и хоть немного согреться.

Под верхним иллюминатором поблескивают коробочки фотоэлементов. Видно, они служат для измерения интенсивности солнечных лучей, проходящих сквозь разные стекла. В одной камере стекло зеленоватое, в другой — золотистое... А вот и совершенно прозрачное.

Тимофей просовывает в камеру руки, растирает их, греет. На пластинках фотоэлементов бегают тени. А что, если таким способом — просигнализировать вниз? Закрывая и открывая один из фотоэлементов, Тимофей передает знакомый всем сигнал бедствия. Потом на всякий случай машет рукой над другим фотоэлементом, над третьим.

Он занимался этим довольно долго, утомился и вдруг почувствовал всю никчемность своей затеи. Ведь система приборов включается на какие-то доли секунды, чтобы послать сигналы на Землю. Разве угадаешь, когда это будет? Он оставил приемник включенным, но никаких своих сигналов не слышал. В конце концов, неизвестно, по какому каналу должны передаваться показания фотоэлементов.

Не успел Тимофей положить приемник в карман, как почувствовал в пальцах острую боль, точно их обварили кипятком. Вероятно, прозрачное стекло иллюминатора не защищало от ультрафиолетовых лучей. Здесь, наверху, где почти нет воздуха, эти лучи могут уничтожить все живое. Почему же раньше он не додумался? Теперь кожа будет слезать, как у некоторых чудаков, любящих до потери сознания загорать на пляже.

Помахивая обожженными руками, Тимофей поднимается вверх по кольцевому коридору и мельком заглядывает в камеры. Возле одной невольно останавливается. Еще бы —

глядит на тебя какая-то оскаленная морда в прозрачном колпаке. Из кармана, где лежит приемник, слышится мужской незнакомый голос:

— Яшка! На место. Приготовились!

Морда исчезает. Тимофей засматривает в окошко. Обезьяну в специальном костюме из голубой плотной ткани с ремнями кто-то тащит к креслу. Ремни натягиваются, как будто бы в соседнюю камеру. Но Тимофей понимает, что никого там нет, ремни уходят под кресло и, вероятно, наматываются на барабан, который поворачивается по приказу с Земли. От шарообразного колпака тянутся толстые резиновые трубки. Вполне возможно, что у Яшки изучается газообмен.

Кресло низкое, с далеко откинутой спинкой. Яшка лежит, туго привязанный ремнями. Но вот у Яшки начинает пухнуть живот. Бабкин глазам своим не верит, что же это творится с бедной обезьяной? Вздываются пузыри на коленях.

— Ничего, ничего, Яшка, — кто-то уговаривает его с Земли. — Если хочешь знать мое мнение, то это совсем не больно. Сидеть, Яшка, сидеть!

У Яшки такая страдающая морда, что Бабкину его искренне жаль. Издеваются над животным, а зачем — неизвестно.

В приемнике слышится какой-то разговор о бандажах, о перегрузке, о давлении. Разговор прерывается ласковыми обращениями к Яшке, и Тимофею кое-что уже становится ясным. Испытывается противоперегрузочный костюм. В нем есть резиновые баллоны, они заполняются сжатым воздухом, давят на живот и ноги, чтобы при перегрузке не отливала кровь от верхней части тела.

«А я-то здесь при чем? — неожиданно мелькает запоздалая мысль. — У Яшки костюм, он в кресле... С ним ничего не случится... А я? Спасибо, что предупредили. Надо как-то устроиться». И понимая, что готовится нечто для него неприятное, Тимофей смотрит, как расположено Яшкино кресло, садится на жгучий морозный пол, вытянув ноги в том же направлении, как и Яшка, охватывает голову руками и замирает.

— Готов! — слышится спокойная, как в метро, команда.

Страшная сила прижимает Бабкина к стенке трубы, сдавливает грудь — не вздохнешь — и диск стремительно вырывается в пустоту.

А. СВЕТОВ

ОХОТНИК ЗА СОЛНЕЧНЫМ ЛУЧОМ

Научно-фантастический рассказ

Художник С. Федоров

ОХОТНИК *за солнечным лугом*

Рассказ

А. СВЕТОВ

Рисунки С. Федорова

ВСТРЕЧА НА КУРОРТЕ

БОРИС Петрович Лютиков, или попросту Боб, как его называли товарищи по работе, блондин лет двадцати пяти, с голубыми безоблачными глазами и кирпичным румянцем во всю щеку, неторопливо шагал по улице небольшого курортного городка Снежинска. Он рассеянно переводил взгляд с деревянных, украшенных резными наличниками и поблескивающих стеклами террас домиков на белые колончатые корпуса санаториев, на приземистые, аккуратно подстриженные липы, на цветники, похожие на свадебный пирог, на пестрые афиши, рекламирующие старые кинофильмы и концерты заезжих знаменитостей.

В парке девушки в белых халатах проворно наполняли стаканы прозрачной пузырчатой водой из минеральных источников. Отведав солоноватой воды, Лютиков поморщился

и направился к «источнику красоты», расположенному в конце аллеи.

Из пасти чудовища с львиной головой вытекала прозрачная струя. Курортницы наполняли водой графины, споласкивали лицо, втайне надеясь, что и впрямь исчезнут морщины, появится утраченный румянец, молодым блеском засияют глаза. Мужчины посмеивались над ними, но нет-нет, а иной из них и сам, оглядываясь, подходил к источнику, чтобы подставить седую или лысую голову под звонкую струю.

Лютиков подошел ближе и рассмеялся. На каменной плите кто-то написал губной помадой:

*«Сколько я ни умывалась,
Какой была, такой осталась».*

— Вот вы смеетесь, молодой человек, — услышал художник за спиной. — Действительно, человеческие слабости порой вызывают улыбку...

Лютиков обернулся. Перед ним, опираясь на суковатую палку, стоял старик в соломенной шляпе, с худощавым нервным лицом и живыми насмешливыми глазами.

— А между тем, — продолжал незнакомец, — стремление ко всему красивому заложено в человеке самой природой. Помните, кажется, Чехов сказал, что «у человека должно быть все прекрасным — и лицо, и одежда, и мысли». Я бы добавил к этому: и весь окружающий его мир. Дома, улицы, вещи, деревья, воздух. Красота лечит! В этом я абсолютно убежден. Не пойму, почему-то до сих пор никто не написал книгу под названием: «Красота как лечебный фактор» или, скажем, «Эстетотерапия». А жаль, очень жаль. Вы, надеюсь, видели наш Хрустальный замок? — вдруг спросил незнакомец.

— Нет, я только сегодня приехал, — промолвил Лютиков.

— Давайте познакомимся, — инженер Дробот, пенсионер, — представился незнакомец. — Времени у меня много.

Вот я и возьму на себя роль гида, покажу вам нашу снежинскую достопримечательность.

Они вышли из парка и поднялись по узкой улице, круто взбегающей вверх.

Перед ними открылся весь Снежинск. В курортных справочниках вы можете прочесть, что Снежинск расположен среди живописных холмов, поросших густыми лиственными и хвойными лесами, что воздух здесь чист и прозрачен, так же как и струи целебных источников, что жители его приветливы и гостеприимны... Но если бы даже не было всего этого, если бы Лютикову сказали, что в Снежинске свирепствует вечная зима с трескучими морозами или не переставая льют тропические дожди, что климат здесь противопоставлен даже для него, человека физически закаленного и никогда ничем, кроме футбольной лихорадки, не болевшего, он все равно приехал бы сюда. От этого зависело многое...

Следует пояснить: Лютиков — художник. Его специальность — рисунки на тканях. Изготовленные по его эскизам веселенькие ситчики, переливающиеся гаммой красок сатины и креп-жоржеты не раз заставляли учащенно биться женские сердца. Лютиков, как говорится, звезд с неба не хватал, но когда он привычным жестом раскидывал перед членами художественного совета эскизы шифоновых и газовых косынок, можно было подумать, что это вовсе не козынки, а великолепная радуга, которую удачливый художник сдернул с майского, умытого дождем неба.

Однако в последнее время Лютикову не везло. Художественный совет отвергал одну работу за другой. Да он и сам чувствовал, что иссякает его творческая фантазия, что он повторяет самого себя, и орнамент, который еще недавно всех приводил в восхищение своей свежестью и новизной, становится надоедливым штампом.

— Не то, нет, не то, — повторял он, комкая лист ватмана с очередным неудавшимся рисунком. Он пробовал обратиться к помощи природы — самого гениального и испытанного художника. Он ходил в лес, в поле, рисовал цветы,

листья, травы. Он извлекал из шкафа заветную папку, в которую складывал про запас фотографии, снятые им зимой со снежинок и морозных узоров на стекле. О, какие чудесные рисунки подарил ему Дед-мороз! Здесь было все — игольчатые ветви пальм и вырезные листья папоротника, легкие, словно дуновение ветерка, кружева и мохнатые серебряные кисти таящих елей. Но и это повторялось в его работах. Он и сам чувствовал, что орнамент должен быть иным, каким-то необыкновенным, свежим, солнечным, как сама юность.

— Послушай-ка, Боб, — сказал ему однажды художник Свенцицкий, лысоватый, остролицый человек. — Могу тебе дать совет! — Свенцицкий всегда и всем любил давать глубокомысленные советы, облакая их в таинственную форму и не договаривая до конца.

— Тебе нужно поднять творческий тонус. Поезжай-ка, дружище, в Снежинск...

— Почему в Снежинск? — удивился Борис Петрович.

— Поможет. На себе испытал. Помнишь мою знаменитую драпировку «Золотая осень»? Первую премию получил. Так вот, скажу тебе по секрету — все это результат моей поездки в Снежинск.

— Но почему же все-таки в Снежинск? — недоумевал Лютиков.

— Там увидишь. Кстати, в местное пропадает путевка. Поезжай, водичку попьешь... Счастливого пути!

— Постой, постой, — пытался остановить Свенцицкого Борис Петрович, но того и след простыл.

«А и в самом деле, — подумал Лютиков, — не съездить ли мне? Чем черт не шутит. Авось, там что-либо и придумаю».

На другой день он купил билет на самолет, и с курортной путевкой в кармане вылетел в Снежинск.

ТАЙНА ХРУСТАЛЬНОГО ЗАМКА

Инженер Дробот и Лютиков остановились возле высокого здания странной архитектуры, напоминающего стеклянную башню, увенчанную тремя серебристыми шпилями. Увитое плющом, как бы устремленное вверх, оно казалось легким и прозрачным.

— Это санаторий, — пояснил Николай Семенович, — обыкновенный санаторий. Впрочем, не совсем обыкновенный...

Жестом гостеприимного хозяина он распахнул перед художником стеклянную дверь. Лютиков переступил порог и очутился в большом светлом зале. На стенах висели репродукции с картин Шишкина и Айвазовского. По углам в тяжелых деревянных кадках стояли пальмы с натертыми до блеска стрелчатыми листьями. За столиками в удобных креслах сидели отдыхающие. Мужчины играли в шахматы, читали, женщины занимались рукоделием. Одним словом, здесь было все так же, как и в других санаториях.

И все же Лютиков застыл в изумлении. Воздух в комнате был пронизан мягким, приятным светом. Трудно было понять, откуда он излучался. На улице — пасмурно, темно-серые тучи, перевалив через горы, затянули небо, моросил дождь. А в комнате все было пронизано солнцем. Нет, здесь не было искусственного источника света. Волшебные лучи проникали в комнату снаружи через окна. Да и сами окна были необычайными. Они представляли собой большие экраны, на прозрачной поверхности которых проступали какие-то причудливые рисунки нежнейших тонов и оттенков.

Николай Семенович подошел к окну, тронул какой-то рычажок, выступавший из стены, и в комнате все преобразилось. Свет в окнах усилился, рисунки на одном из стеклянных экранов стали совсем иными. Если раньше они напоминали восточный ковер невиданной расцветки, то теперь Лютикову казалось, что перед ним молодые березки в светло-зеленой дымке только что распустившихся листьев.

Еще один поворот рычага, и березовая роща сменилась игольчатой цветной завесой северного сияния.

— Что это? — невольно вырвалось у Лютикова.

— Это... это плененный солнечный луч, — сказал инженер Дробот.

ПЛЕНЕНИЕ СОЛНЕЧНОГО ЛУЧА

ПРОЙДЕМТЕ на террасу, — предложил Николай Семенович. — Там нам никто не помешает и мы никому не будем мешать.

Они вышли на террасу, сели в удобные шезлонги, закурили.

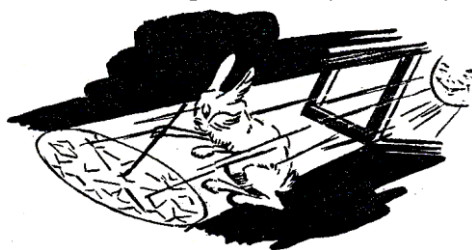
Пока Дробот и Лютиков, прислушиваясь к шуму дождя, молчат, сосредоточенно наблюдая за колечками дыма, тающего в воздухе, я расскажу вам, читатель, небольшую быль...

Жил-был на свете луч, обыкновенный солнечный зайчик, веселый, прыткий. Иногда он мелькнет светлым пятнышком в листве деревьев, блеснет в окне или на поверхности пруда и исчезнет — попробуй-ка, поймай! Но обычно люди даже не замечали его. Они ведь часто не видят того, что действительно заслуживает внимания.

Солнечный луч решил все же обратить на себя внимание людей. Он был настоящим волшебником, этот веселый солнечный зайчик. Стоило ему только захотеть, и он превращался в радугу, разноцветным мостом перекинувшуюся над горизонтом. Он мог проникнуть в комнату и, прыгнув мягкими лапками с зеркала, растянуться на полу красивым разноцветным зверьком. И тут люди увидели, что простой бе-

лый солнечный лучик не так уж и прост, как это кажется.

Появились охотники за солнечным зайчиком. Они по-

всюду расставили свои силки, состоявшие из множества линз и стекол, и если им удавалось поймать солнечный зайчик, они становились обладателями несметных богатств. Эти богатства нельзя оценить на деньги. Разве можно деньгами измерить счастье видеть прекрасное? А плененный солнечный зайчик действительно был очень красив. Ни один художник не мог воссоздать его чистые яркие цвета. И вот люди заставили служить себе солнечный зайчик.

Представьте себе, что вы находитесь в городе будущего. Повсюду много зелени и цветов. Сады и цветники разбиты не только на земле, но и на плоских крышах домов. По улицам бесшумно проносятся автомобили, работающие на атомной энергии, в воздухе серебряными стрекозами кружатся такси-вертолеты. Но вам незачем спешить, вы не пользуетесь ни автомобилем, ни вертолетом, ни движущимися тротуарами. А просто, не торопясь, пройдетесь по улицам.

Вы смотрите на стены и окна домов, витрины магазинов — какое здесь празднество красок! Холодный тусклый камень повсюду уступил место светящимся цветным плиткам. Они светятся как бы изнутри — голубые, синие, розовые, оранжевые, самых нежных цветов и оттенков. Вероятно, химики немало потрудились, чтобы изобрести для украшения зданий эти чудесные краски, думаете вы. Краски! О, нет, для этого не нужно, чтобы день и ночь работали цехи химических заводов. Впрочем, даже всемогущая химия была бы бессильна создать такие чудеса. Эти краски получены из... ничего. Их создало невидимое солнечное кружево, щедрым потоком падающее на землю. Их создал веселый солнечный зайчик.

Как это произошло?

Охотникам за солнечным зайчиком удалось заманить его в очень простую ловушку. Она состоит из двух особых стекол с прокладкой из целлофана или слюды. Когда зайчик попадался, эти бесцветные пленки загорались всеми цветами солнечного спектра. Если одно стеклышко начать вращать, то тона и оттенки постепенно менялись. На этом

свойстве в свое время была создана интересная игрушка. Между двумя поляризаторами помещали прозрачный, почти невидимый рисунок бабочки на целлофане, и рисунок оживал, загорался яркими красками.

..Вы уже догадываетесь, что инженер Дробот — один из охотников за солнечным зайчиком. Ему удалось безгранично расширить возможности получения цветов и оттенков, он изготовил сотни пластинок из различного материала, проделал тысячи опытов. И вот прозрачный экран, установленный у окна, превращался в волшебное зеркало. Он сияет нежнейшими красками, на нем появляются причудливые рисунки, сложный орнамент. При помощи особого химического состава, добавленного в стекло, инженеру удалось усилить сияние. Поэтому даже в пасмурный день в комнате было светло и солнечно. Обо всем этом Дробот и рассказал Борису Петровичу.

— А теперь, — сказал он, — пойдемте ко мне. Я покажу вам то, что, вероятно, больше всего должно вас заинтересовать.

В МИРЕ КАЛЕЙДОСКОПОВ

Они вошли в небольшой деревянный флигель, расположенный рядом с санаторием.

Почти вся оклеенная светлыми обоями, комната Николая Семеновича была занята металлическими конструкциями. Повсюду лежали стопки книг, чертежи, инструменты и множество блестящих алюминиевых трубок. Трубки на столе, на шкафу, на подоконнике, на пианино. Мир трубок!

— Это калейдоскопы, — пояснил хозяин, сдвинув с дивана кипу журналов и освобождая для гостя место. — Знаете ли вы, что такое калейдоскоп?

Еще бы, Лютикову была знакома эта незамысловатая детская игрушка — небольшая картонная или металлическая трубка, закрытая с одной стороны матовым стеклышком. Смотришь на свет, и перед тобой открывается волшебный мир цветного орнамента. Если повернуть или слегка

встряхнуть трубку, рисунок мгновенно изменится. Трудно поверить, что мишура и маленькие осколки цветного стекла, многократно отраженные спрятанными внутри зеркальными пластинками, могли создать такой изумительно красивый узор. В детстве Борис Петрович любил возиться с калейдоскопами.

— Само название этого оптического прибора «калейдоскоп», — продолжал инженер Дробот, — по-гречески означает «смотрю красивое».

С тех пор как английский физик Брюстер изобрел эту игрушку, прошло почти сто сорок лет. Она побывала в руках миллионов людей, но, представьте себе, никому и в го-

лову не приходило, что ее можно как-то усовершенствовать.

— Калейдоскоп, — задумчиво продолжал старик, — открыл передо мной волшебный мир линий и красок. Но, как я уже сказал, во мне жили два человека — инженер и художник.

«Это неповторимо! — говорил во мне художник, когда я приставлял к глазу калейдоскоп. — Самая смелая фантазия не сумеет создать то, что воспроизведено в этой жалкой трубке благодаря законам отражения».

«Да, но это может быть еще лучше, еще совершеннее, — возражал во мне инженер, — стоит только подумать как следует, и при помощи калейдоскопа можно получить законченные художественные произведения».

«Но как? — скептически вопрошал голос художника. — Калейдоскоп существует почти полтора века, и он остался таким же, каким его создал Брюстер».

«Вероятно, это потому, — следовал ответ, — что никто всерьез не задумывался над тем, как усовершенствовать эту игрушку. А сделать здесь можно многое. Почему, например, трубка должна освещаться на просвет, а не боковым светом? Тогда мы могли бы поместить в нее не только стеклышки, но и непрозрачные предметы. Или возьмем другое — почему рисунок в калейдоскопе получается на мертвом матовом фоне? Разве нельзя сделать фон, скажем, небесно-голубым или нежно-опаловым, цвета утренней зари? Какие изумительные композиции, какой праздник красок мы бы увидели тогда в калейдоскопе!»

— И вам это удалось? — нетерпеливо спросил Лютиков.

— Да, почти, — помедлив, ответил старик. — Я жил тогда на даче в Подмоскowie, работал у себя в лаборатории с утра до ночи. То, что вы здесь видите, лишь небольшая часть тех калейдоскопов, которые я смастерил. В конструкцию каждого из них я вносил все новые и новые изменения — то менял внешний вид, то подбирал стекла необычной окраски, то подыскивал детали самой причудливой формы для наполнения трубки. — Он протянул Лютикову сначала один калейдоскоп, затем второй, третий, еще и еще.

Перед художником возникали причудливые рисунки. Одни из них — яркие, красочные, словно цветущий луг, другие были выдержаны в строгих тонах. На цветном фоне он видел то фигурное литье дворцовой бронзовой решетки, то серебряный узор с вкрапленными в него драгоценными камнями — изумрудом, яхонтом, бриллиантом. Боковой свет, проникавший в прорези, рельефно оттенял каждую грань. Он поворачивал трубку, и линии рисунков менялись. Можно было всю жизнь просидеть над калейдоскопом, и в нем ни разу не повторился бы один и тот же рисунок — так бесконечно велико было количество сочетаний.

— Древние мастера, украшавшие росписью и резьбой дворцы и храмы, — вслух подумал Лютиков, — многое бы дали тому, кто показал бы им сокровища калейдоскопа.

— Да, мир калейдоскопа поистине безграничен, — согласился Николай Семенович. — Если бы вы вздумали поместить в альбом рисунки только одного калейдоскопа, их хватило бы на украшение всех городов, на изготовление красивых тканей, невиданных ковров.

— А теперь, — продолжал Николай Семенович, — я хочу вам показать еще один прибор — орнаскоп. «Орна» — орнамент, «скоп» — видеть. По внешнему виду он такой же, как калейдоскоп, но устроен иначе. Однажды я подумал: почему предметы, из которых составлен узор в калейдоскопе, должны обязательно находиться внутри трубки? Не проще ли навести аппарат на любую вещь из тех, которые во множестве находятся вокруг нас? И вот что получилось.

Николай Семенович протянул Лютикову одну из трубок. Тот приставил ее к глазу и медленно оглядел комнату. Взгляд его остановился на каком-то предмете, лежавшем в углу. Это были валенки. Произошло чудо. Обыкновенные старенькие, заплатанные валенки под стеклом орнаскопа превратились в волшебный узор. Художник любовался им, словно редкостным ковром. Затем он перевел орнаскоп на цветы, стоявшие на подоконнике, на камешки, лежавшие на письменном столе. Все предметы, многократно отраженные системой зеркал, давали непередаваемую гамму красок, то-

нов, составляли причудливый узор. Узор можно было приблизить либо удалить, и тогда он снова менялся.

— Вы можете приходить сюда в любое время, — сказал инженер, жестом обводя комнату, — калейдоскопы в вашем распоряжении. Надеюсь, они помогут в ваших поисках прекрасного.

..На другой день Лютиков сел за письма.

«Прекрасное не имеет границ...» — так начиналось его письмо Свенцицкому.

А. СВЕТОВ

ТАЙНА НЕСЛЫШИМЫХ ЗВУКОВ

Научно-фантастический рассказ

Художник Н. Гришин

Майна НЕСЛЫШИМЫХ ЗВУКОВ

НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

А. СВЕТОВ

Рисунки Н. ГРИШИНА

1

Мой сосед по купе, седой моложавый человек, протянул мне журнал:

— Прочитайте-ка эту статью, сказал он, — весьма любопытно.

Статья называлась «Генератор НЗР». Подпись автора — В.И.Рогов, казалось, ни о чем не говорила. Но, прочитав первые строки, я вдруг вспомнил:

— Рогов... Василий Иванович Рогов...

Вероятно, я произнес это вслух. Пассажир повернулся ко мне.

— Вы знаете Василия Ивановиче? В таком случае вы, вероятно, слыхали о его необычном изобретении, и вас не удивит, что его статья напечатана в биологическом журнале. Мы, его сослуживцы, признаться, до сих пор не можем привыкнуть к мысли, что Василий Иванович, выдающийся инженер-акустик, прославился совсем в другой отрасли науки... Подумайте только: врачи-биологи знают его больше, чем мы — инженеры-строители...

Но я уже не слышал, о чем говорил мой попутчик. Я углубился в чтение статьи, Воспоминания нахлынули на меня...

2

Произошло это года два назад. По заданию редакции я выехал на Северный Урал в крупный оленеводческий колхоз.

На небольшом полустанке, где поезд стоит ровно столько времени, сколько нужно, чтобы высадиться двум-трем пассажирам, меня встретил колхозный шофер-эвенк. Пожав мне руку, он подхватил чемодан и повел меня к «Победе», дожидавшейся возле водокачки.

— Далеко ли нам ехать? — спросил я.

— Наш колхоз совсем близко, — улыбнулся шофер, — двести километров. Доедем хорошо, если только...

Он с сомнением посмотрел на небо, затянутое у горизонта тучами, и покачал головой.

Тайга подступала к самой станции, Машина, словно в туннель, нырнула в тенистую прохладу лесной дороги. Над нею сомкнулись кроны лиственниц. Местами по обочинам дороги стояли березки, нежно-зеленые, пронизанные тончайшим солнечным кружевом.

Чем дальше на север мы ехали, тем заметнее менялся характер местности. Тайга постепенно сменялась мелколесьем, потянулись болота.

Погода заметно портилась. Громоздкие иссиня-черные тучи низко повисли над землей, и листья на деревьях поникли, словно не выдержат их свинцовой тяжести.

— Будет дождь, — сказал шофер, — не успеем доехать. Ночевать надо.

— Где, в лесу?

— Зачем в лесу! У комариного профессора.

— У профессора? — удивленно переспросил я.

— Из Москвы ученый человек приехал. Колхозу помогать будет. Мошек, комаров убивать. Людям и олешкам хорошо будет.

Я не совсем понял, о чем говорил шофер. Но меня заинтересовал человек из Москвы, поселившийся зачем-то в тайге.

3

Первые крупные капли заструились по ветровому стеклу как раз в ту минуту, когда, свернув с дороги, машина остановилась у бревенчатого домика, огороженного невысоким забором.

Шофер постучал. За дверью раздалось рычание и отрывистый лай собаки.

— Альма, на место! — прикрикнул хрипловатый голос. — Входите, открыто.

Судя по голосу, я ожидал встретить ворчливого пожилого профессора, и очень удивился, увидев за столом молодого, на вид лет двадцати пяти, человека в синем спортивном костюме, ловко обтягивавшем его стройную, худощавую фигуру. У ног его лежала серая, с настороженными ушами овчарка. Человек поднял от микроскопа голову и спросил:

— Это ты, Аким? Кого привез!

— Гостя, Василий Иванович, Товарищ из Москвы, в колхоз к нам приехал.

Поздоровавшись, я назвал себя.

— Извините, — произнес хозяин, — а вы располагайтесь.

Жилье напоминало скорее пристанище лесоруба или охотника, нежели кабинет ученого: проконопаченные мхом бревенчатые стены, нары из нестроганных досок, застеленные оленьей шкурой, охотничье ружье в углу, чучело полярной куропатки на подоконнике — вот, пожалуй, и все убранство комнаты. И только микроскоп, пробирки и какой-то аппарат, подключенный к электрическим проводам, протянутым к домику снаружи, свидетельствовали о том, что здесь живет и работает ученый.

Мы пили горячий, пахнувший хвоей и морошкой чай. Василий Иванович расспрашивал меня о последних но-

востях столицы. Внезапно он как-то сразу выключался из разговора, подходил к микроскопу, взъерошивал волосы, чему-то улыбался. По-видимому, он был чем-то взволнован.

Я ждал удобного случая, чтобы завести разговор о его работе. Словно угадав мои мысли, он подсел к столу и сам начал рассказывать.

Бывает иной раз, что человек может рассказать постороннему то, чем не поделится даже с близким другом. Так было и на этот раз. По-видимому, у Василия Ивановича была радость, большая творческая удача, и ему хотелось поделиться с кем-нибудь своими мыслями и чувствами.

Мне казалось, что он не видит ни меня, ни Акима. Он рассказывал ток, словно думал вслух...

— Вас, вероятно, удивит,— начал он, — что я, инженер-акустик, уединился здесь, в таежной глуши, и занялся работой, которая, казалось бы, не имеет прямого отношения к моей профессии. Не удивляйтесь! Мы живем с вами в такое время, когда стираются грани между многими отраслями науки и техники. Врач должен быть знаком с атомной физикой, геолог изучает люминесценцию и микробиологию — они помогают ему в поисках нефти и других полезных ископаемых... Иной раз мы, и сами не подозревая о том, владеем чудесным ключом, который так нужен другому ученому — врачу, биологу, химику. Так было и со мной...

Василий Иванович задумался, улыбнулся чему-то и вдруг спросил:

— Где вы проводите свой отпуск?

— Когда как, — удивился я, — на юге, у моря. Прошлым летом совершил чудесное путешествие пешком по Кавказскому заповеднику...

— Ну, вот видите, — вздохнул Василий Иванович, — а я вот уж три года подряд уезжаю в тундру, в тайгу, одним словом, туда, где в это время находится экспедиция Владимира — моего старшего брата-энтомолога. Я стойко переношу укусы комаров, мошки, надсадно жужжащих и звенящих в воздухе тихими, теплыми вечерами.

Когда я возвращался из отпуска, сослуживцы сочувственно всматривались в мое похудевшее, покрытое волдырями лицо и, не скрывая иронии, спрашивали:

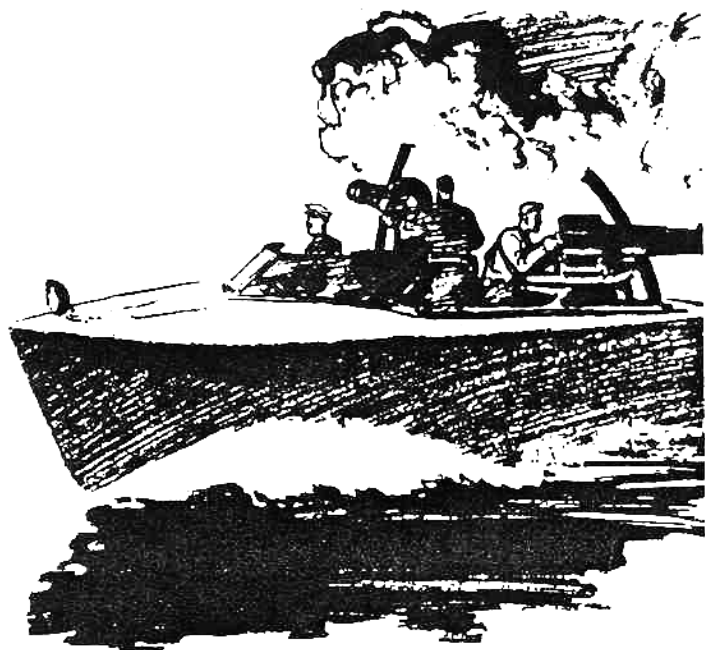
— Как отдыхалось?

— Чудесно! — бодро отвечал я.

Сослуживцы не понимали, что заставляло меня отказываться от путевки в Сочи и устремляться черт знает куда, в леса, болота, на съедение комарам.

В последний раз я разыскал экспедицию в лесах Карелии. Владимир испытывал там новый химический препарат против мошкеры, досаждавшей рыбакам и лесорубам.

Однажды на рассвете я наблюдал, как, вздымая веер брызг, по реке пронесся катер. С его бортов стреляли по берегам, поросшим вековыми соснами, из каких-то странных пушек с короткими, широкими раструбами стволов. И тотчас вдоль берегов прозрачной пеленой расползлся

желтоватый туман. Его клочья ползли, цепляясь за прибрежную осоку, за ветви деревьев, низко стлались по росистой траве.

В тот же день брат принес из лесу марлевые садки с комарами.

— Все контрольные насекомые, — торжественно заявил он, — в радиусе десяти километров погибли.

— Из пушек по... комарам! — засмеялся я.

— Для начала неплохо. А знаешь, что это значит! — продолжал Владимир. — Теперь люди могут все лето жить и работать спокойно. Комары и мошкара им не мешают.

— Хорошо, — сказал я, — но ты подумал, сколько потребуется химических препаратов для того, чтобы обработать большие пространства! Нет, надо придумать что-то новое. Быть может, следует обратиться не только к химии, но и к другим областям науки.

Владимир пожал плечами и скептически улыбнулся.

— Не обратиться ли мне к акустике, к миру чарующих звуков, в котором ты живешь?

— К акустике. Вот именно! — воскликнул я, — Этим я как раз и думаю заняться.

В тот же день я вылетел самолетом в Москву.

4

— Вы хотите знать, что было дальше? — продолжал инженер Рогов. — Вечера после работы я проводил в лаборатории, в мастерской. Так прошел почти год. Это был год упорного труда и экспериментов. Надежды сменялись отчаянием, но я продолжал работать. И вот генератор собран. Осталось проверить его в действии. Списавшись с председателем колхоза, моим старым другом, я приехал сюда. А теперь смотрите...

Василий Ивановым подвел меня к микроскопу. Я прильнул к окуляру. В капле воды под стеклом резвились инфузории, шевелила жгутиками, извивалась, металась из стороны в сторону масса живых существ.

— А теперь, — предупредил Василий Иванович — смотрите внимательно.

Послышался сухой щелчок рубильника. Затем негромкое, на низких тонах гудение. Я оглянулся. В аппарате, над которым склонился Василий Иванович, что-то потрескивало, в полнакала светились лампы. Вдруг овчарка, до этого спокойно лежавшая возле стола, испуганно попятилась к двери. Шерсть ее оцетинилась, зубы оскалились.

— Смотрите в микроскоп!

Я снова прильнул к объективу. Инфузории, совершавшие минуту назад быстрые круговые движения, внезапно замедлили свой танец, и наконец, словно обессилев, замерли. То же произошло и с другими микроорганизмами. Еще мгновение — и они были мертвы. Мало сказать мертвы: их крошечные тельца были разорваны на части, и бесформенными полупрозрачными клочками неподвижно лежали в капле воды.

Я не мог понять, что произошло. Василий Иванович не торопился рассеять мое недоумение.

— Идемте со мной, — сказал он.

Он свистнул Альму, и мы вышли из домика. Дождь уже перестал, но небо все еще было затянуто тучами.

В лесу царила предвечерняя тишина. Лишь где-то вдали куковала кукушка. Над головой рыжей молнией промелькнула белка. Мокрая земля, усыпанная прошлогодней листвой, отдавала грибным запахом. В воздухе все еще продолжало парить.

Альма подняла куропатку и с громким лаем бросилась за ней.

— Теперь ее не остановишь, — засмеялся я, — охотничий инстинкт.

— Вы уверены? — спросил Василий Иванович. — А хотите, я вам докажу, что приказ хозяина сильнее инстинкта?

Он достал из кармана свисток и приложил к губам.

Оглядываясь, словно сожалея об упущенной добыче, собака тотчас подбежала к хозяину и встала на задние лапы, пытаясь шершавым языком лизнуть его в щеку.

— Может быть, мне это показалось, — удивленно промолвил я, — но я... не слышал свистка.

— Представьте, и я тоже ничего не слышал, — засмеялся Василий Иванович, — а вот Альма слыхала, хотя была далеко от нас...

На опушке леса, там, где начались заросли кустарника, мой спутник остановил меня,

— А здесь, — произнес он, — я покажу вам кое-что поинтереснее.

Я с любопытством осмотрелся по сторонам.

В теплом, парном воздухе кружилась мошкара. Живой пляшущий столб передвигался с места на место. Вот он приблизился к лесной опушке и вдруг исчез, словно растворился в воздухе.

Вот еще одно серое облачко приблизилось к опушке и, достигнув какой-то невидимой черты, мгновенно, словно по волшебству, исчезло.

— Что это все значит? — спросил я.

— Пойдемте, — вместо ответа коротко бросил инженер Рогов.

Раздвигая заросли кустарника, он вывел меня на поляну.

Посреди поляны стояла деревянная вышка. Четко, словно вычерченная тушью, она вырисовывалась на фоне багрового вечернего неба. На самом верху вышки на металлической треноге никелированными частями поблескивал какой-то аппарат, похожий на огромную сирену. Провода соединяли аппарат с высоковольтной линией, исчезавшей в узкой лесной просеке.

Приблизившись к вышке, инженер Рогов снял с головы соломенную шляпу, с сожалением посмотрел на нее и,

словно решившись на что-то, махнул рукой. Не спеша он стал подходить к вышке, не опуская глаз с поднятой над головой шляпы,

Затем он поднял шляпу еще выше и вдруг, словно попав в поток каких-то невидимых лучей, она вспыхнула. Отбросив в сторону обуглившийся лоскут, Рогов улыбнулся и, словно фокусник, только что выполнивший эффектный номер, поклонился нам.

— Ну вот, — сказал он, — все, что вы здесь видели, как это ни странно, относится к области акустики, вернее, к тому разделу этой замечательной науки, который носит название ультразвук. Причем, заметьте, я приоткрыл перед вами лишь краешек завесы в таинственный мир неслышимых звуков.

5

— Неслышимых звуков? — удивленно переспросил я.

— Да, в природе существуют неслышимые звуки, так же как и невидимые ультрафиолетовые лучи. Вспомните, что представляет собой обычный слышимый звук. Это не что иное, как сжатие и разрежение воздуха. Бросьте в пруд камень, и по воде тотчас побегут концентрические круги. Примерно так же распространяются во все стороны и звуковые волны. От частоты колебаний зависит тон звука. И вот, оказывается, что если частота колебаний очень велика, примерно двадцать тысяч раз в секунду, то человеческое ухо перестает воспринимать звук. Теперь вы, вероятно, догадываетесь, почему не были слышны звуки свистка. У меня особый, ультразвуковой свисток. Его иногда называют свистком браконьера. Собака отлично воспринимает его неслышимые для человека звуки. Кстати, куда девалась Альма? — Рогов оглянулся и снова приложил свисток к губам. Подчиняясь беззвучному зову, собака тотчас выбежала на поляну.

— Все это понятно, — промолвил я — но, скажите, пожалуйста, что это за номер вы показали со шляпой? Право, этому фокусу мог бы позавидовать любой иллюзионист.

— Никакого фокуса здесь нет, — засмеялся Рогов, — все объясняется очень просто. Ультразвук способен творить чудеса. Он может, например, дробить на мельчайшие частицы и перемешивать различные твердые и жидкие вещества, смешивать масло или ртуть с водой. На этом свойстве ультразвука основано приготовление различных эмульсий, лекарств, маргарина, красителей. Ультразвук применяется в эхолоте — приборе для исследования морских глубин. С помощью ультразвука в металле можно обнаружить трещины и раковины. Врачи используют его для диагностики заболеваний. Одним словом, ультразвук используется в самых различных отраслях науки и техники. Мы располагаем очень мощными источниками ультразвуков, — продолжал он, — они в миллиарды раз превышают мощность паровозной сирены. Встретив на своем пути легко воспламеняющийся предмет, ультразвук зажигает его, и звуковая энергия превращается в тепловую. Теперь для вас многое станет понятным. На этой заимке я установил автоматически действующую сверхмощную ультразвуковую сирену и генератор неслышимых звуков. Знаете, о чем я мечтаю? — перебил сам себя Василий Иванович, — о том времени, когда люди избавятся от гнуса, от докучливых комаров, мошки, от вредителей сельскохозяйственных растений. Подумайте только, как чудесно будет тогда на земле!

— Все это, действительно, замечательно. Но расскажите, пожалуйста, немного подробнее о вашем ультразвуковом генераторе.

— Несколько лет назад, — начал Василий Иванович, — советские ученые Доливо-Добровольский и Кузнецов проделали интересный опыт. Они направили ультразвуковые волны на плавающих в воде инфузорий. Прошло менее одной тысячной доли секунды, и все инфузории были убиты. Произошло то же самое, что вы только что видели под микроскопом. Так действует ультразвук. То же самое происходит и в опытах с болезнетворными бактериями. Ультразвук убивает почти мгновенно туберкулезную палочку, дифтерийную бациллу, гриппозный вирус, возбудителя сыпного

тифа. Я решил испытать действие ультразвуковых волн не только на микроорганизмах, но и на крылатых насекомых и их личинках. Опыты, как вы сами убедились, проходят успешно. Я усовершенствовал аппарат и теперь могу управлять ультразвуком, ограничивать зону его распространения. Сейчас я работаю над разрешением очень трудной задачи — получением ультразвуковых волн определенной длины и частоты. Это значит, что в случае удачи будет найдено могучее средство для уничтожения не всех насекомых подряд, а на выбор: только того или иного вида. Подумайте, как это важно для науки, для народного хозяйства. По своему усмотрению мы сможем расправляться с теми видами насекомых, которые больше всего досаждают человеку, приносят вред деревьям, сельскохозяйственным растениям. А полезные для человека насекомые, например, пчелы, не будут подвергаться губительному действию ультразвука. Это не так уж несбыточно, как может показаться. Я знаю, у меня будут неудачи, разочарования, но, в конце концов, я все же жду успеха. Я верю в это...

Вернувшись в Москву, я написал Рогову. Но не получил ответа. Напряженная работа в газете отнимала у меня все время и внимание. Постепенно воспоминание о необычной встрече в тайге отодвинулось куда-то в дальний уголок памяти. Однажды я позвонил Василию Ивановичу в институт, но мне сообщили, что он в отъезде, когда вернется, неизвестно.

Прошел год... И вот, из статьи инженера Рогова я узнал, что его мечта осуществилась.

Усовершенствованный генератор неслышимых звуков системы инженера Рогова — «НЗР» создан, и в ближайшее время будет испытан на больших пространствах — в тайге, на плавнях рек и озер. Тогда... Впрочем, я не стану гадать о том, что будет тогда. Скажу только, что много болезней, много неприятностей уйдет из нашей жизни.

А. СВЕТОВ

ВТОРОЙ ЛИК ПУСТЫНИ

Научно-фантастический рассказ

Художник К. Соколов

Журнал «Техника-молодежи», № 5, 1955 г.

ВТОРОЙ ЛИК ПУСТЫНИ

Научно-фантастический рассказ

АЛЕКСАНДР СВЕТОВ

Рис. К. СОКОЛОВА

Вначале все случившееся я склонен был приписать галлюцинации.

Я гнал прочь воспоминания, но они неотступно преследовали меня много дней и ночей.

В то памятное лето я выехал по заданию редакции в Казахстан. Командировка обещала быть интересной. Главное требование, которое предъявляла редакция, — прислать в газету несколько интересных статей о жизни республики.

Когда я приехал в Алма-Ату, у меня не было определенного плана. Хорошо бы, размышлял я, побывать у новоселов на целинных землях, но туда уже вылетел очеркист нашей газеты. Может быть, поехать в Караганду или в молодой город металлургов Темир-Тау?

Вечером я позвонил из гостиницы своему старому другу гидрологу Андромасу Кирбаеву. Через полчаса он вошел ко мне в номер, такой же стройный и подтянутый, каким я помнил его по фронтовой жизни.

— Ты приехал как раз вовремя,— обрадовался Андромас, узнав о цели моей командировки: — у нас готовится экспедиция в пустыню Бетпак-Дала. Присоединяйся. Я познакомлю тебя с начальником экспедиции. С ним обо всем и договоримся.

На другой день Андромас заехал за мной, и мы направились в геолого-разведочный институт.

Начальник экспедиции, приветливый широкоплечий старик с копной седых волос, после некоторого раздумья согласился включить меня в состав экспедиции.

— Нам предстоит, — предупредил он, — вести работу в местах удивительных, полных контрастов и неожиданностей.

Он подошел к карте, висевшей на стене, и жестом обвел пространство, окрашенное в желтый цвет песков.

— Эти места входят в Казахскую, Узбекскую, Туркменскую и отчасти Таджикскую республики. Они лежат в зоне пустынь. Вероятно, вам рассказывали, что в пустыне нет воды, и путник, отбившийся от каравана, уже через сутки умирает от мучительной жажды, что там водятся скорпионы и ядовитые змеи, и нет ни трав, ни деревьев, ни человеческого жилья. Песок, зной, безводье.

Но мы, геологи, знаем другую пустыню. Человек найдет там воду, отыщет лес и безлесье, и целый мир птиц и животных встретит в безжизненном, казалось бы, царстве песков.

Наша экспедиция должна исследовать пустыню Бетпак-Дала. Сейчас еще трудно сказать, найдем ли мы в недрах пустыни новые месторождения железной руды, редкие металлы, нефть. Одновременно с нами на поиски ископаемых богатств в пустыню выходят и другие комплексные группы, вооруженные новейшими методами геологической разведки.

В назначенный день наша экспедиция на самолете вылетела в Караганду. Из последнего населенного пункта на рубеже карагандинских степей и пустыни Бетпак-Дала мы выехали на нескольких покрытых тентом машинах. Был тот предутренний час, когда огненный шар солнца еще не возшел над горизонтом, но в небе уже разгорелась утренняя заря. От остывшей за ночь земли веяло прохладой и пряным запахом полыни.

Не успели мы проехать и сотни километров, как дорога исчезла, словно растворилась в безбрежной равнине. Скудные, низкорослые травы, серая полынь островками мелькали по сторонам. Унылый, однообразный ландшафт расстилался перед взором. Согласно маршрута наш автомобиль пошел правее автоколонны, двигавшейся широким фронтом.

Машина перевалила через высокий бархан и, замедлив ход, начала с трудом пробираться сквозь заросли кустарника.

— Баялыш, — сказал Андромас, — проклятый кустарник, он может повредить покрышки...

Все медленнее двигалась машина, переваливаясь с боку на бок, а зарослям не видно было конца.

Почти двое суток прошло с тех пор, как мы углубились в пустыню, но ни в пути, ни на привалах не встретили ни одного живого существа. Даже змеи и ящерицы попрятались от жары в норы.

Взглянув на термометр, я увидел, что ртутный столбик поднялся почти до 50 градусов.

— Посмотри, — сказал Андромас, указывая на белые пятна солончаков, ослепительно сверкавших на солнце, — это снег пустыни. Весною, когда в пустыне стает настоящий снег или пройдут дожди, земля впитает воду. Летом в жару вода поднимается к поверхности земли и улетучивается. Ее выпивает солнце. Испаряясь, вода оставляет на земле находящиеся в ней соли. Но это дело поправимое. Нам только придется как следует потрудиться, промыть землю, оросить, и тогда она станет цветущим садом. Это уже сделали многие колхозы Казахстана, Узбекистана и Туркмении.

На рассвете мы снова тронулись в путь. Машина углубилась в заросли высоких, раскидистых, похожих на гигантские кустарники деревьев.

— Саксаул, — пояснил Семен Петрович, — дерево без ствола и листьев, его нельзя ни пилить, ни рубить топором. Нельзя его и сплавлять — оно тонет в воде.

Свойства саксаула всех заинтересовали. Мы попросили шофера остановить машину.

Мертвая тишина царила в зарослях. Ни пения птиц, ни шороха животных не было слышно. Наши голоса звучали неестественно глухо, словно в подземелье.

Андромас ударил геологическим молотком по большой ветке саксаула, и она откололась, словно стеклянная.

Возле русла высохшей реки мы расположились на отдых, разбили палатку, а через несколько минут весело затрещал костер. Шофер Али, взяв ружье, скрылся за ближайшим холмом. Вскоре грянул выстрел. Али вер-

нулся в лагерь и бросил у костра небольшого убитого джейрана.

— Теперь у нас будет плов, — сказал он, снимая шкуру с животного.

Ночью я долго не мог уснуть от холода. Кутаясь в одеяло, я смотрел на большие яркие звезды, мерцавшие за пологом палатки, и прислушивался к ночным шорохам.

Утром мы позавтракали разогретым на костре мясом джейрана и тронулись в путь.

Жара становилась невыносимой. Зной излучали синее безоблачное небо и раскаленная земля. От жары нигде было укрыться. Мы поторапливали шофера так, словно в движении надеялись найти прохладу и отдых.

Неожиданно в моторе что-то ударило, и он остановился.

Шофер долго возился с мотором, затем вытер ветошью руки и, вздохнув, сказал:

— Все кончено: полетел коленчатый вал.

Он сказал это так спокойно, будто авария произошла не в пустыне, в трехстах километрах от ближайшего жилья, а где-либо на перекрестке большого города: стоит только позвонить из автомата или сбегать в ближайший гараж, и все будет в порядке.

Заночевали мы рядом с машиной. На рассвете шофер, всю ночь провозившийся с мотором, сообщил, что придется идти пешком. Мы молча выслушали эту весть. Посоветовавшись, решили взять самое необходимое и двинуться на юго-восток, к долине реки Чу. Там назначен был сбор всей автоколонны.

Мы уложили в вещевые мешки флаги с водой, запасы продовольствия, образцы пород, инструменты. Последний раз взглянув на машину, одиноко стоявшую на вершине бархана, мы тронулись в путь.

Нешадно палило солнце. Пятые сутки мы находились в пути, но по-прежнему не встречали следов человека, если не считать древних караванных троп и полузасыпанных песком костей животных.

Запасы воды почти иссякли. Часть поклажи — инструменты и консервы — пришлось оставить, и только образцы пород никто не решился выбросить из вещевых мешков.

Я помню, как дрожали руки Андромаса, когда он распределял остатки воды. Себе он налил меньше, чем другим. Когда Семен Петрович сказал ему об этом, он улыбнулся и шутливо возразил:

— Мой отец и дед — жители пустыни. Я также родился в степной юрте. Мы привыкли долго обходиться без воды...

От продуктов, взятых в автомобиле, уже давно не осталось и следа. Теперь мы жили исключительно тем, что дарила нам пустыня. Мы находили сладкие, похожие на морковь корешки жау-жумыра и дикое просо. Все это делили поровну на всех. Однажды Черников принес откуда-то пучок дикого лука. Я спросил, где он его нашел. Геолог показал на возвышенность, видневшуюся справа. Мне захотелось порадовать моих спутников и, пока Али зажаривает на костре подстреленную накануне куропатку, собрать побольше дикого лука. Это будет отличная приправа к обеду.

Никому не сказав ни слова, я направился на поиски лука. Перевалив через вершину бархана, я принялся обшаривать каждый клочок земли. Вскоре мне удалось найти несколько пучков серо-зеленого растения с жесткими перистыми листьями. Увлечшись поисками, я незаметно удалился от лагеря. Осмотревшись вокруг в надежде увидеть дымок костра или услышать голоса товарищей, я увидел лишь песчаные барханы, похожие один на другой, как морские волны. Я пробовал кричать, но голос мой терялся среди мертвых песчаных хребтов.

Может быть, мне следовало оставаться на месте и ждать, пока не услышу выстрелов, или попробовать отыскать свои же следы, по которым я мог бы вернуться в лагерь, но страх отуманил мне голову и я побежал. Я бежал, спотыкаясь, по щиколотку увязая в горячем песке. Наконец я понял, что окончательно заблудился, остался в пустыне один, без воды и пищи, без надежды на спасение.

Жажда жизни гнала меня вперед. Изредка я останавливался и воспаленными глазами оглядывал пустыню. Под вечер я увидел вдаль озеро. Оно переливалось и манило холмоноватым блеском. Если это не мираж, подумал я, спасение близко.

Представьте себе мое отчаяние, когда, приблизившись к тому, что казалось озером, я увидел всего лишь блестящую глинистую землю. Это был такыр. Так здесь называют котловины, где весной и осенью скопляется вода. Летом вода высыхает, и земля затягивается коркой. На многие километры раскинулась передо мной котловина, поросшая по краям низкорослыми кустарниками и полынью.

Я ступил на твердую, покрытую трещинами землю, шел по ней весь день и всю ночь и только под утро замертво свалился от усталости.

Когда я проснулся, солнце высоко стояло в безоблачном небе. Голода я почти не чувствовал, но жажда давала себя знать все сильнее, а немилосердно припекавшее солнце словно высасывало последние силы. Я поднялся и побрел дальше. Каждый шаг доставался с невероятным трудом.

Характер местности вдруг изменился. Справа возникла невысокая каменистая гряда, усеянная скалами причудливой формы. Обточенные ветром, одни из них напоминали фигуры людей и животных, другие возвышались в форме средневековых башен.

Я постарался поближе подойти к этим причудливым творениям природы. Но только я приблизился к ним, как почувствовал едва уловимую перемену, происшедшую вокруг. Солнце, до этого ярко светившее над головой, вдруг начало меркнуть. Я взглянул вверх, но ни одного облачка не увидел.

Мне почудилось — где-то далеко прогремел гром. Через минуту слабый рокот повторился. На этот раз он больше походил на шум реактивного самолета. На синем пологие неба я тотчас увидел извилистый след. Но это был не обычный светло-серебристый след, оставляемый в небе высоко

летающим самолетом, а черный, расплывающийся, будто проведенный тушью по промокательной бумаге.

Рядом с первым следом протянулся второй, затем третий, четвертый. Казалось, кто-то невидимый старается от горизонта до горизонта заштриховать небо. Полосы таяли, сливались друг с другом, и тяжелые сумерки окутывали землю. «Откуда взялся этот черный туман, появление которого сопровождается звуковой галлюцинацией?» — тревожно спрашивал я себя. И вдруг мелькнула ужасная догадка: «Я начинаю слепнуть».

Дрожащими пальцами я достал из кармана зеркальце, глянул в него и отшатнулся. Лица почти не было видно, из зеркала глядели зрачки и ослепительно сверкали зубы. Я

посмотрел на руки. Ногти были голубые. Платок, которым я вытер выступившую на лбу испарину, почему-то оказался фиолетовым.

Каменные зубцы, видневшиеся невдалеке, кустарники баялыша, ковыль, шуршащий под ногами, сама земля светились мягкими радужными бликами. Казалось, пустыня утратила свои привычно-желтые, тусклые тона и засверкала фантастическими красками.

Ошеломленный, я стоял, не зная, что и подумать об этом. Вдруг мое внимание привлекло отверстие в отвесно спадающей известковой скале. По-видимому, много тысячелетий назад часть скалы обрушилась, а вода, солнце и ветер выточили в рыхлой породе пещеру.

Вход в пещеру светился ярче окружающих предметов. Невольно меня потянуло в нее. Я глянул вверх. Только неоновые лампы могут излучать такой свет. Но, конечно, никаких ламп там не было. Светились сами камни. Мне показалось, что все сокровища мира собраны здесь, в этой пещере. В фосфорическом тумане яркими искрами сверкали голубые топазы, неимоверной величины зеленые изумруды, вишневый гранат, бархатисто-черный турмалин, целый мир камней, красных, синих, желтых, золотистых, переливался, играл разными красками.

Я провел рукой по стене, но ощутил лишь холодную шероховатую поверхность известняка. Камни светились как бы изнутри, словно маня и не даваясь в руки.

Шагнув дальше, я споткнулся обо что-то упругое, словно змея, обвившееся вокруг ног. Наклонившись, я увидел, что это был кабель, обыкновенный, отлично изолированный электрический кабель. Откуда он здесь? Значит, в пещере были люди? Может быть, они и сейчас еще здесь. Я хотел крикнуть, но что-то удержало меня. Конец кабеля скрывался где-то за поворотом. Я прошел десяток шагов и остановился. То, что я увидел, было настолько необычно, что я невольно отшатнулся.

Передо мной была огромная, похожая на сводчатый зал ниша. По правую сторону, у самой стены я заметил стран-

ного вида аппарат. Шарообразная, похожая на скафандр камера с круглыми, словно глазницы, окошками слегка светилась. Я не мог понять, этот ли аппарат излучал таинственный свет, озарявший пещеру, или же светились сами каменные своды и стены.

На противоположной от аппарата стене я увидел исполинское чудовище. Широко открытая пасть крокодила, длинный чешуйчатый хвост, костяной гребень вдоль спины, лапы с длинными пальцами, заканчивающимися когтями, — все это говорило, что передо мной один из представителей хищных животных доисторических времен. Это был не ри-

сунок, не изображение, высеченное на камне. Чудовище само было как бы заключено в толщу камня, и светилось так же, как и все вокруг, синеватым, местами пурпуровым светом.

Мне почудилось, будто земля закачалась подо мной. Ноги подогнулись, словно ватные, и я стремглав полетел в черную бездну, пронизанную разноцветными молниями.

Не знаю, долго ли я пробыл в забытьи. Очнулся я от прикосновения чего-то холодного. Струйка воды стекала мне на лицо и за ворот. Открыв глаза, я увидел склонившуюся надо мной смуглолицую девушку. Две черные косы спадали из-под тибетейки. Девушка держала у моих губ фляжку и на непонятном языке что-то говорила людям, стоявшим рядом с ней.

Я хотел подняться, но почувствовал, что снова падаю на дно черной пропасти.

Я пришел в себя в больнице. Врач, поставивший диагноз моей болезни — тепловой удар, мог только сообщить, что меня доставили из пустыни на самолете в Алма-Ату. Больше он ничего не знал.

Через несколько дней меня перевезли в Москву. Месяц я провел в санатории, и теперь чувствую себя отлично. Я послал письмо Андромасу, но ответа из Алма-Аты от него не получил. Я уж начинал думать, не случилось ли что-либо с ним, благополучно ли закончилась экспедиция, как вдруг вчера вечером в передней раздался звонок. Я открыл дверь, и очутился в объятиях разрумянившегося от мороза Андромаса.

Мой друг приехал на несколько дней в Москву по вызову Академии наук. Мое письмо он получил перед самым отъездом, вернувшись из очередной экспедиции.

До поздней ночи мы проговорили с ним о пережитом. Андромас помог мне открыть тайну моего необычайного приключения в пустыне, или, как он с оттенком торжественности сказал: «Тайну невидимых лучей».

— Ты спрашиваешь, — задумчиво начал он, — почему в пустыне среди ясного дня наступила ночь, отчего светились

земля, камни, растения, что, наконец, означало все виденное тобой в пещере? Прежде чем ответить на это, я напомним тебе о вещах простых и общеизвестных, — Андромас помолчал, собираясь с мыслями, затянулся папиросой и, задумчиво посмотрев на колечко дыма, таявшего в воздухе, продолжал свой рассказ: — Приходилось ли тебе слышать о холодном свете? — спросил он. — В природе не так уж редко встречается это явление. Ночью в лесу ты, вероятно, видел, как светятся гнилушки, голубыми звездочками сверкают в траве светлячки. Вечером с палубы парохода пассажиры нередко любят любоваться фосфорическим свечением моря, вызванным мельчайшими живыми существами — ночесветами. Знаешь ли ты, что многие окружающие нас вещества — минералы, масла, одеколон, керосин — также способны люминесцировать? Для этого стоит только направить на них ультрафиолетовые лучи солнечного спектра.

Эти лучи обладают замечательным свойством. Будучи сами невидимыми, они вызывают свечение многих органических и неорганических веществ.

Лет тридцать назад холодный свет начали широко применять в различных областях науки и техники. Появились лампы дневного света, светящиеся рекламы и вывески из неоновых трубок. Благодаря трудам академика Сергея Ивановича Вавилова наука обогатилась теорией холодного света.

— Прежде чем открыть тайну невидимых лучей, — продолжал Андромас, — мне придется пояснить тебе некоторые основные положения этой теории. Тебе должно быть известно, что для получения света надо затратить энергию. Электрическая лампочка излучает свет потому, что затрачивается энергия электрического тока, раскаляющего ее нить. Холодный свет также появился за счет поглощения различных видов энергии. В противном случае был бы нарушен один из основных законов природы — закон сохранения энергии.

Кусок тяжелого шпата, например, начинает светиться после того, как его прокалят и подержат на ярком солнеч-

ном свете, богатом ультрафиолетовыми лучами. Можно назвать и другие причины, вызывающие люминесценцию. Свечение гнилой рыбы и мяса происходит за счет химической реакции окисления. Один вид энергии превращается в другой. То же самое мы можем сказать, рассматривая вещество, на которое воздействуют ультрафиолетовые лучи. Энергия невидимых лучей вызывает свечение, переходя в другой вид энергии.

Советский геолог Вера Николаевна Флоровская заинтересовалась явлением люминесценции. Помещая под стекло люминоскопа различные минералы, она изучала характер их свечения в невидимых ультрафиолетовых лучах.

Больше всего Флоровскую заинтересовала нефть. Она заметила, что разные сорта нефти люминесцируют по-разному. Более тяжелая светится коричневым, почти бурым светом, легкие сорта, насыщенные летучими веществами, излучают желтый и голубой свет. И еще одну любопытную особенность заметила Вера Николаевна. Малейшие следы нефти, микроскопическое содержание ее в известняках или песчаниках тотчас можно обнаружить при помощи ультрафиолетовых лучей. Это было замечательное открытие.

«Если мы можем обнаружить незначительные следы нефти, — рассуждала Флоровская, — то мы можем отыскать и саму нефть, даже когда она скрыта на большой глубине под землей. Мы можем приблизительно указать химический состав нефти, мощность ее залежей. Это окажет большую помощь разведчикам «черного золота».

В самом деле, зачем геологам «анатомировать» землю, бурить глубокие скважины в надежде отыскать нефть зачастую там, где ее вовсе нет, если можно, исследуя поверхностные образцы почвы под ультрафиолетовыми лучами, в точности определить, есть ли здесь нефть. Так возник метод люминесцентного анализа. Появился новый вид исследовательских работ. Это дало возможность, не применяя дорогостоящего бурения, предварительно определять нефтеносность огромных площадей. Более того, это позволило ученым, не заглядывая в недра земли, заранее предсказывать, в

каких местах находятся промышленные месторождения «черного золота». Так были открыты нефтяные месторождения в пустыне, где, казалось бы, нельзя было ожидать присутствия нефти.

— Позволь, — прервал я Андромаса, — но при чем же здесь черные полосы на небе и мгла, внезапно опустившаяся на пустыню?

— А вот сейчас узнаешь, — улыбнулся Андромас, — это имеет непосредственное отношение к работе Флоровской. В науке, как известно, одно открытие влечет за собой другое, порой совершенно неожиданное. Группа молодых казахских ученых, — здесь были геологи, физики и химик, — продолжали работы по люминесцентной съемке. Возникла смелая мысль: нельзя ли вместо того, чтобы исследовать под люминоскопом образцы почвы и горных пород, собранных в разных местах с поверхности земли, сразу же окинуть взглядом огромное пространство в сотни квадратных километров, прочитать его, словно раскрытую книгу. И представь себе, эта, казалось бы, фантастическая задача успешно решена. Ты был свидетелем геологической разведки, проведенной по новому методу. Наши химики изобрели состав, который при распылении образует черный туман. Он обладает свойством задерживать видимые солнечные лучи и пропускать ультрафиолетовые невидимые лучи.

Реактивные самолеты экспедиции выпустили туман над пустыней, окутали ее темным пологом, и земля «заговорила» всеми своими невидимыми до этого красками. Наблюдатели, находившиеся в кабине вертолета, летевшего на небольшой высоте, исследовали пространство в сотни квадратных километров. По характеру свечения они определили содержание недр. Так была найдена нефть. Буровые скважины, заложенные недавно в тех местах, где была произведена авиалюминесцентная съемка, подтвердили выводы ученых. Скоро здесь появятся первые эксплуатационные вышки нефтяных промыслов.

— Позволь, а что же было в пещере? Откуда появилось там изображение чудовищного динозавра?

— Изображение? — засмеялся Андромас. — Впрочем, ты прав, это самая точная фотография доисторического животного, которую когда-либо удалось получить. Экспедиция, производившая поиски нефти, была комплексной. В ней участвовали также палеонтологи. Дело в том, что и они в своей работе с успехом начали применять метод люминесцентного анализа. Многие окаменелости, отпечатки вымерших животных и растений люминесцируют красивым голубым, лиловым, желтым цветом. Это дает возможность восстановить внешний вид живых существ и растений, давно исчезнувших на земле. Однажды в куске минерала ученые нашли отпечаток белемнита — животного, населявшего землю в меловую эпоху. Обычно его называют «чортов палец». По отпечатку трудно было определить, как выглядело оно: его мягкие ткани не сохранились. Но вот отпечаток подвергли исследованию ультрафиолетовыми лучами, и перед исследователями предстало точное, до мельчайших подробностей, изображение древнего животного. Невидимые лучи проявили его, словно на фотографической пластинке. Мельчайшие следы распавшихся миллионы лет назад тканей дали совершенно четкое изображение.

Нашим палеонтологам посчастливилось. Они нашли в пещере остатки динозавра. По-видимому, хищник погиб миллионы лет назад, засыпанный горным обвалом. Его тело давно истлело, но камень, впитавший в себя остатки органических веществ, под ультрафиолетовыми лучами дал подлинное изображение животного. Теперь можно совершенно точно, а не путем догадок и сопоставлений представить себе, как выглядели животные миллионы лет назад. Специальный люминескоп — аппарат, который ты видел в пещере, оказал науке неоценимую услугу...

Вот и вся история моей столь необычно закончившейся командировки. Я еще ничего не написал в свою газету. Но я напишу, обязательно напишу о наших смелых и пытливых, устремленных мечтой в завтра советских людях — геологах, инженерах, изобретателях. И свой очерк назову «Разведчики будущего».

А. СВЕТОВ

• ————— ❁ ————— •

ВЕТОЧКИНЫ ПУТЕШЕСТВУЮТ В БУДУЩЕЕ

Фантастическая повесть

(Отрывок)

Художник Ю. Черепанов

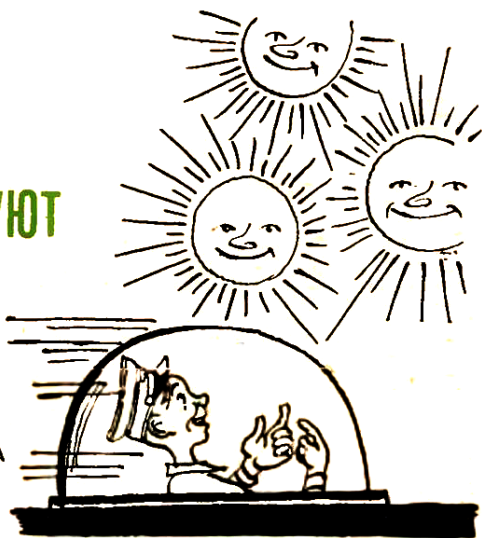

Журнал «Юный техник», №№ 9 – 11, 1960 г.

ВЕТОЧКИНЫ ПУТЕШЕСТВУЮТ В БУДУЩЕЕ

А. СВЕТОВ

Рис. Ю. ЧЕРЕПАНОВА

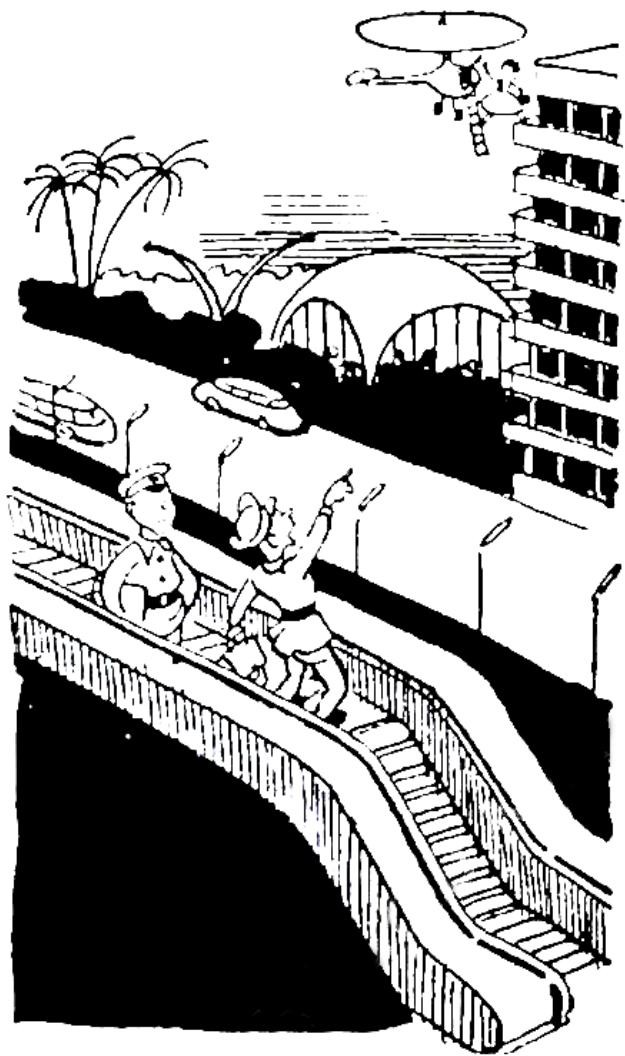

Мы печатаем отрывок из фантастической повести писателя А. Светова, в которой рассказывается о приключениях двух братьев, Вани и Гоши Веточкиных, чудесным образом попавших в будущее. Однажды утром мальчики, как обычно, отправились в школу, но по дороге встретили волшебника, и вот...

...Когда Ваня проснулся, ему показалось, что он спал совсем недолго. «Если поторопиться, — подумал он, — то, пожалуй, еще можем успеть к первому уроку. Надо поскорее разбудить Гошу. Но куда девался наш волшебник? Приснится же такое! Непонятно только, как мы очутились в этом дворце?» И, в самом деле, это было удивительно. Над Веточкиными простирался хрустальный купол. Его поддерживали такие же прозрачные сверкающие колонны. На узорчатом, словно ковер, полу прыгали веселые солнечные зайчики.

Ваня сощурился от яркого солнца и чихнул, да так громко, что Гоша поднял взлохмаченную голову и протер глаза.

— А ну, скорей вставай, соня! — крикнул Веточкин-старший и, не дав брату опомниться, схватил его за рукав и потянул к двери.

Мальчики выбежали из дворца. То, что они увидели на улице, заставило их еще больше удивиться. Улица, еще вчера такая привычная, неузнаваемо преобразилась. На углу стоял новый высокий дом с большими окнами и красивыми золотистыми стенами. Рядом раскинулся парк. Клены и каштаны, тронутые багрянцем осени, стояли праздничные и такие нарядные, словно собрались на карнавал. Но куда же девался старый асфальтовый тротуар? Вместо тротуара, мимо домов и палисадников мчались бесконечные ребристые дорожки, похожие на движущуюся лестницу метро.

Первым пришел в себя Гоша.

— Ну вот, кажется, мы приехали, — сказал он.

— Куда приехали?

— В будущее. Разве забыл?

— Ерунда, — пожал плечами Ваня. — Просто нам все это снится.

— Сразу двоим? — спросил Гоша.

Движущийся тротуар стрелой помчал их мимо домов, украшенных красивой мозаикой, мимо спортивных площадок, бассейнов и садов. В листве деревьев прятались яблоки и похожие на апельсины золотистые плоды, с виноградных лоз свешивались тяжелые гроздья ягод. На клумбах пестрели осенние цветы — белые хризантемы, разноцветные астры...

Вероятно, было еще рано. Прохожих навстречу попадалось мало, и они так быстро проносились мимо на самодвижущихся дорожках-тротуарах, что Веточкины не успевали разглядеть ни их лиц, ни того, как они были одеты.

— Смотри, смотри! — воскликнул Ваня, задрав голову вверх. В эту минуту над ними пролетал по воздуху какой-то человек. Серебристые крылья за его спиной, вибрируя, издавали легкое жужжание. Человек скрылся за углом высокого дома. На противоположной стороне улицы к большому зданию в форме пирамиды бесшумно подлетел двухместный вертолет. Он причалил к балкону на восьмом этаже. На балкон выпрыгнула из вертолета стройная девушка,

помахала рукой кому-то оставшемуся в кабине, и вертолет бесшумно взмыл к облакам.

Ваня не переставал удивляться. Все увиденное было для него так ново и так необычно, что казалось волшебным сном. Стоит только проснуться — и все исчезнет. Гоша ко всему относился спокойнее. Он делал вид, что все это уже давно ему известно и ему приходится чуть ли не каждый день совершать небольшое приятное путешествие в будущее.

— Подумаешь, — говорил он. — Ну и летают! Ну и что с того! Были бы у меня такие крылья, и я бы полетел. А дома красивые, ничего не скажешь.

В школу Веточкины пришли как раз вовремя, перед самым звонком. Гоша побежал отыскивать свой класс, четвертый «А», Ваня поднялся по лестнице в пятый «Б». Ему все еще казалось, что стоит только протереть как следует глаза — и сон исчезнет.

Прозвенел звонок. Ваня робко вошел в класс. Он увидел незнакомых ребят, и одеты они были не так, как он: у мальчиков — красивые светло-синие костюмы, похожие на спортивные, у девочек — голубые платья. Стараясь не придавать этому значения. Ваня подошел к своему столу.

— Новенький, новенький пришел! — закричал какой-то мальчишка, похожий на Егорку Бабакина, и принялся рассматривать серую топорщившуюся гимнастерку Веточкина. Он даже потрогал медную пряжку на ремне и герб на фуражке.

— Чего ты пристал? — отмахнулся Веточкин.

— Это мой стол, — не унимался мальчишка.

— Откуда ты такой взялся? — от возмущения Ваня забыл все, что с ним произошло. — Это мой стол, — закричал он, — я тут всегда сидел! А твой стол позади.

— Вот и врешь, я тебя первый раз вижу.

— Брось разыгрывать, — попробовал улыбнуться Веточкин. — Ты же, Бабакин. Егорка Бабанин.

— А ты откуда мою фамилию знаешь? — удивился мальчик. — Только я не Егорка, а Анатолий. Егором зовут

моего прадедушку. Он тоже когда-то в этой школе учился. Только давно это было. В двадцатом веке.

Веточкину показалось, будто по спине у него пробежали мурашки: «Значит, это правда, — подумал он. — Неужто и в самом деле мы очутились в будущем?»

— Слушай, Егорка... то есть Толя, а теперь какой век?

— Вот чудак. Двадцать первый. Будто не знаешь?

Тут в класс вошел учитель географии, и все сели по местам.

В ТРЕТЬЕМ ТЫСЯЧЕЛЕТИИ

— Бабакин, — сказал учитель, — покажи нам природные зоны нашей страны.

Бабакин подошел к большому голубоватому экрану и нажал кнопку. Экран засветился, на нем обозначались контуры карты.

— Что это? — удивленно спросил Ваня у своего соседа, вихрастого широкоплечего паренька.

— Ты что, с Юпитера свалился? Разве не видишь — обыкновенная телевизионно-географическая карта.

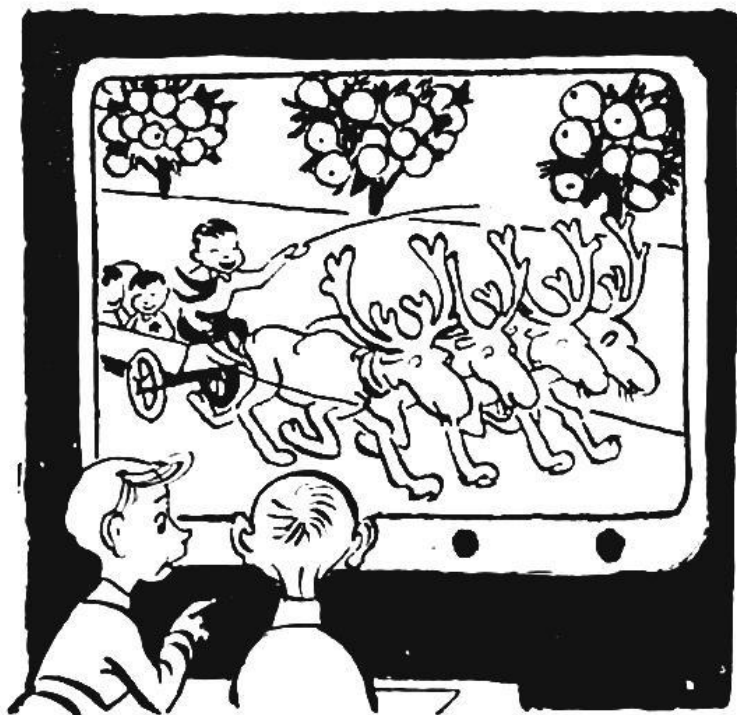
Ваня пренебрежительно хмыкнул и сделал вид, будто эта загадочная карта его вовсе не интересует.

Бабакин снова нажал кнопку. На экране появилась степь, Ваня почувствовал, как в воздухе распространился легкий аромат трав и цветов, почудилось дыхание ветерка.

Степь сменилась панорамой лесов, и Веточкин ощутил смолистый запах сосны, сыроватый грибной запах опавших листьев.

Учитель попросил показать побережье Северного Ледовитого океана. Тотчас раздался приглушенный рокот волн, на экране взметнулись громадные, бутылочного цвета волны с белыми гребешками пены, и Ваня почувствовал солоноватый запах водорослей.

— Расскажите-ка нам, Бабакин, — попросил учитель, — о том, как была решена проблема Северного Ледовитого океана и улучшен климат в полярных и умеренных широтах земного шара.

— Значит, так, — начал Толя, и Веточкин отметил про себя, что этими словами начинал отвечать урок и Егорка, прадедущка нынешнего Бабакина, и его никак не могли отучить от этого. — Значит, так, — повторил Толя, — климат многих районов нашей страны, а также Америки и Канады был суровым. Морозы и метели мешали людям жить, строить фабрики и заводы, прокладывать дороги. Особенно трудно приходилось в Арктике, в краю вечных льдов, где земля никогда не оттаивала, и не было ни лесов, ни садов, ни пашен. А всему виной Северный Ледовитый океан.

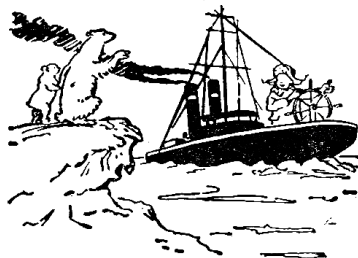
На экране снова появился безбрежный простор океана и послышался рокот воли.

— На тринадцать миллионов квадратных километров, — продолжал Бабакин, — простираются воды океана. Отсюда

холодные массы воздуха устремлялись на Советский Союз. Поэтому почти половину нашей территории занимала зона вечной мерзлоты. Суровое дыхание Арктики сказывалось не только у нас в стране. На севере Японии часто не вызревал рис, во Франции и Италии замерзали виноградники, многие реки и озера Соединенных Штатов Америки и Канады большую часть года были скованы льдом. Надо было растопить лед в Северном Ледовитом океане, — продолжал Бабакин. — И тогда сразу же изменился бы климат нашей планеты. Но как это сделать? Ученые Советского Союза предложили использовать мощное теплое течение Гольфстрим, которое поступает в Северный Ледовитый океан из Атлантического океана. Но дело в том, что в борьбу с Гольфстримом вступали холодные течения — Лабрадорское и Восточно-Гренландское. Они охлаждали его и не давали растопить толстую ледяную броню.

На экране появились огромные айсберги. Одни из них напоминали сказочные замки с зубчатыми башнями и остроконечными шпилями, другие были похожи на скалистые, покрытые снегом горы. На одной льдине, словно изваяние, застыла белая медведица. Рядом резвился пушистый медвежонок. Поодаль черными тушами распластались на снегу усатые моржи.

— Таким был Северный Ледовитый океан лет двести назад, — продолжал Бабакин, — но вот по проекту ученых через Берингов пролив была построена огромная плотина с целой системой мощных насосов.

На экране возникла голубая полоска пролива, отделяющего Чукотку от американской Аляски. Пролив пересекла прямая как стрела лента железобетонной плотины.

— Плотину длиной в семьдесят четыре километ-

ра, — продолжал Бабакин, — строили совместно народы многих стран. Все они были заинтересованы в том, чтобы улучшить климат на Земле. И вот плотина преградила путь холодным течениям, не давала им смешиваться с Гольфстримом. А теплые воды Гольфстрима теперь беспрепятственно пересекают Северный Ледовитый океан. Они растопили вековые льды, а когда лед и снег исчезли, воды океана стали поглощать больше солнечного тепла, до этого отражавшегося в мировое пространство, и климат стал мягче. В Якутии, там, где когда-то был край вечной мерзлоты, теперь расцвели вишневые сады, зазеленели виноградники. Безлюдные тундры Канады и Аляски превратились в луга и пастбища. Заморозки не угрожают теперь рисовым полям Японии и виноградникам Франции. Климат изменился повсюду. Посмотрите, как выглядит Арктика.

Ландшафты, один красивее другого, проплывали на экране. Вдоль побережья Северного Ледовитого океана плывут атомные корабли. На палубе в шезлонгах отдыхают пассажиры. На них легкие летние одежды. Другая картина: под тяжестью золотистых плодов склоняются к земле сады Чукотки, девушки-якутки с песнями собирают урожай яблок. Оживление царит на улицах и площадях новых заполярных городов. Вот, запряженная в легкую коляску, мчится четверка оленей. Это школьники младших классов отправляются на загородную прогулку. Старшеклассники мыса Уэллен в это время работают на школьном огороде. Они собирают в корзины красные сочные помидоры, срезают с грядки огромные кочаны капусты. Самоходные тележки бесшумно увозят с огорода горы овощей.

«Вот это здорово! — подумал Ваня. — Сидишь в классе, а перед тобой как на ладони весь мир».

Вероятно, он произнес это вслух, так как учитель тотчас обнаружил его присутствие.

— Ага, — сказал он. — У нас тут новенький? Ну-ка, мой юный друг, пожалуйста к доске.

Ваня почувствовал, как от этих слов у него привычно похолодело под ложечкой.

— Расскажи-ка нам о Кара-Кумах, — попросил учитель.

Веточкину, можно сказать, повезло. Как раз накануне он прочитал о Кара-Кумах интересную книжку. Поэтому отвечать начал бойко и уверенно:

— Пустыня Кара-Кум — это означает «Черные пески» — расположена в Средней Азии к югу от Аму-Дарьи. Климат там сухой, резко континентальный, дожди выпадают редко, растительность скудная. Песок да солнце. Можно проехать неделю и не встретить ни травинки, ни одного колодца... Только пауки и скорпионы...

На задней парте кто-то хихикнул. Кто-то проронил: «Ну и фантазер!»

— Продолжай, — сказал учитель. — Только почему ты начал с далекого прошлого? Расскажи нам о современных Кара-Кумах.

И вдруг Веточкин услышал, вернее, почувствовал, отчетливый шепот. Ему даже показалось, что кто-то приставил к его ушам невидимые наушники, и в них чей-то голос настойчиво твердит: «Кара-Кумский комплекс... комбинат... города... шахты».

— Петров, — раздался сердитый голос учителя. — Ты опять принес в класс ультракоротковолновый подсказчик? Не оправдывайся, я все слышал. Ты не мог даже как следует настроиться на волну. Сейчас же положи аппарат на стол и выйди из класса. Молодой человек, — повернулся он к Ване, — как твоя фамилия? Веточкин? Так вот что, Веточкин, отметку я тебе пока ставить не буду. Почитай как следует о Кара-Кумах и побывай там сегодня же. Бабакин, —

вызвал учитель, — возьми школьный ракетоплан, и на большой перемене слетай с новеньким в Кара-Кумы. Посадку не делайте, смотрите, вернитесь к звонку.

Бабакин, видимо, не очень обрадовался поручению, но возражать не стал. На перемене он подошел к Веточкину и сказал:

— Эх ты, на такой ерунде засыпался. И меня подвел... Ну да ладно, придется лететь с тобой в Кара-Кумы.

— А успеем? — осторожно спросил Веточкин. — Все-таки шесть тысяч километров.

— Пустяки. У ракетоплана скорость тридцать тысяч километров в час. За полчаса успеем туда и обратно.

ТРИДЦАТЬ ТЫСЯЧ КИЛОМЕТРОВ В ЧАС

На большой перемене двухместный атомный ракетоплан бесшумно взмыл в воздух.

Бабакин сидел у пульта управления и с наслаждением облизывал эскимо. Он почти не смотрел на стрелки приборов.

— А ты дорогу знаешь? — боязливо спросил Веточкин.

— Спрашиваешь! Машина сама доставит нас куда следует. Она летит по заданному курсу.

Веточкин глянул в иллюминатор из толстого стекла. С высоты трехсот километров Земля казалась большим раскрашенным глобусом.

Вот мелькнула светлая узенькая полоска, похожая на голубую ленточку, кем-то оброненную на зеленый ковер.

— Волга, — коротко бросил Бабакин.

— Где? — быстро повернулся Веточкин.

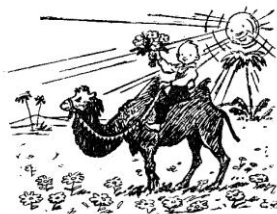
— Где, где, — передразнил Бабакин. — Зевать не надо. А теперь мы летим над Уральским хребтом.

Но и Уральские горы промелькнули так быстро, что Веточкин не успел их как следует разглядеть.

— А это что за лужа? — спросил он, указывая на небольшое голубое пятнышко.

— Тоже сказал, — засмеялся Бабакин, — это же Аральское море. Ну вот и приехали. Видишь внизу Кара-Кумы?

Скорость ракетоплана заметно уменьшилась, земля как-то сразу приблизилась. Ваня искал глазами

пустыню, но вместо желтого, выжженного солнцем и покрытого мертвыми волнами барханов пространства увидел кудрявые рощи, поля, изрезанные ниточками каналов, белые домики под красными черепичными крышами.

— Смотри внимательно и запоминай, — предупредил Бабакин. — Пето Иванович тебя обязательно спросит. Сейчас мы подлетаем к Каракумску. Областной центр. Полтора миллиона жителей. Славится консервной и хлопкообрабатывающей промышленностью. Три института, восемь техникумов, филиал Академии наук...

— Погоди, не так быстро, — попросил Веточкин. — А то я не успеваю запоминать. Раньше учиться не в пример легче было, — вздохнул он. — В географии сказано: пустыня и пустыня, песок да солнце. А тут сколько всего...

— В двадцать первом веке живешь, а старину вспоминаешь. Смотри, сейчас мы пролетаем над азотнотуковым комбинатом. Здесь азотистые удобрения делают.

— А из чего их делают?

— Вот чудак, и этого не знаешь? Будь моя воля, я бы тебе двойку поставил. Азот из воздуха добывают. Сначала в Узбекистане на реке Чирчик построили такой комбинат. Это еще в позапрошлом веке было. Тогда даже моего прадедушки Егора на свете не было. А сейчас такие заводы всюду есть.

Веточкин глянул вниз. Среди огромного сада раскинулись длинные светлые корпуса с большими окнами. Завод не дымил, даже труб не было видно. Казалось, что это вовсе и не завод, а санаторий.

— Разве он не на угле работает? — удивился Ваня.

— Конечно, нет, — сказал Бабакин. — Уголь уже давно не сжигают. Все заводы работают на термоядерной энергии. Ну-ка, посмотри вправо, видишь, шахтерский городок?

Веточкину вспомнился Донбасс, где он однажды побывал с отцом на шахте. Вышки, огромные дымящиеся терриконы — целые пирамиды пустой породы, извлеченной из недр. А здесь ничего похожего не было. Возле больших белых зданий разбиты цветники. Уютные домики утопают в

садах. Кое-где поблескивают, словно зеркала, прямоугольники плавательных бассейнов.

— Интересно, — сказал Веточкин. — Как же они теперь там работают, под землей?

— Слушай, друг, — засмеялся Бабакин. — Если бы я был учителем, то поставил бы тебе не двойку, а единицу. Под землей уже давно никто не работает! Это раньше людям приходилось спускаться в шахты. А теперь там одни машины. Ими управляют с пульта. А пульт находится в домике, вон в той рощице.

— А куда уголь вывозят? — поинтересовался Веточкин.

— Из него прямо под землей вырабатывают газ, а из газа разные химические вещества: краски, жиры, лекарства — одним словом, все что положено.

— А как добывают теперь железо, медь, олово? — спросил Ваня. — Из рудников, так же как и раньше?

— Рудников уже давно и в помине нет, — покачал головой Анатолий. — Сам посуди, зачем они нужны, если добывать металл можно проще. Накачают под землю кислот или щелочей, растворяющих руду, а обратно качают насосами растворы металлов. Из раствора на обогащательной фабрике извлекают чистый металл. Я бы тебе мог рассказать...

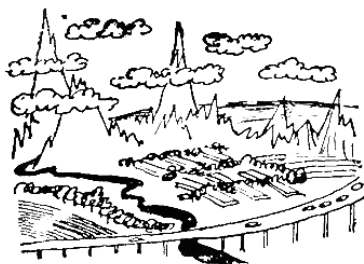
Но тут Веточкин перебил его.

— Смотри! — закричал он. — А что это за озеро? На карте его вроде бы и не было...

— Это Каракумское море! — пояснил Бабакин. — В него впадает река Большая Карачумка. Ты запоминай. Об этом

Петр Иванович тоже обязательно спросит.

Бабакин нажал какую-то кнопку, и ракетоплан лег курсом на видневшиеся вдали высокие смежные вершины. Он летел вдоль русла широкой, извивающейся, словно лента, реки.

— Это искусственная река. Понял? — спросил Бабакин.

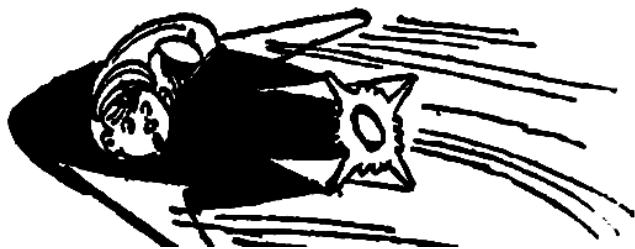
— Нет, не понял, — честно сознался Веточкин.

— Ну что мне с тобой делать, — сокрушенно развел руками Бабакин, — почему ты так плохо соображаешь? Еще в те времена, когда здесь была пустыня, люди решили оросить ее. Сначала построили Каракумский канал. Но этого оказалось мало — воды все равно не хватало. Тогда они подумали: где же еще взять воду, как не на Памире? Там знаешь, какие ледники! На сотни лет запасов воды хватит, настоящая кладовая. Надо только растопить лед. Ну, построили в горах термоядерную станцию. Лед начал таять. Появились реки — Большая и Малая Каракумка, новые каналы, водохранилища. В пустыне стали сеять хлопок, развели сады, виноградники, построили города, шахты.

Веточкин, не отрываясь, смотрел в иллюминатор. Внизу пенилась река. Вдоль ее берегов по дорогам мчались машины. Высоко в горах, возле огромного голубого ледника, возвышался корпус термоядерной станции и небольшие коттеджи. Стеклянными крышами поблескивали на солнце оранжереи.

— Как бы нам на урок не опоздать! — взглянув на часы, воскликнул Бабакин. — Летим-ка поскорее назад.

Он повернул стрелку прибора, и ракетоплан со скоростью тридцать тысяч километров в час полетел обратно...

ГОРОД ВЕЧЕРОМ

Вечером братья Веточкины отправились прогуляться по городу. После дождя воздух стал синим-синим и теплым, как парное молоко. Над городом носился запах акаций и резеды.

По улицам с мягким шуршанием мчались открытые автомобили и мотороллеры. В небе бесшумно кружились двухместные прогулочные самолеты и с места на место порхали, словно птицы, прохожие, за спиной которых были небольшие механические крылья-

Трудовой день закончился. Весь огромный, похожий на цветущий сад город в эти вечерние часы отдыхал. На перекрестках улиц и на площадях светились огромные экраны. Здесь демонстрировались последние телевизионные известия. Цветные кинокадры рассказывали о событиях, которые происходили в различных уголках земного шара. Вот торжественные проводы французских пионеров, улетающих в межпланетном поезде в трехдневную экскурсию на Марс. Вот улыбающееся лицо девушки, поднявшей в руке тяжелую гроздь винограда. Диктор поясняет: на виноградниках Архангельской области началась уборка урожая. Тракторы поднимают безбрежный тундровый чернозем. А ведь здесь когда-то был край вечных льдов и снегов. Колонной из двадцати машин управляет на расстоянии всего лишь один тракторист, находящийся у пульта автоматической тракторной станции.

Вот двое ученых — русский и китаец — склонились над письменным столом. Им удалось расшифровать сигналы, полученные месяц назад из космоса от обитателей далекой планеты. Сейчас ученые готовят ответное послание. Они предлагают жителям планеты послать друг н другу звездные корабли, обменяться делегациями мира и дружбы.

— Счастливые, — вздохнул стоявший рядом с Веточкным невысокий светловолосый человек, кивнув на экран. В это время там показывали космонавтов, испытывающих

звездный корабль. — Счастливые, — повторил незнакомец, — а я свое отлетал.

— Вы разве летчик? — спросил Ваня.

— Был когда-то. Если ты следил за газетами, то, вероятно, помнишь о первом полете на Луну? В списке экипажа космического корабля был тогда и ваш покорный слуга. А теперь приходится побережь сердце.

— У вас больное сердце? — сочувственно спросил Гоша.

— Нет, — сказал незнакомец, — мое собственное сердце давно уже износилось. Пришлось поставить новое...

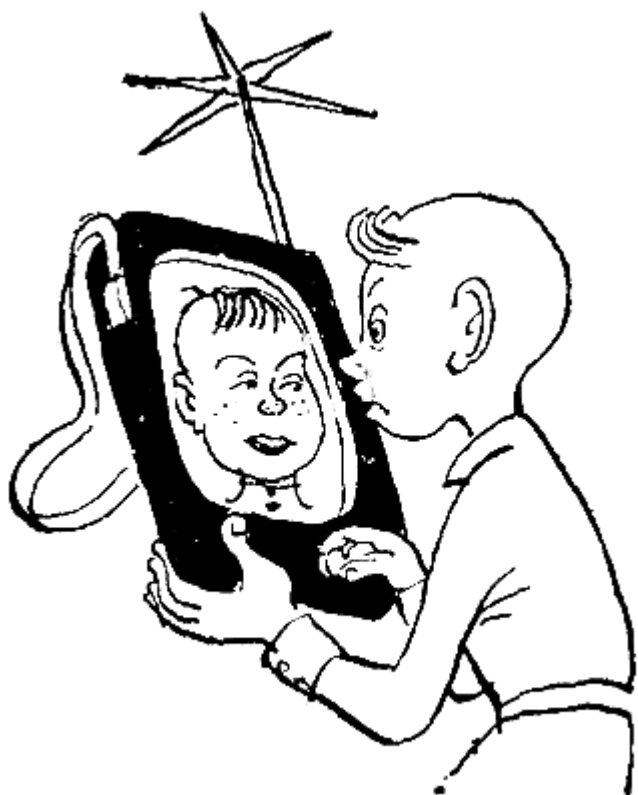
И вдруг Гоша исчез. Только что Ваня видел его совсем рядом. Но как раз в эту минуту из подъезда высыпала толпа студентов. Чья-то спина загородила Гошу, а когда тротуар опустел, его уже не было.

Ваня, запыхавшись, прибежал к Бабакину.

— Исчез Гошка! Что делать? — испуганно спросил он.

— Как что делать? А видеофон зачем? Настраивайся на Гошкину волну, и мы всё узнаем.

Ваня включил висевший через плечо аппаратик: тотчас послышалось тихое гудение, маленький экран голубовато засветился, и на нем появился силуэт Гоши.

— Он! — обрадовался Ваня. — Честное пионерское, он, даже веснушки на носу вижу.

Из микрофона раздался Гошин голос:

— Вань! Я вижу тебя. Город Трех солнц...

Гоша вдруг замолк, изображение дрогнуло и исчезло.

Ваня растерянно вертел какие-то винтики, нажимал кнопки, но видеофон безмолвствовал.

— Дай-ка я попробую, — сказал Бабакин, склоняясь над аппаратом, — вроде бы все в порядке. Не иначе, как с Гошкой что-нибудь произошло.

— Где он, этот город Трех солнц? — взволнованно спросил Веточкин.

— Не особенно далеко. Отсюда четверть часа полета.

— Тогда летим скорее!

В ГОРОДЕ ТРЕХ СОЛНЦ

Через пятнадцать минут ракетоплан пошел на посадку.

— Что это? — удивился Веточкин. — Мы вылетели ночью, а теперь светло как днем. И солнце в небе.

— Целых три, — поправил Бабакин. — Это ночные солнца.

В небе и в самом деле сияли три огромных искусственных солнца. Они были не такими яркими, как настоящее, но все же хорошо освещали раскинувшийся внизу город и его окрестности.

— И дома здесь какие-то странные! — воскликнул Ваня, указывая через иллюминатор на серебристые, похожие на вафли крыши.

В лучах искусственных солнц мальчики разглядели такие же серебристо серые вафельные квадраты, расположенные вокруг города на одинаковом расстоянии друг от друга.

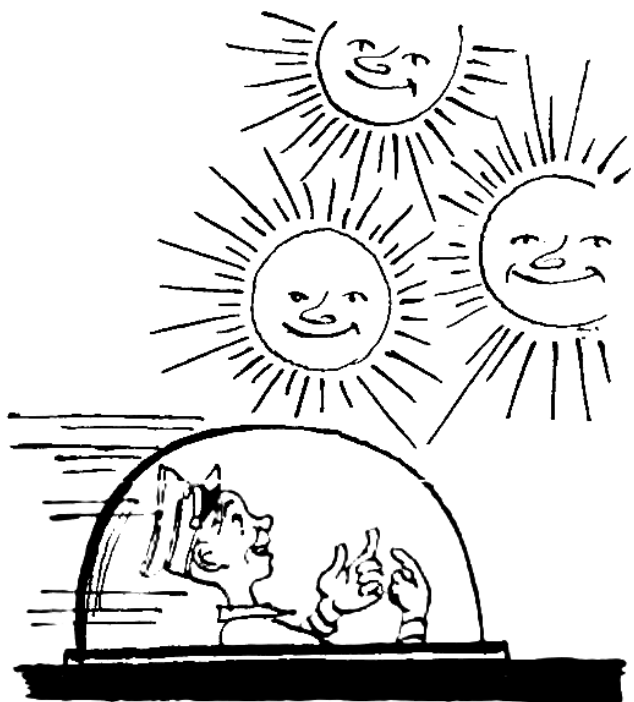
— Что же это такое? — удивился Бабакин. — У меня есть путеводитель. Может быть, там сказано об этом.

— «Город Трех солнц основан в 2000 году, — прочитал Бабакин, — он возник в центре пустыни Гоби. Когда-то солнце выжгло здесь все живое. Теперь оно дало жизнь этому обширному краю...»

Бабакин не успел дочитать до конца. Ракетоплан плавно опустился на бетонную дорожку.

Не теряя времени, приятели остановили попутную машину и попросили водителя довезти их до города.

Веточкин заметил, что приземистая, как бы распластавшаяся по земле машина не была похожа на автомобили, которые он видел раньше. Ее корпус был сплошь усеян серебристо-серыми чешуйками, похожими на мозаику.

— Никогда не видел такого странного автомобиля, — сказал он.

Водитель, смуглолицый человек, улыбнулся и поправил:

— Это солнцемобиль. А вы, ребята, наверное, солнцелетом прилетели?

— Нет, ракетопланом, — коротко ответил Бабанин.

— То-то, смотрю, на рейсовый солнцербус вы опоздали. Он только что с солнцедрома ушел.

Ваня решил, что в этом удивительном городе все слова «солнечные», и спросил:

— А разве здесь солнцевозы не ходят?

— Скоро будут ходить, — кивнул водитель, — вот железную дорогу построим и тогда пустим солнцевозные поезда.

— А пароходы, то есть солнцеходы, у вас есть?

— У нас пока еще нет реки. Когда проведем реку, тогда и солнцеходы поплывут.

— А солнцеликы и солнцелиды?

— Ну, этого сколько хочешь, — засмеялся водитель, — вот приедем в город, сами увидите.

В это время солнцемобиль поравнялся с одним из загадочных квадратов, расположенных у самой дороги.

— Что это? — спросил Веточкин.

— Одна из наших гелиоэлектростанций, — пояснил водитель, — она снабжает электрическим током город фабрики, заводы и фермы.

— А откуда получается ток?

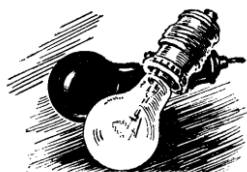
— Ты, конечно, знаешь, что такое полупроводники? — продолжал водитель. — Так вот, у них есть замечательное свойство — превращать световую энергию в электрическую. Из полупроводников чаще всего на земле встречается кремний.

— Это я знаю, — вставил Веточкин, — из него состоит обыкновенный песок.

— Да, песок рек и пустынь — это и есть кремний в соединении с кислородом. Песок встречается повсюду. Пустыня — это целый океан песку. Но нам нужен не простой песок, а чистый кремний. Когда нам удалось очистить песок от кислорода и других примесей, мы получили чистый кремний. А из него построили крыши наших домов и гелиоэлектростанции. Этот квадрат, который ты только что видел, настоящая ловушка для солнечных лучей. Он превращает солнечные лучи в электрический ток и посылает его по воздуху без проводов туда, где в нем нуждаются. Крыши из пластинок кремния согревают и освещают дома, приводят

в действие холодильники, телевизоры, радиоприемники, освещают и очищают воздух.

— И ваша машина работает при помощи солнца? — спросил Веточкин.

— Конечно, — кивнул водитель.

— А если приходится ездить вечером или когда пасмурно?

— Ну и что ж, я включу аккумуляторы или возьму энергию прямо из воздуха. Гелиоэлектростанции вырабатывают за день много энергии. Бери в любое время, сколько тебе понадобится.

— А как устроены искусственные солнца?

— Это родные дети настоящего солнца, — сказал водитель — они сделаны из полупроводников. Днем они собирают солнечную энергию, а ночью посылают ее на землю. Они помогают нам быстрее выращивать овощи, фрукты, пшеницу. Мы собираем по три урожая в год.

— И здесь светло круглые сутки? Но это мешает людям спать, — сказал Ваня.

— Раньше люди спали слишком много, — улыбнулся водитель, — восемь часов в сутки. На сон у них уходило треть жизни. Наши ученые изобрели электросон. Человек включает особый аппарат, уничтожающий усталость, спит час или полтора и просыпается бодрым и свежим. Все остальное время он может посвятить труду, музыке, поэзии, спорту.

— Вот это здорово! — удивился Ваня. — А если кто-нибудь, к примеру, не захочет работать? Если ему больше нравится веселиться или просто ничего не делать?

— Ну, этого не может быть, — засмеялся водитель, — ни один человек не может жить без работы. Труд нужен как воздух, как вода и пища. А если среди нас и появился бы такой бездельник, которому нравится сидеть сложа руки, то мы немедленно направили бы его к врачу. Доктор проверит его умственные способности и назначит лечение.

ВОЛНОГРАД

Веточкин и Бабакин долго бродили по улицам. Они спрашивали прохожих, пытаясь узнать что-либо о судьбе Гоши, но встречные удивленно пожимали плечами.

— Попробуй-ка еще раз включить видеофон, — посоветовал Бабакин, — может быть, Гоша откликнется?

Ваня послушно настроил аппарат на Гошину волну. На экране появилась улыбающаяся физиономия какого-то юноши. Откинув со лба непокорную прядь волос, он поздоровался и небрежно проронил:

— Слушаю тебя, приятель.

— Откуда у тебя этот аппарат? — растерянно спросил Ваня

— Это не мой, — сказал парень, — какой-то чужак, понимаешь ли, увязался за нами. Вот он и забыл его, когда в солнцезуб садились.

— Чужак? — переспросил Веточкин. — А какой он из себя?

— Да такой... Небольшого роста, вертлявый, веселый, словно сверчок.

— Это Гоша! — воскликнул Веточкин. — Говори скорее, где он?

— А кто его знает? — беспечно промолвил юноша. — Выскочил из машины — и след его простыл. Кажется, собирался лететь в Волноград.

— Куда? — переспросил Веточкин. Но юноша только махнул рукой и выключил видеофон.

— Я знаю, где этот Волноград, — сказал Бабакин. — На берегу Атлантического океана.

— Летим скорее! — заторопился Веточкин.

Приятели помчались на солнцедом.

В Волноград Веточкин и Бабакин прилетели на рассвете. Еще издали они увидели безбрежный свинцовый океан, до самого горизонта покрытый белыми барашками. Когда ракетоплан, едва не задев крыльями гребешки волн, снизился, Веточкин испуганно отшатнулся от иллюминатора: океан бушевал. Огромные зеленоватые валы набегали на берег и с шумом обрушивались на бетонную плотину.

На всем протяжении длинной плотины находились тысячи мощных гидротурбин. Они приводились в действие

силой волн и приливов. Бешеная сила океана рождала электрическую энергию. На этой энергии работали рыбоконсервные и химические заводы, а также комбинат по переработке водорослей. Обо всем этом Веточкин и Бабакин узнали из путеводителя.

— Начнем с комбината, — предложил Бабакин, — это самое интересное место. Может быть, Гоша здесь — он ведь любознательный парень.

На берегу бухты они увидели большие светлые корпуса. Ваня и Бабакин вошли в один из них. Их никто не остановил и не спросил пропусков. В высоком просторном цехе работали сложные машины; множеством таких машин управлял человек, дежуривший у пульта.

Молодой инженер в белой тенниске, оттенявшей крепкую загорелую шею, охотно согласился показать ребятам комбинат.

— Начнем с бухты, — предложил он, — там, на морском дне, находятся наши плантации водорослей.

Веточкину приходилось не раз читать о подводной охоте, о смелых спортсменах с ластами на ногах, вступающих в поединок с морскими чудовищами. Интересно, что он увидит здесь, на дне бухты?

Инженер протянул Веточкину и Бабакину легкие водолазные костюмы из тонкой эластичной материи. На голову они надели такие же эластичные маски, соединенные трубкой с кислородным аппаратом. Катер доставил их на середину бухты, и по веревочной лестнице они спустились на дно океана.

В бухте, отгороженной дамбой, было спокойно — волны сюда не доходили. В теплой зеленоватой воде слегка колыхались длинные густые водоросли. В их зарослях плавали рыбы, лениво шевелили прозрачными щупальцами медузы, по дну ползали крабы, подстерегая добычу, неподвижно лежали хищные моллюски.

Вдруг огромная черная тень бесшумно проплыла над головами мальчиков.

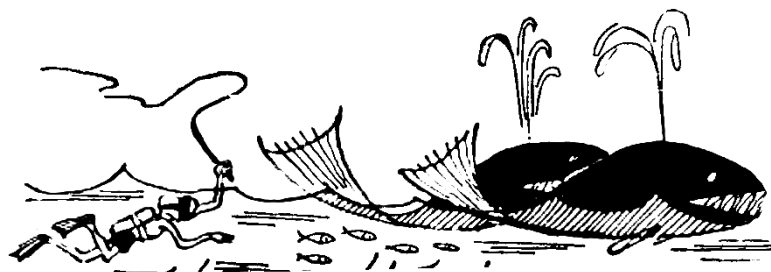
— Что это? — вздрогнул Ваня.

— Не бойся, — раздался в наушниках голос инженера, — обыкновенный кит. Я и забыл предупредить, что у нас при комбинате имеется океанариум.

— И в нем живут киты? — удивился Веточкин.

— Конечно, — ответил инженер, — наши биологи ведут здесь большую научную работу.

Веточкин и Бабакин старались не отстать от своего проводника. Чем дальше удалялись они от берега, тем гуще становились заросли. Настоящие подводные джунгли! Но вот они вышли на открытое место и увидели удивительную машину, похожую на подводную лодку. Машина плыла под водой, не касаясь дна. Длинные крылья ее по обе стороны двигались и щелкали, словно ножницы, срезая водоросли. В закрытой прозрачной кабине, расположенной в передней части машины, сидел человек и нажимал на рычаги. Увидев инженера, он приветливо помахал ему рукой.

К машине то и дело подходили вагонетки на гусеничном ходу. Металлические грабли, похожие на сильные и цепкие пальцы, сгребали водоросли в кучу и нагружали в вагонетки.

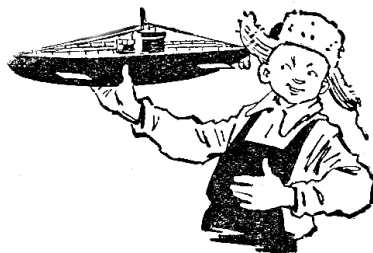
— Это наш подводный комбайн, — раздался в наушниках голос инженера, — на дне бухты работают десятки таких машин.

— А что делают из этих водорослей? — спросил Веточкин.

— О, многое! — воскликнул инженер. — Водоросли, как известно, лучше всех других растений улавливают солнечную энергию. На каждом квадратном метре они могут накопить тридцать пять тысяч калорий, в то время как, например, сахарная свекла на такой же площади накапливает не более четырех тысяч калорий. Из водорослей мы получаем белки, жиры и почти все необходимые человеку ви-

тамины. Это наши подводные сады, поля и огороды. Урожай с них мы получаем круглый год

— Ну хорошо, — сказал Ваня, — вы их скосите, а потом что же, заново сеять придется?

— Нет, — засмеялся инженер, — водоросли размножаются очень быстро. Одно растение за сутки дает 256 новых растений, вполне пригодных для переработки. Не надо ни пахать, ни сеять, ни вносить удобрения. Все необходимые питательные вещества водоросли получают из морской воды. А теперь пойдемте в цехи.

В сопровождении инженера приятели поднялись на катер и вернулись на берег.

— Начнем с сушильного отделения — предложил инженер.

Они вошли в высокий полукруглый зал. Здесь в больших металлических камерах водоросли высушивались токами высокой частоты, затем спрессовывались в брикеты и по конвейеру отправлялись в цех механической переработки. Оттуда, измельченные и пропитанные растворами, они поступали в химические цехи. Там из них вырабатывали маргарин, йод, витамины, горючее для двигателей и другие пищевые, лекарственные и технические продукты.

Но самым интересным показался Веточкину цех, в котором из водорослей извлекалось золото. Да, это было настоящее, желтое, блестящее золото, которое здесь же отливалось в тяжелые плитки и на вагонетках отправлялось на склад.

— Откуда в водорослях золото? — удивился Ваня.

— Из воды, — пояснил инженер. — В морской воде всегда содержатся небольшие примеси золота. Водоросли поглощают его вместе с солями, а после переработки оно остается в виде отходов.

— Отходов? — удивился Веточкин. — Но ведь это же золото!

— Ну и что ж такого? Мы отправляем его в разные города. Там из этих плиток делают скульптуры и отливают художественные решетки для садов и парков.

— Решетки из золота! — воскликнул Ваня.

— Ничего удивительного, — улыбнулся инженер. — Правда, этот металл не так красив и прочен, как некоторые искусственные сплавы, но не выбрасывать же его. В большом хозяйстве все пригодится...

Но где же все-таки Гоша? Ваня и Бабакин обошли цехи комбината, побывали на химических заводах и пищевых фабриках, но никто не мог им ничего сказать о судьбе Гоши. Да и был ли он в Волнограде? Может быть, юноша, у которого оказался его видеофон, ошибся? Может быть, Гоша полетел в какое-либо другое место?

А Гоша в это время попал в беду. Потерпев аварию на ракетоплане, он вместе со своим маленьким приятелем, китайчонком Васей, оказался в центре Сахары. Они чуть было не погибли от надвигающегося смерча, но ученые вовремя предотвратили несчастье, включив реактор мгновенного действия.

Обо всех этих событиях, а также о возвращении братьев Веточкиных домой вы узнаете, прочитав книгу писателя А. Светова «Веточкины путешествуют в будущее», которая выйдет в издательстве «Молодая гвардия».

А. СВЕТОВ

• ————— •
ВЕТОЧКИН
ПУТЕШЕСТВУЕТ
В БУДУЩЕЕ

Главы из фантастической повести

Художник Н. Носкович

Журнал «Костер» (Ленинград), №№ 4 – 5, 1958 г.

ВЕТОЧКИН ПУТЕШЕСТВУЕТ В БУДУЩЕЕ

Александр Светов

Рисунки И. Носкович

Ваня Веточкин и его брат Гоша чудесным образом очутились в 2000 году. С ними происходит много забавных и удивительных приключений. Об этом рассказывает в своей фантастической повести писатель А. Светов. Здесь вы прочитаете три главы из этой повести.

КТО ТАКОЙ БУП?

Братья вышли из дому. Едва они переступили порог, как глаза у Гоши расширились от изумления, а рот открылся сам собой. Улица, еще вчера такая привычная, неузнаваемо преобразилась. На углу, там, где третьего дня ребята играли в классы, теперь вместо старого обшарпанного домишки стоял новый высокий дом с огромными окнами и необыкновенно красивыми золотистыми стенами. Рядом с домом, где был пустырь, раскинулся парк. Густые клены и каштаны, уже тронутые багрянцем осени, стояли праздничные и такие нарядные, словно собрались на карнавал. Но куда же девался старый асфальтовый тротуар, на котором так хорошо было чертить мелом классы и прыгать на одной ноге? Вместо тротуара, мимо домов и палисадников, в обоих направлениях струились ребристые дорожки, похожие на движущуюся лестницу метро. Гоша так растерялся, что не мог вымолвить ни слова.

— Ну вот, кажется, мы приехали, — нимало не удивившись, сказал Ваня.

— Куда приехали?

— В будущее, в двухтысячный год, — невозмутимо пояснил старший брат с таким видом, будто ему чуть ли не каждый день приходится совершать это путешествие. Он легонько подтолкнул Гошу к движущемуся тротуару, и дорожка стрелой помчала их мимо невиданных домов, украшенных яркой мозаикой, мимо спортивных площадок, бассейнов и садов. Даже воздух был какой-то особенный — свежий, чистый, как после грозы.

А вот и школа! Гоша побежал разыскивать свой третий «а», а Ваня — шестой «а».

В класс Веточкин пришел вовремя. Только что прозвенел звонок. Но что это? Почему же здесь столько незнакомых ребят? И одеты они как-то не совсем обычно, хотя, пожалуй, даже красиво.

Ваня подошел к своей парте.

— Новенький, новенький пришел! — закричал какой-то мальчишка, похожий на Егорку Бабакина, и принялся рассматривать серую топорщившуюся гимнастерку Веточкина. Он даже потрогал медную потускневшую пряжку на лакированном ремне и герб на фуражке.

— Чего пристал? — отмахнулся Веточкин.

— Это моя парта, — не унимался мальчишка, отодвигая в сторону портфель Веточкина.

— Откуда ты такой взялся? — возмутился Ваня. — Я тут всегда сидел, а твоя парта сзади.

— Вот и врешь. Я тебя в первый раз вижу.

— Брось разыгрывать, — попробовал улыбнуться Веточкин, — ты же Бабакин, Егорка Бабакин.

— А ты откуда мою фамилию знаешь? — удивился мальчик. — Только я не Егорка, а Анатолий. Егором моего дедушку зовут.

Веточкин почувствовал, как по спине пробежал неприятный холодок.

— А это у тебя что такое? — спросил Бабакин.

— Обыкновенный фонарик, электрический.

Глаза Бабакина загорелись. Он выхватил у Вани фонарик и с любопытством принялся его рассматривать.

— Давай меняться.

— Подарок не меняю, — покачал головой Веточкин.

— Как хочешь, — стараясь казаться равнодушным, пожал плечами Бабакин. Он вытащил из кармана какую-то вещьцу в красивом металлическом футляре.

— Видал?

— Что это? — заинтересовался Ваня.

— Обыкновенная электронно-счетная машина. Карман-

ная! — похвастался Бабакин. — Сама задачки решает и с английского переводит. Бери, а то вдруг тебя англичанка сегодня спросит.

Веточкин был не в ладах с английским.

— А твоя... ма... машинка, — заикаясь, спросил он, — по... поможет?

— Ого, еще как поможет, — обрадовался Бабакин, — давай на фонарик менять. Ты не думай, что твой фонарик какой-то особенный. У меня получше есть, с атомными батарейками. Только потому и меняюсь, что твой уж очень древний. Такие только в музеях показывают.

Веточкин было обиделся. Но Бабакин быстро затараторил, как надо обращаться с электронно-счетной машиной.

— Нажмешь эту кнопку, получишь перевод с английского. А вот эти кнопки для решения задач. Моя машина и не то еще умеет, в шахматы сама играет.

— В шахматы? — переспросил Веточкин. — Нет, в шахматы я не люблю. Вот если бы в подкидного дурака она играла, тогда другое дело.

— Выучится! — убежденно сказал Бабакин. — Бери скорей, пока я не передумал.

В эту минуту в класс вошла учительница английского языка. Ребята бросились на свои места. Веточкин спрятал машину в парту и открыл учебник.

Бабакин был прав. Англичанка вызвала Веточкина и попросила его перевести из учебника коротенький рассказ: «Мой брат, моя сестра и я».

Веточкин незаметно подставил страницу учебника к экрану электронно-счетной машины, и бойко, без запинки перевел:

— У нас в семье сто двадцать детей. Моя сестра Аня пасется на лугу и питается вкусным сеном. Ей 276 лет и 3 месяца. Она совсем маленькая, но уже прочитала «Капитанскую дочку» и «Трех капитанов». Мой брат Коля вертит хвостом и хорошо поет.

Класс онемел от удивления. Затем раздался такой хохот, что в окнах зазвенели стекла...

— Эх ты, а еще товарищем называешься, — чуть не плача, укорял на перемене Ваня Бабакина, — вместо машины подсунул какую-то дрянь.

— Чудак, да ведь чтобы этой машиной пользоваться, тоже поучиться надо, — оправдывался Бабакин. — Если хочешь знать, моя машина не только переводом занимается, она и стихи сочиняет. Хочешь, покажу?

Бабакин отвернулся, поколдовал над машиной, и через минуту прочел:

Перемешались цифры и слова,

И в переводе мешанина.

Когда пустая голова,

То не поможет и машина.

Веточкин бросился на Бабакина с кулаками, но тот крепко схватил его за руку.

— Ладно, не обижайся... Это не машина, это я сам стихи сочинил... А теперь идем, — следующий урок у нас в музее. Да, чуть не забыл, надо по пути с Бупом договориться.

— С каким Бупом? — удивился Веточкин.

— Будто не знаешь! Пошли вместе.

Веточкин решил не задавать никаких вопросов, хотя, по правде сказать, его очень интересовало, кто такой этот таинственный Буп и с чем они должны с ним договориться.

Мальчики пересекли улицу и вошли в подъезд большого мраморного особняка. Поднявшись на пятый этаж, они остановились возле двери, обитой коричневой кожей:

— Входи смелее, — сказал Бабакин.

Веточкин открыл дверь, но тут же попятился, едва не сбив с ног приятеля.

— Невидимка! Честное пионерское, невидимка! — испуганно зашептал он.

То, что увидел Веточкин, и в самом деле было удивительно, почти невероятно. По комнате шагал высокий, седой человек и что-то диктовал. Веточкин мог поклясться, что собственными глазами видел пишущую машинку, кото-

рая сама печатала. Клавиши подпрыгивали, ударяли по бумаге, и на бумаге появлялись буквы и строки. А машинистки не было!

— Да ты и в самом деле какой-то отсталый, — расхохотался Бабакин, выслушав приятеля. — Это же самая обыкновенная автоматическая машинка. Да еще допотопная, модель 1970 года.

«Опять попал впросак», — подумал Веточкин и, чтобы сгладить промах, спросил как бы невзначай:

— А кто этот высокий? Это и есть товарищ Буп?

— Товарищ Буп! Ой, не могу, — хохотал Бабакин, хватаясь за живот, — да ты знаешь, что такое Буп? Это Бюро Управления Погодой!

В эту минуту кожаная дверь открылась, и высокий седой человек весело спросил:

— Что за шум? В чем дело, ребята?

— Здравствуйте, Виктор Николаевич, — сказал Бабакин. — Мы к вам.

— Опять футбол, и вы пришли просить солнышка? Нет у меня для вас солнышка — трест зеленых насаждений и контора поливки улиц вчера подали заявку на дождь. Так что, извините, соревнования придется перенести.

— Виктор Николаевич, — заныл Бабакин, — У нас же сегодня вечером спартакиада. Уже афиши вывесили. Гости придут.

Виктор Николаевич подошел к телефону, набрал номер. Рядом с аппаратом вспыхнул небольшой экран, на нем появилось изображение человека в тюбетейке. Он поднял от письменного стола голову и сказал в микрофон:

— Я вас слушаю, Виктор Николаевич. Что, отменить дождь? Об этом не может быть и речи. Мы в этом районе новый парк закладываем. Дождь нужен обязательно. Всего хорошего.

Виктор Николаевич положил трубку и задумался.

— Ну хорошо, ребята, — сказал он, наконец, подходя к большой карте и отчерчивая на ней ногтем небольшой квадрат. — Вот ваша школа, а вот стадион. Так и быть, прикажу

дать солнце над стадионом. Только учтите: кругом будет затяжной дождь...

— Спасибо, Виктор Николаевич! — уже с порога крикнул Бабакин.

ГОША СТАЛ ЗНАМЕНИТЫМ

Минут через десять приятели входили в старинное здание с огромными колоннами и узенькими, словно бойницы, окнами. У входа на стеклянной табличке было написано: «Музей вымерших животных».

В большом сводчатом зале музея молодой экскурсовод, вооруженный длинной деревянной указкой, негромко рассказывал:

— Вы видите кости вымерших животных. Перед вами бивни мамонта, нижняя челюсть ископаемого носорога и пятое ребро ихтиозавра... Эти животные жили на земле миллионы лет назад.

Все это было Веточкину давно знакомо. И музей тот же и экскурсовод, будто такой же, как и сорок с лишним лет назад. Только, пожалуй, тот был постарше.

Рассеянно переводя взгляд с одного предмета на другой, Веточкин вдруг увидел — кого бы вы думали? — Гошу!

С независимым видом он стоял в толпе экскурсантов и вытягивал шею, чтобы лучше рассмотреть ребра ихтиозавра.

— Ты зачем сюда пришел? — прошипел Ваня.

— Тебя искал, — ответил младший брат без малейшего смущения.

...— А здесь, ребята, — торжественно произнес экскурсовод, — вы видите существа, обитавшие на нашей планете в сравнительно близкое нам время.

В ярко освещенном зале, в банках со спиртом и под стеклом, были выставлены страшные насекомые, некогда населявшие пустыню, — скорпионы, фаланги, тарантулы. Рядом с чучелом волка, державшего в зубах ягненка, Ваня увидел полевую мышь и суслика. Под увеличительным стеклом

он рассмотрел высушенных комаров и мошек, гусениц непарного шелкопряда, саранчу и кузнечиков.

«Как все-таки хорошо, что вся эта пакость исчезла на земле!» — подумал Веточкин и, невольно отшатнувшись, громко вскрикнул:

— А это что такое?

Огромными черными шарами на него уставились мертвые глаза какого-то чудовища. Прозрачные крылья прикрывали мохнатое тело с шестью страшными лапами, вооруженными шипами и колючками.

— Не пугайся, мальчик, — сказал экскурсовод, — это обыкновенная комнатная муха, увеличенная в сто раз. В прошлые годы она была виновницей многих болезней и гибели миллионов людей. Но теперь человечество, к счастью, навсегда избавилось от этого вредного насекомого.

— А почему сюда попала пчела? — удивился Ваня, рассматривая искусственный цветок клевера с сидящей на нем пчелой.

Экскурсовод молча опустил голову.

— Лет двадцать назад, — наконец, произнес он, — случилось непоправимое несчастье. Человек, которому было поручено уничтожение вредных насекомых, по ошибке включил не тот рубильник, и облучение оказалось смертельным не только для комаров и мух, но и для пчел. Теперь на главной площади нашего города труженице-пчеле воздвигнут памятник из золота. Но того, что сделано, не вернуть: на Земле не осталось ни одной пчелы.

Ване вдруг вспомнился душистый сладкий мед, которого лишилось человечество. Он представил себе деревья и цветы, над которыми больше не слышно жужжания пчел, и тяжело вздохнул.

— Стойте! — на весь музей раздался звонкий голос Гоши.

«Опять этот Гоша, — с досадой подумал Веточкин-старший, — и зачем я только взял его в будущее?!»

А Гоша, между тем, извлек из кармана спичечную коробочку.

— Жужжит? — нетерпеливо спрашивал он.

Экскурсанты прикладывали коробочку к уху и передавали ее дальше.

— Жужжит, — отвечали ему, — но что там жужжит, непонятно.

— Сейчас увидите.

Гоша приоткрыл коробочку, и все увидели пчелу, настоящую пчелу.

— Откуда она у тебя, мальчик? — прерывающимся голосом произнес экскурсовод.

— Спрашиваете! — с гордостью сказал Гоша. — Выменял на синего жука. Он все равно навозный.

— Ах, если бы у вас было несколько пчел! — с сожалением сказал экскурсовод. — А еще лучше — пчелиные яички...

— Сколько угодно, — невозмутимо ответил Гоша, доставая из кармана другую коробочку, — я как раз сам собирался разводить пчел.

Экскурсовод молча бросился к телефону.

Через несколько минут тихие залы музея стали похожи на перрон вокзала перед отходом поезда. Здесь толпились журналисты, фоторепортеры, радиокомментаторы. Они плотным кольцом окружили Гошу. Кто-то задавал ему вопросы, кто-то совал под нос микрофон, кто-то тащил к телевизионной камере.

Из Академии наук за Гошей прислали специальный вертолет. Ученые с нетерпением ждали его у себя, в Большом конференцзале.

Гоша чувствовал себя героем. Казалось, он был рожден для славы. Седовласый ученый сказал в своей приветственной речи:

— Мальчик, мы не забудем услуги, которую вы оказали человечеству. В награду просите все, что угодно. Любая ваша просьба будет исполнена.

Гоша задумался, — нужно было принимать важное решение. Но вдруг лицо его расплылось в улыбке.

— Три порции сливочного мороженого и стакан воды с сиропом, — сказал он и неуверенно добавил, — если можно.

ВЕТОЧКИН БЬЕТ МИРОВЫЕ РЕКОРДЫ

По улицам и площадям хлестал веселый косой дождь. А над школьным стадионом сияло голубое небо. Можно было подумать, что какой-то добрый великан волшебным солнечным топором прорубил в тучах окно.

Ваня и Гоша промокли насквозь, пока добежали до стадиона. Усатый контролер сурово преградил дорогу Ване, но зато Гоше сказал с ласковой улыбкой:

— А вы, мальчик, проходите. На трибуне почетных гостей для вас уже приготовлено место.

— Пропустите, — небрежно бросил Гоша, кивнув в сторону брата, — он со мной.

На стадионе Гошу сразу же взяли в плен любители автографов. Они протягивали ему блокноты, альбомы, записные книжки. Только тут Ваня понял, как знаменит Гоша. Ах, как он знаменит! Посмотрите, как важно, высунув от усердия кончик языка и склонив набок голову, он выводит в альбоме:

«Гоша Веточкин, ученик третьего класса „а”».

Правда, кто-то иронически заметил, что в словах «ученик» и «третьего» он допустил две грубейшие грамматические ошибки.

«А как надо?» — чуть не вырвалось у Гоши, но он тут же прикусил язык, справедливо подумав, что такой наивный вопрос может уронить его авторитет в глазах окружающих. Он решил вовсе не писать эти два сомнительных слова, и в дальнейшем подписывал свои автографы просто: «Гоша Веточкин» или совсем коротко, «Гоша».

Когда, наконец, знаменитому Гоше удалось, обманув любителей автографов, выбраться из толпы, он, обращаясь к Ване, скромно заметил:

— Брат знаменитого брата также должен быть знаменит! Сам того не подозревая, он заговорил афоризмами.

Впрочем, Ваня не представлял себе, каким образом он может стать знаменитым братом знаменитого брата, но Гоша поспешил его успокоить.

— Об этом позабочусь лично я, — произнес он, тыча себя пальцем в грудь.

По радио объявили о начале соревнований. Гоша занял место на трибуне для почетных гостей, а Ваня вышел на беговую дорожку. Лучшие физкультурники школы готовились взять старт. Откровенно говоря, Веточкин бегать не умел. Призов и грамот никогда не получал, и даже от уро-

ков физкультуры частенько увиливал. Но на этот раз Гоша и Бабакин просто уговорили его выступить.

— Беги изо всех сил, — посоветовал Бабакин, — и ты попадешь в зачет.

— Куда уж мне, — безнадежно махнул рукой Ваня.

Но вот грянул выстрел, и бегуны устремились вперед. Ваня засиделся на старте и сразу же отстал. Он бежал враскачку, размахивая руками. Кое-где на трибунах раздавались смешки, кто-то засвистел.

И вдруг произошло что-то непонятное. Неожиданно Веточкин почувствовал, что тело его стало легким, как пушинка. Он мчался, почти не касаясь дорожки. Он обогнал всех своих соперников, одного за другим. Даже чемпион школы длинноногий Костя Лукин остался где-то далеко позади. Вот и финиш! На световом табло появились цифры. Все так и ахнули: новый мировой рекорд!

Ваню окружили репортеры, тренеры, посыпались вопросы:

— Скажите, пожалуйста, как вам удалось установить мировой рекорд?

— Кто ваш тренер?

— Как вы готовились побить мировой рекорд?

— Это вышло совершенно случайно, — растерянно пробормотал Веточкин.

— Не скромничайте, юноша, — сказал кто-то из спортсменов, — случайно можно проиграть, но еще не было такого человека, который бы случайно побил мировой рекорд. Для этого надо долго и упорно тренироваться.

— Знаете что, — в отчаянии махнул рукой Веточкин, — а что если я побегу еще раз? Или нет, лучше попробую толкнуть ядро.

Он поднял ядро, и, прочертив в воздухе длинную дугу, оно шлепнулось далеко за флажком мирового рекорда.

— А теперь, — сказал Веточкин, немного приободрившись, — попробую прыгнуть в высоту.

Разбежавшись, он легко перепрыгнул через планку. Попросил поставить планку на высоту два метра, затем два с

половиной, наконец, три метра, — и также легко, хотя и неуклюже, перепрыгнул через нее. Даже старые, многое повидавшие на своем веку болельщики от изумления открыли рты.

Весть о молодом, никому не известном чемпионе, который шутя расправляется с мировыми рекордами, мгновенно облетела весь город. К стадиону подъезжали вереницы автомобилей, тянулись толпы пешеходов. Многие безбилетники пробрались на стадион по воздуху, на вертолетах. Их легкие, похожие на стрекоз, машины неподвижно висели над зеленым полем стадиона. Все взоры были обращены на Веточкина. А он, войдя в азарт, выступал на всех соревнованиях подряд. Победы его были невероятными. Когда число мировых рекордов, побитых Веточкиным-старшим, перевалило за десяток, он испуганно произнес:

— Братцы, да что же это со мной такое?

Вдруг он хлопнул себя по лбу и стремительно бросился к трибунам. Он подбежал к Гоше, сидевшему в первом ряду, схватил его за шиворот и прорычал:

— Говори, это все твои шутки?

Гоша струсил. Он старался незаметно запихнуть в карман какой-то небольшой аппарат, похожий на миниатюрный радиоприемник.

— Это... это... мне подарили, — пролепетал Гоша, — честное пионерское, в Академии наук подарили. Это такой аппарат. Его только что изобрели. Он уменьшает силу земного притяжения. Хочешь, покажу?

— Ты уже мне показал, — зловеще обронил Ваня. — Ну, я тебе это припомню!

— Чудак! У знаменитого брата...

Но Ваня выбежал на середину стадиона, выхватил у кого-то микрофон и поднял руку, требуя тишины.

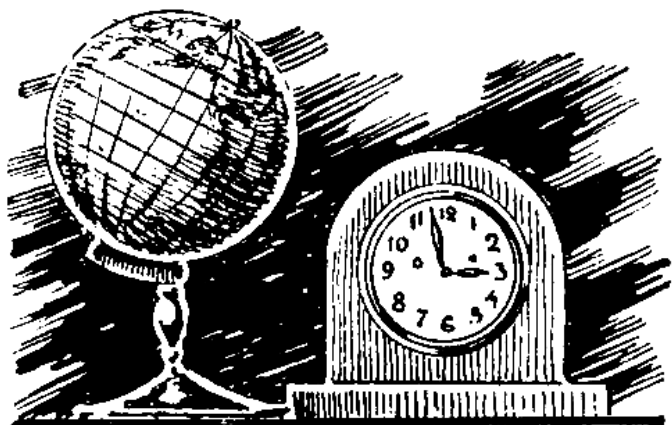
— Слушайте меня, люди, — изо всех сил закричал он, и эхо повторило его слова, — Здесь не было никаких рекордов. Это обман! Это все он, хитрец и обманщик Гоша!

Слезы душили Ваню. Ах, как обидно, ах, как нехорошо! Люди поверили, что он сильнее всех, быстрее всех. А он...

Веточкин зарыдал...

— Проснись, проснись, — тормошил брата Гоша, — чего ты ревешь, как белуга? И ругаешься во сне!

Ваня открыл глаза. В окно пробивался осенний рассвет.

НА ТРИ ГОДА БЛИЖЕ

О ЧЕМ МЫ НЕ РАССКАЗАЛИ
В НАШЕМ «ЛУННОМ» НОМЕРЕ

Журнал «Знание-сила», № 2, 1957 г.

Гол 1974-й вошел в историю человечества как одна из самых знаменательных и торжественных дат. В летопись побед человеческого ума над силами природы была вписана новая блестящая страница.

Вы, наверное, помните то утро, когда, развернув газету, прочитали крупный заголовок: «Сообщение Академии наук СССР...». В нем говорилось о старте первого пассажирского межпланетного корабля «Луна-1». Четверо отважных астронавтов отправились в лунный перелет.

Эти строчки газетного сообщения всколыхнули весь мир.

Хотелось узнать поскорее подробности беспримерного перелета. Ведь его ждали так долго. И вот, спустя сорок лет после того, как Циолковский сказал, обращаясь к демонстрантам на Красной площади: «Я верю, что многие из вас будут свидетелями первого заатмосферного путешествия», — оно свершилось.

В горах Кавказа к самой вершине Казбека проложили взлетную дорожку. С горы, высоко над уровнем моря, легче взлететь: часть плотной атмосферы остается внизу. У подножья выстроили «ангар» для корабля. Корабль представлял собою последнее слово атомно-ракетной техники третьей четверти двадцатого века. К длинному сигарообразному корпусу его примыкали короткие, отогнутые назад крылья. На их концах — вспомогательные ракетные двигатели для маневров и поворотов. Главный же двигатель, развивающий огромную мощность, находился в самом корпусе и работал на... воде.

Пока не научились еще пользоваться непосредственно энергией разлетающихся осколков атомных ядер. Слишком высокая температура сопровождает взрыв атома. Приходится обращаться к посреднику, который поможет создать нужную тягу. Нагреть теплом атомного распада и испарить какую-нибудь жидкость — такой путь избрали инженеры. Самой подходящей для этого жидкостью оказалась вода: поэтому на корабль и поставили атомно-паровой ракетный двигатель.

Строителям пришлось преодолеть немало трудностей: найти легкие, и в то же время, прочные материалы, решить задачу охлаждения, разместить изрядный груз необычайно-го топлива — воды, создать совершенную автоматику управления кораблем, выстроить взлетную площадку в горах.

И вот трудности позади. «Луна-1» готова к старту. Экипаж занял свои места. Тележка с ракетой помчалась по горному склону, набирая скорость. Она разогнала корабль, который оторвался от земли и скрылся в небе. Так начался космический рейс.

Корабль быстро скрылся из глаз, но земные локаторы цепко, как прожекторы самолет, держали его в радиолуче, ведя точно по рассчитанному заранее курсу. Полетом управлял, по существу, механический мозг. На контрольной локационной станции близ Берингова пролива работали вычислительные машины-автоматы. Если ракета выходила из луча, они мгновенно вычисляли поправку курса, и станция посылала командные сигналы.

Земля следила за полетом, Земля по радио держала с путешественниками связь.

Приняли радиogramмы из космоса — первые вести, посланные уже не с автоматических искусственных спутников, а радистом с борта пассажирского корабля.

Посадка прошла благополучно. В пустолазном костюме — скафандре первый человек вступил на поверхность иного мира. Первый след человеческой ноги отпечатался в слое лунной пыли.

Сквозь прозрачный шлем скафандра путешественник увидел пейзаж, который раньше могли только рисовать по догадке, только представляя силой воображения. Теперь он — перед глазами. Торжественная, незабываемая минута! Человек в скафандре поднимает голову, машет рукой товарищам. Вскоре не одна, а три пары следов отходят в стороны от корабля.

Первый снимок: корабль, стоящий среди лунных скал. Первый снимок сделан был в тот час на Луне. Его вы тоже,

вероятно, видели: переданный по фототелеграфу, он появился вскоре на страницах журналов и газет...

Обо всем этом вы узнали из специального «лунного» номера нашего журнала («Знание — сила» № 10 за 1954 год).

Там же были помещены волнующие документы: репортаж с борта ракеты, приближающейся к Луне и опустившейся на Луну. В жизни нашего вечного спутника, нашего ближайшего соседа по небу начинается новая — человеческая эпоха, — говорилось в радиোগрамме, извещавшей о благополучном прибытии первых людей на Луну. «Первый час на Луне» — так называлось это сообщение. Этим заканчивался номер...

Что же произошло с нашими героями дальше?

Вскоре мы получили новые вести. Лунные Колумбы описывали впечатление о неведомом мире, который открылся их взорам. Мы узнали о походах, совершенных в различные края серебряного шара, об удивительных открытиях, сделанных исследователями на Луне. Вот несколько отрывков из их сообщений о виденном и пережитом.

Рисунки К. Арцеулова

ЧТО ЖЕ БЫЛО ДАЛЬШЕ?

(Репортаж нашего корреспондента)

ДЛЯ первой глубокой разведки выбрана была безымянная вершина на северо-западе. Она сверкала под солнечными лучами, словно глыба чистейшего льда, — прекрасный ориентир!

Небольшие прогулки не страшны на Луне — двигаясь быстро, мы почти не уставали. В сумке «лунного геолога» появляются первые образцы — маленькие кусочки застывшей лавы, точнее — лавоподобной породы.

Нам кажется, что цель путешествия несколько не приближается. Не потому ли так незаметно и в то же время неожиданно возникла совсем близко «настоящая» гора? Издали невысокая, она оказалась вблизи исполином. Луна ведь успешно соперничает с Землей в высоте своих гор!

Привал перед подъемом в тени нависшей над нами скалы. Я делаю несколько снимков, мой спутник отбивает молотком кусочки скалы. Несется очередная сводка в эфир — дежурному в ракете. Снова в путь.

Восхождение совершилось сравнительно быстро: легко быть альпинистом на Луне! Последние метры — и мы на вершине. Потрясающий пейзаж расстился перед нами.

Впервые мы увидели Луну — страну гор. Это было какое-то нагромождение хребтов и зияющих, как глубокие раны, трещин. Мы знали об этом, но знать одно, а увидеть собственными глазами — иное, и ошеломленные, даже подавленные мощью стихии, мы озирались вокруг.

Опомнившись, я включил кинокамеру... Пожалуй, вид этой страны гор так ощутимо близко был едва ли не самым сильным впечатлением после первого шага па Луне...

Луну называют иногда «серебряным шаром». В ясную ночь она разливает холодный белый свет и действительно кажется сделанной из серебра. Но на самом деле этот белый шар — совсем не белый. Лунные «моря» — разных цветов, разных оттенков. Побывав внутри нескольких «морей», мы пополнили коллекцию лунных минералов разноцветными образцами. Правда, это не резкие, отчетливо выраженные цвета, скорее — оттенки. Но глядя на породу характерного голубоватого оттенка, можно безошибочно сказать: она — из Моря Спокойствия! А вот эта, зеленоватая, попала сюда из Моря Кризисов. Тот рыжеватый кусочек — из Моря Дождей.

С «охотой за минералами» связано несколько происшествий, иногда комических, а порой и трагических.

Однажды, во время очередной вылазки, «партия» разделилась: я двинулся к западу, а мой товариш пошел к востоку. Мы так привыкли к извечной неподвижности на Луне, что я чуть не лишился речи, остолбенел, увидев какое-то движение невдалеке. Мне показалось... я не поверил своим глазам... животное довольно-таки крупных размеров быстро скользнуло по склону горы. Забыв обо всем, я кинулся вперед... и остановился перед обломком, скатившимся сверху. Крайности жары и холода сделали свое дело, трещина выросла и лучше молотка отделила кусочек. Вот как образуется каменное покрывало, устилающее Луну! Я присутствовал при рождении одного из тех кусков породы, которые усеи-

вают всю лунную поверхность. Камешек с такими острыми краями не встретишь на Земле, где вода и ветер округляют, сглаживают углы. Я отколол кусочек этого «животного» и взял с собой на память о пережитой иллюзии...

Однажды мне показалось... я не поверил своим глазам... животное на Луне? Я кинулся вперед... и остановился перед каменным обломком.

Однообразие пейзажа бывает подчас утомительным. Мы не боялись заблудиться, когда действовали в одиночку. Радио, карта, компас — этого достаточно. И все же случается то, чего меньше всего ждешь. Мне везет на неожиданности!

Стоя перед глубокой расселиной, которая казалась бездонной пропастью, я вдруг заметил внизу... свет. Безуспешно уверяя себя, что это оптический обман, я отвел глаза в сторону. Все на месте: гора, как обычно сияющая почти снежной белизной, крутые скалы, небо, пылающий солнечный диск... Смотрю снова: нет, что-то светится в этом ущелье! Товарищ далеко, и азартный дух исследования берет свое. Осторожно подбираюсь к краю обрыва, включаю фонарь. Спуск крутой, но ведь я не безоружен! Свечение все ближе и ближе... и вот я стою на площадке. Это выступ на почти отвесной стене, что-то вроде естественной скамейки в глубоком колодце-ущелье. Отсюда виден кусочек неба. Красиво, но сейчас не до него. Выступ светится! Издали свечение казалось слабым пятном. Сейчас же передо мной разноцветный светящийся ковер. Светятся камни, как светлячки во мраке ночи. Виновник — Солнце. Минералы словно впитывают его ультрафиолетовые лучи и начинают сами светиться в темноте, излучая разноцветное сиянье.

...Когда утихло волнение первооткрывателей, потекли лунные будни. Может быть, обилие впечатлений привело к тому, что события, едва ли не более яркие, воспринимались, как нечто само собой разумеющееся. Зато настоящим сюрпризом была для нас другая находка. Волшебная палочка — счетчик заряженных частиц — привела нас к залежам урановой руды.

Быть может, со временем возникнут рудники на Луне? Появится жизнь, хотя и особенная — «привозная». Кстати, о жизни на Луне. В чем разгадка суточных изменений окраски кратера Платона? Да и не одного этого кратера. Какие-то темные пятна дымчатого цвета разбросаны по склонам лунных гор, по долинам, в кратерах и морях. И вот мы на месте, где должно быть таинственное пятно. Ничего! Та же темноватая поверхность, каких здесь много. Видимо, правы те, кто думает об ином, пятнами покрывающем Луну ночью. Он бесследно исчезает под палящими лучами Солнца, чтобы вновь возникнуть с наступлением холода. Но в телескопы замечали и иные — зеленоватые — пятна.

С зеленью всегда связывается жизнь. И вот...

Мы шли, вернее двигались большими прыжками по склону горы. Вдруг передний остановился. Послышался его дрогнувший от волнения голос (мы могли в скафандрах разговаривать по радио друг с другом): «Сюда! Скорей!» Один прыжок — и все собрались около пятнышка зеленоватого цвета. Растения вроде нашего мха зеленели на склоне горы. Неужели все-таки жизнь? Да, она вездесуща. Она приспосабливается к суровым условиям, в какие ставит ее природа. Долгое время океанские глубины считали необитаемыми, а ведь и там, в царстве чудовищных давлений, оказалась своя жизнь. Бывают микроорганизмы, переносящие лютую жару и сильнейшие холода, могущие жить без кислорода, воды и солнечных лучей. Видимо, и лунные растения привыкли, в конце концов, к такой обстановке, какую не вынесут представители растительного мира Земли. И в наши сумки рядом с образцами пород бережно положили эту удивительную находку.

...Уже выбрано место посадки экспедиции номер два. Уже сделаны самые первые прикидки там, где возникнет потом лунный городок, обсерватория, радиостанция, лаборатории, ракетодром, жилые помещения, склады — словом, все, что составит научный институт на Луне. И уже не дни — считанные часы остаются до отлета. И наконец, я передаю на Землю последнюю перед стартом с Луны радиogramму.

Будни открытий... Это очень удачно сказано про нашу жизнь здесь, в течение одного, длящегося, впрочем, две земные недели, лунного дня. Перебирая в памяти все, что было, я стараюсь отобрать самое яркое... и не могу ни на чем остановиться. С момента, когда за иллюминаторами улеглась пыльная буря, вызванная прилетом корабля, и впервые открылся вид лунной равнины, каждый день был насыщен событиями, одно другого интереснее и важнее.

Мы проверили многое из того, что долгое время оставалось загадкой. Теперь достоверно известно, какова природа Луны, что собой представляют ее «моря» и «материки»,

цирки и кратеры, горы и трещины, светлые лучи и темные пятна. Мы потревожили ее пыльное покрывало. «Колонизация» Луны, извлечение богатств лунных недр — вероятно, дело наших потомков. Но уже появились первые значки на картах, и там, возле них, когда-нибудь возникнут поселения и рудники.

Пусть не нашли мы новые химические элементы, или не известные науке вещества, или следы посещения Луны марсианами в незапамятной древности. Кто знает — быть может, будущим экспедициям здесь посчастливится больше. Мы же счастливы пока иным — пополнились наши знания о ближайшем соседе по небу. Конечно, положено только начало.

Еще немало неизведанного ждет человека, ступившего на поверхность лунного мира, знакомого лишь издали, но веками не доступного для людей. Еще предстоит им подробно изучить и другую сторону серебряного шара, куда никогда не проникал раньше человеческий взор.

Итак, упакованы коллекции минералов, уложены карты, пленки — вещественные итоги нашей работы. Снова разобран ракетный самолет, на котором мы облетали чуть ли не все полушарие Луны. Вдалеке, на равнине стоит столбик — памятный знак: его хорошо видно отсюда в бинокль.

Командир заносит последние записи в путевой журнал. Последний час на Луне... Последние минуты...»

ОТ РЕДАЦИИ

Конечно, все, о чем вы прочли на предыдущих страницах, — это фантастика. И в 1954 году, когда мы выпускали «лунный» номер, мы могли лишь фантазировать о том, как люди полетят на Луну. Недаром это событие мы приурочили к третьей четверти века. Но прошло всего три года с тех пор как вышел наш фантастический номер, а эта фантастика уже не кажется такой далекой. Только жизнь внесла существенные поправки в наш фантастический проект.

Теперь уже совершенно ясно, что первая ракета отправится на Луну без людей. Проект такой автоматической, управляемой с Земли по радио ракеты успешно разрабатывается нашими учеными.

А совсем недавно пришла весть о новом смелом предложении: послать на Луну управляемую ракету. Ленинградский ученый Г. Чеботарев утверждает, что для этого понадобится

всего 16 тонн горючего, а не сотни тонн. Расчет траектории такой ракеты-бумеранга уже произведен. И хотя это только теоретический, а не инженерный расчет, он привлек всеобщее внимание оригинальностью замысла.

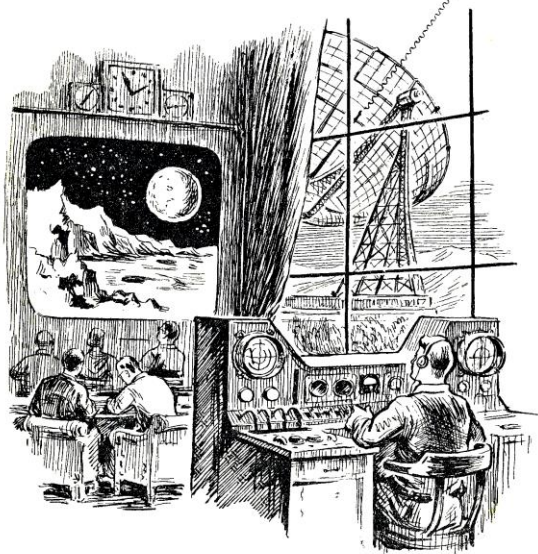
Три года назад и речи не было об искусственном спутнике Земли — «искусственной Луне», как его иногда называют. А сейчас до запуска этого первого межпланетного путешественника остались считанные месяцы.

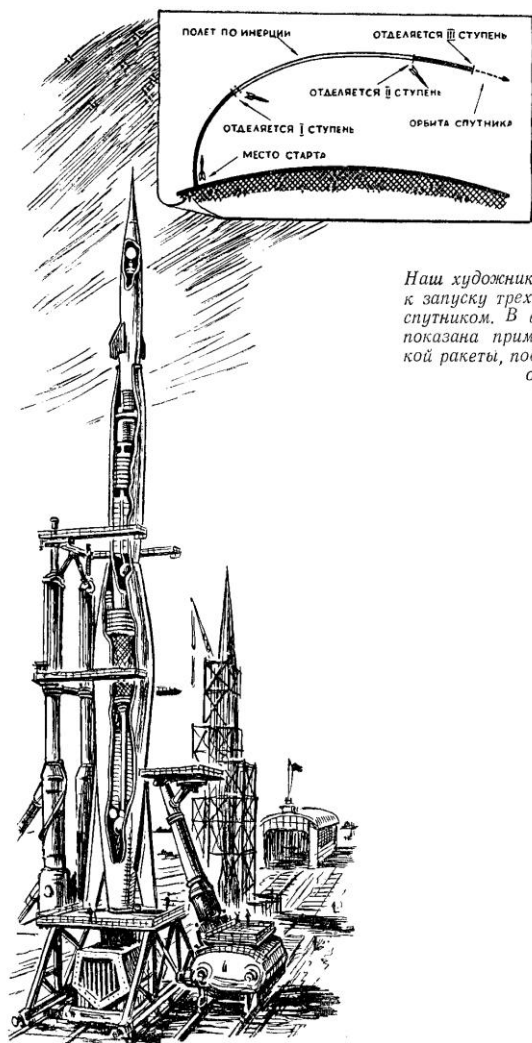
Три года — срок небольшой, а насколько ближе мы стали к осуществлению давней мечты человечества!

Здесь мы и хотим рассказать о тех работах, которые ежедневно и ежечасно приближают первый межпланетный старт, — о конкретных работах ученых в области космической навигации.

*Экипаж
межпланетного
корабля...
остается
на Земле*

Рисунки А. Сысоева

Наш художник изобразил подготовку к запуску трехступенчатой ракеты со спутником. В верхней части рисунка показана примерная траектория такой ракеты, поднимающей спутник на орбиту.

Г. ТРАВИН

ЗАГАДКА ПЯТНАДЦАТИ ВЫСТРЕЛОВ

Научно-фантастический рассказ

Художник К. Арцелов

ЗАГАДКА ПЯТНАДЦАТИ ВЫСТРЕЛОВ

Г. ТРАВИН

Илл. худ. К. АРЦЕВЛОВА.

Научно-фантастический рассказ

Однажды осенью в Н-ском полку, неожиданно для всех, была объявлена снайперская стрельба. Участвовать в ней назначили трёх лучших снайперов. Это были сержанты Деулин и Волги из первой роты и сержант Павлов из третьей. Стрельба была назначена на 14.00, а за час до этого в расположение полка вкатил длинная, сверкающая никелем и лоснящаяся голубым лаком автомашина. Солдаты увидели, как сам командир полка поспешил к ней.

Из машины вышел очень скромного вида пожилой инженер-полковник.

Через полчаса о приезде незнакомого офицера знал уже весь полк: новость облетела казармы с быстротой радио, так как в это время занятий в ротах не было. Свежая новость совершенно заслонила вчерашнюю: вчера днем на полковом стрельбище установили какую-то диковинную машину.

Таинственный «агрегат» не очень волновал солдат и сержантов. Мало ли разных машин на свете? В день стрельбы о нем и вовсе забыли, тем более что в глаза он не бросался: установили машину на самом краю стрельбища и обнесли тесовым заборчиком, к которому часовой не подпускал любопытных.

Условия для стрельбы были благоприятные, все складывалось удачно, и, тем не менее, многим показалось, что приезжий инженер-полковник волнуется.

«Почему он волнуется?» — недоумевали командиры рот и взводов.

На стрельбище командир полка самолично представил гостю Деулина, Павлова и Волгина. Перед этим он окинул всех троих быстрым, пронизательным взглядом. Убедившись в безукоризненности воинского вида сержантов, полковник с гордостью сказал:

— Вот мои лучшие снайперы, профессор!

«Профессор? — удивились солдаты и офицеры. — Учёный!»

Это открытие только усилило общее недоумение: какой интерес для учёного мог быть в обычной снайперской стрельбе, что тут изучать? Некоторые ожидали, что снайперам дадут для испытания какие-нибудь необычные винтовки. Но никаких новых винтовок не появлялось. В чём тут суть? Для чего эта стрельба? Непонятно было также, почему обычную круглую мишень поместили не на щит установленных размеров, а в середину большого деревянного щита, вроде тех, что служат мишенями для полковых пушек. Странно было, что всё как будто делалось для того, чтобы не затруднить, а облегчить стрельбу — даже стрелять снайперам приказали с упора. Приготовления были особенные, а боевых патронов выдали лишь по одной обойме.

Профессор поздоровался со снайперами и внимательно поглядел на них; глаза его вдруг сверкнули, и он сказал, усмехнувшись:

— Смотрите, не промахнитесь!

— Никак нет, не промажем! — басом ответил Деулин, оказавшийся ближе других к инженер-полковнику.

— Разрешите начать? — сказал командир полка, взглянув на свои часы

Профессор кивнул головой:

— Да, да! Пожалуйста... У меня, как вы знаете, всё готово.

«Что у него готово? — подумали снайперы. — Бинокль, что ли?» Но размышлять уже было некогда. Послышалась команда: «На линию огня!»

Первым стрелял сержант Деулин.

Осенний воздух был подобен хрусталу. В нём не замечалось тех колебаний и струистости, которые в жаркое летнее время мешают точной стрельбе. До мишени восемьсот метров, но хитрая оптика в несколько раз сокращало это расстояние. Оптический прицел работал великолепно.

Деулин видел в светлом поле зрения прицела чёрное «яблочко» так отчётливо, что наводить в него было одно удовольствие. Посадив «яблочко» на остриё пенька, он с чувством приятной уверенности плавно нажал спусковой крючок.

Сделав первый выстрел, Деулин, не отрывая глаза от окуляра, смотрел на «яблочко». Пуля словно замешкалась в полёте: пробоины в «яблочке» не появлялось. Деулин смотрел, ничего не понимая. А когда понял, ему вдруг стало жарко — будто в кипятке его окунули. Пуля не попала в «яблочко»! Мало того: пуля вообще не попала в мишень.

— Промазал! — провозгласил начальник связи лейтенант Зайцев. Лейтенант не сразу решился повторить донесение наблюдателей, которые находились в блиндаже у самой мишени и должны были сообщать по телефону о результате каждого выстрела отдельно. Он дважды переспросил: «Что? Что такое? Непонятно!» А убедившись, что понял правильно, приглушённо прошептал в телефонную трубку: «Ослепли вы там, что ли? Что за ересь докладываете?» — «Никак нет, не ересь, а промах!» — убедительно пропищала трубка, и только тогда лейтенант Зайцев, скри-

вив рот, произнёс это позорное слово. Он посмотрел на командира полка, как бы извиняясь за неприличие доложенного и ожидая, что полковник тоже отнесётся с недоверием к такому докладу, потребует проверки.

Но полковник сказал почему-то только: «Понятно!» — и начал невозмутимо подкручивать усы.

Деулин снова старательно прицелился. А выстрелив, он похолодел от страха. То, что случилось, было именно страшно своей необъяснимостью, фантастичностью: «яблочко» опять осталась невредимо, вся мишень была целёхонька, будто стрелял он холостыми патронами, или пуля каким-то чудом таяла в воздухе. Всё это было похоже на ужасный сон.

Охваченный отвратительным чувством загадочного бесилия, Деулин с лихорадочной поспешностью выпустил одну за другой ещё три пули.

Нуль очков — неслыханный, чудовищный результат!

С отчётливым сознанием, что всё теперь погибло, сержант опустил винтовку. Белый, как мел, глядел он прямо перед собой, ничего не видя: туман застилал глаза. Он думал, что все смотрят на него с ненавистью и презрением, как на человека, опозорившего весь полк.

Но товарищи смотрели на него с удивлением и соболезнованием.

— Очередной! — громко сказал командир полка.

— Эх, и сибирячок мажет! — услышал он сразу вырвавшийся у кого-то огорчённый возглас...

На очереди был сержант Павлов. Ему, как прирождённому охотнику, стрельба всегда доставляла наслаждение — тем большее, чем труднее были цели. Сегодняшняя цель ему не нравилась: уж очень была легка.

С охотничьей быстротой и сноровкой сержант вскинул по команде винтовку и, привычно поймав цель на пенёк, дал точный выстрел.

— Эх, и сибирячок мажет! — услышал он сразу вырвавшийся у кого-то огорчённый возглас, и вслед затем сердитый голос лейтенанта Зайцева:

— Пр-ромах!

Павлов не верил ни глазам, ни ушам. Это было так же неправдоподобно, как если бы он промазал в зайца, стоящего столбиком в пяти шагах, или в огромного глухаря, примостившегося на суку прямо над головой! Однако же старая охотничья выдержка помогла ему сохранить спокойствие. Он снова с безукоризненной точностью прицелился и выстрелил. Опять был промах! Что такое? Словно перед ним — не самая обыкновенная солдатская мишень, а заколдованный лось из старой охотничьей сказки, волшебный зверь, которого застрелить никто не может: пули, как снежинки, тают на лету от жара, пышущего из его ноздрей.

Третий и четвёртый выстрелы были такими же неудачными. Чувствуя, что дело не в точности прицеливания, Павлов последний выстрел сделал со зла наобум, не целясь. А пуля, будто на смех, легла во внешний круг мишени.

Результат последнего выстрела Павлова вызвал лишь невнятный, тотчас же стихший гул. Только сержант Деулин почувствовал облегчение, видя, что не он один провалился. Деулин начал подозревать какой-то подвох, непонятно только, как и кем подстроенный и для чего.

Сержант Волгин ни о каком подвохе не думал; может быть, решил он, Деулин и Павлов слишком разволновались, что было просто глупо. У себя Волгин не обнаружил ни капельки такого вредного волнения. Руки, казалось, были твёрже дерева цевья и ложа винтовки, срастались с ней в одно целое. Чёрный кружочек «яблочка» мишени будто сам

собой плавно и точно садился на остриё пенька. И нажав в нужный момент спуск, Волгин был совершенно уверен, что пробоина будет в центре мишени. Пуле нельзя было не попасть в центр мишени, как нельзя провести кривую линию, ведя карандашом точно по линейке. Но он всё-таки промахнулся.

Сделав первый выстрел, Волгин чуть помедлил, как будто соображая что-то.

Однако его пауза не затянулась дольше, чем было допустимо, он сделал второй выстрел ни...

— В «яблочко»! Десятка! — раздался почти тотчас же стоголосый рёв, вырвавшийся произвольно, неудержимый и страстный. Общее тягостное напряжение сменилось веселым оживлением. Всё стало снова ясно и понятно.

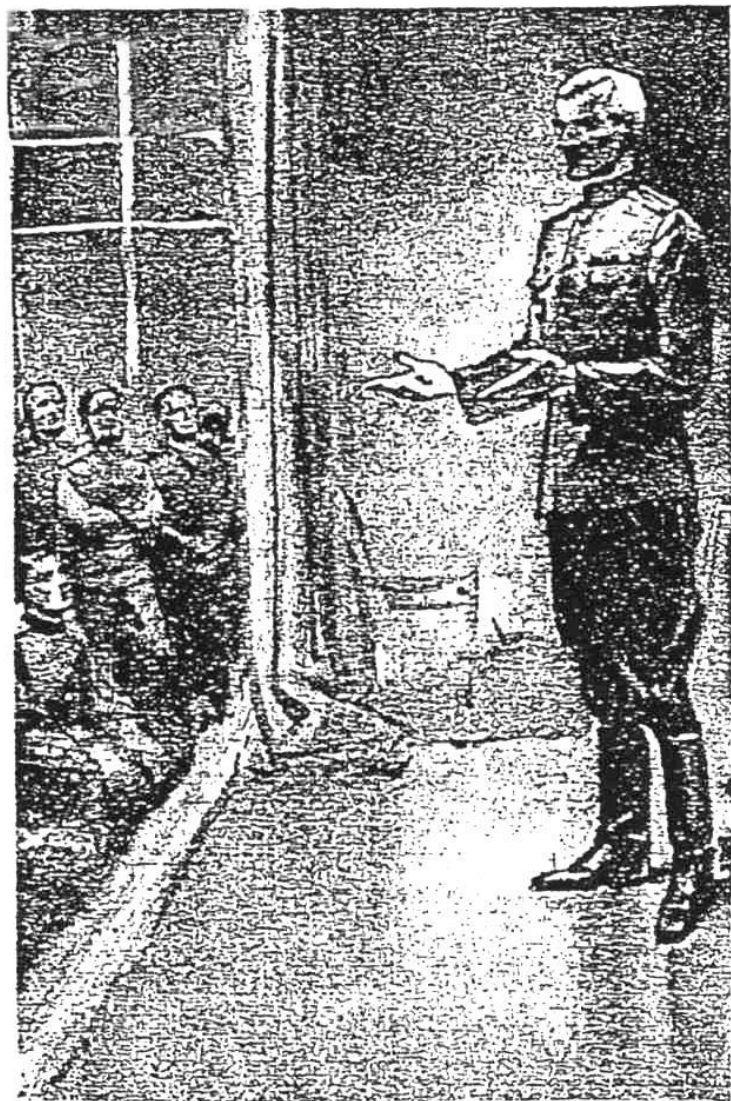
Прогремели один за другим еще три выстрела Волгина, и после каждого слышался восторженный рёв: пробоины появлялись в самой середине «яблочка», одна возле другой. Командир улыбался, вопросительно поглядывая на профессора. Лицо профессора, прежде выражавшее полное удовлетворение результатами стрельбы, теперь стало недоумевающим. Он хмурил лоб и поджимал губы, будто решал в уме какую-то задачу. Полковник тихо спросил его о чём-то, но он в ответ лишь плечами пожал...

Вечером всех бывших на стрельбе собрали в полковой клуб.

Солдаты ожидали, что командир полка сейчас же начнёт «прорабатывать» оплошавших снайперов, и сочувственно посматривали на Деулина и Павлова. Но получилось совсем не то. Командир полка словно забыл всё это «необычайное происшествие», он и не взглянул на неудачников, а сразу же объявил:

— Товарищи, на нашем стрельбище производилось испытание аппарата, изобретенного инженер-полковником Шумовым.

Все, конечно, были немало удивлены таким сообщением: никто не видел никакого аппарата. Где он испытывался? Когда?

— Вы, я вижу, уже создали свои гипотезы...

Полковника это удивление очень развеселило.

— Понятно! — сказал он, смеясь. — Никто ничего не понимает. Так и должно быть... Но теперь товарищ инженер-полковник рассеет все наши недоумения и расскажет, что можно, о своём замечательном изобретении. Профессор, прошу вас!

Профессор вышел на середину сцены и, обведя зал блестящими глазами, начал говорить ровным голосом:

— Вы, товарищи, конечно, считали, что сегодня проводились испытания снайперов. А испытывалось моё изобретение! Мне очень жаль, что пришлось доставить немалую неприятность вашим лучшим снайперам и всем вам тоже. Я видел, как близко к сердцу принимали вы их неудачу. Это и понятно — страдала честь полка. Ведь никто, кроме меня и командира части, не знал, что снайперы не виноваты в своих промахах, что в них повинен изобретённый мною аппарат, который установлен на вашем стрельбище. Издали все вы его видели. Что же это за аппарат и как он может мешать ведению стрельбы?

Профессор остановился; это была, конечно, только обычная ораторская пауза, но получилось так, будто он ожидает ответа на свой вопрос, и Деулин не выдержал — крикнул с места:

— Магнит!

Сосед дёрнул сержанта за рукав, но было уже поздно: бас его прогудел на весь зал. Профессор не рассердился, чего ожидали некоторые; напротив, он весьма одобрительно улыбался.

— Так! — воскликнул он. — Очень хорошо! Замечательно! Вы, я вижу, уже создали свои гипотезы, то есть объяснения, теории. Это хорошо. Так и надо. С непонятным нельзя мириться. Надо его исследовать, сделать понятным, объяснить. Товарищ, подавший с места реплику о магните, разрешил вопрос очень просто: пули притягивались магнитом, потому и не попадали в цель. Но он многого не додумал. Во-первых, не все металлы притягиваются магнитом, а только железо, никель и кобальт да редкий металл —

гадолиний. Свинец — металл не магнитный, и самый сильный магнит не притянет свинцовую пулю в латунной оболочке. Но допустим, что может существовать магнит, который притягивает все металлы, в том числе и свинец. Действие каждого магнита ограничивается радиусом магнитного поля. Значит, дальше определённого расстояния магнит не действует. Чтобы на таком расстоянии, на каком установлен

мой аппарат, притянуть пулю, летящую с полной силой, а не на излёте, потребовалась бы гигантская магнитная сила. Пороховые газы, образующиеся при выстреле в канале ствола винтовки, дают на пулю с огромной силой, давление их достигает 2850 килограммов на квадратный сантиметр, или почти 180 пудов. Дульная энергия пули составляет 359 килограммометров. Это значит, что при вылете из ствола пуля обладает такой силой, которой было бы достаточно, чтобы поднять на один метр груз в 359 килограммов, то есть более 22 пудов. Какой же мощностью должен обладать магнит, чтобы преодолеть эту силу?

Я не стану приводить вам сложных расчётов, а скажу только вот что: такой сверхмощный магнит был бы не совсем удобен в обращении. Он собирал бы отовсюду разные металлические предметы, легко преодолевая силу их земного притяжения. Это был бы настоящий разбойник. Стоило бы вам достать из кармана монету — магнит выхватил бы её у вас из рук. То же самое он проделал бы с карманным ножом. Если уж он мог притянуть пущенную с большой силой пулю, то ему ничего не стоило бы вырвать у вас из рук всю обойму! Он не дал бы вам и винтовку зарядить. А хуже всего пришлось бы солдатам, у которых пуговицы плохо пришиты: магнит легко обрывал бы такие пуговицы, и они улетали бы со свистом, как осколки снаряда, не заботясь о том, как обойдётся без них солдат.

Зал гудел от смеха. Переждав веселый гул, профессор сказал:

— Подобных явлений на стрельбище как будто не наблюдалось! А такую картину должны мы себе нарисовать,

допустив существование магнита, притягивающего винтовочные пули. Но допустить, что может быть магнит, притягивающий все металлы, мы не имеем оснований. Это ненаучно. Ваши пули не притягивались магнитом. Они летели точно по своей траектории. Почему же в таком случае они не попадали в цель? Чтобы все вы могли наилучшим образом понять действие моего аппарата, мне придётся начать свои объяснения несколько издалека, и с вещи весьма отдалённой — с хвоста кометы.

Обведя взглядом зал и убедившись, что теперь все заинтригованы до последней степени, профессор продолжал:

— Как известно, хвост кометы состоит из очень разреженных газов. Но дело не в этом. Для нас имеет значение другое обстоятельство. Кто видел комету, хотя бы на картинке, тот, конечно, заметил, что хвост у неё не прямой, изогнутый. И вот что интересно: хвост кометы изгибается всегда в сторону, противоположную солнцу. — Какая-то сила, очевидно, отталкивает его. Учёные установили, что этой силой является давление солнечного света. Разумеется, величина этого давления очень незначительна. Она составляет менее одного миллиграмма, то есть тысячной доли грамма на квадратный метр. Доказать на опыте существование такого давления сумел в 1910 году великий русский физик Пётр Николаевич Лебедев. Он сконструировал остроумный высокочувствительный аппарат, с помощью которого можно не только улавливать давление света, но и измерять величину этого давления.

Из учения и опытов Лебедева я сделал такой вывод: если свет оказывает давление, то и сам может подвергаться давлению. Доказать это было тоже нелегко, потребовались годы упорного труда. Наконец, я добился крупной победы. Я не только доказал своё положение, но и нашёл способ производить давление на свет. Я открыл также, что, производя давление на прямолинейный световой луч, мы искривляем его. Это открытие я решил применить в военной технике. С помощью других научных работников мне удалось создать аппаратуру, способную оказывать заметное давление на

проходящие мимо неё световые лучи. Такой аппарат установлен и на вашем стрельбище. Описать вам его устройство и работу я не могу: это — военная тайна. Можно рассказать только, что происходит при стрельбе в зоне действия моего аппарата. Зрительные лучи, идущие от мишени к глазу стрелка, подвергаясь воздействию аппарата, искривляются. Давя на световые лучи, мой аппарат изгибает их, наподобие того, как солнце изгибает хвост кометы (не понимайте только этого буквально: хвост кометы — это не лучи, а газы). Искривлённый зрительный луч уже не совпадает с плоскостью полёта пули. И когда вам кажется, что вы целитесь точно в центр мишени, вы направляете ось канала в сторону от неё. А при выстреле пуля, конечно, минует цель. Вот, в общих чертах, всё. Понятно?

— Понятно! — дружно отозвался зал.

— Вам теперь всё понятно, — продолжал профессор, — а мне — нет. На нашей стрельбе я столкнулся с одним странным явлением. Сначала все шло так, как я и ожидал. Лучшие снайперы не могли попасть даже в большой щит, в который и плохой стрелок должен бы попасть. Аппарат мой действовал хорошо. Два снайпера отстрелялись с успехом... для меня. Вышел третий. Со второго выстрела этого снайпера и началось нечто для меня непонятное. Ваш снайпер, как ни в чём не бывало, стал укладывать пули одну за другой в центр мишени. Действие аппарата ни на секунду не прекращалось! Как же снайпер мог преодолеть его? В чём тут секрет, я и до сей поры не знаю.

Профессор хитрил: он знал, в чем этот секрет, так как вместе с командиром полка уже разговаривал с сержантом Волгиным. Однако профессор даже руками развёл, выражая крайнее недоумение, и обратился к командиру полка:

— Товарищ полковник, хотелось бы, чтобы этот снайпер объяснил, как удалось ему справиться с моей помехой.

Несколько смущённый общим вниманием, но довольный и гордый, Волгин чётко прошагал от своего места к сцене... Вот он стоит уже лицом в залу, и все смотрят на него — есть тут от чего прийти в смущение. Но после мгно-

венного замешательства Волгин собрался с мыслями и стал спокойно рассказывать:

— Дело было так. Дал я первый выстрел, и гляжу — где пуля? В мишени её нет. Неужели «за молоком» пошла? Гляжу ещё — и примечаю: пуля моя сделала пробойну в самом краю щита, на котором прикреплена мишень. «В чём причина, и что тут делать? — думаю. — Прицеливался я точно. Точнее этого не прицелиться мне и во второй раз. Стало быть, если я буду целить снова также — в центр мишени, пуля опять вправо заберёт». Почему так получается, я в тот момент не думал — главное было: решить, как действовать дальше. И я принял решение. Я взял поправку на вынос точки прицеливания влево на угол, который определил по попаданию в щит первой пули. И угадал: пуля попала как надо — в «яблочко». Ну, тут уж мне легко было продолжать стрельбу. Все пошло, как по маслу. В общем, получалось так, будто сбоку всё время дул ветер необыкновенной силы. А ветра никакого не наблюдалось, тихо было...

Вот и всё. Я кончил.

Одобрительный гул всего зала заставил Волгина порозоветь от смущения, — к овациям он не привык.

— Понятно! — громко сказал командир полка. — Молодец, сержант! Вы проявили образцовую находчивость и сообразительность. Вы показали, что даже такие чудеса техники, как аппарат профессора Шумова, не могут смутить хорошего воина. Благодарю за службу, сержант Волгин!

— Служу Советскому Союзу! — отвечал Волгин, совсем уже красный, с капельками пота на лбу. А командир полка, обращаясь теперь ко всем, продолжал:

— В начале своей речи профессор еще будто извинялся за причиненные вам неприятности. Это лишнее. Чем суровее испытания, тем полезнее — таков закон воинской службы. Одной меткости стрельбы недостаточно, чтобы быть настоящим снайпером; требуются ещё величайшее хладнокровие, находчивость и смелость. Понятно, смелость может быть проверена только в бою, но хладнокровие и находчивость проверяются, как доказал нам сегодня сержант Вол-

гин, и в мирной обстановке. Всё это вы должны крепко запомнить... Однако сейчас нам не время заниматься такими разговорами — нашему гостю слушать их неинтересно. Прошу прощения, профессор, может быть, вы хотите еще что-нибудь добавить?

— Я могу только присоединиться к вашим похвалам по адресу товарища Волгина. Я восхищён его находчивостью. Очень удачно также Волгин сравнил действие моего аппарата с ветром. Да, это и в самом деле ветер. Только не воздушный, а световой, оптический ветер, давящий не на пулю, а на зрительные лучи. А по силе — это ураган, тайфун... Сержант Волгин сумел перехитрить этот «ветер». Но надо учесть, товарищи, что артиллеристам, при стрельбе прямой наводкой, перехитрить мой аппарат труднее. Ведь чем больше расстояние от глаза наблюдателя до цели, тем значительнее вызываемые аппаратом искривления зрительных лучей.

Кроме того, аппарат снабжён специальным устройством, позволяющим изменять величину искривления световых лучей. Если бы я воспользовался этим устройством, то, вероятно, перехитрил бы хитрого Волгина — ведь найденная им боковая поправка оказалась бы неверной... Есть все основания полагать, что такие аппараты могут сильно дезориентировать, то есть сбивать с толку, вводить в заблуждение неприятельских наблюдателей, стрелков и артиллеристов. Теперь, когда сержант Волгин помог мне выяснить кажущуюся «неполадку» в работе моего аппарата, можно с полным правом сказать, что испытание его дало положительные результаты...

От автора. Таких чудесных аппаратов, как описанный в рассказе, не существует в действительности. Профессор Шумов — лицо вымышленное. Но великий физик П. Н. Лебедев действительно обнаружил экспериментально и даже измерил давление световых лучей.

На Луне

ОБЕД „ВПРИСКУ“ НА РАКЕТОПЛАНЕ

КАК ПРОБКА В ПОТОЛОК...

„МОРЯК“ НА СУШЕ

— ЧИТАТЕЛИ НАШЕГО ЖУРНАЛА ИНТЕРЕСУЕТ, КАКОВА ГЛУБИНА МОРЯ ДОЖДЕЙ, И ДОСТИГЛИ ЛИ ВЫ УЖЕ ДНА?

...ИЛИ НЕОСТОРОЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ С ШАМПАНСКИМ В МИРЕ БЕЗ ТЯЖЕСТИ.

В середине января 2001-го года с очередным рейсом ракетоплана ЛУ-104 мы покинули Землю. Задание редакции гласило: дать зарисовки жизни земных переселенцев, осваивающих лунную целину.
Уже в пути мы почувствовали, что попали в мир не совсем обычный. Достаточно сказать, что из-за отсутствия тяжести на одна жидкость без желала выливаться из сосуда без приключения, и нам, чтобы напиться, приходилось привлекать к некоему устройству между резиновым шариком, утюгом и детской соской.
Да и на самой Луне мы долго не могли привыкнуть к тому, что сами мы и все окружающее нас предметы стали шестеро легче, что оканчиваться привыкла на лунной улице нельзя.

— НА ЗЕМЛЕ ОН ВЫСТУПАЛ В ТЯЖЕЛОМ ВЕСЕ, А ЗАДЕСЬ ПЕРЕШЕЛ В НАИЛЕГЧАЙШИЙ

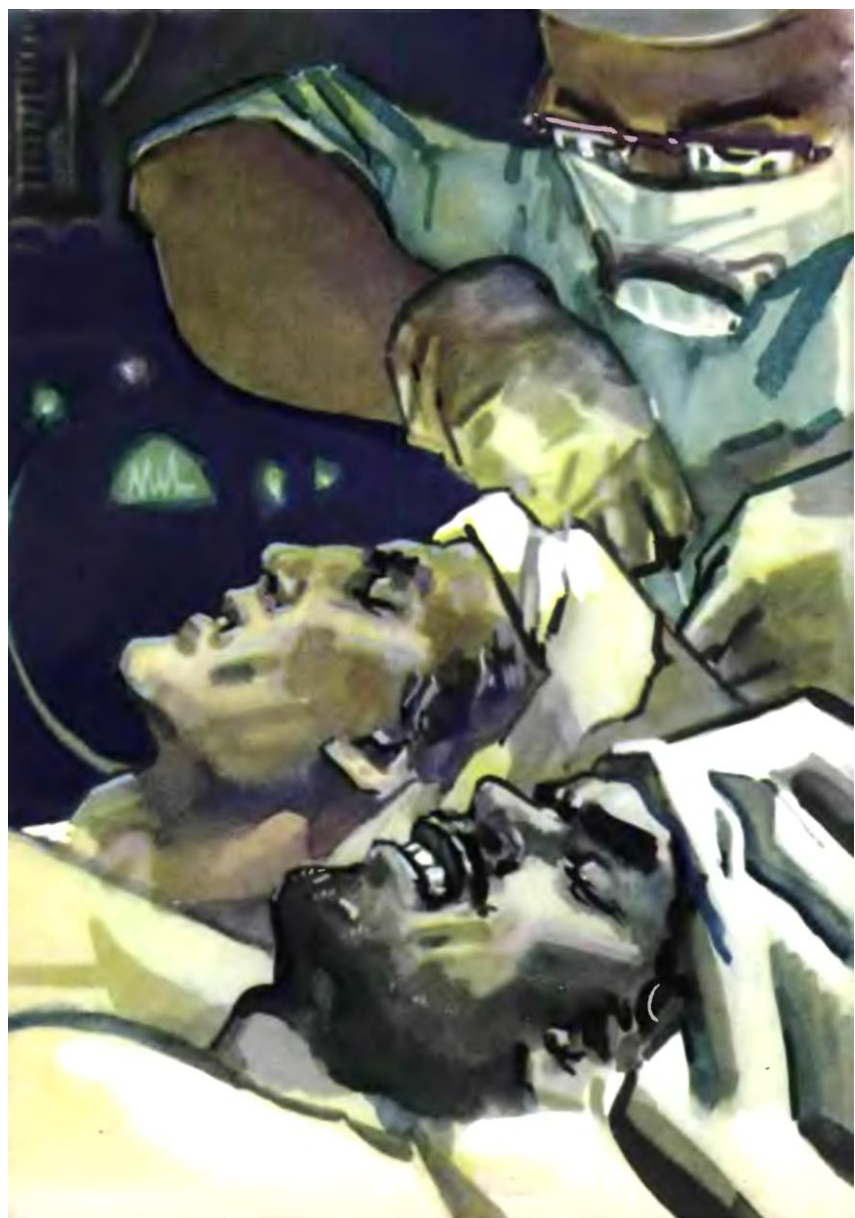
НУ И ПЫЛИЩА! СРАЗУ ВИДАТЬ—МИЛЛИОНЫ ЛЕТ ДВОРИКОВ НЕ БЫЛО.

ЧЕРЕЗ ПРОВОДА НЕ ПРЫГАТЬ

Рисунки И. Фридмана

ЛЕВ ТЕПЛОВ

ПОДАРОК ДОКТОРА ЛЕЙСТЕРА

Научно-фантастический рассказ

Художник А. Побединский

Подарок доктору Майкелу

Л. ТЕПЛОВ

Рис. А. ПОБЕДИНСКОГО

Милая мама, я пишу вам в тесной каюте парохода «Пасифик», который везет меня к китайским берегам. Зеленая волна бьет в иллюминатор, глухо урчит где-то глубоко внизу машина. Эллен спит, неудобно изогнувшись на узкой койке, а сын — мой маленький сын — прижался к ее плечу и тоже спит, шевеля губами во сне. Только сейчас, глядя на него, я решил рассказать вам все.

Я родился... Это начало тысячи раз повторялось в человеческих исповедях, но, кажется, еще никто не начинал так рассказ, обращаясь к своей матери: ей ли не знать, как я появился на свет! Не относите эту несвязность мыслей, как раньше бывало, на счет моей болезни. Наберитесь терпения и мужества выслушать все до конца.

Я родился, о чем вы, мама, и не подозревали, в трущобах Чикаго, в нелепом облезлом доме, который тянулся на целый квартал. В нем было неисчислимое количество клетушек, в одной из которых ночевал мой вечно пьяный отец и мать — моя первая мать, которая умерла рано. Я не помню ее. Первое воспоминание моего детства было такое: я иду босиком по раскаленным плитам двора, завешанного сохнувшим бельем. Впереди что-то сверкает, голод и любопытство тянут меня. И вот я подхожу к чужой растрепанной женщине, в руках которой сияющий таз, протягиваю руки... и вдруг холодная волна ударяет меня в грудь, едкая пена жжет глаза, и я падаю, не осмеливаясь громко плакать. Их нельзя судить строго, жителей того страшного дома, они были озлоблены постоянной, безысходной нуждой; что им было до маленького мальчика в тряпье?

Когда именно я связался с веселыми ребятами из подвала, не помню; кажется, я знал их всегда. Рыжий Майкл был

у нас казначеем именно потому, что так и не научился считать: он делил долларовые бумажки на глаз. А тот — ангел Боб; ему было за пятьдесят, и не было такой грязи, такого преступления на свете, которого он не знал бы. С ним вместе я первый раз ночевал в тюрьме.

Его выпустили сразу — он умел это делать, — а я проторчал в клетке шесть месяцев. Случай, правда, был чепуховый: поножовщина в кабаке.

Сначала мне нравилась эта жизнь — с ночными стычками, отчаянными путешествиями по крышам и аккуратной работой над замками. Я считал, что в этом мире двуногих зверей я устроился недурно: есть деньги, все доступно и не лицемеришь, как те, которые выжимают доллары за полированным стеклом контор.

Вы помните, наверно, ту историю, когда были потрепаны два банка в центре города — со взрывами, убитыми сторожами и прочей пищей для газетчиков. Мы тогда уже приладились к солидному тресту, думали, сойдет, но нас кто-то выдал.

И вот я, Билл-весельчак, двадцати двух лет, сел на дубовую скамейку, и серый паяц в судейской шапке сказал, что мне не в столь уж далеком будущем придется пересестись на электрический стул.

Признаюсь, это не особенно меня огорчило. Ведь в ночной моей жизни были истории в духе ангела Боба, может быть, не такие шумные, как дело с банком, но нехорошие. Они вымотали из меня тот маленький запас уверенности в своей правоте, без которого человек не может двигаться и дышать. Но когда наша машина шла из суда в тюрьму и, вильнув, налетела на кого-то, а затем распорол себе кузов о встречный грузовик, я выскочил в пробоину и побежал. Это я проделал не для спасения шкуры, а чтобы поддержать репутацию Билла-весельчака: ведь в машине сидела почти вся наша компания.

Я не слышал выстрелов и, когда упал, думал, что споткнулся. Потом меня грубо подхватили, и старший сказал:

— Скорее, тут рядом живет доктор Лейстер, и если уж

он не поможет, то парень, кажется, смылся с электрического стула: четыре пули в грудь.

Меня сразу положили на стол, сорвали холщовую полосатую куртку, в которой я выступал перед репортерами на суде; я увидел прямо перед собой громадную белую лампу с тысячей стекляшек и почувствовал на груди успокаивающее прикосновение чужих, необыкновенно живых пальцев. Глухой, спокойный голос сказал, чтобы все вышли, потом раздраженно крикнул что-то... и я первый раз услышал ваш голос, мама:

— Ради бога, помогите ему, доктор! Он сейчас умрет...

«Чего лезет эта старуха,— подумал я, — ей-то какое дело? И не все ли равно, сейчас я сдохну или через месяц на стуле?»

— Он шел на экзамен... — говорил ваш голос. — Знаете, ведь он учится лучше всех своих сверстников на факультет восточных языков. И вот эта машина из-за угла...

«Эге, — сообразил я, — так это ведь она подсовывает врачам раньше меня своего птенца. Ну это не пройдет! — Я хотел вскочить, заорать, но, кажется, даже не простонал: не было сил. — Ну погоди, — сказал я, — дай я только встану...»

— У меня пациент на столе, — послышался тот же глухой голос, — я не могу. Здесь не операционная, а учебный кабинет, и вообще тут работать — преступление, не плачьте... Что с вашим сыном?

— У него пробита голова. Да вот его несут. О, доктор!

— Кладите рядом. М-да... Пожалуй, есть смысл заняться именно им и именно сейчас, не теряя времени ни секунды. Стоит ли чинить того бандита, если он закончил гастроль на этом свете?

«Так и есть. Сначала того будут ремонтировать. Ну, чертов лекарь, пожалеешь ты», — подумал я и потерял сознание.

...Я очнулся оттого, что несколько холодных капель упали на лицо и грудь. Открыл глаза и увидел лицо веселого, толстого старика в белой шапочке.

На нем была усталость и радостное изумление.

— Скажите, пожалуйста, вот это удача! Никто не поверит, если даже своими глазами увидит.

Он развел руками, потом поглядел на меня в упор и строго произнес:

— Эй вы, артист! Если вы понимаете, что я говорю, закройте два раза глаза. Понимаете? Черт возьми! Этого еще не хватало! Ну, так слушайте меня внимательно, так как дело весьма серьезное. Вы умерли. Поглядите налево.

Я взглянул налево и увидел... себя. Да, да, под простыней, до груди покрывавшей плоское тело, лежал я. Голова моя была открыта, и только волосы, слипшиеся от крови, завязаны чем-то белым. Сколько раз я видел себя в газетах, в зеркале у парикмахера — мне ли не узнать этого плосковатого носа и шикарных усиков, несколько потерявших форму за время пребывания в тюрьме?

— Вот скончавшийся артист Билл-весельчак — так, кажется, вас звали? Его сейчас унесут полицейские, и завтра господа судьи с огорчением прочтут в газетах, что стул потерял одного своего клиента. Не соображаете? Ну конечно! Я сам не могу поверить...

Так слушайте дальше. Этот славный мальчик, студент, был почти мертв. Кузов тюремной машины пробил его голову и разворотил мозг. Почему мгновенно не произошел паралич, я не знаю. А все остальное — такой, знаете, прекрасный механизм, тренированное великолепное тело спортсмена, не чета дряблему вашему. И вот когда я подумал, что он уже готов, а ваше дело тоже конченное — легкие от пуль в клочья, — я пересадил оба полушария вашего мозга в его раскрытый череп. Могу вам сказать, что в медицине этого не было и не скоро, видно, еще раз случится. Да и я, знаете, придумал эту операцию давно, но не верил, что придется однажды сделать ее. Словом, вы теперь — честный студент из хорошей семьи. Ей-богу, мне жалко мальчика: я вложил ему в голову такой неважный товар, как мозг убийцы, но ведь под рукой ничего не было! Да вы понимаете ли, что я говорю?

Я хлопнул два раза веками.

— Отлично! Через месяц вы пойдете домой. Мои ассистенты дали клятву молчать обо всем, что произошло, иначе вас казнят, а я не смогу проверить, все ли пойдет как надо и дальше. Старайтесь не огорчать маму. Я скажу, что после операции у вас потеря памяти... Кто там? Входите! Вот труп вашего «артиста».

Тяжелые ботинки затопали по кабинету. Полиция? Я инстинктивно дернулся и снова потерял сознание.

Когда вы пришли за мной и я оперся на вашу тонкую, крепкую руку, я думал только об одном: уйти. Я не верил, что мои пальцы, много раз отпечатанные в черных папках сыскного бюро, мои усики, запечатленные во всех поворотах на фотографиях в тех же папках, зарыты в яму тюремного кладбища. Это был еще один побег, пусть и не такой, как другие. Преступник сменил не костюм, тело...

«Надо скрыться!» — вот о чем я думал, когда мы шли к старенькому, канареечного цвета такси. Я даже не разглядел вас как следует. И потом, когда вы уложили меня в кровать в маленькой комнате, где было столько книг, я представлял себе широко раскрытые глаза рыжего Майкла:

— А ведь молодчина Билл, — сказал бы он, — ну уж так сбежать — прямо от стула!

А вы поверили доктору Лейстеру, только глаза ваши наполнились слезами, и вы прятали их, когда, помните, я не узнал в высоком старике своего отца.

Так неумело хитря, вы старались рассказать мне обо всем, что меня окружало, что бесследно ушло вместе с прежним мозгом. Я узнал, что мой отец — учитель, что в школе попечители не любят его и считают красным, а дети влюблены в него. Вы рассказывали мне о друзьях, о моем детстве и только о себе ничего не рассказывали. Однажды вы назвали имя Эллен, и в ваших глазах я снова увидел испуг.

«Ага, — подумал я, — у этого парня есть, видно, неплохая девчонка. Надо учесть, когда встану».

Потом я встал, взял тайком ваши серьги из шкафа и,

помните, пропил. И вы опять уложили меня в кровать. Покорная скорбь была в ваших глазах, и если бы я тогда ударил вас тяжелым утюгом, — а такая мысль была у меня, — то вы, верно, умерли бы, виня только себя, что недоглядели за тяжело больным сыном.

Нам не дано видеть, что делается с нами, как мы изменяемся: приходится узнавать это только по тому, как в наших глазах меняются другие люди. Как-то я вышел в столовую, где собрались друзья отца и вы, сидя в углу, вязали чулок. Я послушал не совсем понятные мне разговоры о политике, о детях. Тогда мне в первый раз не захотелось видеть скользкие глазки ангела Боба и выслушивать его очередную пакость. От нечего делать я залез в книги вашего сына, словари тут же бросил, но мне попалась толстая книга о Китае на английском, — я читал не отрываясь. И вы заметили это, вы принесли толстый том, который открывался сзади, а самый текст в нем был столбиками узорных клеточек.

Вы рассказывали мне сказки из этой книги, которые, видно, слышали от сына раньше, старинные мудрые сказки китайцев, и мне захотелось выучить эти знаки. Я испытал странную радость, когда разобрал одну колонку, и вдруг слезы навернулись мне на глаза: это была старинная книга о медицине, а не сказки. Она увлекла меня.

Как-то я встретил на улице рыжего Майкла и невольно окликнул его. Он взглянул на меня и юркнул в подворотню. Эллен, — а тогда мы уже ходили вместе на лекции в рабочий клуб, — посмотрела удивленно, и робко сжала мне руку. Ей показалось, что последствия удара снова помрачили мой рассудок. А ведь она знала вашего сына совсем мало, месяц или полтора до его смерти... Какого же славного человека вы сумели воспитать, мама, и как тогда мне захотелось вам его по-настоящему заменить!

И вот я уезжаю, увожу с собой диплом специалиста и нерадостные воспоминания о своей родине. Доктор Лейстер — недавно писали, что он умер, — подарил мне жизнь и чужое тело, но вы подарили мне веру в людей — самое

дорогое на свете. Почему я не остался с вами после того, как прожил эти четыре года? Наверное, потому, что не мог бы лгать вам дальше, а как можно было бы рассказать вам все это?

Я, наверное, не отправлю вам это письмо. Думайте и дальше, что я настоящий ваш сын. Мне так хочется им стать!

ЗИНАИДА БОБЫРЬ

**ОПЫТЫ
ПРОФЕССОРА
БОРОЗДИНА**

Научно-фантастический рассказ

Художник Н. Смольянинов

Заглавие БОБЫРЬ

Рисунки Н. СМОЛЯННИНОВА

Занятия кончились, но сильный дождь задержал студентов. Разговор зашел о фантастике, научной и ненаучной, о необычайных приключениях.

Тогда встал человек, появления которого в лаборатории никто не заметил, — высокий, преждевременно поседевший человек с живыми серыми глазами, — и сказал:

— Я хочу рассказать вам страшную историю. Необычайное приключение выпало на долю мне самому; если я и сед, то только благодаря пережитому мною.

В комнате стало совсем тихо; молодежь притаила дыхание, и он начал.

Я тогда только что окончил фельдшерскую школу и был полон самых широких планов; но все они были нарушены с первых же шагов. Поезд, в котором я ехал к месту работы, потерпел крушение, немного не дойдя до нужной мне станции. Жертв не было. Меня слегка оглушило, но я очень скоро пришел в себя и, узнав, что станция моего назначения находится в нескольких километрах, решил добраться до нее пешком.

Летний вечер был прекрасным. Я бодро шагал со своим чемоданчиком по тропинке, рядом с полотном; неожидан-

ная катастрофа и счастливо избегнутая опасность возбудили меня. В боевом настроении я достиг первых домов города и, стукнув в чье-то окно, спросил о дороге в местный горсовет.

— Третья улица направо, дом с длинным забором, — ответили мне.

На пороге стоял человек высокого роста.

Я зашагал дальше. Отсчитав, как мне показалось, третью улицу, я свернул направо и сейчас же увидел длинный зеленый забор. Немалых трудов мне стоило разыскать калитку;

помню, я удивился, что на ней нет никаких вывесок и надписей. За калиткой оказался большой двор, за ним — красивый белый дом. Я постучался и прислушался; наконец, за дверью раздались шаги.

Дверь открылась. На пороге стоял человек высокого роста, худой, как Дон-Кихот, с острыми чертами бледного лица, с яркими черными глазами.

— Что вам угодно?

Голос у него был низкий и приятный.

Конечно, я сразу же понял, что ошибся: этот дом не мог быть горсоветом, поэтому я сказал:

— Простите, здесь недоразумение. Мне нужно в горсовет, — и я рассказал ему о своем приключении.

Человек склонил голову набок и усмехнулся.

— В горсовете сейчас никого нет, — мягко произнес он. — Уже поздно. Оставайтесь-ка ночевать у меня.

Я поблагодарил и остался.

За ужином новый знакомый сказал мне:

— Я неспроста пригласил вас к себе. Я ищу помощника. Может быть, работа, которая вам предстояла, оказалась бы интересной, но та, которую предлагаю вам я, в тысячу раз интереснее. Разрешите представиться: профессор Бороздин.

Я кивнул, и он продолжал:

— Сделаем вот что: сейчас я покажу вам кое-что из своих работ, и вы решите, как поступить. Попробуем?

Имя профессора Бороздина было мне не знакомо, о его работах я не имел ни малейшего представления, но, знакомясь с его лабораторией, я не рисковал ничем. Поэтому после ужина мы облачились в белые халаты, и профессор повел меня по коридору вглубь здания. Коридор оказался очень длинным; я никак не мог бы предположить этого, глядя на дом снаружи. В конце коридора была дверь с закрашенными белой масляной краской стеклами; отворив ее, профессор ввел меня в лабораторию.

Я нарочно даю вам такие точные описания, чтобы вы сами судили о том, как хорошо я помню все со мною

случившееся, и не считали дальнейшего вздорным вымыслом.

Лаборатория была обыкновенной. Такие же термостаты, такие же приборы Рингер-Локка, такие же клетки с белыми мышами и морскими свинками, как и в сотнях других лабораторий. В одном углу была еще одна небольшая дверь. Профессор подошел к ней и быстро запер двумя поворотами ключа. Вслед затем, пристально глядя на меня, может быть, слишком поспешно, слишком громким голосом он стал объяснять мои предполагаемые обязанности, и я, подумав, согласился, решив, что потом договорюсь об этом с горсоветом.

Свою работу я начал на следующий же день. Обязанности мои были нехитрыми: составлять растворы по рецептам, следить за показаниями не всегда знакомых мне приборов, регулировать струю физиологического раствора, заменяющего кровь в отрезанных ушах, хвостах или лапках собак и кроликов. Все утро я помнил, что нужно бы пойти в горсовет, но за день как-то забыл об этом. На другой день, на третий — тоже: я начинал работу с твердым намерением после полудня пойти по своим делам, но потом все вылетало у меня из головы.

Встревожась, я сказал об этом своему хозяину. Он поглядел на меня, склонив, по своей привычке, голову набок, и произнес: «Хорошо, я это улажу». И — странное дело! — я больше не вспоминал о горсовете и чувствовал себя в лаборатории так, словно это было для меня единственное подходящее место в мире.

После этого разговора, во время наблюдения за одним из самопишущих приборов, я ощутил легкое мгновенное головокружение, словно пол всколыхнулся у меня под ногами. Я схватился за край стола, чтобы не упасть, и, обернувшись, увидел позади себя профессора

— Что с вами? — спросил он, сдвинув брови.

— У меня голова закружилась, — виновато ответил я, — не знаю, почему.

Он подошел, потрогал мой лоб, пощупал пульс, оттянул

нижнее веко и пробормотал, покачав головой: «Неважно, неважно».

— А что такое? — беспокоился я

— Небольшое малокровие. Вот я вам предпишу режим...

Я исполнял все его предписания аккуратно, но на пятый день внезапно опять почувствовал колыхание пола под ногами и, качнувшись в сторону, наткнулся прямо на профессора. Это повторялось и дальше, и каждый раз Бороздин оказывался поблизости, словно наблюдая за мною. Через некоторое время я удивился, почему такое совпадение не показалось мне сразу подозрительным; но потом я понял, что удивляться тут нечему. Скоро вы узнаете почему.

Я никак не мог догадаться, над чем работает профессор Бороздин. В немногих моих беседах с ним он обнаружил огромные теоретические познания в области медицины и биологии; но приборы и опыты, за которыми я должен был наблюдать, были самыми обыкновенными.

Но настал, наконец, день, когда профессор подошел ко мне и, впервые называя меня по имени, значительно и торжественно сказал:

— Николай, я очень доволен вами. Вы любознательны, но не любопытны, это огромное достоинство, и вы заслуживаете повышения. Идите за мной.

Маленькая таинственная дверь распахнулась перед нами, и я увидел большой зал, уставленный лабораторными столами. Блестело стекло, белел фарфор, мерцали металлические части приборов, высились большие штативы с холодильниками и змеевиками, синими цветами цвели бунзеневские горелки, журчала вода.

— Входите, Николай, — повторил профессор. Мы вошли, и он, бросив мне на ходу: «Сейчас вернусь», тут же исчез, затерявшись между столами.

Я двинулся вперед, растерянно озираясь. Какой, однако, большой этот белый дом! Залу словно не было конца; дальняя стена виднелась точно в уменьшительные стекла бинокля. И всюду — газ, вода, стекло и фарфор приборов, где-то

что-то булькает, где-то что-то перегоняется, вертятся мешалки, капают конденсаты, кипят экстракты, льются фильтраты... и нигде — ни души.

«Заколдованное царство! — подумал я, осторожно пробираясь между рядами столов. — Но где же профессор?» Я остановился, и тут мое внимание привлек большой стеклянный стакан, почти целиком закрытый белой полотняной салфеткой. Бороздин только что хвалил меня за то, что я не любопытен, н, может быть, поэтому при виде этого стакана меня охватило такое детское любопытство, что я не мог противиться и приподнял полотно.

*В стакане я увидел человеческий
глаз, смотревший на меня.*

Друзья мои, что я могу сказать вам? Можно описать то, что я увидел; но никакими словами не опишешь того потрясения и ужаса, которые охватили меня. Ибо стакан был полон прозрачной, пронизанной оранжево-золотистыми струями жидкостью, и в этой жидкости я увидел человеческий глаз, смотревший на меня. Да, именно смотревший. Это был настоящий глаз, карий, круглый, заключенный во что-то вроде перепончатого мешочка, с ресницами по краю. И этот глаз смотрел на меня, — смотрел внимательно, вдумчиво, со спокойной пытливостью исследователя, — я мог бы поклясться в этом!

Я не закричал, не смахнул стакан со стола, как сделали бы, вероятно, многие на моем месте. Я нашел в себе достаточно сил, чтобы тихонько опустить край салфетки, и так же тихо отступил к другому столу. Я оперся на него, весь дрожа от волнения. Но тут позади меня послышалось какое-то шелканье и шипенье; я быстро обернулся и увидел, что на столе стоит большой кристаллизатор, полный серого студенистого вещества, которое пытит, вздувается и вытягивает ко мне бесформенные, тупые отростки.

— Ах! — вырвалось тут дружно у всех слушателей.

Рассказчик быстро оглядел аудиторию и продолжал:

— Похолодев, я отпрянул в сторону и вдруг заметил между столами человека в сером лабораторном халате. Это было довольно странное существо, с низким лбом и срезанным затылком, с круглыми глазами навывкате и большим, тонкогубым ртом над убегающей линией подбородка. Человек шел ко мне и в то же время оглядывал все приборы на своем пути и регулировал их. Очевидно, это был лаборант профессора.

— Ради бога, где профессор? — воскликнул я, останавливая его.

Он протянул мне холодную, вялую руку, пальцы которой были, казалось, лишены костей, и ответил, глядя куда-то сквозь меня рассеянными глазами:

— Профессор в большом инкубаторе. Он послал меня за вами.

Это было странное существо с низким лбом и срезанным затылком.

— В большом инкубаторе? — переспросил я, не поняв. Он опять поглядел на меня невидящим взглядом

— Ну да. У нас их два. Малый — для птиц и всякой мелочи, большой — для крупных животных. Идемте, я покажу вам дорогу.

— Что здесь делается? — спросил я, пробираясь рядом с этим существом между бесконечными рядами лабораторных столов к отдаленной двери. — Чем занят сейчас профессор?

— А вы разве не слыхали? — произнес он с вялым удивлением. В нем вообще все было вялое: голос, движения — все было словно заснято «лупой времени». — Профессор Бороздин занят созданием живого из неживого.

Я вспомнил глаз в оранжевой жидкости, вспомнил оживший студень, и по спине у меня пробежал холодок.

— Живых веществ? Но ведь до сих пор никому не удалось создать даже живой белок...

— Кому-нибудь всегда приходится начинать, — возразил мой спутник. — Мы начали там, где кончили другие. Химия больших молекул открыла путь к синтезу белковых веществ. А жизнь и сложные белки неотделимы друг от друга. — Движением своей плоской головы он указал на тот стол, где я видел страшный кристаллизатор с ожившим студнем. — Это было наше первое достижение, теперь мы добились и большего.

— Расскажите же, — попросил я.

Он приостановился, чтобы опорожнить приемник бюхнеровской сосалки и наполнить ее воронку кристаллическим осадком из большой чаши, поставленной в лед. При этом спина у него выгнулась, голова вытянулась, словно удлинняясь, а глаза, как мне показалось, совершенно самостоятельно забегали в разные стороны. Я содрогнулся: передо мною был не человек! Хамелеон, ящерица, лягушка — что угодно, но только не человек.

Я готов был бежать прочь, но в это время «Хамелеон» снова повернулся ко мне, улыбаясь своим большим ртом, и

я почувствовал стыд, когда увидел его настоящее, хотя и некрасивое человеческое лицо.

— Рассказать вам, — услышал я его тусклый голос, — отчего же нет? Суть в том, что профессор научился получать живой белок примерно тем же путем, каким он создавался когда-то на Земле, в эпоху ее остывания, из простых химических соединений.

Когда Земля остыла настолько, что на ней смогли существовать сложные соединения, атомы углерода стали образовывать скелеты огромных молекул. Вода и карбиды железа, соединения серы и фосфора, вырывающиеся на поверхность Земли во время извержений, — все оказалось строительным материалом, все втягивалось в круговорот нестойких, но очень активных соединений углерода. Эти соединения растворились в воде древних океанов. В мелководных заливах, в лагунах, в лужах, отделившихся от океана, органические соединения концентрировались, их молекулы сливались, и таким путем возникали огромные молекулы белка, а из них — скопления молекул, коллоидальные частицы.

— Помню, — воскликнул я, — такие частицы обладают очень большой поверхностью.

— Да, их общая поверхность очень велика; все, что происходит в мире этих частиц, так или иначе связано со свойствами их поверхностей. Начиная с какого-то момента, с какой-то характеристики строения, такие частицы получают способность в силу своего большого поверхностного натяжения не только сохранять форму, но и привлекать к себе другие молекулы. Вы видали, вероятно, как ведет себя капля ртути в слабокислом растворе или некоторые минеральные масла в воде? Они не живые, но кажутся наделенными собственным движением.

Я не мог отделаться от впечатления, что со мной разговаривает не человек, а автомат, так невыразителен и ровен был голос этого странного лаборанта. Тем не менее, я слушал с огромным интересом.

— Первичные белковые частицы росли и распадались. В конце концов, наиболее прочные капельки их стали основой

жизни. И тут, собственно, кончилась чистая химия, и началась биология. В силу вступили новые, биологические законы развития. Борьба за существование стала управлять дальнейшим развитием и совершенствованием белковых капелек.

— К созданию белковых тел приблизились многие ученые. Но профессор Бороздин,— и в тусклом голосе «Хамелеона» я уловил даже что-то вроде оживления, — сделал гигантский шаг вперед: он научился вмещать миллионы лет развития живых существ в немногие дни или даже часы.

— Но как? — невольно закричал я.

— Об этом вам лучше расскажет сам профессор. В конце концов, я только его помощник...

Я хотел прибавить «и создание», но благоразумно промолчал. Теперь мы шли молча. Лаборант несколько раз останавливался, чтобы провести ту или другую реакцию, но не говорил больше ни слова. Наконец мы подошли к маленькой двери, обитой войлоком и клеенкой. «Хамелеон» остановился.

— Вам надо переодеться, — заметил он. — Вот вам халат.

Я не видел, откуда у него в руках появился халат, но послушно надел его. «Хамелеон» помог мне застегнуть замки-молнии на рукавах и на спине, и мы вошли в инкубатор.

В первый момент я ничего не мог разглядеть. Потом мои глаза привыкли к полутьме, и я различил большую комнату, круглую или многоугольную, с плоско сводчатым потолком, но совершенно без окон. По стенам, прерываясь только дверью, на пороге которой я стоял, шел сплошной ряд каких-то не понятных мне, сложных аппаратов, поблескивавших медью, стеклом, никелем. Воздух был тяжелый, жаркий и влажный, как в оранжерее, с потолка лился неяркий свет матового полушара.

— Сюда! — раздался откуда-то голос профессора.

Я неуверенно двинулся на голос. Профессор стоял в углу перед одним из аппаратов и разглядывал на свет термо-

метр с длинным хвостом, какие употребляются в химических производствах.

— Сюда, Николай! — повторил он. — Посмотрите-ка, что здесь получается.

Пока я подходил к нему, мои глаза окончательно свыклись с освещением, и я различил на аппарате трубки, краны, загрузочные люки, круглое смотровое стекло; все это было, очевидно, рассчитано на большое давление. Профессор опустил свой термометр и повернулся навстречу мне; он улыбался, но я видел, что он взволнован.

— Что здесь происходит, профессор? — спросил я вполголоса.

— Инкубация, — коротко ответил он.

— Видите ли, Николай, — через минуту заговорил профессор, — мой помощник, вероятно, уже рассказывал вам, как я получаю белок. То, что происходит здесь, в инкубаторах, — только дальнейшее развитие естественного процесса, который мне удалось ускорить во много тысяч раз с помощью комбинации излучений, получаемых при распаде некоторых химических элементов. Как известно, рентгеновские и другие коротковолновые лучи влияют на развитие живых организмов, и сейчас многие ученые исследуют их действие на муху-дрозофилу. Некоторые ученые предполагают, что космические лучи влияли на развитие первичных живых существ; я проверил это предположение, и оно блестяще оправдалось.

Вот мои инкубаторы. Я закладываю в них свой искусственный белок. В каждом инкубаторе есть маленький, не очень мощный аппарат для получения нужных мне излучений. И вот в белке начинаются те же процессы, какие происходили в нем на заре времен. Остается только регулировать характер и силу излучений, чтобы естественный процесс эволюции остановился на той стадии, какая мне нужна.

Мне удавалось получать с помощью этих аппаратов организмы, напоминающие губки, морские звезды, ганоидные рыбы. Не так давно я получил несколько видов пресмыка-

ющихся, а в самый день вашего появления у меня я получил прекрасный образец птицы.

— А что у вас в инкубаторе сейчас? — с замиранием сердца спросил я.

— Я хочу довести эволюцию до конца, — с силой ответил профессор. — Я хочу получить высшие формы человека или даже что-нибудь выше того. — Пишите: температура 136,5, давление... — Тут следовал целый ряд цифр, не представляющий интереса ни для вас, ни для меня. Машинистка, которую я до этого не замечал, проворно застучала клавишами. В полумраке мне показалось, что у нее на каждой руке, по крайней мере, вдвое больше пальцев, чем полагается.

— Эти излучения — прелюбопытная вещь, — обратился опять ко мне потом профессор. — У потомства дрозофил, облученных рентгеновскими лучами, исчезали крылья и происходили другие превращения. Я испытал свои излучения на более высоких типах животных — на лягушках, кроликах, даже на обезьянах, и результаты получались потрясающие. При определенных условиях эволюция двигалась вперед гигантскими шагами.

Мне вспомнился «Хамелеон», и я готов был спросить у профессора, не это ли результат его опытов. Но тут же подумал, что процесс превращения животных в человека длился тысячелетия, что в этом превращении решающую роль сыграл труд, и, значит, о создании человека в инкубаторе может мечтать только безумец.

И вдруг, как бы подтверждая мое подозрение, профессор выпрямился во весь свой огромный рост, глаза у него в полумраке блеснули, как у кошки.

— Чего-то не хватает! — пронзительно закричал он. — И я даже знаю чего: затравки! Нужно ввести туда настоящий животный белок, и тогда реакция пройдет до конца гладкой.

Он быстро повернулся ко мне, и что-то испугало меня в его взгляде. Возник ли этот испуг сейчас, под влиянием минуты, или он жил во мне с момента нашей первой встречи,

— не знаю, да это и неважно. Профессор сделал шаг вперед; я отскочил и кинулся к выходу.

Мимо мелькали бесконечные ряды лабораторных столов, стекло, горелки, сосуды. Обернувшись, я увидел, что профессор бежит за мной, а с ним бежит и его машинистка, растопырив руки, на которых, как змеи, шевелилось множество длинных тонких пальцев. Откуда-то опять вынырнул лаборант; он мчался мне наперерез, но я уклонился от него, чуть не налетел на какое-то подобное же кошмарное существо, вылезающее из-под стола, увернулся и от него и, увидев поблизости знакомую дверь, кинулся к ней. Но, стремясь избежать всех моих преследователей, я не рассчитал движений и на бегу смахнул со стола какой-то стеклянный прибор: он разбился; жидкость, бывшая в нем, разлилась, вспыхнула,— и пламя в ту же секунду охватило всю лабораторию. Я едва успел захлопнуть за собою дверь, как за нею раздался оглушительный взрыв, и горячая воздушная волна ударила мне вслед.

Не знаю, долго ли я был без сознания, Очнувшись, я увидел людей в белых халатах и почувствовал повязку у себя на голове. Я огляделся; комната была мне знакома. Это было то самое отделение лаборатории, в котором я работал до сих пор. В разбитое окно врывался ветер, выдувая остатки какого-то неприятного, тяжело пахнущего дыма.

— Где профессор? — спросил я.

Врач, державший меня за руку, щупая пульс, переглянулся с остальными.

Обернувшись, я увидел, что профессор и машинистка бегут за мной.

— Как вы себя чувствуете? — сказал он вместо ответа.

Меня охватило тревожное предчувствие.

— Что случилось? — настойчиво спросил я. — Где профессор? Почему я ранен? Уцелело ли что-нибудь в большой лаборатории?

— В какой большой лаборатории? — спросил врач.

На полке сидела в стеклянной банке большая зеленая ящерица.

Я указал на дверь в глубине.

— Там ничего нет, — возразил он.

— Я знаю, — ответил я. — Сейчас там, наверное, ничего не осталось, взрыв был очень сильный.

— Сейчас? — Они опять переглянулись.

До сих пор я лежал, но тут поднялся и сел. Их непонимание раздражало меня. Стараясь не упускать ни одной подробности, я рассказал о своей работе у профессора. Они выслушали меня очень внимательно, а потом старший из врачей сказал:

— Взрыв, конечно, был! Но в сарае, стоявшем в саду, поэтому вы и ранены. И, к сожалению, Бороздин погиб. Бедняга! Он был так уверен, что разгадал тайну живого белка! Теории его, быть может, и верны, но проверить их до конца ему не удалось... Кто знает, может быть, если бы не взрыв...

— Но что же там, за дверью? — спросил я.

Врач помог мне встать и открыл дверь. Там была тесная,

Фигант, вынырнувший откуда-то, мчался мне наперерез.

темная комнатка — что-то вроде кладовой, загроможденной приборами и посудой. На полке, у самой двери, сидела в стеклянной банке большая зеленая ящерица.

— В чем же дело? — растерянно прошептал я, — Ведь не сон же я видел...

Старший из врачей, по-видимому, напряженно соображал что-то.

— А если это был именно сон? — медленно произнес он, потерев рукой свой большой, выпуклый лоб. — Может быть, профессор Бороздин гипнотизировал вас? И вы видели только то, что он хотел, чтобы вы увидели, с поправкой, конечно, на то, что вам подсказывали ваши собственные знания и фантазия.

Другого объяснения происшедшему не могло быть, и мне пришлось с ним согласиться.

Рассказчик умолк. Слушатели долго молчали. Потом вопросы посыпались градом, так что он едва успевал отвечать.

— Значит, все это было во сне: и глаз в стакане, и живой белок, и этот лаборант «Хамелеон»?

— Да, — ответил рассказчик. — Должно быть, я открыл дверь в кладовую, увидел блеск стекла, увидел ящерицу, а внушение сделало остальное.

— И профессор не делал живых существ?

— Он только хотел этого. Может быть, он и был на пороге важного открытия, но произошел взрыв, и Бороздин погиб.

Одна из девушек хотела спросить еще о чем-то, но в это время к рассказчику

На полке сидела в стеклянной банке большая зеленая ящерица.

подошел лабораторный служитель и зашептал ему что-то на ухо, незнакомец встал и сказал улыбаясь:

— Извините, друзья мои, меня вызывают по срочному делу. Спасибо вам за интересно проведенный вечер, — он принес мне большую пользу, — и до свиданья. Надеюсь, мы с вами еще увидимся.

Он быстро вышел, а молодежь окружила служителя.

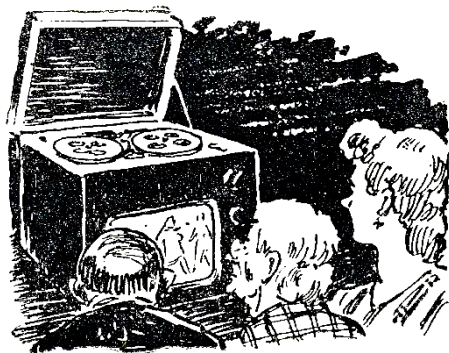
— Кто этот человек, которому вы передали вызов?

Служитель пожал плечами.

— Разве вы не знаете? Это профессор Бороздин.

— Профессор Бороздин? Не может быть! — раздались возгласы. — Он профессор чего? Биологии? Химии?

— Совсем нет, — ответил служитель. — Не биологии и не химии. Он профессор психологии. Он часто рассказывает людям всякие истории, а сам в это время наблюдает своих слушателей. Это его метод изучения эмоций.

В. ОХОТНИКОВ

ШОРОХИ ПОД ЗЕМЛЕЙ

Научно-фантастический рассказ

Художник В. Высоцкий

Журнал «Вокруг света», 1947, № 1,
Вадим Охотников
Сб. НА ГРАНИ ВОЗМОЖНОГО, илл. В. Высоцкого,
М.: Молодая гвардия, 1947 г.

Ш О Р О Х И

под

З Е М Л Е Й

ВАДИМ ОХОТНИКОВ

Рис. В. Высоцкого

(Научно-фантастический рассказ)

— Я его слышал уже несколько раз... Понимаете, как будто кто-то невидимый ходит по половицам, и они тихо так поскрипывают... Шорох такой... очень странный!

Директор шахты пожал плечами.

— Пустяки, — сказал он. — Это чисто нервное... Да вы не волнуйтесь!

А про себя подумал:

«Вот еще, — кто бы мог ожидать? Такой здоровяк на вид, и вдруг — психоз! Шорохи под землей чудятся».

Петренко, приземистый и широкоплечий человек с загорелым лицом, нервно поднялся с места и принялся расхаживать по кабинету.

— Всегда в одно и то же время... — сказал он, останавливаясь перед директором и глядя на него в упор. — И движется. Тихо так шуршит и уходит куда-то вдаль...

— Пустяки, — повторил директор. — Горных духов, как известно, не бывает, а с непривычки в шахтах мало ли чего не покажется. Я сам лет двадцать назад, когда первый раз в шахту спустился, помню, отбил здоровеннейший кусок карналлита, он как рухнет, так тут такой гул пошел, точно несколько человек к выходу побежало. Ну, думаю, где-то обвал... Прислушался: тихо. Это мой кусок, оказывается, грохот такой вызвал... Вы отдохните денек, да и за работу с

новыми силами. А шорохи... Шут с ними! Под землей каких только звуков не бывает.

— Да нет же! — нетерпеливо возразил Петренко. — Вы не подумайте чего такого... Я сам. много разных звуков слышал на своем веку. Недаром ведь акустическую аппаратуру изобретаю. Вы знаете, что чувствительность прибора, с которым я сейчас работаю со своими помощниками, очень велика. Мы слышим, как двигаются электровозы, работают врубовые машины, — и все это на расстоянии многих километров. Один раз, представьте себе, совершенно отчетливо услышали шум подземной реки... Реки, которую не видел ни один человеческий глаз.

Но то, что слышится теперь... Вы меня извините, это очень странно. Я просто теряюсь в догадках.

Директор калиевой шахты, Николай Иванович Губанов, изобразил на лице сочувствие. Но он без особого удовольствия, слушал взволнованную речь украинского ученого. Ну, какие там звуки слышны под землей! Какое, собственно говоря, это имеет отношение к непосредственной работе?

Директора беспокоило другое.

Вот уже две недели продолжаются на шахте испытания новой аппаратуры, предназначенной для местной геологической разведки. Стране нужно огромное количество калиевой соли — жизненного сока, повышающего плодородие земли. Добыча калийных удобрений должна быть резко увеличена по сравнению с довоенным уровнем. А тут серьезный человек, ученый, от которого он с надеждой ждет новых открытий, увлекся какими-то посторонними вещами...

Петренко привез на шахту разработанную им новую акустическую аппаратуру. Ее действие было основано на том, что мощный звуковой сигнал, посланный в землю, отразившись, должен был вернуться в специальный приемник и рассказать о структуре слоев, на которые он натолкнулся. Так обстояло дело в теории. На практике же звук уходил в землю и терялся в толще горных пород. Правда, при этом звук отражался и преломлялся там, как луч солнца, упавший в воду, но к приемнику возвращалась настолько ничтожная

часть его, что по показаниям прибора нельзя было представить достаточно яркой картины подземных богатств. Требовалось внести какие-то усовершенствования в аппарат.

«Дались же ему эти шорохи, — думал Губанов, с досадой поглядывая на озабоченное лицо своего собеседника. — Нет, уж, видно, придется вести разведку обычными методами. А жаль: прибор Петренко обещал значительно ускорить все дело...»

Стук в дверь прервал размышления директора. Вошел высокий сухопарый человек в круглых роговых очках. Это был кандидат физико-математических наук Шабалин, работник одного из исследовательских институтов Ленинграда. Здесь, на шахте, он испытывал свой аппарат, тоже предназначенный для разведки соляных пластов.

— Ну, как успехи? — спросил директор, пожимая сухую, костлявую руку ученого.

Тот поправил очки и огорченно развел руками.

Метод Шабалина заключался в том, что в толщу земли посылалась на разведку радиоволна определенной длины. Радиоволны по-разному отражаются от различных горных пород, и на экране приемного устройства в аппарате Шабалина появлялось условное изображение, рассказывающее о геологическом строении земных недр. Так было не только в теории, но и при лабораторном испытании прибора. Но вот в шахте дело не ладилось: какая-то дымка начинала застилать экран через несколько минут после начала работы. Все пропадало в этом тумане. Шабалин бился изо всех сил, менял волну, даже переделывал свой прибор, но пока безрезультатно.

Петренко, замолчавший было на минуту, снова оживился.

— Я вот рассказываю сейчас Николаю Ивановичу про странные явления в шахте, — сказал он, обращаясь к коллеге. — Какие-то звуки непонятные слышны, даже когда наш генератор звука выключен.

— Звуки? — рассеянно переспросил Шабалин. — Ну и что же?

— Легкий такой шорох... и медленно передвигается с места на место...

Ленинградец покосился на Петренко.

— Да не заблуждаетесь ли вы? — спросил он. И тут же рассказал о случае, который произошел однажды во время сейсмической разведки рудных залежей. Сейсмограф, установленный на поверхности земли, зарегистрировал землетрясение силой в десять баллов. Между тем почва под ногами исследователей была совершенно спокойной. При проверке выяснилось, что неподалеку от сейсмографа в ямку в земле попал лягушонок. Он пытался выбраться и производил легчайшее сотрясение почвы. Чувствительность же прибора была так велика, что он зафиксировал это, как сильные толчки.

— Вот и у вас тоже, — добавил он, — мышшь какая-нибудь ползает... Усиление звука в вашем аппарате настолько сильно, что муха за слона сойдет, а мышшь, как поезд, будет шуметь... в вашем ухе...

— Да нет же! — окончательно разгорячился Петренко. — Ведь звук-то идет из толщи земли... Какая там мышь! Вы просто смеетесь... Конечно, вы не верите в эффективность звуковой разведки...

«Ну, вот, кажется, начали ссориться, — вздохнул про себя Губанов. — Самолюбие проклятое заедает. Нет того, чтобы спокойно разобраться в сути дела. Общими бы усилиями... А то каждый считает свой метод наилучшим и готов на рожон лезть».

Директор задумался и почти не слушал спорящих.

— Ну, это вы уж оставьте, — доносился голос Шабалина. — Проникновение радиоволн в толщу земли...

— Куда вы, Петр Тимофеевич? — обратился директор к Петренко, заметив, что он встает с места.

— Пойду, — хмуро ответил тот. — Аппаратуру готовить. Через час примерно этот звук опять должен появиться.

— Странный человек... — пробурчал Шабалин, усаживаясь поближе к директорскому столу. С ним совершенно нельзя вести научных споров. Горячится. Вы слышали наш разговор?

Директору было неудобно признаться, что он почти ничего не слышал.

— Да, конечно. Но вы тоже, по-видимому, не правы, Константин Сергеевич. Так же нельзя, — с упреком проговорил Губанов. — Надо бы помогать друг другу. А у вас что получается? Споры без конца. Человек нервничает от неудач. Надо внимательнее к нему...

— В науке споры неизбежны. Без этого не придешь к истине. Да вы только послушайте... Он уверяет, что звук распространяется под землей таким образом, словно...

— Не хочу слушать ни про какие звуки, — отмахнулся рукой директор. — Я не специалист в акустике, и мне в этом не разобраться. Дайте мне хорошо работающий прибор для разведки, пусть он будет основан на любом принципе — на вашем, на петренковском, — лишь бы работал. Вот что сейчас нужно. Ведь производительность-то мы должны уве-

личивать в совершенно исключительных масштабах! Вы знаете, что такое калий?

И Шабалин был вынужден опять выслушать взволнованную речь Губанова о значении калиевой промышленности в народном хозяйстве страны.

— Я ведь старый калиевик. Вы только вспомните, — с убеждением в голосе говорил Губанов, — что в царской России совершенно не добывали калия! Америка и по настоящее время не имеет своих калиевых рудников. А у нас?! Да ведь мы теперь на первом месте в мире по разведанным запасам калия! Только разрабатывай! Одно только наше Верхнекамское месторождение; располагает запасом, превышающим все остальные запасы калия в мире почти в пять раз... В солях, которые мы добываем, содержится не только калий, но и магний. А разве построишь современный самолет без магния?! Понимаете, какое дело? Мы ждем от вас помощи. Дайте усовершенствованный аппарат, который бы быстро и точно отвечал на вопрос: стоит ли вести проходку в данном направлении? А Петренко какими-то там таинственными звуками заинтересовался. У вас тоже не ладится... И даже неизвестна причина, почему появляется эта дымка на экране, которая все портит.

Губанов взял в руки пресс-папье, сделанное, как и весь письменный прибор, из белоснежного шлифованного под мрамор карналлита, и повернул так, что тысячи искр засверкали на полированной грани.

— Я понимаю ваше нетерпение, — возразил Шабалин. — Но не всегда в лабораториях можно все предусмотреть. Дело ведь совершенно новое... А откуда берется эта дымка, }ма не; приложу...

— Конечно, не все сразу — уже мягче отозвался директор. — Но уж очень вы спорите все с Петренко. Какая-то неприязнь, по-моему, зародилась между вами. Каждый думает главным образом о том, чтобы восторжествовал именно его метод. Вы не хотите смотреть на это дело в общегосударственном масштабе.

Шабалин стал необыкновенно серьезным.

— Ну, в этом вы ошибаетесь, — проговорил он твердо и с укором в голосе. — Успехи в развитии народного хозяйства мне дороги так же, как и Петренко и вам. Научные споры совсем не означают личной неприязни. Мне нравится Петренко и самый стиль его работы — с размахом, с добросовестным изучением каждого факта. Но что касается его теорий, те некоторые из них представляются мне...

— Ну, хорошо, хорошо, — торопливо сказал директор. — Ведь вам, кажется, пора на испытания?

— Между прочим, — заметил, уже уходя, Шабалин, — поведение Петренко со вчерашнего дня стало каким-то странным... Вы не находите? Или это мне так кажется.

«Надо будет заняться ими вплотную, — подумал Губанов, когда Шабалин ушел. — Что-то у них там неладное...»

Сказочен подземный мир карналлитовой шахты! Он поражает прежде всего своими яркими красками, каких не ожидаешь встретить под землей. Как разнообразна мозаика стен! Она составлена самой природой из ромбических кристаллов разной величины и цвета. Сверкающие грани образуют причудливые молочно-белые, зеленые и красные узоры. Они меняют свои очертания при каждом перемещении шахтерской лампочки.

Константин Сергеевич с любопытством осматривал огромное подземное помещение. Оно поражало его необыкновенно раскатыстым эхом, которое встречается лишь в пустых каменных гротах.

В этом искусственном гроте, образовавшемся после выработки породы, должны были происходить сегодняшние испытания.

— Кон... стан... тин... Сер... гее... еее... вич!.. — раздался из глубины грота гулкий голос.

Шабалин, стоявший у входа, откликнулся и направился к светящимся точкам, чуть видным в глубине грота.

У самой стены несколько лаборантов возились со странным на вид электрическим аппаратом. Большой сигарооб-

разный корпус прибора, покоящийся на массивном треножнике, порождал на стене продолговатую тень, не менее причудливую, чем сам прибор. Множество проводов соединяло его с расположенной недалеко передвижной аккумуляторной подстанцией.

Он скорчился на коленях у стены, прилаживая какой-то ящик.

— Готово Константин Сергеевич! Можно начинать...

Грот стал постепенно наполняться монотонным жужжанием.

Шабалин вращал ручки регуляторов. Круглое отверстие экрана начало светиться тусклым зеленоватым светом.

Вот на зеленом поле появились какие-то смутные очертания. Изображение на экране становилось все более четким.

— Смотрите! — обрадованно обратился Шабалин к сотрудникам. — Появились характерные линии карналлита: вот одна, две, три... О! Да его здесь много!..

— И совсем недалеко от нас! — заметил лаборант, не отрывавший глаз от боковой шкалы прибора. — Его загораживает слой каменной соли толщиной всего метра в три... Жаль, что эту выработку забросили. Шахтеры не знали, что за слоем каменной соли опять пойдет карналлит. Да-а, какой мощный пласт...

Но что это? Изображение на экране. Исчезли знакомые линии карналлита, флюоресцирующая поверхность покрывается матовой дымкой. Сплошной зеленоватый туман! Опять неудача.

— Выключить прибор! — с досадой скомандовал Шабалин. — Довольно...

Прибор включали еще несколько раз, но с прежними результатами.

Неожиданно внимание ученого привлекла светящаяся точка, появившаяся у входа в грот. Кто-то медленно передвигался с шахтерской лампочкой в руках, затем остановился, словно в нерешительности.

Светящаяся точка оставалась неподвижной еще несколько минут, а затем вдруг запрыгала. Человек явно пустился бежать, — но не к группе испытателей, столпившихся вокруг прибора, а к выходу из грота. В окружающей темноте трудно было узнать бегущего, но вот на повороте мелькнул яркий отблеск, и в свете его Шабалин прекрасно различил приземистую фигуру украинского ученого...

Директор искал Петренко.

Шагая по длинным, извилистым штрекам, он часто останавливался, чтобы заглянуть попутно в различные уголки своего обширного подземного хозяйства.

Всюду горел яркий электрический свет. Пробегали наезда вагонеток, груженных разноцветной породой. В забоях стрекотали плоские, ползущие по земле врубовые машины. Они резали камень острыми зубьями, расположенными на бесконечной цепи. Как пулеметы, стучали отбойные молотки. Немного тише вели себя электродрели, — они деловито ворчали, вгрызаясь в сверкающий камень своими длинными сверлами. Позже в просверленные отверстия будет заложен аммонит, чтобы взорвать и превратить в блестящие брызги массивы карналлита и каменной соли.

Вся эта сложная техника была направлена на то, чтобы разбить, раскрошить на части крепкую кристаллическую породу и сделать ее удобной для транспортировки наверх.

В одном из далеких штреков, где разработка уже давно не производилась, должна была находиться группа Петренко. Губанов легко нашел это место, ориентируясь по карте.

Но украинского ученого на месте не оказалось. Лаборанты объяснили, что их руководитель заходил сюда несколько раз, но каждый раз опять исчезал неизвестно куда.

— Он чем-то очень взволнован, — заявил Губанову один научный сотрудник.

— Мы никогда не видали его в таком возбужденном состоянии, — добавил другой.

Губанов пожал плечами. Он попросил передать Петренко, что сейчас направляется к Шабалину и зайдет сюда снова на обратном пути.

У входа в грот, где работала группа Шабалина, Губанов заметил какое-то темное пятно. Директор поднял фонарь: в углу притаился человек. Он скорчился па коленях у стены, прилаживая какой-то ящик. Фонарь Губанова осветил знакомую приземистую фигуру.

— Петр Тимофеевич! — воскликнул удивленно директор. — Что вы тут делаете?

Петренко вздрогнул, выпрямился, все еще стоя на коленях, и, как показалось директору, загородил ящик. Шахтерская лампа в его руке медленно погасла.

— Тише... — прошептал он в темноте. — Одну минутку...

Губанов направил луч своего фонаря на Петренко. Тот, торопясь и нервничая, отсоединял от продолговатого ящика какие-то провода.

Это было феерическое зрелище.

— Вы меня извините, — пробормотал он, засовывая обрывки проводов в карман и завертывая ящик в спецовку, которую он еще раньше снял с себя. — Я сейчас...

Сунув ящик подмышку, он побежал по штреку, пригибаясь, словно от большой тяжести.

Директор, недоумевая, посмотрел ему вслед. Затем быстро направился в грот.

— Ну, как? — спросил он, подходя к группе Шабалина.

— Сначала было все хорошо, — ответил тот, вытирая носовым платком руки. — А потом... все заволкло. Словно

радиопомехи какие-то... Но откуда им здесь быть, под землей?

— Попрошу вас, Николай Иванович, немедленно распорядиться насчет чаю, — приподнятым тоном проговорил Петренко, обращаясь к директору. — Иначе никаких разговоров и быть не может...

Петренко был в веселом возбуждении. Шабалин с удивлением наблюдал за своим коллегой. В маленькой уютной гостиной царил полумрак. Настольная лампа с зеленым абажуром оставляла в тени лицо украинца, шагавшего из угла в угол.

— Как у вас успехи, Петр Тимофеевич? — спросил Шабалин, когда директор вышел распорядиться насчет угощения.

— У меня успехи? — отвечал Петренко, круто останавливаясь перед ленинградцем. — Вы шутите? Вот у вас удача — это да! Есть с чем поздравить.

Он вдруг крепко пожал руку Шабалину. Рука Петренко была сухая и горячая.

— Я вас совершенно не понимаю, — тихо проговорил Шабалин. — В последнее время вы говорите какими-то загадками.

— Загадка решена! — радостно сообщил Петренко и щелкнул пальцами. — Теперь я знаю, кто это бродил под землей!

В сопровождении работницы, несшей поднос с чаем, в гостиную вошел директор.

— Так вот, насчет этих скрипов и шорохов, о которых я вам уже говорил... — начал Петренко, усаживаясь за стол.

«Опять со своими таинственными звуками, — подумал директор. — Что они ему покой не дают!»

— Много приходится слышать разных звуков с помощью подземной акустической аппаратуры... — продолжал между тем Петренко. — А тут, представьте себе, как будто что-то немного знакомое... «Что это может быть?» думаю. Этакий характерный шорох с потрескиванием...

Рассказ украинского ученого не столько интересовал директора, сколько беспокоил. Глаза Петренко горели, как казалось директору, ненормальным, болезненным блеском. Его веселость тоже была какой-то подчеркнутой и неестественной.

— Пейте чай, Петр Тимофеевич, — проговорил Губанов. — Остынет...

Из стакана с чаем послышалось тихое шипение...

— Ах, да, да! Чай... — заторопился Петренко. — А вы почему не пьете?

Затем, не говоря больше ни слова, он вытащил из бокового кармана несколько блестящих ярко-красных камней и принялся накладывать их в стакан.

«Все! — мелькнуло в голове у директора. — Рехнулся. Кладет карналлит вместо сахара...»

— Петр Тимофеевич... — кинулся к нему директор, но был остановлен предупредительным жестом Петренко.

— Тише! Одну минутку, тише... — торжественно произнес он, отодвигая стакан с карналлитом на середину стола. — Слушайте!

Множество пузырьков какого-то газа начали бурно подниматься сквозь темно-красную жидкость чая. Из стакана, где растворялся карналлит, слышался треск, сливающийся в непрерывное шипение.

— Слышите? — торжествующе воскликнул Петренко, — Слышите? Что это такое?

— Это вырывается из растворяющихся кристаллов так называемый «микровключенный газ», — ответил директор.

— Вот именно, — с воодушевлением перебил Петренко. — Частицы газа «вкраплены в кристаллы и находятся там под давлением чуть ли не в несколько десятков атмосфер!.. Газ, попавший в кристаллы еще при образовании кунгурского яруса пермской системы, теперь вырывается наружу! Как только стенки ячеек, в которых он находился, стали тоньше от растворения, газ вырвался из многовекового плена. Вам ясно, Константин Сергеевич?

— Понятно, — проговорил ошеломленный Шабалин.

— Теперь вы догадываетесь, почему у вас на экране появляется туманная дымка? — обрадованно закончил Петренко. — Газ-то становится электропроводным! Ну, а вам, физику, остальное все должно быть ясно.

— Вы хотите сказать... — Шабалин остановился, — слишком печальной была подсказанная ему догадка. — Под влиянием дециметровых волн в породе возникают ионные процессы и происходит разогрев газа... Газ, расширяясь, ломает стенки и разрушает кристаллы. Значит... не годятся дециметровые радиоволны для разведки в калиевых рудниках. Разрушение кристаллов рисуется, как дымка на экране, и мешает исследованию.

Шабалин посмотрел на Петренко. Как наглядно и убедительно тот доказал, что прибор Шабалина в калиевых рудниках бесполезен! И этот жестокий удар был нанесен в присутствии директора, на совещании, созванном по требованию самого Петренко.

— Я установил, — продолжал все тем же радостно-возбужденным тоном Петренко, — что характерный этот

шорох возникает именно тогда, когда работает ваша аппаратура, Константин Сергеевич. Слышу шорох — бегу к вашему штреку, смотрю: работаете. Выключен ваш аппарат — и шороха нет. Вчера подтащил портативный акустический прибор прямо к вашему гроту. Бегать уже был не в силах. Устал... Всю эту ночь просидел за вычислениями... Простите, я, может быть, кажусь вам немного странным.

— Очень благодарю вас, — сухо проговорил Шабалин. — Вы уделили мне много внимания. Вы доказали, что применение моей аппаратуры в калиевых рудниках невозможно. Теперь мне не придется тратить время на решение безнадежной задачи.

Шабалин резко поднялся из-за стола.

— Позвольте, товарищи, — заволновался директор. — Ссориться вы опять собираетесь, что ли?

— Зачем ссориться? Из-за чего? — закричал Петренко, вскакивая со своего места. — Константин Сергеевич, дорогой! Разрешите мне расцеловать вас на радостях... Неужели вы не поняли еще? Да ведь перед нами — открытие!.. И какое еще! Я очень рад, что помог в этом деле... Мощность передатчика мы увеличим и... Понимаете?

Петренко направился к Шабалину с широко распростертыми объятиями. Шабалин неожиданно просиял и с радостным криком бросился навстречу украинскому ученому.

Комната наполнилась шумом.

— Ионизация газовых ячеек... А я-то дурак! — кричал в восторге Шабалин. — Значит, чем больше мощность, тем гуще дымка, тем энергичнее разрушаются кристаллы. Петр Тимофеевич, дайте я вас еще поцелую!

«Ну теперь оба они с ума сошли, кажется», подумал директор.

* * *

В подземном гроте слышался стук металлических инструментов, хруст шагов. Заканчивалась установка прибора, более мощного, чем тот, с которым работал раньше Шабалин.

— Волнуетесь? — тихо спросил Петренко, подходя к Шабалину.

Вместо ответа Шабалин взял под руку украинского ученого.

— Будем бороться вместе, — проговорил он, — Какие бы ни были первые результаты — не отступать! Вы мне доказали, что и неудачи многое открывают.

Начало не предвещало ничего хорошего. После того как аппарат был приведен в действие, на стене появилось голубое пятно, озарившее грот слабым мерцающим светом. Прошло несколько минут. Голубое пятно потускнело. От стены отвалилось несколько мелких кусочков — как будто осыпалась штукатурка, шорохом сползли на землю одинокие кристаллы.

Это было совсем не то, чего ждали ученые.

— Укоротим волну, — предложил Шабалин. — Опять начались неудачи в этом заколдованном гроте!

Стена, на которую было направлено излучение, стала рассыпаться.

Он подошел к аппарату и стал вращать рукоятки настройки. Яркость светового пятна увеличилась. Вот оно засверкало ослепительной голубизной. Несколько крупных кусков выпало из середины пятна.

Шабалин еще повернул рукоятку.

Вдруг стена, на которую было направлено излучение дециметровых волн, стала словно дрожать и расплываться на глазах у зрителей.

Шипели лопавшиеся кристаллы. Казалось, тысячи невидимых острых игл впились в породу. В том месте, где сияло голубое пятно, стена рассыпалась, расплзлась. Точно невидимая врубовая машина быстро вгрызлась в породу, нагромождая кучи глыб и разломанных кристаллов.

Шабалин начал медленно водить по стене своим чудодействующим лучом. Голубоватое светящееся пятно пришло в движение. И всюду, где оно появлялось, разрушалась стена подземного грота, сыпался белый песок, падали камни.

Шорох, подслушанный когда-то Петренко, превратился теперь в разрушительную бурю. Мощный поток дециметровых волн, во много раз более сильный, чем тот, который применял раньше Шабалин для геологической разведки, нагревал микровключенный газ. Миллиарды газовых пузырьков ломали свои ячейки, вырываясь наружу. Разорванные изнутри кристаллы превращались в песок.

Это было феерическое зрелище. Невидимый радиолуч долбил твердую породу быстрее, чем врубовые машины и отбойные молотки, безопаснее, чем аммонит.

Директор подошел к стоявшим рядом ученым и положил руки им на плечи.

— А ведь я думал было... — сказал он, улыбаясь, — что у вас в смысле товарищеских отношений не все ладилось. А оказалось, что у вас творческое соревнование.

Шабалин щелкнул выключателем. Голубое пятно погасло. Прекратилось жужжание прибора. В наступившей тишине слышно было тихое потрескивание — точно угольков

в глухнувшем самоваре. Остывающие в глубине кристаллы кое-где продолжали еще лопаться.

Петренко подошел к стене и приложил к ней ухо.

— Ну, как, шуршит? — весело спросил директор.

— Шуршит! — ответил Петренко. — Слышите?

Слабый шелест, как замирающая нота, медленно угасал под сводами подземелья.

В. ОХОТНИКОВ

РАЗГОВОР ПО СУЩЕСТВУ

Научно-фантастический рассказ

Художники А. Катковский, В. Высоцкий

Разговор по существу

Научно-фантастический рассказ

Коменданту Воронову нас поручили сразу, как только мы прибыли в один из ленинградских научно-исследовательских институтов.

— Здравствуйте, товарищи! — степенно проговорил он басом. — Петр Сергеевич еще вчера ожидал вашего приезда. Пожалуйста наверх.

В маленькой комнате, куда водворил нас комендант, тускло, на половину накала, горела электрическая лампочка, но зато было тепло и, может быть, потому уютно.

— Часик вам придется переждать здесь, — вежливо объяснял комендант, пододвигая стулья. — Помещение для жилья тем временем будет для вас приготовлено. Что касается Петра Сергеевича, то он вернется в институт не раньше, как часа через два.

— Очень жаль, — проговорил мой спутник — Нам хотелось бы как можно скорее ознакомиться с работой. Может быть, вы позовете кого-нибудь из научных сотрудников?

Комендант на минуту задумался.

— Да нету сейчас, представьте себе, никого... — медленно протянул он. — Разве только вот что... Разрешите мне, так сказать, в неофициальном порядке... ввести вас в курс дела. Я ведь тоже принимал некоторое участие...

Мы с любопытством посмотрели на этого забавного парня, чуточку задорного, немного самоуверенного, но в общем добродушного и симпатичного.

— Очень будем рады, — согласился мой спутник. — Пожалуйста, товарищ. Не стесняйтесь.

Комендант уселся на стул, сильно наклонился в нашу сторону и заговорил приглушенным голосом, усиленно жестикулируя руками.

— Вот оно как было дело... так сказать с моей точки зрения... Как-то во время воздушной тревоги прогремел протяжный взрыв... Как вам объяснить?.. Словом и не взрыв, а какой-то безумный рев и вой, жуткий по силе... Я — к окну. Что же вы думаете? Гляжу... и вижу, представьте себе, умилительное зрелище. Кувыркается германский самолет. Трах носом в землю... и каюк... Схожу я торопливо по лестнице вниз, а навстречу мне Петр Сергеевич. Смотрю на него... и не понимаю. Что с ним творится?

Комендант чиркнул спичкой и закурил папиросу. К нему присоединился мой товарищ, и маленькая комната наполнилась облаком дыма.

— Действие происходило неподалеку, в соседнем здании, — продолжал комендант. — Надо подчеркнуть, что с тех пор, как эвакуировался наш институт и мы остались с Петром Сергеевичем только вдвоем, я еще ни разу не видел у него такой ликующей физиономии. Сами посудите. Времена тугие. Ленинград в окружении. Товарищи уехали. Оборудование почти все увезли. Здание опустело. Куда ни помотришь — пустота и уныние. Нам надлежало прихватить с собой последнее научное барахлишко и тоже вскоре отправиться в тыл. Нечему радоваться! А Петр Сергеевич бежит и ликует. «Ты чего?» — спрашиваю я его. «Самолет, — кричит, — грохнулся!..» «Что ж такого? — говорю я ему. — Рядовое, хотя и отрадное явление». — «Ничего ты, Коля, не понимаешь, — говорит он мне. — Дай-ка ключ от восемнадцатой комнаты, нужно взять звукозаписывающий аппарат». Хватает, значит, ключ и стремительно убегает. Этот самый аппарат, предназначенный для записи звука на граммофонную пластинку, остался у нас случайно. С этим звукозаписывающим аппаратом он все время творил какие-то непонятные вещи. Я давно заподозрил неладное. А со следующей ночи, когда качались необычайные происшествия, я убедился в этом окончательно.

— Что же он делал с этим аппаратом? — спросил, улыбаясь, мой товарищ.

— Сколько раз я ему говорил, — продолжал рассказчик с увлечением, — сколько раз я ему говорил: «Петр Сергеевич, дорогой, и на что тебе это нужно? Хватит чудить. Давай заколотим прибор в ящик. Приедет неожиданно машина — удержишь!» А он свое. Как услышит, бывало, сигналы воздушной тревоги, так сейчас же лезет с микрофоном на крышу. А потом сидит себе у прибора и записывает на пластинку шум неприятельских самолетов, звуки бомбежки и прочее. «Хочу, — говорит, — навсегда сохранить нашему потомству звуковую память о зверском разрушении любимого города» Ну-ка, Коля, давай-ка объяснение перед микрофоном. Что ты сейчас слышишь?» Я сказал как-то несколько слов, а потом стал посылать его к чорту. «Брось чудить, — говорю я ему, — хватит». А с другой стороны, запретить ему заниматься этакой глупостью я не мог. Все-таки он научный сотрудник» Может быть, это ему нужно для какой-либо научной цели? Я хотя и неплохо разбираюсь в различных технических вопросах, но, будучи прикомандирован к институту в начале войны, больше занимался административными делами. Но то, что произошло в наступившую ночь, меня ошеломило...

Лежу я, представьте себе, один у себя в комнате и пытаюсь заснуть до ближайшей тревоги. Жил я тогда на казарменном положении тут же, в пустующем институтском здании. Лежу я и поневоле прислушиваюсь к постукиванию «городского сердца», ну, иначе говоря, метронома, всегда передававшегося у нас через репродукторы, когда отсутствовала радиопередача. Прислушиваюсь... Что такое?! Тревоги нет... метроном стучит медленно... Во время тревоги он начинает обычно стучать часто-часто. Словно сердце начинает колотиться быстрее. Понимаете? А тут...

Дверь в нашу комнату отворилась, и в нее заглянули. Комендант осекся, машинально взял новую папиросу и, когда закрылась дверь, низко наклонился, чтобы быть еще ближе к слушателям.

— Слышу, как сразу, почти мгновенно, появляется неистовый рев немецких самолетов... Он вырастает, достигает необыкновенной силы... И вдруг... словно гром, оглушительный человеческий голос говорит: «Брось чудить, Петр Сергеевич!» Словно гром... Без всякого напряжения голосовых связок, басистый, рассудительный и... страшно знакомый! От него задребезжали стекла и мурашки пошли по коже. Это был мой собственный голос!.. Затем, представьте, все стихло. Как оборвалось... Тишина и звон в ушах... Я с постели — бегом к дверям. Снег, туман, ни зги не видно. Куда тут пойдешь? Вот посудите, какая ерунда... Наверху в пустых комнатах слабо дребезжит телефон. Это звонит мне Петр Сергеевич, спрашивает: «Как жизнь?» — «Голос слышал», — кричу ему в трубку. «Чей?» — «Да мой собственный... С неба!» — «Не может быть...» — «Что же я, спятил, что ли?» — «Очевидно!» — отвечает Петр Сергеевич. И, смеясь, вешает трубку. Мне не понравился его смех, но уж я не решился звонить никому другому. Вдруг и впрямь помешалось спросонья!

Наступает следующая ночь... Я опять в одиночестве слушаю, как стучит метроном. Вдруг... Вскликаю с poste-

...с шипением прыгнуло через забор черное продолговатое тело, распуская позади себя пламенный хвост...

ли, бегом во двор... Надо определить направление. Снова шум самолетов и — адское шипенье... Выскакиваю. Грохот страшный! Откуда — разобрать невозможно. Усиливается и усиливается, а потом... бух!.. что-то хлопнуло. Словно пробка из громадной бутылки. Гляжу... что такое?.. За забором вспыхивает оранжевый свет, и сейчас же прямо на середину двора с шипением прыгает черное продолговатое тело, распуская позади пламенный хвост. Оно стучается об асфальт, подскакивает и начинает скакать большими стремительными скачками, рыская из стороны в сторону, словно пламя, рвущееся сзади, гонит его вперед. Что тут было? Лязг, треск, свист, как из тысячи паровозов. То здесь, то там озаряются пламенем углы двора. И, прежде чем я успел пошевелиться, тело шлепнулось в трех шагах от меня. Пламя, смотрю, ослабевает. Я упал на землю, отполз к стене, и с облегчением почувствовал, что лежу на краю нашего подвального окна. Скользнул в него, зажмурил глаза, открыл пошире рот и стал ждать взрыва. Скоро свет погас, шипение прекратилось. Выглядываю из своего бомбоубежища. И что же вы думаете? Предо мной неподвижно лежит обычный стальной баллон, вроде тех, в которых держат газы под давлением...

Рассказчик, все время неистово жестикулировавший руками, глубоко вздохнул и начал вытирать пот, обильно покрывший его лицо.

— Ну и что же это оказалось? — спросили мы, не на шутку заинтересованные.

— Тут через забор, — продолжает комендант, словно не слыша нашего вопроса, — перескочили четыре молодца и кинулись врассыпную. «Стоп!» кричу я им. Один из них подбегает ко мне и говорит; «Не волнуйтесь, товарищ, все протекает почти нормально. Мы из соседнего с вами научно-исследовательского института. У нас тут одна деталь удрала без спросу и ворвалась к вам во двор, Простите за беспокойство...» Предъявляет удостоверение. Документ в порядке. Действительно, человек из соседнего института — профессор Соколов. «Скажите, — говорю я ему с проница-

тельной улыбкой, — не у вас ли это вчера ночью, да и сегодня тоже, работал очень мощный репродуктор?» — «Совершенно верно. У нас», — отвечает он. — «А не помогает ли вам сотрудник нашего института Петр Сергеевич Янин?» — опять спрашиваю я его. «Очень даже помогает. Благодаря ему мы и достигли этих поразительных результатов». («Ничего себе результаты! — думаю я. — Чуть не прихлопнула меня ваша чертовщина».) «Да не вы ли будете комендант Воронов, о котором Петр Сергеевич так лестно отзывался? — обращается ко мне профессор. — Приятно познакомиться! Тогда пожалуйста к нам. Мы давно собираемся пригласить вас на помощь». Ну, что мне оставалось делать? Пришлось запереть дверь и помогать тащить этот сумасшедший баллон в соседний институт. Вскоре нас с Петром Сергеевичем к ним официально и прикомандировали. С тех пор так вот здесь и работаю.

— Может быть, вы нам все-таки объясните, что все это значит, — робко проговорил мой товарищ.

— Отчего же не рассказать, — начал опять комендант. — Поскольку вы приехали к нам для консультации, то будет даже весьма полезно ознакомить вас как можно глубже. Я, собственно, так и собирался сделать. Вам я постараюсь объяснить все так просто, как смогу, так сказать, умышленно избегая каких-либо запутанных математических формул.

Воронов небрежно закинул ногу на ногу и принял непринужденную позу. Нам стало ясно, что ему предстоит нелегкая для него задача, и он старается это скрыть излишней развязностью.

— Вы представляете, что произойдет с каждым твердым предметом, если по нему, например, стукнуть? — начал он, с размаху ударив себя кулаком по колену. — Он издаст звук! А что это значит? Это значит, что предмет от удара сжимается или искривляется. Сначала, конечно, в одну сторону, а потом, из-за упругости, в другую. Ну, и начинается, как говорят в физике, колебаться, или, говоря обыденным языком, дрожать. Вот эта-то дрожь и баламутит окружающий воз-

дух, а уже дрожащий воздух, сотрясая барабанную перепонку в нашем ухе, и вызывает в нашем сознании полное впечатление звука. Вам понятно?..

— Ясно, — проговорили мы, — Очень понятно. Продолжайте.

— Вот, например, когда мы говорим или, предположим, кричим, то в этот момент у нас в глотке тоже трясутся какие-то там связки, благодаря чему и слышен голос. Ну, а если бы связки не дрожали? То тогда говорить или, тем более, кричать было бы совершенно невозможно. Ясно?..

Я с ужасом посмотрел на своего соседа, доктора физико-математических наук. К моему удивлению, он добродушно улыбался.

— От звука, — продолжал комендант, — дрожат не только человеческие перепонки в ухе... Все дрожит! Только очень слабо. Даже незаметно на глаз. И вот было как-то замечено... это самое... Представляете? Каждый предмет как бы настроен на свой, совершенно определенный звук. То есть он сильнее всего начинает дрожать от звука именно такого, какой он сам любит издавать. Понимаете? Зачем нам с вами далеко идти за примером? Давайте хоть сейчас возьмем две гитары и настроим их на одинаковый лад. Если, предположим, вот вы дернете струну у одной гитары, то у другой гитары, которая, например, находится в руках вот у вашего соседа, самостоятельно зазвучит струна, настроенная на этот же тон. А отчего так получается, я вас спрашиваю?..

— Это объясняется резонансом, — улыбаясь, проговорил доктор.

— Вот, вот! — радостно продолжал комендант. — Именно резонансом! Л что такое резонанс? Я вам тоже объясню очень просто... Давайте возьмем доску, зажатую с одного конца в бревно. А на другой конец посадим какого-нибудь чудака и начнем его качать. Если мы с вами будем подталкивать его каждый раз в такт движению доски, то даже слабыми толчками раскачаем его так, что ему сделается страшно. А если, предположим, мы будем толкать доску

хоть и сильно, но явно не в такт, невпопад, то ничего хорошего не выйдет. Вот так и со струной! Когда воздушные колебания начинают ее толкать, выражаясь научно, в ритм ее собственным периодам, то она очень легко раскачивается, а уже какая-либо другая частота ее мало трогает. Понимаете?... Конечно, струну нельзя сравнивать с каким-либо обыденным предметом. Со струной просто. Она может колебаться только в определенном направлении и потому издает один достаточно ясный звук. А вот самоварная труба... тоже издает звук. Но что это будет за звук? Какого тона? Да на этот музыкальный вопрос ни один композитор ответить не в состоянии. Почему это так, я вас спрашиваю?..

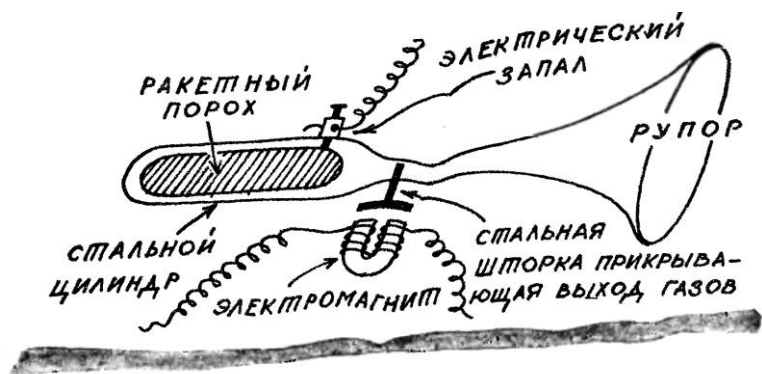
Комендант торжествующе посмотрел на нас, как бы любуясь произведенным им эффектом. Мой приятель, пораженный такой необычайной трактовкой акустики, даже перестал улыбаться.

— Самоварная труба, — начал он понуро, — при ударе излучает сложный звуковой спектр, состоящий из нескольких основных частот и обертонов...

— Вот, вот, вот! — подхватил комендант. — Совершенно верно! А все потому, что она, проклятая, не может дрожать только в одном направлении, как, скажем, струна. В силу своей сложной конструкции при ударе одновременно сжимается, изгибается и черт его знает, как коробится... самым причудливым образом. Благодаря этому и получается не один ясный тон, а целый хор самых нестройных. Понятно?... И труба, понимаете, тоже подвержена этому самому резонансу. Только для того, чтобы заставить самоварную трубу как следует дрожать, на нее нужно действовать точно таким же отвратительным звуком, какой она сама издает при падении. Верно?..

— В общем, верно, — вздохнул доктор физико-математических наук, — только вы как-то странно выражаетесь.

Воронов смущенно улыбнулся и, вынув из полевой сумки блокнот, принялся рисовать чернильным карандашом какую-то схему.

— Вот, значит, баллон... — бормотал он. — В нем находится специальный порошок, который теперь применяется для ракет... Вот тут электрический запал, чтобы его поджигать. А вот здесь, в конце цилиндра, выходное отверстие для газов прикрывается стальной шторкой. Рядом — электромагнит. Он заставляет дрожать стальную шторку. Перед шторкой — рупор... Теперь посмотрите, что из этого получается.

Комендант попросил пододвинуться нас поближе к нему и продолжал уже почти шепотом:

— Электрический запал поджигает порошок. Получается огромное количество газов. Они со страшной силой струей вырываются через узкое отверстие в рупор. А тут вот, как плотина, режет струю стальная заслонка. Понимаете?.. Если мы эту заслоночку будем передвигать, то тем самым зажимаем выход газов. А заслоночка эта самая дрожит от электромагнита, быстро передвигается взад и вперед... Вот и соображайте, что из этого выйдет. Газ, вырываясь из баллона в рупор, идет уже не ровной струей, а прерывающейся в такт вибрации заслоночки. Значит, стоит только к радиоприемнику, работающему от граммофонной пластинки, вместо громкоговорителя присоединить провода вашего электромагнита, как заслонка начнет дрожать со звуковой частотой и передаст звук, записанный на пластинке, струе газа, вырывающейся с огромной мощностью... Понимаете, что получится?! Из рупора рванется звук с мощностью взрыва! Это будет как бы ряд взрывов, часто следующих

один за другим, как волны звука. Ясно?.. Так вот, товарищи такую-то штуку и соорудили. Можно сказать, помесь репродуктора с пушкой... Баллон от нее я и видел, когда он, случайно сорвавшись с подставки, носился у меня по двору, как ракета. Пластинку с записью звуков самолета они передавали через этот репродуктор. А мой голос там оказался случайно. Я ведь часто кричал: «Довольно чудить, Петр Сергеевич!», когда записывались звуки.

— А зачем в конечном итоге все это нужно? — проговорил мой сосед, немного улыбаясь.

— Как зачем? — удивился рассказчик. — Значит, вы совершенно не в курсе дела? Да знаете ли вы, что с резонансом шутить нельзя?! Вот, например, в старом Петербурге что произошло? Катастрофа! Представьте себе обыкновенный, самый нормальный мост... Ходит по нему взад-вперед множество народа, заполняя, так сказать, полностью все мостовое пространство. И мост держится. А вот проходит по нему небольшой взвод солдат, ну и, конечно, согласно воинскому уставу, все стараются идти в ногу. Нужно же было так случиться, чтобы ритм их шага нечаянно совпал с резонансом этой постройки? Мост, представьте себе, развалился, и весь взвод, в полном составе, очутился в воде... С тех пор во всех странах завели такое правило, чтобы воинские части переходили мосты при команде «вольно». А вот с самолетами что происходит? С ними дело обстоит иногда совсем плохо. Сколько было катастроф! Представьте себе, конструируют новую машину, просто чудо техники. И скорость, и дальность полета замечательные. А при испытаниях вдруг разваливается в воздухе. В чем дело? Начинают разбираться. Оказывается, вибрация мотора попала в резонанс с какими-нибудь важными деталями. До сих пор авиаконструкторы бьются с этим делом. Тут не все, понимаете ли, даже поддается математическому расчету. Очень трудная задача. Всего не учесть. У меня один знакомый летчик-испытатель еще в тысяча девятьсот тридцать втором году на этом деле чуть шею не свернул. Говорит, поднимаюсь на новой, только что сконструированной машине. Все идет хо-

рошо. Летит плавно, поддается рулевому управлению, и все такое прочее. Но вот... открывает он газ на полную железку и начинает набирать скорость. Вдруг чувствую, говорит, появляется жуткая вибрация... Два месяца пролежал в госпитале! А машину тем временем, конечно, видоизменяли, укорачивали какие-то там ребра, удлиняли растяжки. Так вот, вы думаете, самолет, который я видел падающим на

землю, отчего сверзился? Отчего, вы думаете, Петр Сергеевич так ликовал? Оказывается, направили они рупор своего прибора вверх на прорвавшийся немецкий бомбардировщик. Подобрали к нему соответствующий звук, такой, значит, чтобы он совпадал с резонансными данными самолета. И пожалуйста... задрожал и рассыпался! Не верите?..

— Итак, — проговорил мой сосед, — перед вами была иерихонская труба, по преданию разрушавшая звуком даже каменные стены...

— И стены! — взволновался комендант. — И стены. Что тут особенного?.. Я вам рассказал о рухнувшем мосте. Вы, конечно, скажете, что солдаты действовали на резонансную систему моста непосредственно своими сапожищами, а звуковые волны, мол, вещь нежная. Не правда ли? А я вам отвечаю, что все дело в мощности. Вы, например, знаете, что фугасная бомба здания крошит ударом... нежного газа. Представляете, что значит мощность!.. И звук тоже не какой-нибудь, а точно подобранный, рассчитанный и предварительно записанный на граммофонную пластинку. Недаром же Петр Сергеевич возился со звукозаписывающим аппаратом! На каждую вражескую конструкцию самолета — своя пластинка... Одним словом, через наш рупор как бы происходит разговор с вражеским самолетом. Рассыпайся, мол, и баста! Разговор по существу. Разговор односторонний, потому что ответить он ничего не сможет. А рядом летящему самолету другой конструкции, например, нашему — тому хоть бы что. Понимаете? Кому неясно? Чего вы, собственно говоря, улыбаетесь?..

Комендант вырвал из блокнота нарисованную им схему и принялся сжигать ее на спичке.

— Товарищ Воронов, — сказал я, пожимая его руку. — Спасибо за ваше популярное изложение. Теперь нам все ясно. Вы прекрасно все объяснили.

Обо всем рассказанном мы были отлично осведомлены и раньше. Некоторые результаты, полученные в одном из научно-исследовательских институтов, куда мы приехали для консультации, заставляли нас пока более или менее се-

рьезно относиться к этому делу. Позабавила нас лишь форма изложения, примененная рассказчиком, который, по-видимому, не подозревал, что имел дело с людьми, понимающими больше него.

Б. ЧЕРНЯЕВ

ОЖИВШИЙ ПОРТРЕТ

Научно-фантастический рассказ

Художник А. Побединский

Б. ЧЕРНЯЕВ

Рис. А. ПОБЕДИНСКОГО

**(Научно-фантастический
рассказ)**

Оживший портрет

ПОДОЗРИТЕЛЬНЫЕ ТЮБИКИ

В пятницу, 13 июля, заводской художник Женя Иванов нашел тюбики. Тюбики эти, как потом оказалось, были не совсем обыкновенные... Впрочем, начнем по порядку. Женя Иванов, окончив художественное училище, первый год работал самостоятельно. Он был молод, горяч, и успел уже за год самостоятельной жизни влюбиться в девушку с большими черными глазами и носом, курносым ровно настолько, чтобы лицо было невыразимо милым и даже немножко загадочным. От курносого носа на щеки расползались веснушки, которые Верочка Круглова безуспешно пыталась свести кремами с убийственными для веснушек названиями.

По профессии Вера была токарь. Стояла девушка у своего «ДИП-200», крутилась зажатая в патрон заготовка, змеи-

лась из-под резца синяя стружка, и выявлялись контуры будущей детали, необходимой для большой и сложной машины. В этом была радость труда, от которой еще ярче сияли черные глаза.

Верочка Круглова параллельно с производственной работой уже стала отвечать Жене взаимностью, как вдруг из-за этих самых тюбиков чуть не произошла ужасная ссора навсегда. Но не будем забегать вперед.

Завод находился на окраине большого города, а заводской поселок располагался по соседству с березовой рощей, куда Женя Иванов ходил в свободное время писать этюды с натуры.

И вот в пятницу утром на лесной полянке со следами недавнего пикника Женя нашел два тюбика. По внешнему виду они напоминали тюбики с масляными красками, и, естественно, проснулся профессиональный интерес художника. Женя осмотрел тюбики снаружи, но ничего особенно не обнаружил: обыкновенные тюбики из оцинкованной фольги с наклейками. На одной наклейке надпись «черная», на другой — «белая».

«Ага, краски, — подумал Женя, — но как будто не совсем обыкновенные краски. Должно быть, мой рассеянный коллега делает их сам, иначе на тюбиках были бы стандартные фабричные наклейки».

Он осторожно отвинтил пробки тюбиков и взял пробу на пальцы. Краски были немного жидковаты, но зато идеальной чистоты. Специфического запаха масляных красок или акварели не было. Краски пахли гуммиарабиком и какими-то химикалиями.

«Странные краски, — решил Женя, — однако использовать их можно». И он положил найденные тюбики в ящик походного этюдника. Ему не пришло в голову попытаться вернуть краски их законному владельцу, а может быть, он и подумал об этом, но посчитал слишком мелочным разыскивать человека из-за двух тюбиков.

Возвратясь домой, Женя испробовал найденные краски. Из заводского комитета профсоюзов он получил заказ: на-

рисовать крупный портрет передового токаря завода Веры Кругловой. Заказ молодому художнику принес член завкома по производственному сектору, и к заказу была приложена фотография. Передавая Жене заказ, член завкома хитро подмигнул и сказал:

— Только ты, Женя, не рисуй ее слишком красивой, не греши против правды. А тообразишь ее этакой королевой Марго. Не забудь курносый нос, и побольше веснушек!

Женя решил постараться. Он установил планшет, нанес сетку на планшет и на фотографию, приготовил кисти и открыл футляр акварельных красок. И тут Женя обнаружил, что от черной акварельной краски осталась одна фарфоровая ванночка. А черная краска была самой нужной: ведь Вера Круглова была, во-первых, брюнетка, а во-вторых, черноглазая. И, на свою беду, Женя достал из ящика походного этюдника найденные тюбики. Он сделал два-три мазка: краска великолепно ложилась на бумагу. Тогда Женя надел халат и начал работать. Несколько часов упорного труда, и вот перед ним законченный портрет любимой девушки. Верочка получилась гордой и вдохновенной. Вначале Иванов не хотел изменять натуре, и все Верочкины веснушки были перенесены с фотокарточки на портрет, каждая на свое место. Но потом ему захотелось сделать приятное любимой девушке. Он ликвидировал островки веснушек белой краской из найденного тюбика. То, что не удалось сделать парфюмерии, вполне удалось художнику: Верочка Круглова, наконец, избавилась от веснушек.

Вечером Женя отнес планшет в завком, а утром в субботу 14 июля портрет был укреплен на Доске почета у заводской проходной будки.

ВИНОВАТ ЛИ ХУДОЖНИК?

Перед концом смены к станку, за которым работала Круглова, подошла уборщица цеха тетя Клаша.

— Верочка, — сказала она таинственно, — ты у проходной ничего не видела?

— Нет, тетя Клаша, ничего я у проходной не видела, — ответила Вера, очищая станок от стружки.

— Ну, значит, уже после повесили.

— Что повесили, тетя Клаша?

— Да твой портрет, душенька. Такая ты на нем красивая, прямо царица!

— Что вы, тетя Клаша, неужели правда? — обрадовалась Вера и побежала мыть руки и переодеваться.

Рабочий день в субботу кончается рано. Когда Вера выходила из проходной, солнце стояло еще высоко. Около Доски почета Вера увидела оживленную толпу рабочих и служащих завода. Оттуда доносились смех и возмущенные голоса. Круглова подошла к толпе, ее увидели, и все почему-то замолчали, только молодой слесарь из ее же цеха промолвил с усмешкой:

— Здорово тебя, Верунчик, твой друг разделал!

А пожилой рабочий, слесарь сборочного цеха, сказал возмущенно:

— Безобразие! Надо снять эту мазню!

Вера протолкалась к доске, взглянула на свой портрет — и ахнула: на планшете было изображено лысое, безглазое и безбровое лицо, на котором подчеркнуто резко выделялись пятна веснушек.

— Веснушки он здорово изобразил, а то не узнать бы тебя, Верунчик! — ехидно заметил тот же молодой слесарь, но Вера уже не слышала его. Боясь при всех разреветься от обиды, она пробралась через толпу обратно и, наклонив голову, чтобы никто не видел ее наполненных слезами глаз, быстро пошла к своему общежитию.

К Доске почета подошел срочно вызванный завхоз с лестницей-стремянкой в руках. Он, крихтя, снял злополучный портрет и унес его в чулан, расположенный рядом с проходной, где лежали старые плакаты, лозунги и трафареты.

Женю Иванова в довольно суровой форме пригласили в завком.

— Не ожидал я от тебя, Иванов! — заметил Жене один из членов завкома.

— Это кто же тебе позволил глумиться над нашими лучшими производственниками?! — добавил член завкома по быту.

А председатель завкома, хлопнув ладонью по столу, сделал заключение:

— Это подсудное дело, голубчик! Так-то.

Некоторое время ошеломленный Женя Иванов только моргал глазами, а потом начал оправдываться:

— Почему, когда я вчера принес портрет, не было претензий?

— А кто у тебя принимал работу? — быстро спросил пред-завкома, сообразив вдруг, что, кроме Жени, есть еще один виновник, который принял и вывесил портрет.

Женя не успел ответить. В комнату вошел член завкома по производственному сектору, и художник просто указал на него рукой.

— Почему сняли с Доски почета портрет новатора Кругловой? — спросил вошедший.

— А почему вы приняли недоброкачественную работу? — гневно перебил предзавкома.

— А вы видели портрет?

— Я не видел, но народ говорит...

— Я видел, — вставил член завкома по быту, — действительно, позорная мазня.

— А я заявляю, что портрет выполнен очень хорошо, — возмущенно возразил член завкома по производственному сектору.

Спор грозил стать затяжным. Предзавкома внес предложение:

— Возьмем портрет снова и коллективно оценим его качество.

Все согласились и отправились искать завхоза. Старичок хозяйственник только что окончил свой хлопотливый рабочий день.

— Придется вам, товарищ завхоз, вернуться, — сказал

предзавкома. — Нам нужен портрет новатора Кругловой, который вы унесли в свою кладовую.

— Портретик-то не ахти какой, брак один, — покачал головой завхоз и повел комиссию к чуланчику, позвякивая связкой ключей. Некоторое время он возился с замком, затем открыл его и скрылся в дверях. Комиссия ждала. Вдруг раздался дикий вопль, и из чуланчика вихрем выметнулся завхоз с круглыми от ужаса глазами.

— Там, там... — сказал он задыхаясь.

Комиссия ворвалась в чуланчик и застыла в изумлении: из полумрака чулана таинственно и строго смотрели чудесные глаза, сияющие зеленовато-голубым светом.

— Вот так дела! — дрожащим голосом произнес предзавкома. — Глядит, словно душу сверлит.

— Что за чорт! — пробормотал Женя Иванов, глаза которого уже привыкли к полумраку. — Это же Верин портрет.

Пробравшись к фосфоресцирующему портрету по штабелям всякой рухляди, Женя взял планшет и вышел на солнечный свет. Комиссия последовала за Ивановым. На солнечном свету портрет оказался выполненным отлично. Председатель завкома сказал, что он написан даже талантливо.

— Но ведь у нее не было волос и глаз! — удивился член завкома по быту.

— Не морочьте вы мне голову, — рассердился предзавкома. Затем он велел завхозу повесить портрет на прежнее место Доски почета, и все разошлись, немного смущенные странными превращениями портрета Кругловой.

ВЛАДЕЛЕЦ ТАИНСТВЕННЫХ КРАСОК

Женя Иванов получил от завода комнату во втором этаже двухэтажного дома. Почти весь заводской поселок состоял из таких типовых зданий. Строгие и вместе с тем красивые, они образовывали аккуратные, чистые улицы, засаженные молодыми деревьями.

Комната Жени была меблирована очень просто: стол, кровать, этажерка с книгами, да за ширмой стоял мольберт и валялись в беспорядке кисти, краски и другие принадлежности художника.

В субботу вечером после столь сильных впечатлений дня Женя долго не мог уснуть, поэтому проснулся поздно. Однако он сразу поднялся и вышел на балкон проделать привычный цикл утренней гимнастики. К соседнему дому подъехала небольшая легковая машина. За рулем сидел молодой шофер в светлой куртке.

Исполняя одно за другим упражнения утреннего комплекса, Женя наблюдал за действиями шофера. Тот вышел из автомобиля, держа в руке пачку листов, и начал обходить столбы и деревья улицы, один за другим прикрепляя к ним листы кнопками. Когда Женя оделся и вышел на улицу, шофер уже окончил свою странную работу. Женя подошел к ближайшему телеграфному столбу и прочитал:

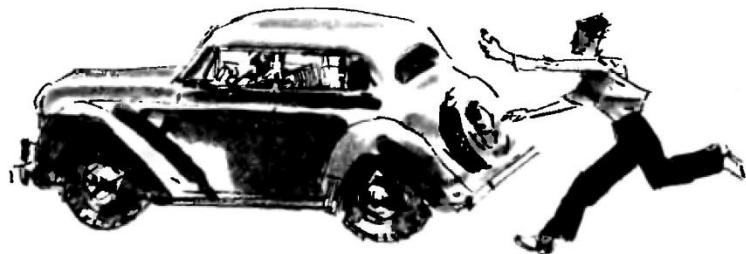
Объявление

Профессор Белов убедительно просит нашедшего в лесу тюбики с белой и черной эмульсиями принести их по нижеуказанному адресу.

«Так это же о моей находке», — подумал Женя и, вернувшись к машине, закричал:

— Погодите!..

Шофер сидел за рулем и уже включал стартер. Женя бросился к машине, но было поздно. Автомобиль тронулся и, быстро набрав скорость, скрылся в конце улицы.

«Ну что ж, поеду в город, — решил Женя, — профессору Белову, наверное, очень нужны эти тюбики».

Он аккуратно снял со столба объявление, еще раз прочитал адрес и положил листок в карман. Потом, захватив из дому таинственные краски-эмульсии, Женя направился к автобусной остановке. Крайняя остановка автобусного маршрута «Центр—Машзавод» находилась около проходной завода. Там уже толпилось много желающих провести выходной день в городе, и автобусы отходили переполненными. Там же стояла и Вера Круглова. Она слегка смутилась, увидев Женю, но сама подошла к нему и спросила:

— Может быть, ты объяснишь мне фокусы с моим портретом, Евгений? (Надо сказать, что она обычно называла его Женей, а иногда даже Женечкой.)

— Я сам ничего не понимаю, Вера, — ответил Иванов, — это все краски...

— Рисовали краски, а не ты? Так, что ли?

— Да нет, понимаешь, я рисовал твой портрет найденными в лесу красками, а это как будто совсем и не краски... Да вот, прочти сама! — Женя вытащил из кармана объявление профессора Белова и показал ей. — Если хочешь, поедем вместе по этому адресу, — предложил он. — Я думаю, хозяин этих чудо-красок нам все объяснит!

Через полчаса Вера и Женя, успевшие помириться в автобусе, нажимали кнопку звонка двери с медной табличкой:

ДОКТОР ХИМИЧЕСКИХ НАУК А. Н. БЕЛОВ

Дверь открыл высокий худощавый старик.

— Мы к профессору Белову, — сказал Женя.

— Ну, значит, ко мне, проходите, молодые люди.

В приемной ученый представился официально:

— Александр Николаевич Белов. С кем имею честь? — И он, улыбаясь, поочередно протянул руку Жене и Вере.

Познакомившись, профессор предложил гостям сесть на широкий диван, сам опустился в глубокое кресло и спросил:

— Чему обязан видеть вас у себя?

— Мы по объявлению... Тюбики принесли, — сказал Женья.

— Как? Уже? — обрадовался профессор. — Значит, я правильно предположил, что тюбики нашел кто-то из машзаводцев... — Он улыбнулся и продолжал: — И все моя рассеянность. Мои коллеги по институту организовали массовку в роще. А я решил испробовать эмульсии на прямом солнечном свете, подальше от городской пыли и дыма.

— Вот ваши эмульсии, Александр Николаевич, — Женья передал профессору тюбики. — Вы извините меня, я частично использовал их... вместо обычных красок.

— Вместо красок?! — удивился профессор и вдруг добродушно захохотал: — Представляю, как выглядит ваша картина!

Женья коротко рассказал ему о происшествии с портретом и попросил разъяснения.

— Все объясняется очень просто, — сказал профессор, — эмульсии, которые вы приняли за краски, — фотохимические вещества. На свету они обесцвечиваются, или, выражаясь языком науки, принимают новое, напряженное состояние кристаллических решеток. Квантовая чувствительность этих эмульсий — строго определенная, сравнительно небольшая величина. Очевидно, слой эмульсий-красок был достаточно плотным, поэтому в течение нескольких часов портрет выглядел нормально. Дневной свет совершил работу, направленную против химических сил. Произошел эндотермический процесс с накоплением энергии. В темноте структура эмульсий восстановилась, а накопленная энергия высвободилась. Люминесценция глаз, которая так напугала завхоза, и была освобожденная энергия... Понятно?

— Почти понятно, — сказал Женья.

А Вера полюбопытствовала:

— Зачем вам, Александр Николаевич, нужны эти эмульсии?

— Законный вопрос, — усмехнулся профессор. Под-

нявшись с кресла, он открыл дверцу вделанного в стену шкафа и достал черный, из плотной бумаги пакет и какой-то прибор, напоминающий фотоаппарат. Прибор профессор поставил на стол, а пакет протянул молодым людям:

— Вот посмотрите! Это фотокарточка моей дочери.

Женя развернул пакет. На фотографии была изображена в полуфас молодая девушка в костюме автогонщицы. Фотография была выполнена исключительно хорошо. Казалось, еще немного, и девушка повернет к ним глаза.

Вера и Женя внимательно рассматривали фотокарточку, и вдруг им показалось...

ПРОФЕССОР БЕЛОВ ФОТОГРАФИРУЕТ

Им показалось, что лицо девушки, изображенной на фотокарточке, стало ближе к фасу и изменилась мимика. Нет, это уже не обман зрения: ясно и отчетливо видно, как шевелятся локоны волос автогонщицы под напором встречного ветра. Теперь лицо девушки обращено прямо к ним. Вот оно становится все меньше, как будто уплывает в глубину фотокарточки, открылись руки, лежащие на баранке руля. И уже мчится автомобиль, стремясь вырваться из двух измерений снимка, уходят вдаль красивые здания широкой улицы.

— Ну, каково впечатление, молодые люди?

Женя оторвал глаза от волшебного фотоснимка и шепотом сказал:

— Здорово!

— Что это? — восхищенно спросила Вера. — Разве бывает, чтобы кино на простой карточке?

— Это, друзья мои, многослойная фотография, — сказал профессор, — работу над осуществлением которой в настоящее время заканчивает научно-исследовательский институт фотохимии. Вкратце я расскажу ее принцип. Как вам известно, на обычной кинематографической ленте снимки расположены последовательно друг за другом. Заменяя друг друга со скоростью двадцать четыре кедра в секунду, они создают впечатление движущегося изображения. Много-

слойная фотография построена по другому принципу: в ней кадр находится под кадром, исчезая под действием света со скоростью, принятой в кино. Верхний кадр открывает последующий и так далее. Создается такое же впечатление движущегося изображения.

Вера, прервав профессора, вдруг испуганно ахнула:

— Испортилось!

Вместо фотокарточки в руках у Жени оказался только лист блестящего белого картона.

— Это конец демонстрации, не беспокойтесь, — сказал профессор. Взяв у Жени бывшую фотографию, он положил ее в черный конверт и добавил: — Через две-три минуты слои восстановятся, и можно будет просматривать фотографию снова.

— Как получается такая фотокарточка? — спросил Женья.

Профессор взял со стола прибор, напоминающий фотоаппарат.

— Это аппарат для многослойной фотографии, — сказал он. — Устроен аппарат следующим образом: обычная фотографическая камера снабжена бачком цилиндрической формы с фотоэмульсионным раствором. Бачок имеет на своей цилиндрической поверхности вертикальную микропрорезь, а на торце — плунжерок для создания в бачке повышенного давления. Бачок получает вращение от электромоторчика,

питающегося сухой батареей, помещенной вот в этом отсеке футляра (профессор сопровождал свои объяснения показом внешних частей фотоаппарата). Бачок помещен в другой цилиндр, имеющий на одной четверти поверхности множество горизонтальных микропрорезей. Внешний цилиндр неподвижен и направлен своими прорезями на прозрачный экран фотокамеры. При вращении внутреннего цилиндра эмульсия опыляет экран. Когда экран опылен эмульсией и продольный паз внутреннего цилиндра закрылся поверхностью внешнего, кулачковое приспособление открывает затвор фотокамеры и держит его открытым какое-то время, в зависимости от скорости вращения внутреннего цилиндра, которая устанавливается по требуемой выдержке. Затем затвор закрывается, и цикл повторяется вновь. Я хочу отблагодарить вас и сделаю вам такое фото. Пусть это будет памятью о нашей встрече. Внимание, молодые люди! — и нажал кнопку включения.

МНОГОСЛОЙНАЯ ФОТОГРАФИЯ

После того как фотокарточка, сделанная профессором Беловым, была надежно спрятана во внутренний карман Жениного пиджака, молодые друзья попросили профессора подробнее рассказать о многослойном фотографировании. Профессор охотно согласился. Женя и Вера заняли свои места на диване, а профессор, заложив руки за спину, прошелся несколько раз взад и вперед по комнате, затем опустился в кресло и, удобно устроившись в нем, начал свою лекцию перед этой маленькой аудиторией:

— Свет, как вам известно, друзья мои, является потоком лучистой энергии, преобразующимся на Земле в различные виды работ. Одним из этих видов работ является фотохимическое действие света, которое заключается в том, что, поглощая световые кванты, атомы или молекулы фотохимического вещества возбуждаются, то есть увеличивается внутренняя энергия и, в частности, та форма ее, которая влияет на течение данного фотохимического процесса.

На принципе фотохимического действия света построена схема многослойной фотографии.

Я объясню вам именно схему многослойной фотографии, не рассказывая подробно о довольно сложных составах эмульсий и внутренних реакциях фотохимического процесса.

Нашим институтом разработаны две схемы многослойной фотографии: «дифото» и «монофото». Фотографический аппарат, который я вам сейчас показывал, работает по более простой схеме «монофото».

В схеме «дифото» кадр содержит два эмульсионных слоя, и, следовательно, фотографическая камера должна иметь два бачка с двумя (белой и черной) видами эмульсии. Возбужденные в местах освещения кристаллы черного слоя, прореагировав с газообразной средой, наполняющей камеру, «закрепляются», превращаясь в постоянные — бесцветные. Экспозиция кончается, снова экран опыляется белой и черной эмульсиями и так далее.

В схеме «монофото» участвует только один вид эмульсии (черная). Принцип получения кадра в этой схеме многослойной фотографии следующий. Включен аппарат. Экран опылен черной эмульсией, и бачок, продолжая вращение, включает затвор. На эмульсию через объектив падает свет разной силы в разных местах экрана. В местах, где падает свет, эмульсия обесцвечивается, а бесцветный газ, заполняющий объем фотокамеры, вступая в реакцию с возбужденными светом местами эмульсии, создает новый вид непрозрачного фотохимического вещества белого цвета, обладающего той же способностью обесцвечиваться на свету.

Итак, на экране белыми и черными тонами эмульсии создан кадр. Цилиндр, продолжая вращение, покрывает его новым слоем черной эмульсии, снова производится экспозиция и так далее. По окончании процесса фотографирования и снятия многослойной эмульсии на подложку получается многослойная фотография, готовая к действию.

Демонстрацию фотографии следует производить при среднем комнатном освещении.

Свет держит обесцвеченные кристаллы эмульсии в напряженном состоянии. По окончании демонстрации к «живому фото» прекращают доступ света, и фотослой, отдавая полученную энергию, восстанавливаются до первоначальных. И «живое фото» вновь готово к демонстрации.

Профессор замолчал, и некоторое время в комнате стояла тишина. После небольшой паузы Александр Николаевич мягко произнес:

— Вот и все, друзья мои! Может быть, вы скажете, это конец? Нет, молодые люди, это только начало. Через два-три месяца наш институт выпустит «живое фото» в жизнь, а через год-два «живое фото» займет в жизни прочное место.

Трудно перечислить все виды применения многослойной фотографии. Киноаппаратура, работающая на многослойной фотографии, будет портативной. Сложный кинопроектор заменит простой эпидиаскоп, который к тому же будет расходовать гораздо меньше энергии.

В школах, техникумах и вузах будет производиться обучение с использованием «живых плакатов».

Начнется любительское многослойное фотографирование.

Наконец в культурный обиход людей прочно войдет «живая книга», книга с листами, покрытыми экспонированной многослойной эмульсией. Книга будет озвучена. Сочетания звуков, записанные на каждый кадр многослойной эмульсии, будут сниматься в процессе демонстрации специ-

альным портативным съемником с фотоэлементом, усилителем и в паре наушников преобразовываться в звук.

И вам будет казаться странным, как это раньше вы не знали «живого фото», так же как теперь люди не представляют, как можно жить, не зная электричества, радио и телевидения.

Б. КАРАМЗИН

ИСТОРИЯ ОДНОГО ИЗОБРЕТЕНИЯ

Научно-фантастический рассказ

Художник Л. Смехов

— Изобрести что-нибудь — это еще не все. С изобретением нужно уметь обращаться! — сказал старый Корнер, взяв нетвердой рукой кружку с отвратительным местным пивом.

Мы сидели за столиком в одной из дешевых пивных и неторопливо беседовали. Вокруг нас шумели, бранились, выпивали и пели люди, загнанные законами джунглей на самое дно жизни.

С Сэмом Корнером мы познакомились случайно, но вскоре я завоевал полную его благосклонность. За кружкой пива он становился весьма разговорчивым и не раз удивлял меня своею осведомленностью в самых разнообразных вопросах.

Сегодня Сэм. Корнер впервые заговорил о себе.

— Я был когда-то важной персоной в «третьей партии» Голенджина, — сказал он, — а кандидатом от «супер-крайних» был Джонатан Лайн, хотя он и не хватал с неба звезд, как говорится. Впрочем, Лайн был ведь просто малой пешкой в игре. За ним стоял банк, ассигновавший на предвыборную кампанию целых пятьдесят тысяч долларов, чтобы только не допустить избрания в судьи кандидата, который представлял интересы конкурировавшего с банком земельного треста.

Как только деньги попали в партийную кассу «супер-крайних», машина завертелась вовсю! Лайн сейчас же отправился в предвыборную поездку и ежедневно произносил

самые зажигательные речи перед избирателями. Но все дело явно портили «протестующие».

— Против чего протестующие? Против кандидатуры Лайна? — спросил я.

— Э-э! Да вы в выборах судьи смыслите не больше двухнедельного бэби, — заметил снисходительно Корнер и, подкрепив себя добрым глотком, пустился в объяснения. — Есть у нас в Голенджине такое правило: если на выборах прошел «супер-крайний», то на следующих возьмет верх обязательно «непреклонный». Это проделывают «протестующие».

— Не понимаю!

— Сейчас объясню. Каждый из кандидатов, и «супер-крайних» и ««непреклонных», плетет перед избирателями всяческую ерунду. Он не скупится на посулы и находит немало простаков, которые начинают думать, что если только они выберут этого «настоящего парня», то немедленно настанет справедливость на Земле.

Как водится, на другой же день после избрания судья полностью забывает все свои обещания, и избиратели видят, что опять допустили ошибку: избрали обманщика. Они твердо решают на следующих выборах отдать свои голоса кандидату другой партии. Чудаки не понимают, что между этими партиями, в сущности, нет никакой разницы!

— Значит, новый кандидат в судьи Джо Лайн проигрывал лишь потому, что на предыдущих выборах тоже баллотировался и прошел «супер-крайний», а затем оскандалился? Так я вас понимаю?

— Да. Вы делаете успехи прямо-таки у меня на глазах. Ну и вот, когда кандидатура Лайна уже стала явно проваливаться, мои парни притащили ко мне инженера Томаса Делиба. Этот чудаковатый совсем не умел делать свой бизнес. Он всем предлагал одно свое изобретение, которое, не будь застоя, имело бы смысл купить даже Форду. Требовал он за эту свою химию пятьсот долларов. Незадолго до выборов наш заправил Фред Кингстон уговорил Томаса Делиба, что уж он-то, Фред, сумеет всучить фабрикантам его изобре-

ние. Со специей Делиба и ее рецептом Фред явился к «боссу» «супер-крайних» и, как говорится, сразу взял быка за рога:

— Сколько вы думаете истратить на предвыборную кампанию в оставшиеся две недели? — спросил он «босса».

— А вам какое до этого дело?

— Я думаю, тысяча двадцать пять, — прикинул Фред.

— Допустим, — согласился «босс», который почувствовал, что зря человек не будет так разговаривать.

— Я берусь протащить вашего кандидата в судьи за десять тысяч долларов, — продолжал Фред и поставил перед «боссом» на стол наглухо запаянную жестянку...

В тот же день «босс» согласился. Это был человек с опытом. Он лет двенадцать любовался природой сквозь тюремную решетку. «Босс» сразу предложил мне организовать впервые в истории Голенджина «третью партию».

— Позвольте, — перебил я Корнера, — но что же было в жестянке?

— Об этом еще будет сказано, — ответил Корнер спокойно. — Не перебивайте меня, и я постараюсь изложить все по порядку. Мы возглавили движение «протестующих».

— А-а, понимаю! — протянул я.

— Вот именно, что вы еще ровно ничего не понимаете, — невозмутимо заметил Корнер и продолжал: — На расходы нам отпустили приличную сумму, и мы развили энергичную предвыборную деятельность.

Повсюду: в витринах, на стенах — появились плакаты. «Избиратели штата Голенджина! — было написано в них. — Не помогайте ни «супер-крайним», ни «непреклонным» в их махинациях, бойкотируйте выборы! Опускайте в урны чистые бюллетени!» Одновременно, подобрав себе десятка три бойких парней, мы развернули и практическую работу.

Мы отпечатали в типографии точные копии избирательных бюллетеней «непреклонных» с той только разницей, что там вместо имени кандидата «непреклонных» было пустое место, и старались распространить эти пустышки среди

избирателей. Должен сказать откровенно, что особенного успеха это не имело, однако в день выборов мы все-таки одержали решительную победу.

— Как же так? — спросил я.

— Сейчас объясню! Победу одержал, собственно говоря, Джонатан Лайн. Когда вскрыли избирательные урны, то оказалось, что треть бюллетеней подана с именем кандидата «супер-крайних» Лайна, очень малое количество — с именем его противника — «непреклонного», а все остальные бюллетени — пустые, без имени! И Джо Лайн, как получивший большинство голосов, стал судьей.

Тут, сокрушенно покачав головой, Корнер влил в себя добрые полпинты и о чем-то задумался. По-видимому, рассказ был окончен.

— Да, — сказал я, вставая, — случай довольно занятный. Но такая «политика» — все-таки грязное дело. Не правда ли? Ну, мне пора. До свиданья!

— Разве вы не хотите дослушать меня до конца? — спросил Корнер с обидой.

— Как? Но мне показалось, что история полностью вами закончена! Все пустышки — две трети бюллетеней — подали «протестующие»!

— «Протестующие»? Да они подали со мной вместе меньше одного процента бюллетеней! Мы только шумели. Дело же сделало изобретение инженера Томаса Делиба.

— Что же он изобрел? Я в этих тонкостях совсем запутался!

— В этом-то и было все дело. Он изобрел особую краску для разметки разных деталей при их обработке на заводах. Любая линия, проведенная ею, исчезала бесследно через тридцать шесть часов. «Босс» «супер-крайних» приобрел у Фреда изобретение Делиба, отпечатал исчезающей краской бюллетени «непреклонных», и накануне выборов ухитрился подменить ими подлинные. В результате, почти все бюллетени к моменту подсчета голосов потеряли имя кандидата «непреклонных», что и обеспечило полное преобладание голосов у Джо Лайна.

— Вот жулик! — невольно воскликнул я к полному удовольствию Корнера. — Ну, а Фред-то, отдал он Делибу пятьсот долларов?

— О, вы не знаете Фреда! — усмехнулся Корнер. — Будь он хоть Морганом, так и тогда Делиб не получил бы от него ни цента. Надо заметить, — покачал головой Корнер, — что Фреду тоже не повезло. От огорчения он совсем спился.

— Какое же огорчение? Ведь он получил такие большие деньги!

— Ничего он не получил. «Босс» лучше его понимал, как делают бизнес. Он выписал чек на банк в Санта, куда поезд идет около полутора суток. Прибыв на место, Фред обнаружил, что на выданном чеке нет ни суммы, ни подписи.

— Как же это могло случиться?!

— А очень просто! Выписывая чек, «босс» пользовался не чернилами, а краской. Той самой краской, которая через тридцать шесть часов исчезала бесследно. Я ведь сказал вам: с изобретением нужно уметь обращаться!

— С изобретением нужно уметь обращаться, — сказал старый Корнер.

Г. ГОЛУБЕВ

**МЕЖПЛАНЕТНЫЙ
РЕПОРТАЖ**

Научно-фантастический рассказ

Художник Н. Гришин

Журнал «Вокруг света», № 8, 1956 г.

Межпланетный репортаж

...В эту теплую летнюю ночь мало кто спал на Земле. Не только ученые, бодрствовавшие у телескопов и космических радиолокаторов, — все в эту ночь до боли в глазах смотрели на небо. А небо над большей частью планеты было чистым, и на нем мерцали звезды. Где-то там, среди этой россыпи звезд, стремительно приближался к Земле атомный астроплан, несущий разгадку тайн далекого Марса.

Тихо шелестело волной о низкий песчаный берег Аральское море. У причала стоял в полной готовности белый реактивный катер. Группа людей на его палубе молча ждала сигнала, тоже всматриваясь в начавшее светлеть небо. Вот на нем появилась серебристая точка. Это засверкал астроплан в первых лучах солнца, еще не достигших земной поверхности.

«Иду на посадку! Иду на посадку!» — гремел в репродукторах взволнованный голос.

Астроплан широко распахнул тормозящие крылья и подходил теперь на обычный ракетный самолет. Как-то не верилось, что еще час назад эта чудесная машина мчалась в межпланетной пустыне...

Вот он коснулся воды, подняв тучи брызг и облака горячего пара... Подпрыгнул... Снова упал в море и скрылся на

миг в волнах... Когда катер подлетел к нему, астроплан уже лениво покачивался на синей, как небо, воде.

Признаться, у всех на катере дрожали руки, пока долго, страшно долго открывался герметический люк кабины. Но вот она распахнулась, и оттуда вырвались чьи-то сердитые голоса:

— Нет, уж позвольте, профессор...

— А я вам говорю, что они не могли прилететь с Венеры!

Все на катере переглянулись.

— Спорят — значит, живы, — сказал кто-то, и встречавшие расхохотались.

А из люка уже вылезают неугомонные спорщики и друзья — профессор Лобанов, воинственно выставивший вперед седеющую бородку, и профессор Сатпаев, весело помахивающий шлемом над бритой лобастой головой. За ними появляется и специальный корреспондент журнала «Вокруг света» Михаил Костин, с трудом протискивая в узкий люк широкие плечи и бережно придерживая свой фотоаппарат. На щеке у Костина свежий порез: видно, брился перед самой посадкой.

Последними покидают кабину командир перелета инженер Сазонов и штурман Марченко. Лица у них радостные, но усталые и заметно побледневшие. Десятки рук помогают пилотам перебраться на борт катера.

Вопросы летят со всех сторон. Так хочется поскорее узнать, что же видели наши друзья на загадочном Марсе.

Но сейчас не до расспросов. Врачи неумолимы: после такого перелета нужна немедленная изоляция в особых камерах, чтобы постепенно освободить организм от опасных последствий космического излучения, которому подверглись смельчаки в полете. Рейсы на Луну показали, что такая защита совершенно необходима.

Приходится подчиниться. Но все-таки через головы врачей Михаил успевает передать нам пухлый пакет, предусмотрительно приготовленный перед посадкой.

— Там краткий отчет и пленка, — кричит он. — Только осторожнее проявляйте!

И вот этот первый краткий отчет нашего специального корреспондента о полете на Марс перед вами. Снимки, к сожалению, вышли хорошо не все, но некоторые из них мы публикуем.

СКУЧНЫЙ ПОЛЕТ

«Вот уж которые сутки мы в полете, прошли большую часть пути. Сейчас, в дни великого противостояния, Марс отделяют от Земли «всего» 55 миллионов километров. Но чтобы зря не расходовать топливо, мы летели к нему не напрямик, а по кривой. Промчавшись около 80 миллионов километров, мы «перехватим» Марс в определенной, заранее строго рассчитанной точке его орбиты.

Я не буду рассказывать о старте с искусственного спутника — ракетодома. Об этом уже много писали, и, наверное, все видели это зрелище на экранах телевизоров. Да и сам полет давно перестал быть новинкой. Он протекает одинаково, куда бы ни летели, — на Марс или на Луну, разница лишь в сроках.

Крепко пристегнувшись ремнями, чтобы не вспорхнуть под потолок при неосторожном движении в нашем мире без тяжести, мы сидим в креслах, похожие в своих защитных костюмах на водолазов, почему-то зашедших в комнату. Костюмы снимать запрещено: может случиться, что стенку ракеты пробьет шальной астероид, и тогда воздух из нее моментально улетит в межпланетные просторы. Правда, наш стратоплан защищен от крупных астероидов автоматической атомной пушкой, которая сама обнаруживает их лучами радиолокатора за десятки километров и расстреливает, не давая приблизиться к нам.

Дважды на пути встречались крупные скопления астероидов, и нам пришлось даже однажды чуть-чуть изменить курс. Тут штурману и командиру досталось немало работы, чтобы снова лечь на правильный курс. Ведь если мы опоздаем на свидание с Марсом в той точке, что намечена, всего на одну минуту, он успеет за это время умчаться за 1 400 лишним километров!

Но вот траектория нашего полета введена в «норму». Снова встали на место стрелки приборов и погасли красные тревожные огоньки на пульте. Штурман опять берется за отложенную на время книгу. Несмотря на строжайший от-

бор снаряжения, он все-таки как-то ухитрился захватить с собой целую библиотечку, и все время читает. Делать ему пока нечего. Неусыпные автоматы, получившие задание еще на Земле, строго следят за правильностью полета.

Честно говоря, лететь немного скучновато. Командир корабля Павел Петрович Сазонов спит, откинув спинку своего кресла. Единственное развлечение — бесконечный спор наших профессоров Ивана Петровича Лобанова и Максима Герасимовича Сатпаева. Но сейчас и они что-то примолкли. Тогда я решаю подлить масла в затухающий огонь и задумчиво говорю:

— Интересно, что мы увидим на Марсе?

Сатпаев сразу же «клюет»:

— А что мы можем увидеть? Пустыня, смерть, покой. Все давно известно.

— Зачем же вы летите туда, позвольте узнать? — нацеливается на него своей остроконечной бородкой Лобанов.

— Чтобы окончательно это доказать, — невозмутимо отвечает Сатпаев. — А вот в вашем возрасте лететь на Марс за мифическими незабудками — это авантюризм.

— Послушайте, уважаемый коллега, я прошу не говорить в таком тоне о вещах, в которых вы не разбираетесь, — вспыхивает Лобанов. — Ставьте свои градусники межпланетной материи, но не трогайте астробиологии.

— Градусник — это наука, а у вас, извините, гаданье: «Ах, жизнь на Марсе, каналы, Аэлита». Мои градусники говорят: на Марсе средняя температура почвы составляет от минус двадцати до минус тридцати градусов. За сутки она колеблется на пятьдесят-шестьдесят градусов. В его разреженной атмосфере ничтожно мало кислорода, если он вообще есть, и в два раза больше углекислого газа, чем на Земле. Воды на всей планете наберется чуть побольше нашего Ладожского озера. И вы хотите там собирать незабудки и даже, может быть, встретить братьев-марсиан?

— Я не желаю больше спорить! — крикнул Лобанов и попытался встать с кресла. Но ремни задержали его. Тогда он торопливо расстегнул их и повис в воздухе.

Сатпаев махнул рукой и закрыл глаза, собираясь вздремнуть. Тут я решил снова вмешаться,

— А что же, вполне возможно, что мы найдем на Марсе разумные существа. Они, наверное, так приспособились к местным условиям, что, наоборот, будут удивляться, как это мы живем на этой ужасной планете Земле... Еще примут нас за шарлатанов.

Лобанов под потолком только фыркнул. А Сатпаев широко открыл чуть раскосые глаза и с притворным изумлением спросил:

— Вы, межпланетный «заяц», приспособились? Шутить изволите? Ваш билет! Или мы вас выбросим за борт...

Так он пугал меня еще на Земле. И там это было, конечно, пострашнее, потому что каждая газета, даже районная, мечтала послать своего спецкора на Марс. Меня выручило только то, что я неплохо разбирался в радиоаппаратуре, немножко рисовал, фотографировал, к тому же имел опыт двух полетов на Луну. (Ну, тут наш специальный корреспондент, кажется, начинает немного хвастаться, есть у него такая слабость. К тому же подробное изложение научных споров вряд ли будет интересно читателям, — это дело прошлое. А мы хотим узнать поскорее, что же увидели наши путешественники на Марсе. Поэтому опускаем несколько страниц отчета.)

...Заслонки иллюминаторов открыли, и мы приникли к толстым кварцевым стеклам. Огромный красноватый шар Марса занимает теперь почти весь иллюминатор. Он медленно поворачивается. Проплывают перед глазами пятна, знакомые по картам, — море Времени, врезавшееся в материк узкими заливами, Киммерийское и Тирренское моря.

Слепя глаза, сверкают полярные «шапки» вокруг полюсов. Снег это, или лед, или затвердевшая углекислота, как считают некоторые ученые? Скоро мы узнаем.

А каналы? Действительно ли это настоящие каналы, прорытые марсианами для орошения своих полей, как утверждали Скиапарелли, Лоуэлл и другие астрономы? Или

просто трещины в марсианской коре, следы метеоритных ударов, вулканических извержений, сдвигов и сбросов почвы? Но почему нигде их не заносит песком?

Сто лет спорили ученые о загадочных каналах на Марсе. И вот сейчас мы своими глазами увидим разгадку... Наш стратоплан входит в фиолетовое облако. Оно шуршит и потрескивает, как тонкий лед под натиском корабля. Это облако и в самом деле ледяное: оно состоит из кристаллов углекислоты.

Теперь видно: каналы вовсе не прямые. Они изгибаются, переплетаются, прерываясь полосками ржавой земли, чтобы возникнуть вновь на некотором расстоянии. Что же они собой представляют?

Думать об этом некогда. Наша ракета поворачивается дюзами к стремительно приближающейся планете. Гневно взревели циклотроны, тело вновь налилось вернувшейся к нему тяжестью, кровь прихлынула к голове, туманы глаза.

На экране радиолокатора мечутся голубые тени; сменяя одна другую, мелькают светящиеся цифры указателя высоты: 200 километров, 150, 100, 70, 40...

Сильный толчок — и сразу полная, звенящая в ушах тишина. Мы на Марсе!

ТАЙНА КАНАЛОВ

И вот мы стоим на марсианской «земле». Кругом, насколько хватает глаз, плоская, как паркетный пол, унылая равнина. С паркетом я ее сравнил не случайно: почва вся покрыта сетью трещинок, она словно выложена большими кирпично-красными плитками. И воздух кажется красноватым от мельчайшей пыли. Сквозь него тускло светит багровое, непривычно маленькое солнце.

Светит солнце, а небо темно-голубое, как в лунную ночь на Земле, и на нем сверкают крупные, чистые звезды. Рисунок их здесь совсем другой, непривычный.

Как ни причудлив этот неведомый мир, но я все-таки не могу побороть ощущения, что где-то уже видел такую скуч-

ную равнину. Ну, конечно же, она очень похожа на глинистые площадки — таковы, которых немало я повидал в песках Средней Азии!

Горизонт кажется необычайно близким. Это не обман зрения: Марс ведь значительно меньше Земли, и поэтому его шарообразность более ощутима, — все, что лежит дальше четырех километров, уже скрывает от глаз выпуклость планеты.

А что там, за горизонтом? Но прежде чем начать путешествие по Марсу, надо установить приборы. Это занимает у нас несколько часов.

И вот профессор Сатпаев торжественно делает первую запись в журнале метеорологических наблюдений: «12 августа 1971 года — Московское время 14.10». Температура воздуха — 22 градуса Цельсия...». Вот так среднеазиатская пустыня! А ведь это уже марсианская весна: в южном полушарии, где мы совершили посадку, она в полном разгаре. Но дело идет к вечеру, и температура быстро падает.

Мы продолжали наблюдения почти всю ночь. Она была короткой, как у нас на севере. Когда стало темно, на небе возшли две маленькие марсианские «луны» — Фобос и Деймос, или «Страх» и «Ужас», верные спутники бога войны. Собственно, маленький Деймос был скорее похож на яркую звезду. Фобос больше напоминал Луну, хотя был примерно раза в три меньше лунного диска. Но вел он себя совсем необычно: взошел на западе, быстро промчался по небу и закатился на востоке. Скорость его обращения так велика, что он обегает Марс быстрее, чем тот успевает повернуться вокруг своей оси. В длинные зимние ночи Деймос иногда успевает таким образом трижды обежать все марсианское небо.

К рассвету температура упала до сорока градусов мороза.

— Вот вам и незабудки!.. — ехидно говорит Сатпаев Лобанову.

Но теперь спорить некогда. Через каждый час ученые замеряют температуру почвы и воздуха, его влажность (она,

кстати, оказалась значительно выше, чем предполагалось), в нескольких местах при свете прожекторов взяли пробы грунта.

Утром мы втроем двинулись в первый поход Павел Петрович Сазонов, профессор Лобанов и я. Марченко и Сатпаев остались вести наблюдения не базе.

Прикинув по карте, что до ближайшего канала от нас километров двадцать, мы пошли в этом направлении. Несмотря на тяжесть костюмов и снаряжения, двигались мы довольно быстро. На Марсе сила тяжести почти в три раза меньше, чем у нас. Поэтому наши шаги здесь скорее напоминают прыжки.

По твердой корке идти было легко. Но вскоре местность стала более неровной, местами в ложбинах мы проваливались в сугробы из мелкой рыжей пыли.

— Смотрите, — вдруг почему-то шепотом сказал Лобанов и схватил меня за рукав. — Честное слово, это деревья!

Какие-то зеленовато-фиолетовые кривые стволы торчали вдалеке. Мы вприпрыжку поспешили к ним. Это были растения! Не деревья, нет, скорее огромные кактусы, напоминающие те, какие видел я в каменистых пустынях Мексики, где побывал в позапрошлом году, но только покрытые толстой глянцевиной корой странного фиолетового цвета. Отростки, похожие на обрубленные руки, были все протянуты в одну сторону — к солнцу. Кора этих марсианских растений, первых на нашем пути, оказалась такой твердой, что нам с трудом удалось вырубить несколько кусков.

Пока наш профессор зарисовывал «кактусы», мы с командиром поднялись на вершину пологого холма. И удивительное зрелище открылось перед нами.

Большая котловина резко выделялась своим цветом среди красной пустынной равнины. Она была голубовато-зеленой, и легкий туман поднимался над нею. Неужели астрономы ошибались, и это действительно море или озеро, — во всяком случае, вода?!

Окликнув Лобанова, мы поспешили вперед, С каждым шагом становилось яснее, что это не вода. Обгоняя друг

друга, мы подбежали к краю котловины и словно из среднеазиатской пустыни попали вдруг в тундру!

Низкорослый кустарник с голубыми крохотными листочками стлался над самой почвой. Местами торчали из мха какие-то странные колючие палки. Колючки у них тоже были голубыми.

— Это же марсианский лес! — воскликнул профессор. — Значит, Гавриил Адрианович Тихов оказался прав в своих гипотезах о растительности на Марсе. Видите, у всех растений голубой защитный цвет, чтобы не растрачивать зря тепла. Видите?

Он присел на корточки, бормоча какие-то термины и забыв обо всем, кроме этих голых, но изумительно выносили-вых крохотных «деревьев», упрямо зеленевших, вернее «голубевших» при температуре в 10 градусов.

И опять я поймал себя на ощущении, что как ни необычны были эти растения, их тоже я словно где-то уже видел. Такой голубоватый цвет имеет кустарник карагана в горах Тянь-Шаня, а в долинах Памира и Алтая я встречал целые альпийские луга таких «марсианских» синевато-лиловатых тонов, помогающих растеньицам сохранить скудное тепло... Хорошо все-таки, что я много поездил!

Мы помогли профессору собрать гербарий — первый гербарий марсианских растений! — и торопили его:

— Канал! Нам нужно успеть на канал.

— А что вы там увидите интересного? — пожал плечами профессор.

— Э, вы заговорили, как ваш коллега Сатпаев, — засмеялся Сазонов.

Лобанов сердито посмотрел на него, встал и зашагал вперед, все оглядываясь на карликовый лес. Мы пересекли грядку невысоких холмов, потом еще одну, но канал все не появлялся. Вместо него с холма открылась новая голубовато-зеленая долина, уходившая до самого горизонта.

— Ничего не понимаю, — задумчиво сказал Сазонов, разворачивая карту. — Мы должны уже достичь его. Или заплутались?

— Да ведь это же и есть канал! — вдруг восклицает Лобанов, всплескивая руками. — Мы так привыкли рассматривать их издали, что и теперь рассчитываем увидеть прямые линии. Но с нашей «приземленной» точки зрения мы даже не увидим другого берега канала. Ведь некоторые из них шириной в триста километров! Вот эта ложбина, на краю которой мы стоим, и есть канал.

— Но что же это такое? — недоумеваю я. — Канал, вырытый искусственно, или просто сухое русло, по которому весной проходит немного воды от тающих полярных шапок?

Профессор пожимает плечами.

— Сразу этого не определишь. Я летал на самолетах над пустынями Средней Азии. Старые трассы каналов там кажутся руслами высохших рек, — так их сгладило время; а русло Узоя с большой высоты будет казаться прямым, как настоящий канал. Не надо спешить, юноша, попробуем разобраться в этом. Пока мы точно установили, что каналы Марса, как предполагали многие ученые, — это понижения, занятые растительностью. Перед нами марсианский лес, прогуляемся по нему.

Мы двинулись через лес, доходивший нам лишь до колен. Ноги мягко пружинили в моховом ковре. Что-то сверкнуло среди листвы. Я нагнулся. Это была небольшая лужица мутной воды. Мы наполнили ею стальные цилиндры, устроенные так, чтобы газовый состав воды не изменился при перелете на Землю. Там марсианскую воду изучат химики.

Нагибаясь, чтобы взять очередную пробу из лужицы, я чуть не выронил цилиндр. Из зарослей кустарника на меня смотрели чьи-то большие немигающие глаза...

САМУМ

Я так растерялся, что не решился окликнуть своих спутников, забыв в эту минуту, что неведомое существо не имеет, наверное, радиоприемника и не услышит мой голос. Ре-

шив действовать в одиночку, я испортил все дело. Все произошло очень быстро. Не раздумывая, я бросился вперед, но странное существо юркнуло в заросли. Я успел только заметить, что оно размером с хорошую собаку и имеет длинные, как у тушканчика, ноги и густую темную шерсть с каким-то голубоватым металлическим отливом. Высоко подпрыгивая

на своих пружинистых лапах, необычное животное гигантскими прыжкам» начало удаляться.

Тут его заметили мои спутники и бросились мне на подмогу. Из кустов выскочило еще несколько таких же животных. Они беспорядочно прыгали во все стороны, а мы так же беспорядочно гонялись за ними.

Остановившись на миг, я успел все-таки щелкнуть своим фотоаппаратом. Если снимок получится, вы убедитесь, что наш уважаемый профессор прыгал, как мальчишка, хотя теперь он отрицает это.

Наверное, в конце концов, мы поймали бы хоть одного из странных прыгунов. Но этому помешала свалившаяся на нас беда.

Повернувшись при одном из прыжков лицом к востоку, я увидел необычное зрелище. Весь горизонт в той стороне был закрыт каким-то гигантским желтым облаком, таким плотным, словно стена вдруг выросла до самого неба.

— Посмотрите, что это такое? — окликнул я своих друзей, все еще увлеченных охотой. Они остановились.

— Это пыльная буря! — воскликнул Сазонов. — Они бывают так сильны, что даже видны в телескопы с Земли. Скорее куда-нибудь в расщелину, или мы пропали!

Мы бросились к окраине марсианского леса, рассчитывая укрыться в какую-нибудь расщелину или хотя бы ложбинку. Но не успели.

Сильный вихрь швырнул меня на «землю» с такой силой, что только пружинистые ветки растений спасли от тяжелых ушибов. А потом что-то тяжелое обрушилось на меня сверху, словно я вдруг случайно попал под струю водопада. Мельчайшая красная пыль залепила стекла шлема и прижала меня к «земле». Пудра все сыпалась, сыпалась. Боясь быть погребенным заживо в этом сугробе пыли, я пытался встать, но тщетно.

ЗАГАДОЧНАЯ НАХОДКА

„Группа Сазонова, где вы, где вы? Отзовитесь! Что случилось? Почему молчите?» — вдруг услышал я в наушниках встревоженный голос профессора Сатпаева. И через мгновение нашему кораблю ответил Сазонов: «Мы попали в пыльную бурю. Костин и Лобанов засыпаны. Ищу их...» — «Нужна ли помощь?» — «Пока нет, — ответил Сазонов. — Но не прерывайте связь...»

Переключка родных голосов придала мне новые силы. Я напрягся и начал медленно, с большим трудом разгребать пыль. Вот мне уже удалось встать на колени... В тот же момент меня подхватили чьи-то руки и подняли.

— Жив! — радостно сказал Сазонов, помогая мне отряхнуться. — Вижу, песок шевелится, — значит, кто-то есть. А где Лобанов?

Мы осмотрелись вокруг. Промчавшийся самым все уничтожил. Никакого леса не было и в помине: он был погребен под толстым слоем красной пыли. Теперь канал ничем не отличался от окрестных бесплодных пустынь.

Но где же наш профессор? Мы двинулись на поиски, непрерывно окликая его по радио. Дважды мне показалось, что песок шевелится. Мы бросались туда, начинали бешено разрывать его, но напрасно: профессора не было. Так прошел час, другой, третий. «Где Лобанов? — тревожно спрашивал нас с базы Сатпаев. Что вы копаетесь? Он же задохнется...» И вдруг я услышал в эфире чей-то слабый стон.

— Вы слышали, Павел Петрович? — окликнул я Сазонова.

— Слышу. Но где он может быть?

— Я хорошо помню, что Лобанов увлекся охотой и отстал от нас. Вероятно, его надо искать вон на том острове, где был лес, — предложил я.

Так мы и сделали. Здесь искать было легче, потому что твердую почву не занесло пылью. Ее только намело в расщелины. Мы начали их разгребать методически, одну за другой.

«Ищите скорей!» — торопил нас Сатпаев, беспокоясь за своего друга-спорщика.

И, наконец, рука моя нащупала что-то твердое. Это был башмак на стальной подошве. Через несколько минут мы откопали нашего профессора. Он был без сознания, — на виске большой кровоподтек, сгустки крови виднелись на его бороде и воротнике комбинезона. Если бы можно было снять с него этот шлем и забинтовать рану! Мы были бессильны, оставалось только побыстрее донести нашего товарища до ракеты.

Осторожно неся профессора, мы двинулись в путь. Когда мы спустились в русло канала, мне показалось, будто песок в одном месте колышется, шевелится, словно кто-то пытается выбраться из-под него. Я сказал об этом Сазонову.

— Галлюцинация, вы просто устали, — заявил он. Кто там может быть?

Но песок явно шевелился. Теперь уже в нескольких местах, это мы видели оба. Мы переглянулись, положили профессора на «землю» и, обгоняя друг друга, побежали, чтобы узнать, что же там может двигаться среди мертвых песков?

— Змея! — крикнул я.

Но то была не змея. Это, упрямо пробиваясь сквозь песок к солнцу, по-змеиному шевелились голубоватые ветви засыпанных растений. «Какая удивительная сила жизни, — подумал я. — Ничто не берет эти карликовые, такие невзрачные на вид марсианские растения: ни холод, ни засуха, ни песчаные бури. Они пробьются сквозь песок, и завтра здесь снова как ни в чем не бывало станет голубеть лес! Вот почему бури бессильны стереть каналы с лица Марса».

— Где вы, друзья? — слабым, заставившим всех вздрогнуть голосом окликнул нас Лобанов.

Мы бросились к нему. Он уже пришел в себя и пытался привстать. Как он ни противился, мы снова взяли его на руки и понесли.

Теперь мы шли напрямик, кратчайшей дорогой, через гряду пологих, сглаженных бурями холмов. Они были пустынные и голы, только изредка в ложбинках опять попадались огромные кактусы, издали похожие на какие-то кривые колонны.

— Стойте, — вдруг сказал Лобанов. — Это что-то новое. Такого растения мы не видали...

Мы остановились и посмотрели в сторону, куда он показывал. Там на фоне мглистого оранжевого заката и впрямь виднелось дерево какой-то странной формы. Оно казалось ажурным и все просвечивало насквозь. И очертания его были какими-то удивительно геометричными, строгими, каких не встретишь в природе.

— Мы должны его посмотреть, — решительно сказал профессор.

— Завтра мы вернемся сюда.

— Нет. Немедленно. И что вы тащите меня, как малого ребенка? — возмутился профессор. — Я сам могу ходить.

Он вырвался из наших рук и, пошатываясь, побрел к странному дереву. Нам ничего не оставалось, как последовать за ним.

Придерживая неугомонного профессора под руки, мы шли по рыжим пескам, не сводя глаз с дерева. И чем ближе оно становилось, тем необычнее казалось. Это была скорее какая-то башня из переплетающихся балок и прутьев. Деревья такими не бывают. Хотя на Марсе...

— Слушайте, это не дерево, — тихо сказал наш командир. — Это создано не природой!..

Мы все ускоряли шаг... Подбежав к подножию загадочного сооружения, мы увидели не дерево. Высоко в небо уходила сужающаяся кверху решетчатая башня, сделанная из какого-то непонятного вещества — не то металла, не то неведомой нам пластмассы. Фермы башни были местами словно обожжены сильным пламенем, почернели и растрескались.

— По-моему, это стартовая катапульта для взлета ракеты, — наконец сказал Сазонов. — Или что-то в таком духе. Отсюда улетали, не иначе.

— Значит, мы не первые на Марсе? — вырвалось у меня. Лобанов пожал плечами.

— Вероятно. Может быть, это улетали куда-то марсиане? Хотя вряд ли: взлет происходил, видимо, не больше, как полсотни земных лет тому назад, иначе все бы разрушили бури. Значит, здесь побывали до нас гости с какой-то другой планеты...

Мы невольно оглянулись по сторонам, словно надеясь увидеть неведомых пришельцев, построивших эту башню. Было пусто и тихо кругом. За холмами догорал багровый закат, и в его лучах сквозь оранжевую дымку мерцала голубой звездой наша родная Земля...»

.....

На этом краткий отчет нашего специального корреспондента на Марсе Михаила Костина обрывается. С нетерпением будем ждать продолжения, которое вскоре должно последовать.

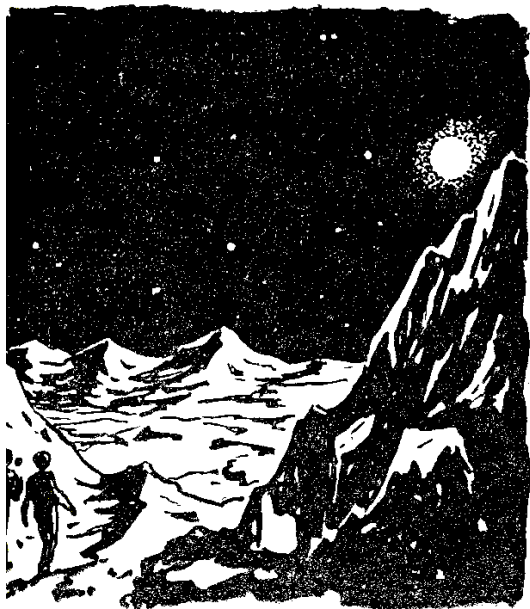
От редакции. Продолжение, как понимают, конечно, наши читатели, может последовать только после первого полета на Марс. Тогда мы узнаем, наконец, точно, какова природа этой планеты, есть ли там жизнь, растительность. Узнаем, что представляют собой марсианские «моря» и «каналы».

Ждать этого, вероятно, осталось уже не так долго. Наука достигла такого состояния, когда реальна посылка астроплана на Луну, так заявил недавно президент Академии наук СССР академик Несмеянов.

Уже много нового о Марсе узнают, наверное, астрономы в текущем году, когда в августе — сентябре наступит очередное «великое противостояние», повторяющееся каждые 15 — 17 лет.

А пока мы позволили себе немножко пофантазировать, чтобы рассказать в такой форме читателям о современных научных взглядах на природу Марса.

Репортаж-фантастику вел Глеб Голубев, рисунки художника Н. Гришина.

Ю. ЯНОВСКИЙ

**ОДНА ИЗ НЕОПУБЛИ-
КОВАННЫХ СТРАНИЦ
«ПУТЕШЕСТВИЯ В ЗАВТРА»**

Фантастическая шутка

ОДНА ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ СТРАНИЦ «ПУТЕШЕСТВИЯ В ЗАВТРА»

Фантастическая шутка

Было теплое весеннее утро 1976 года, когда мой личный аэромобиль опустился на плоскую прозрачную крышу центрального здания Академической библиотеки, занимающей квадратный квартал в центре города на пересечении улицы Энгельса и Магнитогорского проспекта. Когда-то в середине века эта скромная и до невозможности тесная библиотека помещалась на Книжной улице № 15, но в конце 50-х годов, благодаря непрерывным многолетним усилиям лучших людей города, было построено это новое величественное здание.

Уже давно новейшие достижения электроники, автоматики и телевидения превратили нашу библиотеку в место подлинного научного комфорта. По разнообразию интеллектуально-массовой работы она не имела себе равных среди библиотек обоих полушарий.

Автоматизированные кабины для работы, оборудованные телефонами, телевизорами, телетайпами и фонотайпами; автодикторы, читающие вслух книги под мягкий аккомпанемент симфонических мелодий; диссертайпы — остроумно сконструированные машинки, автоматически подбирающие материалы для диссертаций и готовящие варианты ответов оппонентам — всё это вошло в обиход библиотеки уже давно.

По договоренности с Первой Ростовской Телевизионной станцией одна из ее шести цветных объемных программ транслировалась по специальным заказам библиотеки. В то утро, о котором я пишу, «телевидчики» порадовали меня большой и разнообразной программой, целиком посвященной литературе и литераторам Дона.

Миловидная девушка с васильковыми глазами, цвет которых чудесно гармонировал с ее золотистой головкой, предложила вниманию телезрителей историко-литературную экскурсию на тему «20 лет спустя, или труды и дни ростовских писателей в 1976 году».

Напомнив кратко о том, как жили и работали писатели в пору своей творческой юности (в 1956 году), как они ютились в двух комнатах, как это отрицательно влияло на качество творческих дискуссий и на количество выпускаемых книг, диктор вернулся к нашему времени и пригласил нас проследовать по воздушным проспектам Ростова 1976 года.

На широком (1 м. х 1 м.) экране телевизора раскинулся утопающий в зелени белый город, сверкающий стеклом и цветной керамикой строгих красивых зданий. Голос невидимого диктора помогал ориентироваться в этом воздушном радио-путешествии. В затемненной кабине ощущение «подлинности» изображения было огромно — казалось, что не вертолет с аппаратами телестудии, а мы сами подлетаем к огромному, высокому дому писателей, выстроенному на углу улицы Энгельса и проспекта Подбельского.

Это 40-этажное здание, оборудованное скоростными лифтами, продувной вентиляцией и 5ти-комнатными квартирами с подземным гаражом, магазинами, кинотеатром, бильярдной, холодильником и прачечной, представляло максимум удобств для творчества его обитателей.

С большой террасы, раскинувшейся на уровне 39 этажа, и превращенной усилиями любителя в воздушную оранжерею-огород, вертолету помахал рукой седоусый П. Х. Максимов. Среди нежно-зеленых листьев свежей капусты чернела пищащая машинка, а в ней белел листик с надписью «Новый роман. Начало. 19... год» Как я ни напрягал зрение, но... дальше ничего не было видно. Ветерок играл белым листиком бумаги и зелеными листиками ботвы.

Затем перед нами проплыли окна квартир 25-го этажа, из которых доносилась дивная музыка стучащих пишмашин и все еще мужественные голоса.

— Пишите! — диктовал кто-то страстным звонким голосом с южными модуляциями. — Пишите! Так! 10 глава 2 части 3 книги романа «Глазами юности»... Так!.. Начнем следующей фразой: «Когда в 1960 году мой первый роман «Глазами детства» вышел в свет и имел небывалый успех (Литературный исследователь В. Закруткин сравнивал его с «Войной и миром»), я решил, что осуществляю тетралогию, в которой последующие книги будут названы: «Глазами юности», «Глазами зрелости», «Глазами старости» и «Глазами...» (название я еще не уточнил с главлитом). По моим подсчетам, я окончу эту историческую серию ко дню моего 150-летия... Поэтому печатайте скорее...

В окончательно округлившемся мужчине, выглянувшем из окна, можно было легко узнать хорошо сохранившегося А. Г. Гарнакерьяна — поэта, чьи стихи были переведены на 18 языков, но который презрел поэзию и перешел в лагерь прозаиков.

Из окна в 10 этаже слышался глуховатый солидный голос: — Я продолжаю... Пишите заголовок — «Последняя искра». Этим 37-м томом я окончу задуманную мною некогда эпопею. План будущей моей пьесы по этому будущему роману уже приобретен у меня МХАТом.

Голос невидимого диктора почтительно произнес:

— Не будем мешать творческому процессу, товарищи...

М. Д. Соколов не любит шума за окнами. Отправимся дальше. Наше путешествие по историко-литературным местам нашего города продолжается...

Быстро промелькнули здания нового университета, оперы, театра юного зрителя, новых комфортабельных клубов, построенных в центре города силами молодежи, здания редакций двух детских и четырех юношеских газет, трех литературных и одного юмористического журналов...

Геликоптер вылетел за город.

Вытянулась серебристая лента Дона. Ярко-зеленое пятно стало увеличиваться под оком телеобъектива.

— Под нами бывший «Зеленый остров», — мягко произнес голос диктора. — Сейчас здесь оборудован спецгоро-

док писателей. Небольшие комфортабельные домики с мезонинами, садики и огороды для приобщения к физическому труду, огромный простор для наблюдений: слева — городской пляж, справа — вереницы судов всех стран мира, проплывающих по великой водной артерии страны...

Как это, очевидно, известно телезрителям, — после того, как часть писателей переселилась на «Зеленый остров», количество и качество их произведений резко повысилось... Об этом вы будете судить сегодня вечером. В нашу телестудию приглашен ряд писателей и работников культуры на читательскую радио-конференцию. Обмен критическими высказываниями будет осуществлен с помощью ДВУсторонней радиотелесвязи с ОДНИМ неоспоримым преимуществом — писатель, слушающий нелестные замечания читателя, может на время выключить свой приемник.

Экран на мгновение погас, а затем на нем появились четкие разноцветные строки вечерней программы:

1. В. Закруткин — главы из эпопеи «Сотворение вселенной».
2. Д. Долинский — «Не первая любовь» — новая поэма.
3. В. Жак — цикл взрослых детских стихов.
4. Г. Шолохов-Синявский — «Писатели и издатели» — последняя часть тетралогии «Время и люди».
5. А. Оленич-Гнененко — «Последняя граница» (Книга о внедрении цитрусовых среди индейцев Северной Америки).
6. Встреча с редколлегией ежедневного альманаха «Дон». Обмен восторгами.
7. Д. Петров-Бирюк — «Север во льдах и юг в огне» — приключенческий роман.
8. И. Браиловский — Критические отрывки из ненаписанного.
9. Радиоперекличка типографий и издательств страны — «Что, где и когда должно переиздаться из литературного наследия писателей Дона».

В заключение — научная информация директора Облкниготорга тов. Юзефовича на тему: «Где и как можно подписаться на 10 издание собрания сочинений Майн-Рида».

10. Мих. Андриасов — «Шесть дней, которые потрясли мир» (Рассказ о шести встречах с издателями по поводу 66 переиздания книги очерков о былом).

11. Б. Изюмский — Отрывки из мемуаров, посвященные встречам с маршалом Володи́й Ковалевым — бывшим воспитанником Новочеркасского суворовского училища.

12. В. Фоменко — «В донских прериях» — научно-фантастический роман на сельскохозяйственную тематику.

13. В заключение хор немолодых «молодых» авторов (М. Воробьева, И. Ковалевский, В. Ковалев и др.) трагическим речитативом под аккомпанемент шелестящих страниц неизданных книг расскажут о том, как их 20 лет воспитывают, принимают и никак не могут принять в Ростовское отделение Союза писателей.

Программа мне понравилась, но я решил, что она недостаточно полна. Сняв телефонную трубку и вызвав телестудию, я попросил включить 14-м номером следующее:

14. В самом конце выступит автор этой фантастической юморески с кратким самоотчетом: «Как я написал эту дружескую шутку и какие нешуточные неприятности у меня из-за нее произошли».

ВАСИЛИЙ СОЛОВЬЕВ

ТРИСТА МИЛЛИОНОВ ЛЕТ СПУСТЯ

Литературный сценарий
научно-фантастического фильма

Рис. Л. Смехова, Е. Верлоцкого, Н. Гришина

Журнал «Юный техник», 1956, №№ 3, 4; 1957, №№ 1, 2, 3.

*Литературный сценарий
научно-фантастического
фильма*

Василий Соловьев

**Рис. Л. Смехова,
Е. Верлоцкого**

Тревожный вой сирены и размеренное бие-
ние метронома. Возникает надпись:

**«ЭТО СЛУЧИЛОСЬ СОВСЕМ НЕДАВ-
НО... В 1980 ГОДУ».**

Горы. На одной из вершин над облаками
сверкают ажурные фермы гигантских антенн.
Здесь раздается торжественный голос профес-
сора Бахарева:

— Москва?!

На экране возникает звенигородский пей-
заж с березовым леском, речушкой и радио-
станцией на ее берегу. Звучит ответ:

— Готовы!

— Владивосток?! — слышен опять голос
Бахарева.

Теперь мы видим сопку над Великим океа-
ном. Радиостанция на ее вершине:

— Готовы!

— Планетная обсерватория?!

Выжженная солнцем бескрайная степь. Го-
родок обсерватории. Стройная башня. Паутина
антенн радиотелескопа.

— Готовы!

И всюду слышен вой сирены и бие-
ние метронома.

— Ну что ж, друзья... Может быть, мы сде-
лали не все, что надо. Однако все, что было в
наших силах, сделано, — так говорит очень
старый и очень взволнованный человек —
профессор Бахарев. Он встает из-за своего ра-
бочего столика и, переглянувшись с академи-
ком Забродиним, продолжает: — Сейчас ровно
двенадцать часов тридцать семь минут. По по-
ручению объединенного института астрофизи-
ческих проблем я приказываю **ВКЛЮЧИТЬ
АВТОМАТЫ ВЗЛЕТА!**

— Есть включить автоматы взлета! — от-

вечает инженер Градов. Пульт управления. На щите трепещут стрелки сотен контрольных приборов и россыпи бесчисленных сигнальных глазков.

Руки Градова берутся за штурвал с табличкой «АВТОМАТИЧЕСКИЙ СТАРТ» и, помедлив, резко поворачивают его.

Только теперь обрывается назойливый вой сирены.

Застывает в суровом напряжении лицо старого Бахарева.

Замер в неудобной позе академик Забродин.

Повис над чистой страницей блокнота карандаш журналиста Алимкулова.

Каменеет над приборами Градов.

Ползут стрелки бесчисленных приборов к предельным красным полоскам высших напряжений...

Мощный свист возникает мгновенно и вспышкой разрастается до сотрясающего землю грохота. Многократное эхо мечется по горной долине между скалами.

Сначала является сомнение: неужели эта монолитная сверкающая башня, которая соперничает высотой даже с окружающими скалами, и есть виновница грохота?! Но, заметив крошечный стреловидный снаряд, венчающий башню, и стабилизаторы-гиганты, на которых она стоит посреди долины, мы понимаем: да ведь это не башня, а...

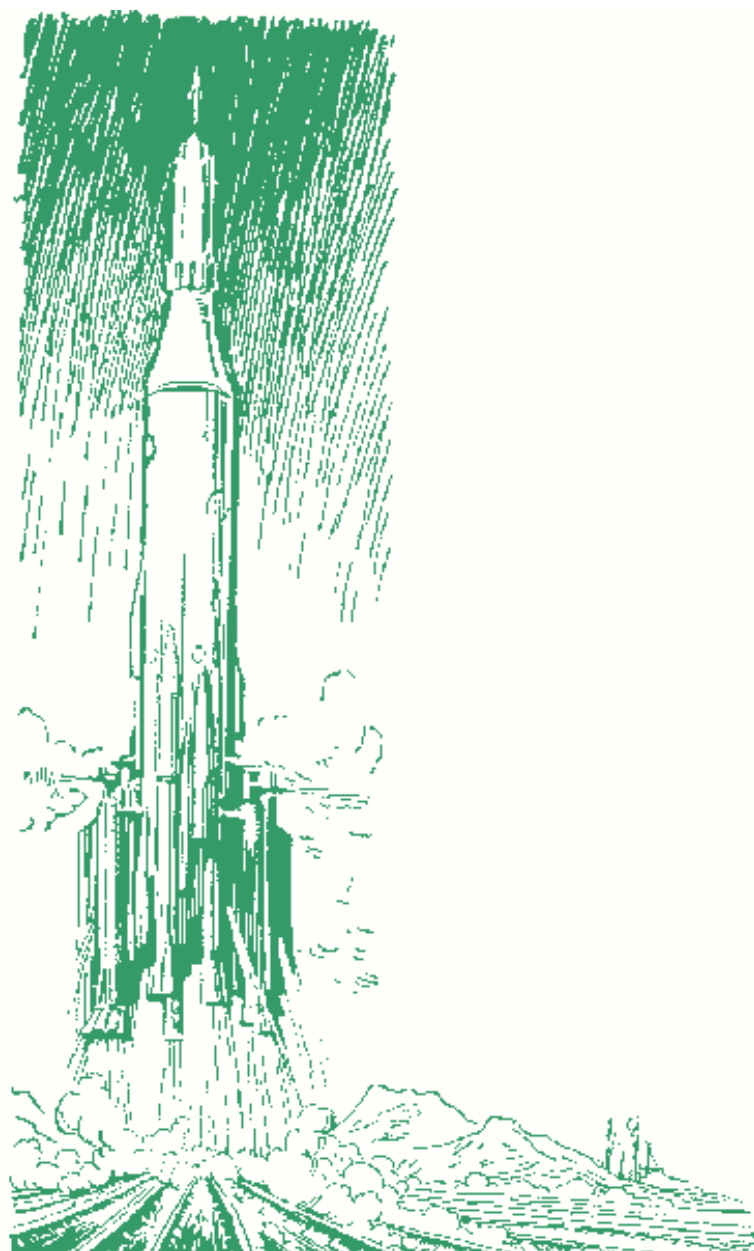
РАКЕТА!

КОСМИЧЕСКИЙ КОРАБЛЬ, ГОТОВЫЙ К ПРЫЖКУ В КОСМОС!

Ракета содрогается от вулканов, бушующих в ее недрах. Прозрачные серые струи десятком сокрушающих потоков ударяют в бетонный выступ под дюзами и, разбившись о него, растекаются по лучам-траншеям, изрезавшим стартовое поле.

Серые смерчи перехлестнулись через края траншей и завихрились раскаленной поземкой по серому бетонированному полю.

Стабилизаторы ракеты уже висят в воздухе. Медленно, содрогаясь от напряжения, она ползет вверх... все выше... выше!

Монолитная громада ракеты всплывает над горами... какое-то время висит недвижимо и вдруг начинает неудержимо падать — вопреки законам тяготения — вверх, в небо!

Где-то в горах начался обвал...

И тотчас на экран хлынул поток газет и журналов. Броские шапки. Кричащие заголовки. Сенсация!

— Полет на Венеру!

— Дан старт космической ракете русских!

— Активный участок траектории преодолен благополучно. Двигатели выключены. Корабль лег на курс!

На всех языках мира в эти дни дикторы и комментаторы твердили одно:

— Впереди сто сорок шесть суток полета в пустоте!

— Впереди загадочная Венера!

— Самая дальняя, самая трудная и самая безопасная экспедиция в истории человечества!

Прошло десять дней...

Бездна. Она казалась бы черной-черной, не будь в ней такого количества звезд, звезд разноцветных и немигающих. В пустоте висит чудесный шар. Освещена только одна половина его. Голубоватая, тающая по краям дымка окутывает освещенное полушарие и двумя узкими лентами заходит на теневую половину. Наша Земля! Такой выглядит она «со стороны», из космического пространства. Сверкают ее полярные снежные шапки. Белые облака тонкой пленкой задерживают отдельные детали невиданного «глобуса». Моря и океаны кажутся не голубыми, а черными...

Это видит профессор Бахарев на огромном экране, когда идет вправо, вдоль щита управления ракетой, мимо бесчисленных шкал.

Мерно бьется электронный пульс пульта управления. Монотонно звучат шаги Бахарева. Вот он поворачивается и идет назад. Теперь в поле его зрения попадает левая стена центрального поста. Она кажется стеклянной, ибо представляет собой огромное световое табло. На табло прочерчена линия заранее рассчитанной трассы полета. Цели путеше-

ствия еще не видно, как не видно уже и его начала. Красный огонек ракеты медленно ползет по этой линии, словно нанизанный на нее.

Бахарев поворачивается и идет назад. Должно быть, это безостановочное хождение Бахарева вошло в быт участников экспедиции, стало привычным.

Академик Забродин, отложив ленты с результатами записи приборов-самописцев, провожает Бахарева глазами и замечает:

— Со временем космические полеты будут считаться самыми скучными из всех видов путешествий.

— Да, да, Федор! — остановившись, откликается Бахарев. — Иногда мне начинает казаться, что ракета... остановилась. Как тянется, тянется время! Как далеко еще до Венеры!

— Ракета летит со скоростью **ОДИННАДЦАТЬ КИЛОМЕТРОВ В СЕКУНДУ**, — замечает Градов, — пройдено **ДЕСЯТЬ МИЛЛИОНОВ КИЛОМЕТРОВ!**

В это время на столике Бахарева мигает синяя лампа и жужжит зуммер радиотелефона.

Мерным шагом Бахарев подходит к столику и снимает трубку. С этого момента начинается переполох на ЦСУ.

— Направление? Скорость? Границы? Густота? — задает Бахарев сразу четыре тревожных вопроса.

Угрожающе дребезжит звонок. Из репродукторов доносится голос Бахарева:

— Тревога! Метеоры на трассе корабля!..

Распахиваются двери, и вдоль тесного коридора бегут лю-ди.

— Тревога! Метеоры на трассе корабля!..

Алимкулов первым подбегает к двери с табличкой «**ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ПОСТ**» и распахивает ее.

Первый взгляд Алимкулов бросает на экран. В серебристо-черной бездне сияют два серпа — Земли и ее верного спутника Луны.

Второй взгляд Алимкулов бросает на световое табло.

Огонек ракеты по-прежнему медленно ползет среди

звезд, словно нанизанный на линию трассы. Кажется, ничто не предвещает опасности. Но люди уже знают о ее приближении!

— Убрать ракету с пути метеорного роя! Убрать с трассы! — командует Бахарев, замерший посреди отсека главного пульта. — Федор Платоныч, приготовьте программу для работы двигателей!

— Слушаюсь. Алексей Павлович! — отзывается академик Забродин, и его пальцы мелькают над клавишами счетной машины.

Первый отзвук космической грозы появляется в виде сухого треска. Это первое столкновение с крупинкой космического вещества весом в тысячную долю грамма. Потом колючий звук повторяется...

Еще удар.

— Ускорьте, голубчики, операцию! — тихо просит Бахарев.

Забродин видит, как заложенные за спину руки Бахарева нервно сжимаются.

Звук трех ударов подряд!

— Насколько реальна опасность? — подступает к Градову Алимкулов.

— Если ракету догонит всего один метеорит весом в несколько граммов, она будет уничтожена! — отвечает Градов.

— Такой крупный метеорит может встретиться ракете не чаще одного раза в сто лет! — замечает Забродин.

— Но не обязательно в последний день столетия, — включается в разговор Бахарев. — Столкновение может произойти и в двадцатый и в любой другой день полета.

— К тому же мы врезались в самую гущу метеорного роя! — отзывается Градов. — Смотрите!

На большом экране зароились крошечные, разнокалиберные звездочки. Ну, точно пылинки в солнечном луче! Только эти пылинки пролетают мимо ракеты со скоростью ВОСЕМЬДЕСЯТ КИЛОМЕТРОВ В СЕКУНДУ! Грохот становится частым и беспорядочным.

— Иван Митрофаныч, что же двигатели?! — тревожно спрашивает Бахарев.

Резко и сразу к звуку ударов метеоритов присоединяется грохочущий гул.

На экране видна кормовая часть ракеты. Из нее вырывается ослепительный сноп пламени. Он бьет не прямо назад, а немного вверх.

Все поворачивают головы в сторону табло.

Огонек ракеты начинает сползать с линии трассы. Он отдаляется от нее все скорее... скорее...

И в тот самый момент, когда улыбка облегчения готова затеплиться в уголках бахаревских губ, раздается самый сильный удар. Удар скрежещущий, гулкий!

Гаснет экран.

Гаснут контрольные глазки пульта.

Зловещая тишина. В полутьме не слышно дыхания людей.

Старый Бахарев шатается... хватается руками за грудь и, опускаясь прямо на пол, хрипло просит:

— Федор... там, в аптечке... на нижней полке...

К профессору кидаются три фигуры: Забродин, Градов и Алимкулов.

Они несут старого профессора по тесному коридору мимо двойного ряда дверей... Тупик. Здесь Градов нажимает в серой стене рычаг. Участок стены начинает опускаться вниз... Открывается ниша и дверь в ее глубине.

Под синим небом сверкают над облаками гигантские рефлекторы ЦСУ — Центральной станции управления. Гудят под ветром массивные фермы, вросшие в приземистое железобетонное основание...

Вдруг участок стены начинает опускаться вниз... Открывается ниша... дверь! Из двери Забродин, Градов и Алимкулов выносят Бахарева.

От приземлившегося невдалеке вертолета бегут Мажид Сармулатов и Дарья Матвеевна в белом халате.

Бахарев открывает глаза.

— Почему несете? — спрашивает он. — Не надо нести! Я сам...

Он опускает ноги на землю и действительно идет, подерживаемый Градовым и Забродиним.

Когда старик видит бегущих навстречу Мажида и врача, он останавливается и, сжав лицо ладонями, задумывается...

— Что случилось?.. Куда вы меня?

— Немедленно вниз, в долину! — кричит Дарья Матвеевна. — Ему нельзя оставаться в горах! Я предупреждала!..

Оказывается, — об этом можно было догадаться и раньше — Центральная станция управления ракетой находится не в самой ракете, а на Земле.

Над облачным полем, кренясь прозрачной кабиной книзу, летит вертолет. За рулями — Мажид Сармулатов.

Сзади над лежащим Бахаревым склоняется Дарья Матвеевна.

— Не очень резко, но вниз, вниз! — просит она пилота.

Мажид молча кивает, и вертолет погружается в туманное месиво облаков...

— Как вы смели?! Назад! В ЦСУ! — протестует Бахарев. — Мажид, вы слышите, что я приказал?!

— Среди больных приказываю я! — отвечает Дарья Матвеевна. — Вам нельзя оставаться в горах.

— Мне надо! Надо! Вы понимаете, что там происходит?! — разгневанно кричит старик.

— С вашим сердцем? С вашим давлением? Нельзя! Нельзя! Это очень трудно понять?!

— Мне надоело слушать одно и то же! — морщится Бахарев. — «Сердце — давление», «сердце — давление».

— Разве не все равно, как называется болезнь, из-за которой вы можете не узнать об итоге экспедиции на Венеру? — с расстановкой спрашивает старая женщина, и Бахарев сразу никнет.

— Ну-ну, — бурчит он, — нечего пугать старика. Стариков утешать надо. Мне вредно волноваться...

Дарья Матвеевна кладет руку на лоб профессора.

— Алексей Павлович, — печально говорит она, — мы друг о друге знаем все. Я знаю, как ждешь ты посадки на Венеру...

— Мне надо знать, на что я истратил последние двадцать лет жизни... может быть, всю жизнь, — тихо признается Бахарев.

— Так слушай меня, старый товарищ, — грустно и очень искренно говорит Дарья Матвеевна, — еще одно... только одно путешествие в горы... и ты больше ничего и никогда не узнаешь о своей ракете.

Оба задумываются о серьезном и грустном...

Вертолет над степью. Внизу — городок планетной обсерватории.

— Связь с ракетой восстановлена? — спрашивает Бахарев.

— Да, восстановлена. Она летит там! — раздраженно и с непонятной обидой машет рукой старая женщина. — Летит твоя ракета.

Помещение центрального поста.

Огонек ракеты снова ползет по линии трассы.

На большом экране по-прежнему сияет «двойная звезда»: Земля и ее верный спутник. Словно ничего не случилось.

— Что же было?! — спрашивает Забродин Градова, когда он, тщательно просмотрев показания всех приборов пульта, возвращается на свое место.

— Разбита солнечная электростанция ракеты, — мрачно отвечает Градов.

— У нас осталась атомная электростанция, — облегченно вздохнув, успокаивается Забродин.

— Кроме того, разбит запасной бак рабочей жидкости.

— Что это значит?

— Если мы начнем тратить запасы жидкости на работу электростанции, у нас не останется ее для посадки на Венеру!

— Это катастрофа?.. — слышится голос журналиста Алимкулова.

— Это убьет Бахарева, — поворачивается к нему Градов, — он не должен узнать об этом.

— Что делать?.. Ивам Митрофанович, вы командир корабля! — говорит Забродин.

— Давайте думать вместе, — отвечает Градов, — вы теперь начальник экспедиции...

На двери, там, где обычно вывешивают «Без доклада не входить» и прочие негостеприимные надписи, висит табличка:

«Я ВСЕГДА И ДЛЯ ВСЕХ ДОМА»

Дарья Матвеевна снимает ее.

Это производит большое впечатление на Мажида. Низенький медлительный казах с горящими черными глазами порывисто шагает к старой женщине:

— Надо перелить кровь? Возьмите мою. У меня хорошая кровь. Я родился и вырос в степи!

Из глаз Дарьи Матвеевны выкатываются две скупые слезинки. Она привлекает к себе Мажида.

— Вы любите его, юноша... помогите мне оградить этого неутомонного старика от волнений. Спокойствие сейчас единственное лекарство, которое ему поможет.

— Никого не пушу! — клятвенно обещает Мажид. — Спать буду на этом пороге!

Обложенный подушками, Бахарев лежит на диване в своем рабочем кабинете при Планетной обсерватории. Сейчас особенно заметно, что старому ученому далеко за семьдесят лет, что он нездоров. Может быть, болезнь зажгла глаза старого ученого таким лихорадочным огнем? О чем думает он? Что его тревожит? Ответ каких волнений делает старческие глаза такими выразительными?

«Можно обмануть старую женщину, можно обмануть всех, но... нельзя обмануть самого себя, — думает ученый, — Я уже стар и... «это» может прийти и завтра и через час... Значит, я обязан рассказать миру о своей догадке, убедить людей. Но как это сделать?... Мне никто не поверит. Даже посмеются. И все же я обязан это сделать! Может быть, этой догадкой измерится впоследствии вся ценность моей жизни...»

О чем тревожится ученый? Он беспокойно ворочается в постели, протягивает руку к тумбочке и берет толстую тетрадь и авторучку.

— Если я подробно... последовательно расскажу, как я пришел к своей догадке, мне поверят, должны поверить! — бормочет ученый.

Он пытается что-то написать в тетради, но ослабевшие руки не слушаются. То тетрадь, то ручка выпадают из них. И Бахарев даже стонет от обиды, от отчаяния, от бессилия.

Скрипит дверь, на пороге — Мажид. Он подходит к постели, берет тетрадь и ручку и уносит на стол.

— Нельзя, Алексей Павлович, — строго говорит Мажид, — работать нельзя. Волноваться нельзя!

— Нельзя волноваться, — соглашается Бахарев, — и вот, чтобы я не волновался... придвинь диктофон.

— Дарья Матвеевна... — опять было начинает Мажид, но Бахарев улыбается и перебивает его:

— А мы, голубчик, ничего не скажем Дарье Матвеевне. Ей тоже вредно волноваться...

Мажид еще некоторое время крепится, стараясь сохранить на лице строгое выражение, но потом не выдерживает и улыбается...

Диктофон у постели ученого. Близко придвинув микрофон к губам, Бахарев протягивает руку и щелкает выключа-

телем.

Вертятся бобины, протягивая ленту.

Бахарев сосредоточивается...

— Все началось с того, что мне никто не поверил. Отвергли результаты моего двадцатилетнего труда...

Глаза ученого, взгляд которых обращен в прошлое...

Через газетно-журнальное мелькание просвечиваются антенны, устремленные в безоблачное небо.

Все, что мы видим, — это воспоминания Бахарева. Вот он стоит, склонившись над лентой, и лихорадочно перебирает ее руками. Лента, испещренная загадочными значками,

— во весь экран. Снимки этой ленты — на страницах газет и журналов. И дикторы всех частей света волнуют своих слушателей сенсацией:

— Новый радиотелескоп Планетной обсерватории принял загадочные сигналы с Венеры!

— Сигналы с загадочной планеты!

— Самая близкая и самая загадочная планета!

— Кто расшифрует загадочные сигналы?

— Растения-радиостанции!

— На Венере есть жизнь! Так утверждает знаменитый Бахарев!

— На Венере нет, и не может быть жизни. Даже сам профессор Бахарев не обнаружил там воды и кислорода, — слышен властный голос академика Забродина.

Длинной указкой он постукивает по схеме, висящей перед ним. На схеме изображены Земля и Венера, соединенные двойной пунктирной линией. Забродин продолжает:

— Я предлагаю не совершать посадки на Венеру. Пусть ракета приблизится к планете, несколько раз облетит ее, произведет соответствующие наблюдения и вернется назад, на Землю... В заключение могу добавить: гипотезу профессора Бахарева о природе Венеры отвергаю не только я. Гипотеза профессора Бахарева не отражает мнения большинства астрономов-планетчиков!

— В подобных вопросах большинство не всегда оказывается правым! — с живостью, свойственной темпераментным людям, отзывается Бахарев. Он стоит у своей схемы экспедиции на Венеру. Здесь планеты соединены не двойной, а одинарной линией.

— И докажет это экспедиция не ВОКРУГ Венеры, а НА Венеру, уважаемый Федор Платоныч!

Мы переносимся в квартиру Бахарева. Профессор лежит в кровати, в его руках микрофон. Усталые, больные глаза. Крутятся бобины, протягивая ленту. Бахарев думает мгновение и, напрягаясь, говорит в микрофон:

— Это была кульминация, высшая точка спора, который начался пятнадцать лет назад. Это было... мое поражение.

Мы снова там, где обсуждаются проекты экспедиции на Венеру. Движение в группе конструкторов. Поднимается молодой инженер Градов.

— Алексей Павлович, — говорит он, обращаясь непосредственно к Бахареву, — мне лично... интереснее верить, что жизнь на Венере есть. Мне интереснее проектировать ракету для полета не ВОКРУГ Венеры, а НА Венеру, как предлагаете вы. Но... дайте нам не гипотезу, а точные, хорошо проверенные данные для конструирования такой ракеты. Что ждет ракету на Венере? К чему мы должны подготовить ракету заранее? Напоминают ли условия Венеры хотя бы приблизительно что-нибудь земное? Ну... нашу сибирскую тайгу, пустыню Сахару, долину реки Миссисипи...

— Мы не имеем права думать, что условия Венеры похожи на земные, — «директивным» голосом отвечает Забродин. — Венера — это не Земля, не Марс, а Венера. Свои условия. Свой путь развития. Свой мир, который нам не известен и ни на что нам известное не похож.

Градов поворачивается к Бахареву, и тот говорит:

— На Венере сейчас приблизительно такие же условия, какие были на Земле триста миллионов лет назад!

— Мы точно знаем, что было на Земле триста миллионов лет назад? — терпеливо спрашивает Градов.

— На этот счет имеются только предположения, гипотезы! — улыбается академик Забродин,

— Простите, Алексей Павлович, но... вслепую проектировать ракету для посадки на Венеру невозможно! — заключает Градов дискуссию.

Слышен тихий голос Бахарева, говорящего в микрофон:

— И Градов был прав. Доказать мою правоту мог только полет на Венеру. А на Венеру нельзя было лететь потому, что раке-

ту невозможно проектировать вслепую. Я понимал, что гипотезы одного, хоть и важного, старика не могут соперничать с убеждением большинства и отсутствием точных данных о Венере. Разумеется, мы не могли и подозревать, что в это самое время под землей происходит такое, что спутало наши споры, выводы, гипотезы!

Киноаппарат переносит нас в шахту. Молодежная бригада во главе с Мажидом Сармулатовым в хорошем темпе ведет смену.

...Бывают удачные дни: машина ровно и мощно рокочет мотором. Глыбы жирного угля согласно и охотно рушатся на ленту транспортера. И хочется, чтобы эта слаженность и деловитая легкость продолжалась бесконечно... Глаза недавних ремесленников — русских и казахских пареньков — полны азарта и ликования.

Неожиданно в угольной толще скрежещут зубья, и лопается цепь режущего механизма. От звука, резанувшего по сердцу, у Мажида чуть слезы не полились из глаз. Он выключает мотор и кричит:

— Лешка, подрывника!

— Зачем? Давай сращивай цепь, и еще попробуем! — советует долговязый белобровый Лешка.

— Подрывника! — блестят черные глаза Мажида.

Гремит взрыв.

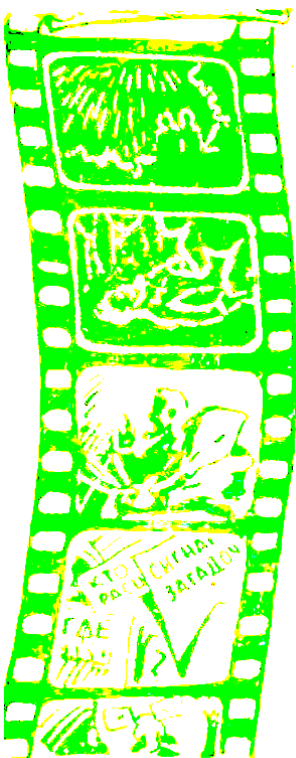
Бригада во главе с Мажидом пробирается в забой.

Мажид первым наводит свою лампу на развороченный взрывом угольный пласт. Он светит в его недра и видит то, из-за чего запоминает этот день на всю жизнь.

Из неровной черной стены торчит... металлическое полушарие.

Мажид пробует ковырнуть ломиком около этого полушария, и вдруг из толщи «угольного пакета» выпадает черная глыба. Полушарие словно впаяно в эту глыбу.

— Каких только штук в угле не находишь?! — бормочет над Мажидовым ухом Лешка. — То целые бревна окаменелые, то листики...

— Листики! — сиплым от изумления голосом шепчет Мажид. — Листики вырастают, а эту штуку... сделали!

Мажид светит вокруг и находит еще одну глыбу с «гнездом» в середине. Он соединяет их, и полушарие оказывается в недрах одной большой угольной глыбы.

— Давай кончай работу! — вдруг приказывает Мажид и, кивнув Лешке, выбегает из забоя. Он прижимает находку к груди.

Клеть подъемника с рабочими взлетает на-гора.

— Бомба, Мажид? — спрашивает Лешка, опасливо поглядывая на полушарие.

— Откуда может оказаться в угле бомба?! — отвечает Мажид.

Перемазанные угольной пылью Мажид и Лешка катят железную тачку по двору шахтоуправления.

В тачке громыхают два угольных куса и... цельный металлический шар величиною с арбуз.

Они прямо с тачкой въезжают в здание шахтоуправления. Вокруг них толпа. Все кричат, размахивают руками, хватают рабочих за плечи. Лешка суетливо отмахивается свободной рукой. И только Мажид невозмутим. Он упорно пробивается вперед, к двери с табличкой «Главный инженер».

— Они с ума сошли! Прямо с тачкой въехали! — сообщает всем вновь подбегающим секретарша «главного».

По коридору бежит дежурный врач в белом накрахмаленном халате.

На шум открывается обитая коричневой кожей дверь и выходит «главный». Он машет рукой и грозно глядит на

тачку. Взглянув, говорит последние разумные слова, которые слышали от него в этот день. Он говорит:

— Откуда это у вас, Сармулатов?!

— В угле нашли. В пласту, — отвечает Мажид, — давай организуй комиссию, Иван Иванович.

«Главный» берет шар, прижимает к белой шелковой груди и идет в кабинет. Мажид с Лешкой беспрепятственно катят за ним тачку по красной плюшевой дорожке.

Дверь, обитая коричневой кожей, захлопывается перед носом секретарши.

Тишина и недоумение в приемной.

Когда через минуту секретарша заглядывает в кабинет, мы видим: Иван Иванович — черный, потный и сопящий над угольной глыбой — машет досадливо рукой:

— Нету, нету меня. Дома... или там... в тресте!

Секретарша понимающе кивает головой и осторожно прикрывает дверь.

— Совещается с бригадиром молодежной бригады, товарищем Сармулатовым, — поясняет она собравшимся...

Вечером того же памятного дня...

Планетная обсерватория.

Градов почти бегом проходит мимо грандиозной антенны радиотелескопа и стройной башни главного инструмента обсерватории... В саду, где причудливо смешались представители скудной растительности Крайнего Севера, высокогорных областей Памира и безводных пустынь Средней Азии, Градов встречается с врачом профессора Бахарева. Старая женщина воинственно настроена.

— Предупреждаю вас, молодой человек! — еще издали начинает она. — Я запретила профессору Бахареву волноваться. Я запретила ему заниматься даже его депутатскими делами!

Она решительно загораживает инженеру путь к профессорскому особняку.

И очень может быть, что женщина так и не пустила бы Градова к профессору, но... у особняка слышится грохот и старческий голос...

Взъерошенный профессор Бахарев в полосатой пижаме, размахивая большим молотком, приколачивает что-то к двери и кричит между ударами:

— Уговаривать меня приехали?.. Ну идите! Идите сюда!.. Да не слушайте вы эскулапа. Эта старая женщина понимает в сердцах, но ничего не смыслит в людях!

Дарья Матвеевна обиженно поджимает тонкие губы и, ни слова больше не говоря, идет вон из сада... Дорога к профессорскому дому открыта.

Бахарев уже приколотил к двери табличку, на которой написано:

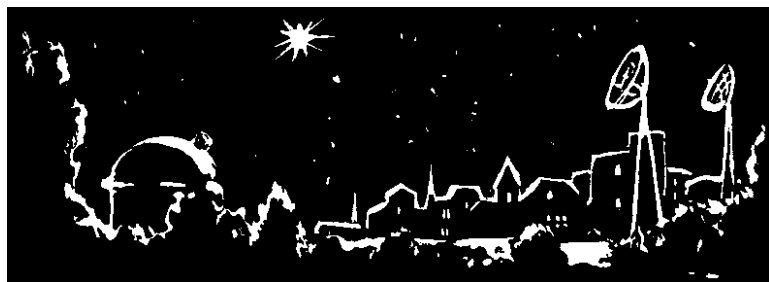
«Я ВСЕГДА И ДЛЯ ВСЕХ ДОМА!»

В кабинете он влезает на стул и вешает над своим рабочим столом другую табличку, на которой значится:

«ПРОШУ САДИТЬСЯ БЕЗ ПРИГЛАШЕНИЯ!»

— Мои избиратели еще не отзывали меня! — говорит старик и, спрыгнув со стула, усаживается на диван.

— Ну-с, голубчик Иван Митрофаныч, вы приехали уговаривать меня? Начинайте, — Бахарев складывает руки на груди и приготавливается слушать терпеливо и долго. Но... не успел Градов и рта раскрыть, старик, встрепенувшись, добавляет: — Только предупреждаю: никакие уговоры не заставят меня отказаться от результатов пятнадцатилетних трудов. Я никогда не соглашусь с проектом Забродина. Никогда! Не для того народ избрал меня своим депутатом, чтобы я помогал без всякого смысла выбрасывать миллиарды народных рублей на ветер... на небо!

— Алексей Павлович, ради бога, разрешите и мне высказаться?

— Ну-ну, чего вы там кипятитесь? — ворчит Бахарев, в гневе которого много усмешки и озорства.

— Разговор не о проектах! Случилось невероятное, и если можете, вам надо немедленно поехать в Академию наук, — говорит, наконец, Градов, полный радостного нетерпения.

— Зачем?

— Не могу... пока не имею права объяснить, но поехать надо. Алексей Павлович, вы потом поймете, поверьте мне!..

Крутятся бобины. Тянется лепта. Мы вновь слышим голос Бахарева:

— Невероятное уже случилось. А люди еще не знали, и все на Земле шло своим чередом...

К зданию президиума Академии наук мчатся автомашины.

Летят вертолеты.

Солидные люди медленно поднимаются по парадной лестнице. Всех встречает секретарь президиума — представительная, сдержанная молодая женщина.

— Почему меня оторвали от дела? Что случилось? — спрашивает у нее академик Забродин.

Она только загадочно улыбается:

— Чрезвычайное происшествие, Федор Платоныч.

Из очередной машины выскакивает расторопный Алимкулов.

— Рада видеть вас, — идет ему навстречу женщина, — но журналисты не приглашены на совещание...

— Настоящие журналисты не ждут приглашения, — восклицает Алимкулов, целуя руку женщины, — настоящие журналисты угадывают сами, где им надо быть!

И, прицеливаясь на ходу объективом фотоаппарата, он устремляется навстречу Градову и Бахареву, которые выходят из машины.

— О-о, вас подняли с постели, Алексей Павлович! Что за чрезвычайное происшествие?

— Если даже вы не знаете, голубчик, откуда знать мне? — хмуро отзывается старик.

По лестнице спускается академик Забродин. — Очень рад видеть вас, уважаемый Алексей Павлович, — говорит он, протягивая руку Бахареву. — Как ваше здоровье?

— Прихварываю помаленьку, но в мои годы это неизбежно, — отвечает профессор.

Они жмут друг другу руки, потом отступают на один шаг и церемонно раскланиваются — корректность противников.

— Вы не могли бы уделить мне двух минут? — спрашивает Забродин, поддерживая Бахарева за локоть.

— С удовольствием, уважаемый Федор Платоныч! — расшаркивается Бахарев.

Они сходят по лестнице вниз и направляются в одну из пустынных аллей парка. В тени акаций останавливаются, и Забродин сразу, без обиняков, начинает:

— Время идет, а дело ни с места. Мы упустили выгодное взаимное расположение Земли и Венеры. И тогда экспедицию снова придется отложить...

— Экспедиция имеет смысл только в одном случае: если она посвящена ИЗУЧЕНИЮ ЖИЗНИ НА ВЕНЕ-

РЕ! — отчеканивает Бахарев. — А изучать жизнь планеты, не опускаясь на нее, как предлагаете вы, изучать жизнь сквозь НЕПРОНИЦАЕМЫЙ ОБЛАЧНЫЙ СЛОЙ — НЕВОЗМОЖНО!

— И все же нам с вами необходимо прийти к единому мнению. Договориться, наконец! — терпеливо настаивает Забродин.

— Нам? Договориться?! — изумляется Бахарев. — О чем? О том, что на Венере нет жизни? И вы думаете, она исчезнет, жизнь на Венере, если мы с вами договоримся?.. Да если все человечество «договорится» до такой нелепости, на Венере ничто не переменится.

— Нелепая, трагикомическая ситуация, — с удивлением качает головой Забродин. — Вы всю жизнь отдали подготовке межпланетных перелетов. И теперь, когда время первого вылета в космос пришло, вы, именно вы, Алексей Павлович, оказались главной преградой в этом деле.

— Почему я? Я в меньшинстве. Голосуйте, и ваш проект будет принят.

— Пока мы с вами не придем к единому мнению и не подпишем заключения комиссии... правительство не утвердит никакого проекта! — в сердцах кричит Забродин, потеряв всякую выдержку.

И, может быть, только для того, чтобы досадить ему, Бахарев спокойно, тихо и внятно заключает разговор:

— Ракета должна лететь не ВОКРУГ Венеры, а НА Венеру!

Старый профессор поворачивается и быстро уходит.

Большой металлический ящик. Он стоит на красном бархате стола президиума. За столом, кроме президента, только двое — Мажид и Лешка.

Когда последние из прибывших на совещание — Забродин и Бахарев — усаживаются в противоположных концах зала, президент поднимается. Он явно взволнован и даже смущен. Он хочет что-то сказать, но раздумывает или не находит нужных слов. Потом молча открывает ящик и вы-

нимает из него сначала... пук грязной ваты... потом глыбу каменного угля.

Участники совещания недоуменно переглядываются.

Президент разъединяет куски угля, из которых сложена глыба, и вынимает... шар — загадочную находку шахтеров. Нервно посмеиваясь, говорит:

— Прошу... взглянуть на этот шарик и... пощупать его руками.

Покрытый черными крапинками шар тускло поблескивает при свете люминесцентных ламп.

Шар передают из рук в руки.

Те, к кому он попадает, выражают на лицах вежливую заинтересованность. С подчеркнутой добросовестностью осматривают шар, гладят его, царапают ногтем, стучат костяшками пальцев и передают дальше. И снова все начинается сначала. Лишь иногда слышится бормотание:

— Шар как шар... Тяжелый... Цельнолитой, вроде ядра...

Когда шар попадает в руки Бахарева, старик «взвешивает» его и недовольно спрашивает:

— Для того нас и вызвали сюда, чтобы шариком играть? Во всяком случае, зачем здесь понадобились астрономы?

Градов переглядывается с президентом, предвкушая эффект, который вызовет разъяснение. Однако президент не спешит удивить аудиторию. Он только говорит:

— Я затрудняюсь сказать заранее, кто окажется здесь нужнее — астрономы, палеонтологи, геологи или представители любой другой науки. Я не знаю, кого больше всех заденет это событие.

— Какое событие? К чему игра в таинственность? — нетерпеливо спрашивает Забродин.

— Товарищ Градов, доложите нам о результатах предварительного исследования шара, — просит президент и садится на свое место.

— Академик Ефремов утверждает, что металл, из которого выплавлен шар, является для него... загадкой. Технология получения такого сплава не известна нашей науке, — так начинает Градов

Бахарев, который хотел уже было передать шар дальше, вырывает его из очередных рук и прижимает к груди.

— Во всяком случае... металл шара обладает целым рядом свойств невероятных. Например, он абсолютно непроницаем для жестких рентгеновских лучей, непроницаем для ультразвука, не плавится при пяти тысячах градусов... — продолжает Градов.

— Позвольте, позвольте! — перебивает Бахарев. — Не торопитесь, и начните сначала. Прежде всего: что ЭТО и откуда ОНО взялось?

— Для того мы все здесь и собрались, чтобы СООБЩА ответить на эти вопросы, — смеется президент и обращается к шахтерам: — Кто из вас расскажет, товарищи?

— Могу я, — с готовностью дергается Леша. Но Мажид «осаживает» приятеля.

— Я расскажу, — неторопливо поднимается он.

В просторном помещении секретариата толпятся многочисленные газетчики.

Распахивается дверь, за которой происходило совещание. Выходит президент.

— Магнитофон, кинооператора! Немедленно! — приказывает он и обращается к газетчикам: — Товарищи, нужен только один из вас.

— Значит, я! — тотчас выходит вперед Алимкулов.

Все засмеялись, но возражать не стали.

Вспыхивает «мигалка». Объекты фотоаппаратов направлены в сторону двери, из которой выходят Бахарев с Мажидом. В руках старика шар, который он теперь не хочет отдавать никому. Старый профессор выглядит ошеломленным, помолодевшим и счастливым.

Президент берет под руки Бахарева и Забродина и направляется к выходу.

По улицам города мчится вереница легковых автомашин. И мы слышим голос Бахарева:

— Кажется, что удивительного может произойти в век атомной энергии и счетных машин, в век строительства искусственных спутников Земли и подготовки межпланетных экспедиций? Оказывается, удивительное может случиться и в такой век. Может! Случилось!

Машина президента. На переднем сиденье — президент и Забродин.

На заднем — Бахарев и Алимкулов. Старый профессор вкладывает в руки журналиста шар:

— Шар как шар, что же тут необыкновенного, не так ли, голубчик? — спрашивает он. — Но есть основания думать, что он попал в угольный пласт во времена образования угля на Земле.

— Триста миллионов лет назад?! — изумляется Алимкулов и невольно отдергивает руки.

— А могли на земном шаре триста миллионов лет назад быть люди? — спрашивает Бахарев.

— В каменноугольный период? Нет. Обезьян даже не было, — неуверенно отзывается журналист, привыкший задавать вопросы, но уж никак не отвечать на них. — Хвощи были. Папоротники древовидные были... Стегоцефалы были... А шар сделали люди?

— Не могли же стегоцефалы отлить шар? — кричит старик. — Откуда он взялся, голубчик? Откуда?

— И вы не знаете? Кто знает? Он знает? — журналист указывает на Забродина.

— И я не знаю, — оборачивается к ним Забродин. — Я знаю только одно: шар не мог пролежать в земле триста миллионов лет. По одной простой причине: триста миллионов лет назад его никто не мог сделать. Слишком неправдоподобно!

— Для вас! — азартно говорит Бахарев.

— Почему только для меня?

Бахарев вместо ответа вкладывает загадочный шар ему в руки.

— Шара не может быть, а он есть. Вот он. Чувствуете, какой тяжелый? Смотрите на него!

— Предпочитаю не верить своим глазам и рукам, чтобы не поверить в чудеса, бога и чорта! — говорит Забродин, возвращая шар Бахареву.

— Вот-вот! — смеется в ответ Бахарев. — Чувствуете, как шар требует себе места в наших теориях? В какой из них ему найдется местечко, а, Федор Платоныч?

— Вы догадываетесь, откуда шар взялся? — поворачивается к Бахареву президент.

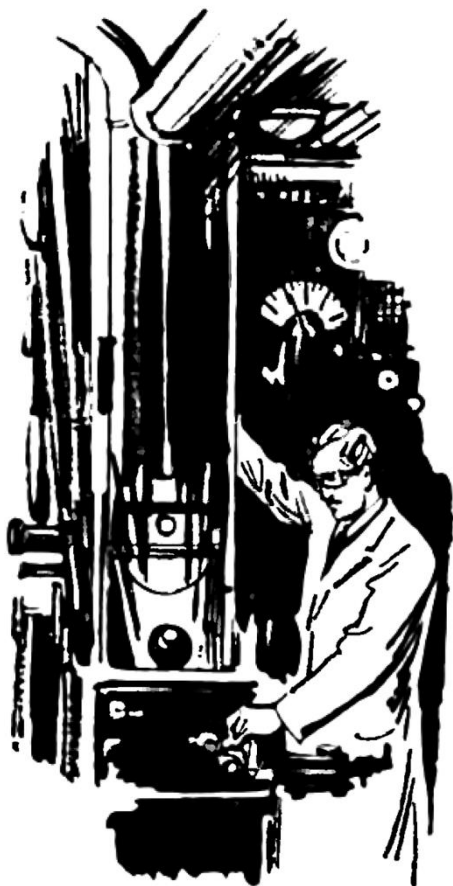
— Каждый из нас догадывается... и каждый по-своему! — уклончиво отвечает Бахарев. — О своем предположении я... не решаюсь сейчас сказать, оно слишком... невероятно. Кстати, мы приехали.

Машина останавливается.

Эти бурные сутки исследователи загадочного шара воспринимали как нечто нереальное. Каждый из них в отдельности и все вместе то впадали в задумчивость, строя всевозможные предположения, то начинали бурно спорить.

Так было и сейчас.

Загадочный шар в руках молодцеватого и по-военному подтянутого профессора. Он осторожно кладет шар под жерло мощной «кобальтовой пушки». Остальные участники

«чрезвычайного совещания» наблюдают за ним через большое смотровое окно из другого помещения. У всех возбужденное состояние. Все настороженно ждут чего-то неожиданного, невероятного.

— Попробуем гамма-лучами! — говорит молодцеватый профессор, выходя к остальным. Он сидится за небольшой пульт перед смотровым окном. — Для «кобальтовой пушки» шар окажется прозрачным, как хрусталь, и мы увидим, что в нем есть. Полторы тысячи грамм-эквивалентов радия! Сейчас эти «полторы тысячи грамм-эквивалентов радия» что-то приоткроют в загадке шара...

Профессор переводит пластмассовый рычажок, и тотчас на его пульте вспыхивает маленький красный глазок. Слышится легкое гудение.

— Радиоактивный кобальт из бункера транспортируется в пушку! — говорит профессор.

Зеленая лампа над пушкой в этот момент мигает и гаснет. Вместо нее вспыхивает красная лампа.

Нервное напряжение туманит лица ученых.

— Просвечивание началось! — объявляет профессор. Кинооператор снимает пульт, пушку, шар под ее жерлом...

Крутятся катушки магнитофона. Звукооператор записывает малейший шорох, который сопровождает это необыкновенное «совещание».

Карандаш Алимкулова лихорадочно скользит по листкам блокнота.

Мажид и Лешка, захваченные всем происходящим, скромно притулились на одном стуле.

Профессор берется за рычаг, собираясь прекратить облучение. Стрелка хронометра на пульте завершает минутный круг.

— Удвойте экспозицию, профессор! — тихо просит его президент.

— Помилуйте! — обижается профессор. — В природе нет вещества, которое оказалось бы непрозрачным для гамма-пучка такой мощности!

Однако он ждет, пока стрелка хронометра сделает еще один минутный пробег.

Вместо красной лампы над пушкой опять вспыхивает зеленая.

— Проявите пленку, — распоряжается профессор.

Лаборант в белом халате несет кассету с пленкой в проявочную.

— Если в шаре что-то есть, мы сейчас увидим! — уверенно обещает профессор.

Открывается дверь лаборатории. С мокрой пленкой в руках входит лаборант.

Профессор — руководитель института — первым глядит пленку на просвет.

— Пожалуйста, — не совсем уверенно говорит он, протягивая пленку Бахареvu.

Пленка. На засвеченном непроницаемо-черном фоне фотопленки — четкая белая «тень». Так что же это: шар или ядро? Есть что-нибудь внутри?

— Нашлось в природе вещество, непроницаемое и для гамма-лучей, — улыбается президент руководителю Института радиоактивных веществ.

— Фантастика! — соглашается тот.

ШИНА

Пленка идет по рукам. Слышатся разочарованные возгласы.

— А не пора ли, товарищи... вспомнить о моем институте? — спрашивает в это время молодой ученый, который из скромности не сказал до сих пор ни слова.

— Ускоритель на сто миллиардов электрон-вольт? — говорит президент, глядя на Забродина, Бахарева и Градова.

— Поехали! — машет рукой Градов.

Машины длинной вереницей мчатся по ночным улицам города. В небе сияет Луна. Летят поперек извечного движения звездной сферы «фонарики» искусственных спутников. Их теперь много — новых планет, изготовленных на заводах.

Спор не прекращается и в машинах.

— Определенно в шаре что-то есть! — кричат из одной.

— Устали глаза — вот мы и начинаем видеть, что нам хочется! — возражают из другой.

— А что нам хочется видеть? Вы знаете?

Темнеет силуэт большого здания, в котором разместился «ускоритель». Вереница машин останавливается у его подъезда.

Нетерпеливой студенческой толпой ученые проходят через двери с тамбуром, идут по глухому длинному коридору. Все одеты в белые халаты и прозрачные пластиковые полукombineзоны...

Двойные двери. Видно, как толсты стены помещения.

Молодой и застенчивый руководитель института сидит перед небольшим смотровым окном с очень толстыми свинцовыми стеклами. Он подает сигнал на пульт управления «ускорителем». В ответ согласно мигают многоцветные огоньки.

Мажид разгоревшимися глазами заглядывает в смотровое окно. Через толстые стекла видны горячая камера и металлические «лапы» манипулятора, которые свешиваются в камеру откуда-то сверху.

Нажимается кнопка.

Под «лапами» в камере появляется наш загадочный шар.

Руководитель установки продевает пальцы в кольца рычагов манипулятора.

— Разрешите начинать? — обращается он к президенту.
— Я готов.

— Да, да, Владимир Николаевич! — кивает ему президент. — Вы здесь хозяин, мы гости.

Руководитель установки производит руками движения, которые со стороны кажутся странными, даже магическими.

Через смотровое окно видно, как оживают «лапы» горячей камеры. Одна из них хватает рычаг, торчащий из стены, и двигает его в сторону. Открывается круглое отверстие. Тотчас же на противоположной стене камеры засветилось голубое яркое пятно. «Лапы» берут шар и устанавливают его в голубом луче. В середине голубого пятна на стене появляется прозрачная тень шара. И на ней отчетливо видно...

Шар полый! И в нем что-то есть! Ученые еще плотнее сбиваются у смотрового окна. По краю тени шара светится более прозрачный ободок, а в середине темнеет четкий силуэт какого-то продолговатого предмета.

— Внутри шара еще один шар, — бормочет Градов, — а в том шаре что-то лежит.

Работают руки ученого. Двигутся рычаги манипулятора.

Двигутся металлические «лапы» в камере, поворачивая шар в мощном голубом луче.

Вдруг из недр камеры слышится щелчок, и возникает легкое шипение.

Владимир Николаевич окидывает тревожным взглядом приборы... Нажимает рычаг...

В камере пропадает голубой луч, но шипение не прекращается. Оно даже усиливается.

— Что случилось? — спрашивает президент.

— Не знаю. Я уже остановил «ускоритель»...

— Это он шипит! Шар шипит! Он дрожит! — восклицает Мажид.

— А вдруг это бомба! — шепчет Лешка, оттаскивая товарища от смотрового окна.

Мажид вырывает руку. Однако на некоторых участников «совещания» замечание Лешки производит впечатление. Они начинают отходить от смотрового окна.

«Лапы» манипулятора расходятся в стороны и выпускают шар. Он действительно дрожит... потом начинает дымиться.

— Горячая камера находится под землей, в бетонированном колодце, — поясняет Владимир Николаевич малодушным, — мы заглядываем туда через перископ.

Но... теперь только он сам, президент, Бахарев, Забродин, Градов и Мажид остались у смотрового окна.

Тесно сдвинув головы и прижавшись носами к стеклу, они жадно глядят и ждут... ждут того, что называется чудом.

С резким шипением шар вдруг выбрасывает из себя струю голубых мелких искр.

Люди невольно закрывают глаза, отшатнувшись. А когда открывают их...

В камере лежат две половинки шара. Вернее, на две половинки распалась толстая металлическая «скорлупа» шара. А из ее недр выкатился... новый шар. Он пестро и очень ярко раскрашен.

— Оператор! Кинооператор, снимайте! — кричит президент.

— Да, да, я сейчас... заело! — бормочет оператор, вытягивая руки с камерой.

Все уже устыдились минутной слабости и кидаются к смотровому окну.

— Газ, который был в шаре, не улетучился? — тревожно спрашивает Бахарев. — Для науки сейчас дорого все! Вплоть до погасших искр!

— Нет, нет, состав газа и его количество мы узнаем! — заверяет его Владимир Николаевич, который поглядывает кругом, не скрывая торжества и гордости за свою мощную технику.

— Смотрите! Смотрите! — кричит Забродин. — Ведь это изображение какой-то планеты!

Раскрашенный шар во весь экран. Должно быть, его краски светятся — так они выразительны и яркие.

— Уберите свет! — просит президент.

Свет гаснет. В темноте шар сияет маленькой самосветящейся и прекрасной планеткой. Океаны, моря и синие реки, материки, покрытые долинами и горами, — все это непривычных очертаний. Поражает отсутствие густой зелени на этой планете. Бледная желто-зеленая краска, однако, разлилась по южному и северному полушарию и господствует на планете. Она захлестнула даже полюса! Планетка охвачена координатной сеткой. Но... то, что должно быть цифрами и надписями, не имеет привычного вида арабских или римских цифр и начертаний букв известных на Земле алфавитов!

— Это Марс? — слышен голос потрясенного Градова.

— Нет, голубчик, — отвечает голос Бахарева.

— Венера?

— О нет! — уверенно отвечает Бахарев.

— Вы можете назвать эту планету? — слышен саркастический голос Забродина.

— Да, — отвечает Бахарев. — Такой была наша Земля триста миллионов лет назад. Это Земля!

Кто-то щелкает выключателем, и вспыхивает свет.

— Земля?! — ошеломленно переспрашивает Градов.

— Откуда она взялась? Не стегоцефалы же сделали шар!..

1980 год... Гигантская ракета-автомат отправляется на Венеру. Неожиданно она сталкивается с метеорным роем. Связь обрывается. Руководитель экспедиции — старый профессор Бахарев — чувствует себя плохо. Со станции управления ракетой, находящейся в горах, его отправляют домой, в Планетную обсерваторию. Здесь Бахарев и рассказывает о событиях, которые предшествовали запуску ракеты.

Литературный сценарий научно-фантастического фильма

(Продолжение)

Василий Соловьев

Рис. Л. Смехова

1980 год... Гигантская ракета-автомат отправляется на Венеру. Неожиданно она сталкивается с метеорным роем. Связь обрывается. Руководитель экспедиции — старый профессор Бахарев — чувствует себя плохо. Со станции управления ракетой, находящейся в горах, его отправляют домой, в Планетную обсерваторию. Здесь Бахарев и рассказывает о событиях, которые предшествовали запуску ракеты.

Все началось с того, что новый радиотелескоп Планетной обсерватории уловил странные радиоизлучения Венеры. Бахарев объявил, что это сигналы жизни. Академик Забродин выступил с заявлением, что на Венере нет и не может быть никакой жизни. Спор ученых достиг апогея, когда было принято решение об исследовании Венеры специальной ракетой-автоматом.

Академик Забродин предложил запустить автомат так, чтобы он облетел вокруг Венеры и вернулся на Землю. Бахарев вместе с конструктором Градовым предложили другой проект: оставить ракету на Венере! Но тут произошло удивительное событие. Шахтеры Макид и Лешка нашли в толще угольного пласта металлический шар. Специальная комиссия пришла к выводу, что шар попал в недра угольного пласта ОКОЛО ТРЕХСОТ МИЛЛИОНОВ ЛЕТ НАЗАД! Кто изготовил его? Кто положил в землю?

Крупнейшие ученые республики во главе с президентом республиканской Академии наук принимаются за исследование загадочного шара.

Когда шар начали «просвечивать» мощным потоком частиц в гигантском ускорителе, он вдруг раскрылся сам собой. А внутри металлической «скорлупы» оказался своеобразный «глобус» — модель какой-то неведомой планеты. «Это Марс?.. Венера?» — терялись в догадках ученые. «Это Земля. Такой была наша Земля триста миллионов лет назад!»

Так сказал профессор Бахарев...

— Алексей Павлович — неисправимый геоцентрист, — смеется Забродин. — Ему всюду мерещится Земля. На Марсе он обнаружил голубую тянь-шаньскую ель, на Венере — каменноугольный период...

— Нет, вы уж позвольте, Федор Платоныч! — вдруг выступает вперед сухонький старичок. — Я, как тектонист, заявляю: Алексей Павлович прав. Именно таким было рас-

положение материков на Земле в каменноугольном периоде, в Карбоне!

Поддержка оказывает на Бахарева неожиданное действие. Он вдруг затрясся от гнева и, покраснев, кричит на Забродина:

— А вы, милостивый государь, идеалист! Идеалист все последние пятнадцать лет жизни! Разучившийся мечтать, собиратель мертвых фактов!

— Что здесь происходит?! — слышится возмущенный женский голос.

Все оборачиваются. В дверях стоит Дарья Матвеевна.

— Шесть часов утра, — говорит она, — поглядите друг на друга. Вы больные люди. Все, все больные люди.

Ученые переглянулись. После пережитых волнений и бессонной ночи они выглядели неважно. Лица у всех, и особенно у Бахарева, были землистыми, под глазами зияли темные круги. А Дарья Матвеевна обратилась к президенту:

— Товарищ президент, позвольте вам заявить, что вы растраниживаете здоровье наших ученых!

— Дарья Матвеевна, бывают случаи... — миролюбиво начинает президент, однако старого врача не так-то легко остановить.

— Да, да, товарищ президент, растраниживаете. А профессора Бахарева вы хладнокровно убиваете! У профессора Бахарева постельный режим. Но профессор Бахарев тоже здесь и продолжает изнурительную войну с академиком Забродиныным. Почему вы до сих пор не можете примирить их?! — И Дарья Матвеевна своей мужской походкой, развернув по-солдатски плечи и высоко неся голову, выходит из зала и идет по длинному коридору.

Из подъезда вслед за ней выходят наши ученые. Они щурятся под лучами солнца и в молчании расходятся по своим машинам. Все устали, очень устали, и это особенно заметно при бодрящем свете утреннего солнца.

Один только сухонький старичок, назвавший себя тектонистом, выглядит именинником. Он хватает всех за руки и приговаривает:

— Бесценные, бесценные факты! Бесценные для палеоклиматологов! Бесценные для палеогеографов, для всех исследователей далекого прошлого Земли!

Алимкулов намеревается опять сесть в машину президента следом за Бахаревым. Но президент довольно недвусмысленно загораживает ему дорогу:

— Итак, до вечера. Спать и ни о чем не думать. Вечером все должны приехать со свежей головой. Вечером мы посмотрим, что находится внутри шара. Мы еще не знаем главного. Мы не знаем, откуда шар взялся и что это такое!

И машина трогается с места.

Солнце поднялось над горами. Лучшие часы в жизни любого города, а тем более южного.

Журчат арыки, в цветниках, окаймляющих тротуары, плещутся фонтаны. Под ветерком, прилетевшим с гор, шелестят акации, березы, тополя, карагачи, ветви которых переплелись над улицами сплошным зеленым шатром.

— Я думал, откроется шар, из него... джин вылетит, как в сказке. Начнет летать по комнате, чудеса делать. А там... глобус оказался. Обидно очень... Совсем ничего не понимаю... А ты понимаешь? — раздумчиво спрашивает Мажид. Они с Лешкой медленно идут по улице.

— Да! — счастливо подхватывает Лешка. — Нас с тобой для кино в Академии наук снимали, потом — когда я в машину залезал, потом — когда мы с ящиком из машины вылезали, потом — когда его пушкой просвечивали, потом — когда он раскрылся! Пять раз для кино снимали!

Лешка возбужден. Он влюбленно сверху вниз заглядывает в Мажидовы глаза, хватая его за локоть, забегает то с одной, то с другой стороны.

— Мажид, в парк пойдем? Подкрепимся шашлычком, а потом в пруд, а? Поныряем и в кустики завалимся спать, а, Мажид?

— Чего в «кустики»? Какие «кустики»? — удивляется Мажид. — Работать за нас кто будет? Иван Иванович? Нам в утреннюю смену, ты забыл?

— Чего?!. — по-настоящему опешил Лешка. — Шарик-то еще не до конца открыли!

— Без нас откроют, Лешка! — объясняет Мажид. — У них своя работа: шарики открывать. У нас своя: уголек рубать!

— Мажид... Ты погоди, Мажид. — Лешка даже растерялся. — Да ты не понимаешь, что ли? Мы ж теперь... фигуры! Нам академики ручку жали! Мы ведь шарик-то нашли! Мы!..

— А какая наша заслуга, что нашли? — рассудительно замечает Мажид. — Нашли мы — могли другие найти.

— Могли другие, да не нашли. А мы нашли. Значит, наше счастье. И пользуйся, раз привалило! — горячится Лешка, возмущенный непонятливостью друга чуть ли не до слез. — Нам повезло!

Лешка дрожит, как в лихорадке. Когда Мажид, наконец, понимает Лешкины планы, ему делается противно.

— Ну, справку тебе здесь дадут. Начальство прогула не запишет, — неприязненно говорит он, — а я не начальство, учти! Из нашей бригады уйдешь!

И маленький Мажид широко зашагал на своих коротких ногах прочь от Лешки.

— Да ты же чудной, Мажид! — кричит ему вдогонку Лешка. — Ты ничего не понимаешь в жизни! Ты дурень несусветный!

...Сад на даче президента. — В гамаке под старым кленом — профессор Бахарев. Прищурившись, он смотрит в зеленую чащобу, опрокинувшуюся над ним, и... мечтает вслух:

— Кто сказал, что мы не знаем, откуда взялся шар? Знаем!

— Откуда? — слышен голос президента.

— Шар оставлен теми, кто смотрел на нашу Землю со стороны, из другого мира. Земной шар казался им прекрасной голубой звездой... точно такой, как Венера! Они видели мощную голубую атмосферу. «Что закрывает атмосфера

голубой звезды от метеоритов, космических лучей и губительных излучений Солнца?» — думали они. И поняли: жизнь! Жизнь! И они решили нанести визит жителям голубой звезды!

— Кто «они», Алексей Павлович? — спрашивает президент, который лежит в соседнем гамаке.

— Разумные существа другой планеты. Гости из другого мира.

И Бахарев, все более и более воодушевляясь, начинает создавать легенду.

— Их космический корабль проник под облачное покрывало нашей Земли и опустился на ее поверхность. И гости увидели болото. Болото на все четыре стороны. Туманное болото без конца и края. И небо, в котором почти не бывало Солнца. И самое начало жизни. Только начало... Лес папоротников и хвощей... гигантские насекомые... первые земноводные...

Под гамаками стоит раскладной топчан. Здесь лежит Забродин. Он слушает Бахарева. Он слушает, и его строгое, дисциплинированное воображение начинает работать. Перед ним мелькают схемы, чертежи, страницы книг... Бахарев говорит об эпохе папоротниковых лесов, а перед внутренним взором Забродина проплывает обрывок таблицы, изображающей чередование эпох в развитии Земли: «КАРБОН — 300 МИЛЛИОНОВ ЛЕТ НАЗАД...» Бахарев говорит о первых растениях и животных Земли, а Забродин видит стенды палеонтологического музея, стволы окаменевших деревьев, отпечатки листьев, скелеты ископаемых животных, схематические рисунки пейзажей каменноугольного периода Земли.

А голос Бахарева продолжает:

— Буйная и разнообразная жизнь встретила гостей Земли. Но человека — ЧЕЛОВЕКА! — ЕЩЕ НЕ БЫЛО! Гости застали утро жизни, ее начало. И гостям стало немножко грустно: прилетели, а хозяев нет. И некому принять гостей...

Опять перед нами глаза Забродина. Опять мы проникаем в мир его воображения. Титульный лист книжки «Война ми-

ров» Уэллса... Ключья дыма... Большой цилиндр, наполовину зарывшийся в землю. Крышка цилиндра отвинчивается и спадает. Через край цилиндра свешиваются безобразные щупальца... голова омерзительного чудовища с клювом...

— Однако жизнь на планете началась. Значит, появится со временем и человек! Непременно появится человек! — слышен голос Бахарева.

Забродин встряхивает головой.

— Почему именно человек? — спрашивает он. — Могли же на Земле какие-нибудь пингвины или бобры стать разумными существами и завладеть планетой?!

— Потому, что гости сами были человекоподобны! — отвечает вдохновенно старый профессор. — Они знали законы развития жизни, знали историю своей планеты. И они поняли: на голубой планете человек появится через сотни миллионов лет.

— Вот где корень всех его ошибок! — говорит Забродин президенту. — Он все меряет нашими, земными мерками. А на других планетах — свои мерки!

Президент жестом просит его не прерывать Бахарева. Да Бахарев и не слышал ничего.

— И у гостей родилось дерзкое намерение: послать людям, которые еще не появились, посылку. Оставить будущим людям память о своем посещении Земли... Получите наш привет, будущие люди. Вы не одиноки во вселенной. На других планетах тоже есть ваши братья. Мы были у вас, но — простите великодушно — слишком рано. Вы еще не существовали...

Бахарев прижимает руку к сердцу. Он сидит в гамаке и раскланивается церемонно и торжественно, в манере старомодных и учтивых российских интеллигентов.

Забродин и президент смотрят на него. Жест Бахарева кажется им немножко смешным, но они не смеются.

— Только куда положить почту, чтобы она дошла до вас, будущие люди? Планета огромная, а посылка — крошечная. Идти ей до вас — сотни миллионов лет. Куда положить ее, чтобы она не затерялась на дороге времени?

— Куда? — повторяет Забродин.

— Куда? — лукаво смеется сам Бахарев.

— Действительно, куда? — повторяет президент.

— В болото надо положить, голубчики! В болото надо положить шар! Бросить в болото! — смеется радостно Бахарев.

— Почему именно в болото? — запальчиво спрашивает Забродин.

— Очень просто! — отвечает Бахарев, увлеченный ходом своей мысли. — Пока произойдут люди, на месте болота будет каменный уголь. А может цивилизация развиваться без каменного угля?

— Нет, не может! — подхватывает президент. — Техника, производство на определенном этапе не могут развиваться без каменного угля!

— Гости знали это на примере своей цивилизации! — продолжает Бахарев. — И они рассчитали просто: люди будут искать уголь и найдут в угле нашу почту, наш привет! И мы нашли...

— Убедительно? — спрашивает президент Забродина.

— У профессора Бахарева всегда была великолепная фантазия, — отвечает Забродин.

— Но шар найден именно в каменном угле! — напоминает президент.

— Даже школьники умеют подогнать задачку под ответ, — раздраженно отвечает Забродин. — А впрочем, все это слова, разговоры, а важны только факты. Посмотрим, что окажется в шаре...

Мы вновь переносимся в комнату Бахарева, где профессор вспоминает события прошлого. Он в полосатой пижаме, заложив руки за спину, вышагивает по своему кабинету.

Кто-то стучит в дверь, но старый профессор, погруженный в свои мысли, не слышит. Он подходит к диктофону, включает его и говорит:

— В тот же вечер мы собрались, чтобы исследовать загадочный шар дальше, чтобы открыть вторую оболочку шара и поглядеть, что же нам прислали гости Земли...

Дверь кабинета открывается, и на пороге — Мажид с кожаной папкой в руках.

Бахарев выключает диктофон и устремляется навстречу Мажиду:

— Ну, что там? Как там? Где ракета?

— Не подходите ко мне, я холодный! — смеется Мажид, протягивая папку профессору.

— Там холодно, у них наверху?

— Везде холодно, Алексей Павлович. Первый снег выпал.

Бахарев подходит к окну. За окном весело пляшут пушистые белые мухи и, касаясь черной земли, исчезают.

— Уже зима! — изумляется Бахарев. — Зима... а она летит там. Все дальше и дальше... И только ниточка радиоволн связывает ее с Землей, с нами... И эта ниточка все тоньше, тоньше... Она скоро начнет рваться.

Бахарев раскрывает папку и выкладывает на стол груды записок и фотографий, привезенных Мажидом.

Большой снимок огромного серпа Венеры. Бахарев склоняется над ним.

— И загадочная стыдливая красавица все ближе, ближе! — бормочет он. — Скоро мы узнаем, что скрываешь ты под своим облачным покрывалом. Скоро станет ясно, применимой ли на практике окажется моя догадка...

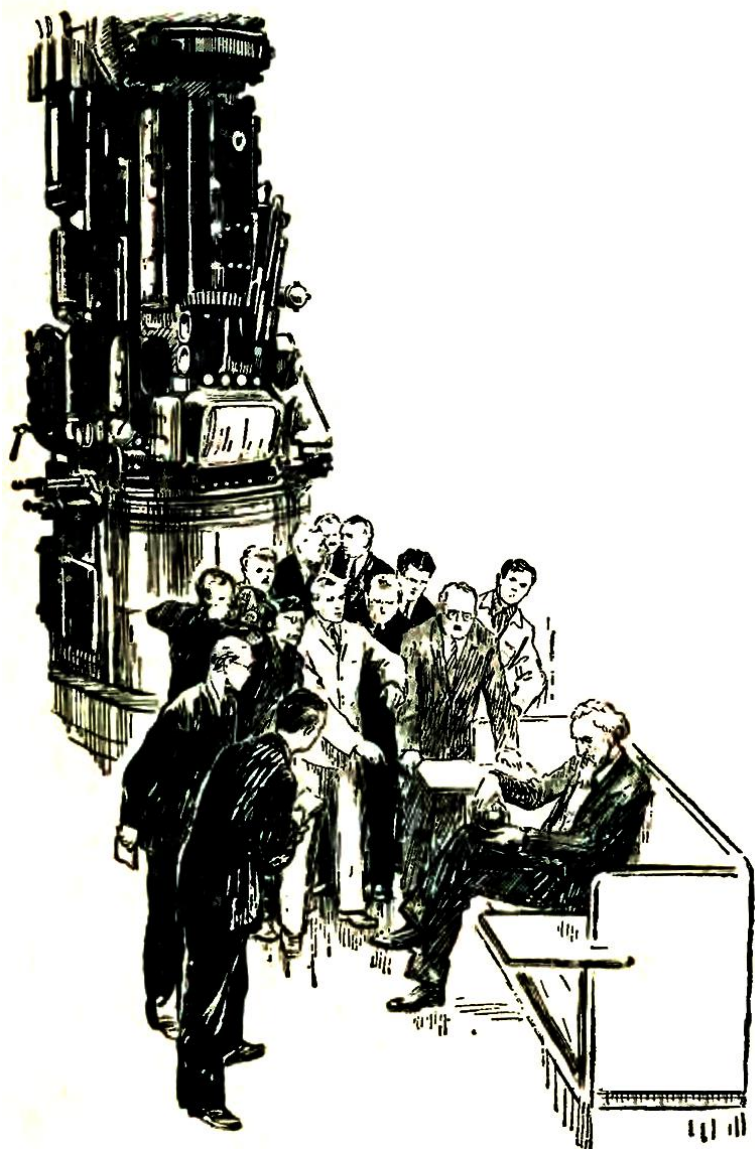
Мажид тихонько выходит, осторожно прикрыв за собою дверь.

А Бахарев опять погружается в воспоминанья... Он подходит к диктофону, включает его.

Вертятся бобины, протягивая ленту. Слышен голос Бахарева:

— Итак, в тот вечер мы собрались, чтобы исследовать загадочный шар дальше...

«Глобус» в руках старичка «тектониста». Он прижимает его к себе и через две пары очков рассматривает материки, моря, реки и плоскогорья.

— В музей! — восклицает ученый. — В музей, на самое почетное место!

— Надо сначала раскрыть «глобус», — замечает Забродин.

— Я могу немедленно разрезать шар на две половинки! — выходит вперед Графов. — Хотите — электроискровым способом, хотите — ультразвуковой пилой.

— Можно попробовать мощное нейтронное поле в урановом реакторе. Можно попробовать синхрофазотрон на сто миллиардов электрон-вольт... — начинает обстоятельно пересчитывать молодой ученый.

— Как, товарищи? — спрашивает президент.

— Нет, его нельзя резать, — говорит Бахарев и забирает шар в свои руки. — Мы обязаны ПОНЯТЬ его. НАШЕМУ поколению адресовано это послание. НАМ оказано доверие...

— Почему именно нам адресовано? — улыбается Забродин.

— Чтобы открыть внешнюю оболочку шара, был нужен вот этот ключик, — отвечает Бахарев, указывая на громаду ускорителя. — Даже пятьдесят лет назад люди не имели такой вещи. А мы имеем. Значит, адресовано нам. Мы получили послание. Мы открыли его и теперь обязаны исследовать и ПОНЯТЬ!

Проговорив это, Бахарев отходит в сторонку, садится на диван и думает, ревниво прижимая шар к груди. К нему подходит Забродин и шепчет:

— Мы идем ВСЛЕПУЮ, и неизвестно, когда мы натолкнемся на способ открыть вторую оболочку. Ведь мы НЕ МОЖЕМ УГАДАТЬ ХОДА МЫСЛИ РАЗУМНЫХ СУЩЕСТВ ДРУГОЙ ПЛАНЕТЫ!..

— Вторая оболочка должна открываться просто, очень просто! — говорит Бахарев громко, заставив всех повернуться к себе. — Может быть, даже руками! Какой смысл — подумайте сами! — какой смысл делать две одинаковые оболочки? Если первую мы открыли с таким трудом, вторая не нуждается в ускорителях. Может быть,

руками... простыми человеческими руками... но человеческими!..

Бахарев трет ладонью экваториальную часть «глобуса». И, словно в доказательство его слов, на блестящем металле обнажается чуть приметная полоска, опоясывающая весь шар. В ту же секунду из северного полюса шара выскакивает чуть заметный стерженек. Бахарев, оглядев присутствующих восторженным взглядом, надавливает его. Стерженек проваливается, но на южном полюсе выскакивает второй.

Президент кивает оператору, и тот начинает снимать Бахарева. Теперь все, затаив дыхание, наблюдают за стариком. Бахарев надавливает второй стерженек, торчащий из южного полюса. Раздался звук, какой бывает, когда захлопывают холодильник, и «ГЛОБУС» вдруг РАСПАДАЕТСЯ НА ДВЕ ПОЛОВИНКИ!

— Пожалуйста! — в сердцах восклицает Бахарев.

У него в руках предмет, выпавший из недр «глобуса».

— А шарик просто открывался! — смеется «тектонист».

Вокруг Бахарева сгрудились все.

Профессор показывает присутствующим черный блестящий предмет. Он похож на короткоствольный пистолет, фотоаппарат или миниатюрную кинокамеру.

— Что это, Алексей Павлович? — спрашивает Градов, не спуская замороженного взгляда с загадочного предмета.

Забродин стоит, словно в столбняке, ошеломленный происшедшим. Сквозь толпу проталкивается Лешка.

— Пустите... пустите поглядеть! Это я шарик нашел, я! — приговаривает он.

Бахарев между тем протягивает загадочный предмет Градову:

— По вашей части, Иван Митрофаныч: электроника, автоматика, телемеханика.

Градов трепетными руками тянется к загадочному предмету.

...И вновь вереница машин мчится по вечерним улицам города.

Градов не выпускает из рук вещи, извлеченной из шара.

— Вы оставьте меня на часик одного. Я не могу работать, когда стоят у меня над головой, когда заглядывают мне через плечо. Я пойму, что это такое. Обязательно пойму! Как профессор Бахарев, — просит Градов.

— Непременно поймете, Иван Митрофаныч, — ободряет президент.

— Гости не собирались удивлять нас чудесами и фокусами, — говорит Бахарев. — Они отправили нам серьезное и дружественное послание. И мы должны понять его, должны!

— Вам кажется, что вы поняли ход мысли существ другого мира? — спрашивает Забродин.

— Мысль везде развивается по одним законам, — отвечает Бахарев.

— Чистая случайность, Алексей Павлович, — уговаривает скорее себя, чем Бахарева, Забродин. — Вы угадали, но не поняли. Не поняли!

...Холл одного из институтов. Мягкие кресла и диваны. Журналы и газеты на столах. На стенах — снимки и макеты «спутников» и высотных ракет.

Разбившись на отдельные группы, ученые ждут, поглядывая время от времени на дверь, за которой работает Градов.

То и дело пробегают сутулые, очкастые и застенчивые помощники Градова, Они пробегают с какими-то приборами, электроннолучевыми трубками, блоками высокочастотных устройств...

Алимкулов подсаживается к Лешке.

— Почему не видно товарища Сармулатова?

— Спит, наверно.

— Спит?!

— Он работал сегодня в утреннюю смену, — пожимает плечами Лешка.

Забродин не может усидеть на месте. Он нетерпеливо шагает из угла в угол.

Бахарев, президент и «тектонист» склоняются над снимками «глобуса».

— Шар, который мы нашли, не единственный, — говорит «тектонист». — Посмотрите, на «глобусе» светятся звездочки. Очевидно, это места, куда положены остальные шары. — Их клали в болото, — добавляет Бахарев. — Теперь там каменный уголь. А мы, возможно, даже не знаем об этих залежах...

Подходит Забродин.

— Алексей Павлович, — говорит он, — я ведь никогда не отрицал существования жизни на других планетах.

— Разве? — беззлобно улыбается Бахарев.

— Я возражал против вашей методики. Я возражал против сравнения жизни Марса и Венеры с жизнью Земли. Я считаю, что на других планетах формы жизни могут быть совершенно невероятными с нашей земной точки зрения. Природа неисчерпаема!

— Природа творит не «шалаяй-валяй», а по законам, общим для всех небесных тел. Вот эти общие законы вы и не хотите понять! — отвечает Бахарев.

— Но, по-вашему, получается, что где-нибудь на Марсе сейчас точно такой же Забродин разговаривает о жизни на других планетах с точно таким же профессором Бахаревым. Тоска смертная — везде одно и то же!

— Никогда и ничего подобного я не говорил! — вспыхнул Бахарев. — Я всегда утверждал, что даже по цвету растения Венеры и Марса отлича-

ются от земных. На Марсе они голубые и синие, а на Венере красные и оранжевые. Жизнь творит вполне определенные формы при определенных условиях. И вот законы, по которым она это делает, мы можем изучать, не сходя с земного шара. Впрочем, это уже из области биологии, которой вы не знаете, хотя пятнадцать лет спорите со мной о жизни на других планетах!

— Я астроном, а не биолог... И все же я утверждаю: нам не понять устройства и назначения вещицы, над которой бьется сейчас Градов, — без всякой видимой логики азартно говорит Забродин.

Мажид, серый от усталости, входит неслышно и незаметно. Он тихонько подсаживается к Лешке, и тот радостно хлопает его по спине:

— Одумался, чудак человек?

— Интересно, понимаешь... Не мог дома сидеть. Спать не мог, — признается Мажид, смущенно улыбнувшись.

В эту минуту вдруг входит, почти врывается сияющий Градов.

— Прошу ко мне, товарищи! — кричит он, распахивая дверь. — Ко мне! Товарищи, ко мне!..

Просторный стол, накрытый стеклом. В стекле отражаются детали загадочной вещи, которая теперь разобрана. Настоящие радиолюбители поняли бы при взгляде на эти детали, сколько радости доставило Градову разгадывание схемы приборчика.

— В принципе никаких неожиданностей: нечто вроде печатной схемы, полупроводниковые диоды и триоды... — начинает Градов.

— И вы поняли назначение и устройство прибора?! — недоверчиво спрашивает Забродин, избегая лукавых взглядов Бахарева.

— Что-то вроде киносъёмочного аппарата, — объясняет Градов, — изображение и звук записаны магнитным способом — на проволоку.

— Все детали сохранились? — удивляется президент.

— Нет, к сожалению, не все. Началось разрушение. Но проволока к счастью, сохранилась. Тонкость, точность, культура производства каковы?! — восхищается Градов. — Как делали!.. Мы переписали все на свою магнитную ленту. Поглядите: то, что у них помещалось в катушечке, у нас еле-еле уместилось в этом колесе!

Градов протягивает президенту крошечную катушечку и плоскую бобину полуметрового диаметра.

— Дьявольски любопытно, что они прислали нам! — потирая руки, смеется Бахарев. — Вы еще не просматривали запись?

— Просмотровый аппарат еще не собран, но... что они могли нам оставить? Не пустяк какой-нибудь триста миллионов лет пролежал в Земле! — восклицает Градов.

Комната слишком тесна. Многие оказываются за дверью. Многим приходится подниматься на носки, вытягивать шею, подпрыгивать, чтобы через головы других заглянуть внутрь комнаты.

Между окнами, зашторенными светонепроницаемой материей, стоит телевизионная установка с экраном средних размеров.

Градов кладет свои цепкие пальцы на многочисленные ручки под экраном и говорит:

— Погасите свет. Начинаю...

Свет гаснет. В темноте светится экран.

— Включаю запись, — слышен голос Градова.

Все дальнейшее происходит в полном молчании.

Сначала экран светится множеством синевато-белых строк... потом они разбегаются... собираются в редкие четкие полосы... трепещут и мечутся в стороны.

Пальцы Градова — цепкие и энергичные — перебегают с одной ручки настройки на другую. Теперь они замирают на двух ручках, осторожно поворачивая их.

Экран больше не мигает. Он очистился, и на нем проступили смутные силуэты туманного расплывчатого изображения. Кадры бегают сверху вниз часто-часто.

Осторожно поворачиваются ручки настройки...

Кадры плывут все медленнее... туманное изображение прочно утверждается на экране. В комнате возникает еле приметный шум... Шум ветра в просторном мире! Кажется, необъятно раздвинулись стены тесной и темной комнаты. А изображение вдруг обретает четкость и выпуклость.

Вспышки, чернота, мельканье — и вдруг все пропадает! Опять сдвигаются стены тесной комнаты.

— Что там?! — нетерпеливо кричит Градов помощнику.

— Проволока во многих местах повреждена, — отвечает помощник.

Затем раздается треск. Экран вспыхивает несколько раз ослепительно и вновь светится ровно. Туманно возникает движущийся силуэт...

Градов притрагивается к ручкам настройки.

Изображение то становится на мгновение ярким и четким, то вновь туманным и темным. Жадные глаза людей успевают «по кусочкам» составить смутное представление о... чьих-то глазах! Два выразительных умных глаза глядят с экрана!

— Человек! — невольно вырывается у президента.

— Разумное существо, но не обязательно человек! — кричит Забродин.

Рябь и туман все время задерживают изображение.

— Иван Митрофаныч, голубчик! — взмолился Бахарев.

— Запись пролежала в земле триста миллионов лет! — напоминает Градов, замерший у ручек настройки.

Вновь на экране немного развиднелось. Глаза жителя неведомой планеты глядят с экрана прямо в комнату. «Он» был уверен, что ему удастся заглянуть в глаза тех, кто начнет преобразовывать Землю через сотни миллионов лет. И он глядит, как более мудрый старший брат на юного — младшего брата... Улыбнувшись доброй, ободряющей улыбкой, приветливо и сдержанно склонив голову, «он» прикрывает прекрасные глаза... И опять что-то вспыхивает на экране, раздается треск... Тишина...

То, что открывается на экране после очередной заминки, потрясает всех контрастом. Открывается... прошлое Земли! Облака, за которыми еле проглядывает солнце. Серое низкое небо. Лес... лес с высоты птичьего полета. Туман. Может быть, именно туман делает этот мир таким необычным и чужим? Лес почти бурый, а местами желтый. Лишь слегка он тронут робкой прозеленью. Жесткие верхушки пружинисто колышутся под ветром и колюче шелестят. Ветер посвистывает меж жестких листьев и ветвей. Скрежеща прозрачными крыльями, промчались две гигантские стрекозы. Вслед за ними мы начинаем опускаться в сумрачные недра желто-бурого леса.

— Земля! Наша Земля! Карбон! — произносит экспансивно «тектонист». — Какое сокровище мы получили! Какое бесценное сокровище!..

Деревья растут часто, мощно, буйно. Непролазные дебри ветвей. Гигантские саблевидные листья. Гирлянды мелких жестких листочков. Коричневые семенные метелки...

Ниже становится просторнее. Пошли голые стволы, плотные и прозрачные, бурые и желто-зеленые, тонкие и двухметрового обхвата... В очертании некоторых примитивных форм странно угадываются наши плауны и хвощи, наши папоротники. Но здесь они царствуют, здесь они — могучие деревья-великаны.

— Начало... начало жизни! — слышен голос Бахарева. — Теперь мы будем знать, какой была Земля триста миллионов лет назад!

Все ниже и ниже опускаемся мы в сумрачные, влажные и жаркие недра первобытного леса... Обильная капель. Ее нежная музыка прерывается грохотом и тяжким всплеском. Рушится сгнившее на корню старое дерево-гигант.

Нагромождение гниющих чешуйчатых и полупрозрачных стволов. Сквозь них пробиваются молодые желто-зеленые и нежно-бурые верхушки. Разгул растительного мира и его царство! Буйство жизни, которая захлестывала земные просторы, утверждая свое молодое могущество!

По одному из повалившихся стволов пробирается омерзительная метроворостая тысяченожка. Неискусна жизнь в первобытных своих формах, которые еще примитивны и, порою, безобразны! Но в этом мире «закручивается пружина жизни». Здесь начало ее миллионновекового пути. Формы неопределенны, однако в них бушует энергия жизни, и за ними угадывается будущее разнообразие и совершенство.

Плещется вода. Доисторический лес — это лес, в котором нет даже звериных троп! Он по щиколотку в воде. Жизнь вышла из воды, но совершен только первый шаг на сушу.

Поверхность воды беспокойна. В воде какое-то движение, в ней копошится живое... Медленно переступая голыми

пятипалыми лапами, выползает из зеленой воды на каменный островок гигантская ящерица, за ней вторая...

— Стегоцефал! Это же стегоцефал! Вот как они выглядят! — опять кричит «тектонист».

Голые широкомордые тела тускло блестят. Широченные лягушечьи пасти зевают, издавая скрипучие, монотонные звуки.

Мы начинаем быстро приближаться к одному из стегоцефалов. Он смотрит большими глазами прямо на нас. В этих глазах ни тени любопытства, ни проблеска самосознания, ни крупицы страха. Эти глаза еще не знают, что надо бояться человека, уступать ему дорогу или нападать на него. У них еще все впереди, а пока в них отражается небо, лес и вода...

— Да, так начинались мы! — слышен голос Бахарева. Опять глаза во весь экран! И, заглянув в самую темную их глубину, можно понять, как далеко ушли мы от своего прошлого... На этом сохранившаяся часть записи оборвалась. Темнота и тишина. Долго никто не мог произнести ни слова...

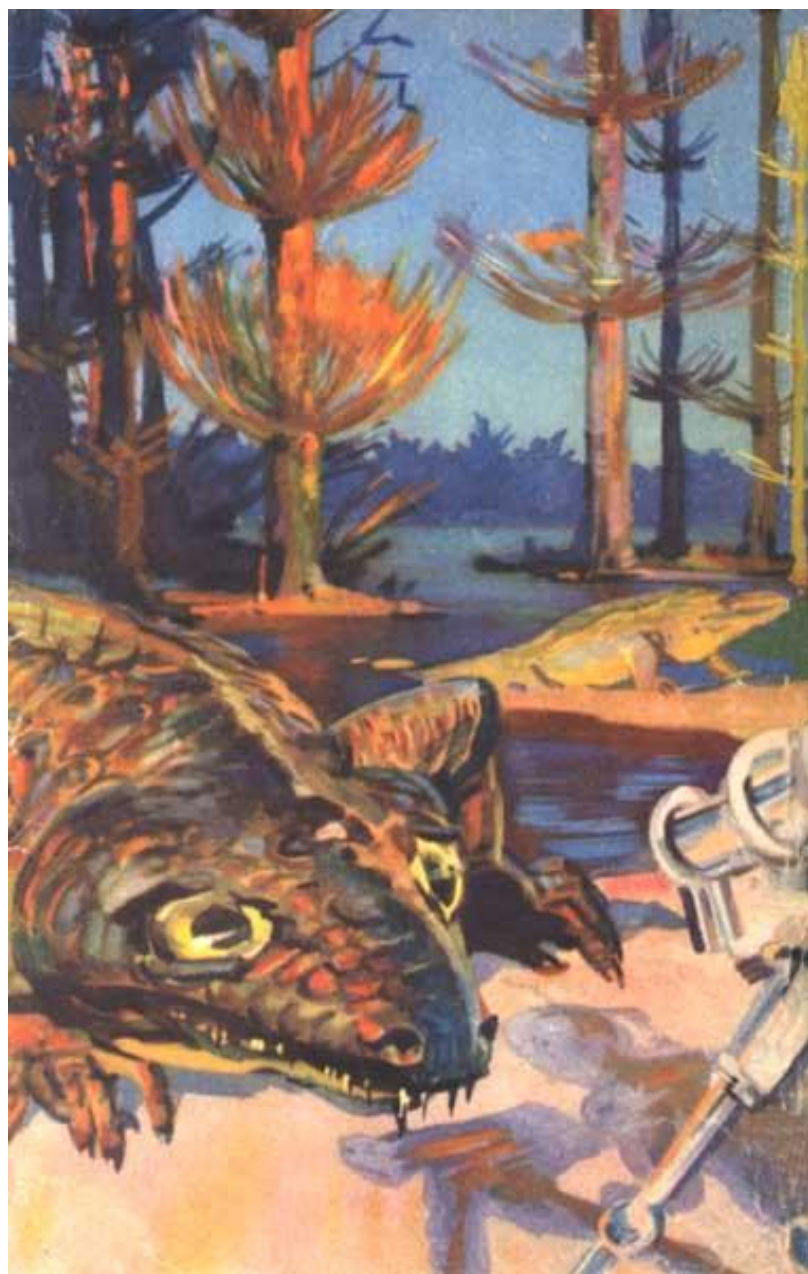
...Наконец кто-то медленно подходит к окну и отдергивает штору. На улице шелестят листвою в первых лучах солнца деревья нашего мира, мира «триста миллионов лет спустя». Градов распаивает окно. Внизу, посреди цветочной клумбы, плещет фонтан.

И вдруг все, кто присутствовал на этом необыкновенном просмотре «документального фильма», потянулись к окну. Они подходят к нему и молча дышат свежим ароматным воздухом, и смотрят, смотрят в чистое небо, на чистую, живую зелень, на цветы, друг на друга, и думают, думают...

Первым приходит в себя Алимкулов. Он вскакивает и, потрясая грудой исчерканных в темноте листков, говорит президенту:

— Один вопрос!

— Может быть... потом вопросы? — морщится президент.

— Только один: откуда они к нам прилетали? С какой планеты?

Это выводит всех из оцепенения. Общее движение. Взгляды всех обращаются к Бахареву и Забродину.

— Они прилетали с Марса? — спрашивает у них президент.

Забродин выглядит потрясенным. Он переводит взгляд на Бахарева. И старый ученый после молчания отвечает так:

— С Марса?.. Обратный адрес гостей затерялся на дороге времени. Я не знаю, откуда они прилетали.

Ответ Бахарева вызывает всеобщее удивление. Но еще большее удивление вызывают слова Забродина.

— Может быть, они прилетали... с Венеры? — говорит он, обращаясь к старому профессору.

— С Венеры? — удивляется Бахарев. — Почему с Венеры? Здесь нет никакой логики, Федор.

— А есть логика в том, что произошло? Разве можно было находку шара предвидеть? — задумчиво улыбается Забродин. — Вот и я спрашиваю: может быть, они прилетали с Венеры?

На экране мелькают газеты... «Находка шахтеров!»

«Два шахтера потрясли все человечество!» «Кто посетил Землю, когда людей еще не было на Земле?!» «Остаток культуры мифической Атлантиды!»

Сначала в газетах мелькают снимки Мажида и Лешки. Потом Лешка «вытесняет» Мажида. Лешка на трибуне. Лешка в кругу газетчиков. Лешка выступает по телевидению...

Снимки перемежаются с кадрами из фильма: межпланетный корабль гостей... глаза жителя неведомой планеты... стегоцефал... Неистовствуют дикторы и комментаторы:

«Может быть, они прилетали с Марса?»

«А может быть, с Венеры?» — спрашивает академик Забродин».

«— Я не знаю, откуда они прилетали», — заявляет знаменитый исследователь жизни на других планетах профессор Бахарев».

«— Никто не посещал Землю триста миллионов лет назад, — говорит ученый-консультант господин Альфиери. — Никто не мог к нам прилететь потому, что межпланетные полеты невозможны. Вселенная — чрево природы! Там рождаются и гибнут миры! Вселенная никого не пустит в свое «тайное тайных»!

Мы там, где происходит совещание об организации экспедиции на Венеру. Президент объявляет:

— Слово для внеочередного заявления имеет академик Забродин.

Забродин медленно проходит к своей схеме полета на Венеру. Несколько картинным жестом он снимает схему со стены, складывает ее и... разрывает.

— К этому могу добавить... — поворачивается он к аудитории, — что я согласен с профессором Бахаревым. Ракета должна лететь не ВОКРУГ Венеры, а НА Венеру. Все!

И все же реакция Бахарева оказывается еще более неожиданной, чем «заявление» Забродина.

— Зачем была нужна пятнадцатилетняя война, — кричит Бахарев, — если теперь вы так легко отказываетесь от своих идей!

— Почему вы думаете, что легко? — устало улыбается Забродин. — И почему вы думаете, что я отказываюсь от своих идей?

— Тогда извольте объяснить!

— Я по-прежнему не принимаю вашей концепции жизни на планетах, — сдержанно отвечает Забродин, — однако по многим причинам считаю, что надо принять ваш проект.

Тишина. Ее нарушает президент.

— Алексей Павлович, — обращается он к Бахареву, — в экспедиции примут участие несколько государств. Акаде-

мии этих государств, наше правительство и дирекция объединенного Института астрофизических проблем... уполномочили меня просить вас возглавить это дело, возглавить первую космическую экспедицию!

Бахарев быстро встает... и ничего не отвечает.

— Это не только ваше право, Алексей Павлович — с места говорит Градов, — это ваша обязанность перед наукой!

И опять Бахарев удивляет всех. Он говорит:

— Я согласен возглавить экспедицию, но с одним условием.

— С каким условием?

— Обязанности по экспедиции и ответственность со мной должен разделить академик Забродин!

Планетная обсерватория. Невыносимо палит солнце. У двери Бахаревского дома в ожидании хозяина сидит Мажид.

По тропинке к дому шагает долговязый человек в модном черном костюме и фетровой шляпе, поля которой лежат на растопыренных ушах ее обладателя. Он подходит к Мажиду и Лешкиным голосом сообщает:

— Опять принесли целый пуд писем от добровольцев. Все хотят лететь на Венеру.

— Что я говорил?! — вскакивает, словно ужаленный Мажид. — Болтали, гадали! Первые узнали — последние пришли!

Лешку невозможно еще узнать и потому, что он загордил свои невыразительные глаза темными противосолнечными очками. И говорит теперь солидным баском, без прежней суматошности.

— Они мечтают и пишут, а мы шарик нашли, — снисходительно улыбается он. — В общем... старик скоро придет. Сопровождение кончилось... За меня похлопочи: мол, шарик вместе искали...

Лешка вздергивает рукав и, поглядев на большие новые часы, озабоченно крутит головой:

— Опаздываю. Это точно, опаздываю!

— Ты постой, ты куда Лешка? — удивляется Мажид.

— Понимаешь, какое дело... Мне еще надо две беседы о жизни на других планетах провести да статейку для одной газеты написать. А тут машина попутная подвернулась. Ну... адыю, старик, адыю! — И он шагает по тропинке от дома.

— Зачем уходишь, Лешка? — догнав его и схватив за плечо, сердито спрашивает Мажид.

— Опаздываю, понимаешь? — опять высоко вздернув рукав и показывая новые часы, отвечает Лешка. — «Пионерская правда» требует. Я им говорю: «Мы вдвоем шарик нашли», — а они ко мне пристают. Мне даже обидно за тебя. Я даже удивляюсь.

— Лететь раздумал?

— Думаешь, я болтовни всяких паникеров испугался? — обижается Лешка.

— Какой болтовни?

— Ну, слух пускают, что ракета с Венеры не вернется: горючего, мол, не хватит на обратную дорогу...

Может быть, для того Лешка и стал носить темные очки, чтобы не видно было, как порой жалки бывают его глаза. Но Мажид все понял.

— А! Иди! — толкает он Лешку. — Лекцию читать иди. В газету писать иди! Бегать иди!.. Хвостун!

И Лешка идет...

А Мажид возвращается к дому Бахарева и садится на ступеньку.

Он дождался старого профессора, и между ними произошел разговор, который перевернул дальнейшую жизнь Мажиды.

Кабинет профессора. Полный радостного оживления и энергии профессор говорит Мажиду:

— Уверяю вас, голубчик! Высоко ценю вашу самоотверженную решимость, но... никто из людей не собирается лететь на Венеру!

— Согласен остаться на Венере. Для науки согласен! — упрямо твердит Мажид.

Бахарев порывисто обнимает его:

— Мой дорогой, даю вам слово... слово очень старого человека, слово аксакала: никто из людей не собирается лететь на Венеру!

Мажид потупился и идет к двери. Но прежде чем открыть ее, он делает последнюю попытку уговорить профессора.

— Не всякий человек имеет право лететь. Кто больше всех думал, больше всех хотел, больше всех сделал — такой человек достоин. Но я не прошу — я просто говорю, что хочу лететь. Ведь если я сам не скажу, кто об этом догадается? Вот я и говорю, чтобы вы знали.

Запишите там где-нибудь, что Мажид Сармулатов хочет лететь!

И Бахарев возвращает Мажид, сажает его в кресло и сам садится напротив.

— Шарик душу разбередил? За живое задел?

— Спать не могу! Работать не могу! Жить не могу! — с глубоким волнением отвечает Мажид — Другой тропой идти надо!

— Дорогой мой юноша, это прекрасно, когда рабочий человек решает идти в науку, но ведь придется все начинать сначала и учиться. В три смены учиться!

— Никакой работы я не боюсь!

— Хорошо! — встает Бахарев. — Я помогу вам.

— Рахмет! — благодарно хватает Мажид руку Бахарева. — Кой рахмет! Большое спасибо!..

...Мы вновь в комнате Бахарева, где он вспоминает события минувших дней.

Вращаются бобины диктофона, тянется лента... Сидит, облокотившись на стол, старый профессор.

— И, конечно, это должен сделать Мажид! Только он... — бормочет Бахарев.

Выключив диктофон, он подходит к двери и кричит:

— Все, воспоминания окончены! Наступил сегодняшний день! Мажид!.. Позовите Мажида! Скорее!

С особой подставки в углу кабинета Бахарев берет шар — находку шахтеров — и нетерпеливо оглядывается на дверь... Входит Дарья Матвеевна.

— Где Мажид? Позвать немедленно! — требует Бахарев.

— Он улетел на ЦСУ за очередной партией материалов, — отвечает Дарья Матвеевна.

— Ну да, ну да! — досадливо машет рукой Бахарев и смотрит на стену, где висит фотография Венеры.

Фотография Венеры «оживает».

Мажид, словно зачарованный, смотрит на большой экран ЦСУ. Помещение ЦСУ содрогается от шумов, тресков, то беспорядочных и обрывистых, то монотонных и гулких.

Лицо Забродина — измученное и растерянное.

— Только эти звуки? — мрачно спрашивает он.

— Да, — отвечает Градов.

— По всему диапазону?

— По всему диапазону! — неприязненно отвечает Градов и, все больше и больше раздражаясь, продолжает: — Только отголоски магнитных бурь. Вот они!

Поворачивается ручка настройки, и возникает мощное шипение, которое «волнами» то наполняет все ЦСУ, то отступает от него.

— Только отголоски самых обыкновенных гроз. Гроз по всей Венере. Двести ударов в одну секунду! — продолжает Градов.

Он еще поворачивает ручку настройки, и из репродуктора вырывается бесконечная и беспорядочная очередь коротких сухих тресков разной силы.

Венера занимает весь экран. Она видна вся целиком. Ночная ее половина бледно светится пепельным светом, и над полюсами ее колышутся величественно «сполохи» — полярные сияния. На дневной половине плывут в мутном хаосе серебристо-желтые массивы. Ниже их в мутной глубине плывут другие желтые пыльные пятна. И где-то совсем

на дне хаоса еще угадываются неподвижные темные и оранжевые образования — участки загадочной поверхности планеты. Слышен голос Градова:

— А вот то, что Алексей Павлович Бахарев считает излучением растительности Венеры...

Теперь ЦСУ во власти звуков совершенно нового тембра: растения Венеры «выбрасывают» в пространство избыток тепла, вредный для их жизни.

— И ничего другого приемники ракеты не принимают, — заключает Градов, щелкая ручкой переключателя.

— Иван Митрофаныч, дорогой, что же вы нервничаете? — примирительно спрашивает Забродин, поднимая на инженера усталые, измученные глаза.

— Я не знаю, Федор Платоныч, каких радиопередач с Венеры вы ожидаете, — поворачивается к нему Градов. — Мы напрасно тратим остатки горючего на их поиски, в то время когда нам необходимо искать место для посадки ракеты. Осталось пять суток!

— Вы можете в этом хаосе выбрать место для посадки? — досадливо морщится Забродин, указывая на экран.

— Мы должны посадить ракету. За это отвечаю я. Отвечаю как командир корабля.

— Прошу вас. Иван Митрофаныч, выполнять мои распоряжения, ибо я здесь выполняю обязанности начальника экспедиции, — холодно обрывает инженера Забродин. — Включите еще раз приемники. Послушаем Венеру в длинноволновом диапазоне.

Этот разговор слышит Мажид. Разговор производит на него ошеломляющее впечатление. Забрав из рук Алимкулова папку с очередной партией материалов, Мажид бегом выскакивает из помещения Центрального поста.

...И вот он уже в кабинете Бахарева.

— Какая безответственность! — яростно кричит старый профессор и со всего размаха ударяет кулаком по столу. Во все стороны летят карандаши, ручки, детали чернильного прибора.

Бахарев пробегает по кабинету и, подскочив к радиотелефону, яростно нажимает кнопку вызова.

Мигает огонек отзыва, слышится холодный голос Забродина: — Я вас слушаю, Алексей Павлович.

— Вам, уважаемый Федор Платоныч, и командиру корабля Градову объявляю выговор! Строгий! Последний! С тремя предупреждениями, с занесением в личное дело, с опубликованием в приказе и прочая-прочая!..

— Алексей Павлович...

— Не пререкаться! Выговор за то, что утаили потерю электростанции и резервного бака с рабочей жидкостью! Далее...

— Вы были тогда в таком состоянии... — начинает Забродин, однако Бахарев не желает слушать никаких оправданий.

— Далее!.. Приказываю все мероприятия, связанные с затратой горючего, немедленно прекратить! Далее... разверните фотокарту Венеры.

Бахарев кивает Мажиду, и тот раскладывает на столе большую карту Венеры.

— Развернули там, на ЦСУ?

— Да, Алексей Павлович, — отвечает репродуктор, но уже голосом Градова.

— Найдите в северном полушарии океан Ломоносова — берег Красных Лесов...

Мажид на карте Бахарева в хаосе расплывчатых разноцветных пятен выбирает то, что нужно: оранжевую каемку, обрамляющую огромное серо-желтое пятно.

— Найдите Большую реку, впадающую в океан Ломоносова!

— Нашли, Алексей Павлович, — опять слышен голос Градова.

— В оставшиеся пять суток уточняйте место посадки ракеты именно в этом районе! — приказывает Бахарев.

— Разрешите только один вопрос, уважаемый Алексей Павлович? — раздается голос Забродина.

— С удовольствием, уважаемый Федор Платоныч, — расшаркивается перед радиотелефоном Бахарев.

— Почему вы предлагаете посадить ракету в арктической полосе Венеры, да еще в северном полушарии, где сейчас зима?

— А потому, голубчик, что Венера находится слишком близко к Солнцу. Только на Марсе и Земле жизнь ищет тепла. На Венере жизнь ищет прохлады, жметя подальше от экватора к полюсам. И зима на Венере — это самое золотое время, расцвет жизни!

— Вопросов больше не имею, — говорит Забродин.

— Ваше приказание будет выполнено! — добавляет Градов.

— Будьте здоровы! — кланяется Бахарев радиотелефону и выключает его.

— А теперь, мой дорогой, у меня к вам будет... особый

разговор, — обнимает Бахарев за плечи Мажид. — Сначала сядьте и успокойтесь...

Старик усаживает Мажид на диван, проходит по кабинету, заложив руки за спину, ибо успокоиться-то нужно именно ему, а не Мажиду... Потом он подходит к диктофону и кладет руку на стопку плоских рулонов магнитной ленты.

— Вот здесь, Мажид... запись моего рассказа о достижениях разных наук, о жизни на других мирах, о полетах в космос, о находке шара, о его разгадке... — Бахарев берет в руки модель шара, найденного когда-то Мажидом в забое. — Вы человек... верный своим мыслям, решениям, задуманному. Вы добьетесь своего, когда-нибудь станете настоящим ученым и полетите на Венеру... когда меня уже не будет в живых...

— Алексей Павлович!.. — восклицает Мажид.

— Дайте мне слово, — продолжает Бахарев, остановив жестом Мажид. — Дайте мне слово сделать одно... дело!

— Все, что вы скажете! Любое дело! Вы для меня...

— Погодите, голубчик! — досадливо перебивает его старик. — Дайте мне слово, что вы... заберете с собой на Венеру такой шар. Несколько таких шаров, чтобы бросить их там в болото! А если не вы полетите на Венеру, то сделайте все для того, чтобы другие захватили с собой такие же шары... Дайте мне слово, что вы добьетесь изготовления этих шаров, подготовите материалы, которыми их начините и... Вы будете большим ученым, Мажид! Вы должны это сделать ради науки!..

Мажид сначала сидит недвижимо, удивленный странной просьбой старого профессора, стараясь понять ее смысл, потом вдруг вскакивает, берет из рук профессора шар.

— Посылку будущим хозяевам Венеры, да? — жарко говорит он. — Мы — гости будущих жителей Венеры, да?.. Они через сотни миллионов лет найдут наш шар и все поймут, да?

— Поняли, голубчик, милый вы мой... — Старик обнимает и трижды целует Мажид. — Может быть, такой шар нашим гостям тоже когда-то оставили жители еще одной,

третьей планеты, а они передали его нам. Как эстафету! Эстафету разума, победившего смерть, время, пространство! С планеты на планету... А теперь нам пришел черед выполнить свой долг и передать эстафету дальше! В будущее, в бесконечное время!..

И оба замолчали. Оба глядят на шар, братья которого, может быть, кочуют по вселенной уже миллиарды лет и еще не закончили своего пути, и когда-нибудь, еще через миллиарды лет, где-нибудь совсем на другом краю Галактики, разумные существа совсем другой планеты будут вот так же глядеть на шар, потрясенные той же догадкой, согретые приливом благодарной любви ко всем, кто пронес эстафету через время и пространство...

— Алексей Павлович, только ведь через триста миллионов лет мы не погибнем, а наоборот! — говорит вдруг Мажид. — Мы к ним сами полетим на Венеру. У нас там целые города будут...

«Облака непроницаемы! Красавица стыдлива!»

Из множества репродукторов и с газетных страниц звучат эти слова. Внимание всего мира приковано в эти дни к ничтожной пылинке, заброшенной с Земли в космос, которая все приближается и приближается к Венере.

— Красавица безобразна, — утверждает ученый-консультант господин Альфиери. — Облачным саваном она закрывает свое уродливое тело. Облака представляют собой ядовитый формальдегид. В пластмассовых берегах на Венере плещутся пластмассовые реки и моря. Венера покрыта мощным слоем пластмассы. Пластмассовая планета!

— Венера покрыта сплошным океаном воды. Венера — это водяной шар!

— Завтра ракета пойдет на посадку. Завтра ракета пробьет загадочную атмосферу Венеры!

— Завтра мы увидим, что скрывает красавица под своим облачным покрывалом!

— Завтра мы ничего не увидим.

— Завтра мы узнаем все!

— Завтра мы не узнаем ничего!

Ослепительный зимний день. Снежная степь горит под солнцем. Паломничество к Планетной обсерватории начинается с утра. Битком набитые автобусы останавливаются у Планетной обсерватории. Подъезжают грузовики... Люди выходят из легковых машин... Целыми отрядами юноши и девушки проходят на лыжах...

— Жди, пока в газетах напечатают, а тут сам Бахарев! Он с Венерой по радио связь держит.

— Бахарев не принимает!

— А мы его избиратели! Мы к нему, как к депутату!

— Болен старик...

Идут и едут люди не только из ближайшего города. Вот, например, шагает паренек с новым чемоданом. Он из тех, кто в войну удирает на фронт, кто в мирное время жаждет подвигов и путешествий в неведомые страны. Наверняка у паренька имеется собственный план экспедиции на другую планету... Да паренек не один!

— Сашка! — кричит он. — Ну, где ты застрял, вон уж народу сколько собралось!

Из толпы вынырнул Сашка с точно таким же чемоданом. Он хватается дружка за рукав и тащит за собой.

— Гляди, Витька! Ты знаешь, кто это?.. Это сам Алексей Ракитин!

На голос Сашки оборачивается долговязый человек в помятой шляпе и противосолнечных очках.

— Точно, хлопцы, я Алексей Ракитин. Это я шарик нашел! — громко, с радостной, даже заискивающей готовностью представляется Лешка.

— Как же вы его нашли? — сдавленным от почтения голосом спрашивает Витька.

— Скептики часто спрашивают: если на других планетах есть жизнь и межпланетные сообщения возможны, то почему к нам никто не прилетал до сих пор?.. После моей находки мы можем ответить скептикам: «К нам прилетали!» — бойко, как по-писаному, отвечает Лешка.

— Видал?! — многозначительно подталкивает друга Сашка. — Все знает!.. А как вы, товарищ Ракитин, предполагаете, откуда они к нам прилетали?

— Может, с Марса? — добавляет почтительно Витька.

— «Они прилетали с Марса?» — спросим мы «А может, они прилетали с Венеры?» — спрашивает академик Забродин. «Я не знаю, откуда они прилетали», — сказал знаменитый Бахарев! — с готовностью сыплет Лешка.

Ребята переглядываются, сияют, поощренные такой словоохотливостью «самого» Ракитна.

— Вы человек знаменитый, от вас ничего не скрывают. Началось, правда? — доверительно спрашивает у него Витька.

— Не робей, хлопцы! — подтверждает Ракитин, шмыгая красным носом. — У вас еще все впереди. Может, и вы какой-нибудь шарик найдете!

Витька и Сашка понимающе перемигиваются. Конечно, Ракитин не хочет, да и не может разговаривать с ними о делах секретных. Однако...

— На повестке дня теперь один лозунг: даешь космос! Верно? — подмигивает Сашка. — Одна ракета без людей скоро на Венеру приземлится, а десять других, небось, готовы лететь?!

Постепенно вокруг начинает образовываться толпа. И если сначала это радовало Лешку, то теперь, заметив в глазах обступающих молодых людей «практический» интерес к беседе, он уже подумывает, как бы улизнуть. А пареньки наседают.

— Вы не думайте, хоть у нас десятилетка за плечами, мы люди не гордые! — заверяет Лешку Витька. — Мы на все согласны; таскать, что потяжелее, землю копать, гвоздики забивать — только бы для межпланетного полета!

— Если нужно для опыта забросить кого-нибудь на Марс или другую планету, то пожалуйста! — выступает еще один паренек из толпы. — Всё лучше меня, чем кроликов...

— Мы еще вернемся к этому разговору, а пока... Адью, старики, адью! — многозначительно говорит Ракитин и поспешно выбирается из толпы.

Гигантские антенны ЦСУ, сверкающие над облачным полетом. К их подножию опускаются сразу два вертолета. На площадке уже стоят три вертолета.

В нише у основания антенн стоят ученые. Многих из них мы уже видели при разгадке тайны шара. Здесь и «тектонист», и руководитель института радиоактивных веществ, и другие.

Президент смотрит на часы и говорит:

— Ну что ж, товарищи... до посадки ракеты осталось пятнадцать минут... Пойдемте потихонечку.

И вся группа во главе с президентом входит в помещение ЦСУ.

Большой экран ЦСУ. Венера уже не уместается на нем. Сплошной сверкающий желтый хаос! Мутные расплывчатые пятна бесконечным потоком ползут перед глазами... Сразу от экрана начинается амфитеатр столиков в три ряда. Здесь устанавливают свою аппаратуру звукооператор и кинооператор. Осторожно рассаживаются ученые.

На табло виден кружок Венеры — конечный пункт полета. Огонек ракеты летит уже по круговой орбите вокруг Венеры.

Завершает амфитеатр сплошная стеклянная стена, и за нею расположен главный пульт управления ракетой. Там видны лица Градова и Забродина.

Градов со своего места говорит Забродину:

— Разрешите связаться с профессором Бахаревым?

— Не надо! — отвечает Забродин.

— Я догадываюсь, что вы хотите сделать! — отвечает на это Градов.

— Прошу вас... не надо угадывать, что я думаю и что хочу делать, не надо! — болезненно морщится Забродин.

Он встает и зажигает свет во всем помещении ЦСУ.

Ученые, заполнившие три ряда амфитеатра, выжидательно смотрят на академика Забродина, стоящего под экраном.

— Товарищи... вы видите, что посадку на поверхность Венеры, в этот хаос и ад, надо было бы производить вслепую! — постукивая кончиком указки по изображению Венеры на экране, говорит он. — Но вам известно о катастрофе, постигшей корабль при встрече с метеорным роем. У нас... не осталось горючего для посадки вслепую!

— Что?!. Позвольте, что же делать?

— Возвращаться назад?

— Лететь обратно на Землю? — шумит амфитеатр.

— Корабль закончил свой путь! — слышится голос Градова из репродуктора. — На обратную дорогу горючего тоже не хватит!..

— Да, товарищи, корабль не может вернуться на Землю, — все увереннее звучит голос Забродина. — И есть только одно решение: превратить ракету в вечного спутника Венеры. Оставить ракету на круговой орбите. Навсегда!

— Сколько времени будет работать радиостанция ракеты? — спрашивает президент.

— Два года! — отвечает Забродин. — Разве науке мало необыкновенной возможности ДВА ГОДА БЕСПРЕРЫВНО иметь автоматическую лабораторию на круговой орбите Венеры?!

— Если на Венере имеется водоем площадью в сто квадратных километров и глубиной в один километр, я РУЧАЮСЬ за благополучную посадку ракеты! — опять слышится голос Градова. И опять в глазах Забродина появляется выражение усталости.

— Если ракета... даже благополучно опустится на Венеру, она все равно будет потеряна для нас, — вяло говорит он.

— Почему? — спрашивает президент.

— Сильно ионизированная близким Солнцем атмосфера Венеры не пропускает радиоволн. Связь оборвется, и... конец всему!.. — отвечает Забродин.

— Это неверно! — звучит из главного пульта голос Градова. — Радиоизлучение гроз и растений проходит через атмосферу Венеры! И все дело в том... что если бы здесь был профессор Бахарев...

— Здесь нет профессора Бахарева! — обрывает Градова Забродин.

И вдруг все слышат насмешливый старческий голос:

— Здесь я, здесь, голубчик Федор Платоныч...

Все головы, как по команде, поворачиваются к двери Центрального поста. Там стоит профессор Бахарев... Из-за его плеча поблескивают черные глаза Мажида Сармулатова.

Бахарев обращается к Забродину:

— Три минуты как ракета должна быть на Венере. В чем же дело, Федор?

— Венера, вот она, под нами. До нее рукой подать, а мы не получили почти никаких новых данных о строении ее поверхности, — растерянно говорит Забродин. — Облака! Непроницаемые, загадочные облака!

— Но, тем более, надо заглянуть под облака, посадить ракету! Посадить в океан Ломоносова, в воду! — говорит Бахарев.

Штурвал. Над ним табличка: «АВТОМАТИЧЕСКАЯ ПОСАДКА».

Руки Градова резко поворачивают штурвал.

Пульт. Гаснут почти все сигнальные глазки, кроме тех, что загорелись под штурвалом. Тревожно жужжит зуммер.

Гаснет центральный экран.

Головы всех поворачиваются к световому табло.

Огонек ракеты все еще ползет вокруг Венеры.

Гудит от напряжения мощная аппаратура ЦСУ.

И, словно ощущая это напряжение, гудят могучие фермы антенн. Сверкая над облаками, они обратили свои решетчатые рефлекторы в чистое синее небо Земли. И радиокоманда, сорвавшаяся с рефлекторов, устремляется вверх, в синий омут неба, в космос.

Огонек ракеты на табло замедляет движение и устремляется к голубому кружку Венеры.

— Началось падение! — докладывает Градов.

Вычерчивая спиральную линию вокруг Венеры, ракета падает на ее поверхность. Вот она скрывается в облачном слое.

Ученые, сидящие в амфитеатре, все, как один, встают.

Кружок Венеры и вся линия трассы вдруг вспыхивают зловещим красным огнем, и... табло гаснет! В нем больше нет нужды!

Умолк зуммер. Тишина.

— Докладывайте! — нервно кричит Забродин.

— Посадка на Венеру... произведена, — говорит Градов. Он встает, вытирает со лба пот и неуверенно шутит: — Приехали...

— Дальше? Что дальше?! — спрашивает Забродин. Бахарев кладет руку ему на плечо, успокаивая, и просит Градова:

— Включите приемники пульта.

Градов поворачивает штурвал. Вспыхивает и мигает одна большая красная лампа. Дребезжит резкий звонок.

— Связи нет! — кричит Забродин.

— Спокойно, Федор, — треплет его по плечу Бахарев, — нашему сигналу лететь две с половиной минуты и столько же назад!

Мажид подносит часы к глазам. Забродин смотрит на часы. Ученые, занявшие места амфитеатра, смотрят на часы. Бегут секундные стрелки.

— Время!

Одновременно все поднимают головы и смотрят на экран. Он по-прежнему темен.

По-прежнему на пульте тревожно мигает лампа и дребезжит неприятно-резкий звонок.

— Вот теперь мы... действительно приехали! — заключает с холодным бешенством Забродин. Страхнув руку Бахарева, он встает и начинает вымеривать шагами помещение пульта.

— Ракета могла утонуть в океане? — спрашивает президент.

— Нет, — отвечает Градов.

— А если корабль упал на сушу?

— Он взорвался! — отвечает Градов.

— Утонул! Разбился! Взорвался! Или радиоволны не пробивают атмосферы! Какая разница? — говорит Забродин. — Экспедиция закончена! Бесславно закончена!

— Федор Платоныч, — тихо, но властно приказывает Бахарев, — свяжитесь с дублерами и станцией обслуживания.

Забродин бежит к телефону и трясущимися руками берет трубку.

— Москва! — просит он. — Ваши приемники регистрируют какие-нибудь сигналы из космоса? Дайте Владивосток! — требует он через мгновение. — Сигналов из космоса нет? Ваша аппаратура исправна? Так...

Старый профессор стоит посреди группы ученых — прямой, бледный и величественный в своем волнении.

— Планетная обсерватория, у вас связь со спутниками есть? — продолжает Забродин. — Сигналов ракеты они не принимают? Все спокойно?!

Забродин кладет трубку и кричит в лицо Бахареву:

— Я же предлагал! Я предлагал не сходить с круговой орбиты! Нет сигналов! Нет!..

— И не должно быть, — вдруг говорит Бахарев.

— Что?! — кричит Градов.

— Приказываю: всем, невзирая на ранги, заслуги, возраст и характеры, спать! Спать до шести часов утра.

И, посмеиваясь, Бахарев бодро направляется к выходу.

Даже в глазах президента появляется недоброе выражение. Если Бахарев шутит, то время для этого выбрано явно неудачно...

— Разбился корабль или нет? — раздается в тишине голос Алимкулова.

Бахарев оглядывается.

— Не знаю, голубчик. Знаю только одно: она вертится, Венера-то. Вертится вокруг своей оси!

Старик крутит пальцем в воздухе, показывая, как Венера вертится. И выходит.

В отсеке воцаряется тишина. Ее вдруг нарушает хохот Градова.

— Идиот! Идиот! — он бьет себя кулаком по лбу. — Она вертится! Вертится! А ракета опустилась на той стороне! На той стороне, которая сейчас отвернулась от Земли! И надо ждать до тех пор, пока Венера сама не повернет к нам передатчики ракеты!

Когда эта мысль доходит до всех, в амфитеатре и во всем остальном помещении ЦСУ поднимается всеобщий разряжающий обстановку хохот. Люди бьют друг друга в грудь, по спине, толкают в плечо, смотрят друг другу в глаза и хохочут.

Один Забродин, стиснув челюсти, молчит...

Четкие силуэты вершин на светлеющем небе. Меркнут звезды. Решетчатые чаши гигантских антенн готовы подхватить первый луч Венеры, лишь только планета покажется над горами.

Величественная тишина гор.

— Утренняя красавица — так, кажется, называли Венеру астрономы Востока? — тихо спрашивает президент Забродина.

Молчаливая группа ученых стоит у входа в ЦСУ, ожидая появления Венеры.

— На Востоке у Венеры было и второе название — Вечерняя красавица, — отвечает Забродин. — Вот она! — указывает он вдруг на одну из соседних горных вершин.

Над нею всплывает голубой фонарик Венеры. Ее первый луч колет глаза людей. Его подхватывают решетчатые сети антенн...

Обвалом в тишину Центрального поста врывается плеск воды, вой ветра и раскаты грома. Рев невидимого урагана «раздувает» трепетные сигнальные огоньки приемников ЦСУ. Они весело вспыхивают сразу всем созвездием. Это Венера! Это звуки с Венеры!

Мажид вскакивает, словно собираясь загородить своим телом старого Бахарева от неведомой опасности. Бахарев лежит в отсеке пульта на диване.

Экран ЦСУ светится вспышками четырех молний подряд. Они перекрещивают его голубыми змеями. И тотчас раздаются четыре крепких, с надломом и молодым задором, громовых ударов!

Порывами, надвигаясь и отступая, бушует неземной ураган. На экране засветилось грязно-желтое небо. С невероятной, по земным понятиям, быстротой летят по небу длинные космы облаков... Временами кажется, все помещение ЦСУ, с антеннами и горами, вздымается к небу, и тогда взору открывается необозримый океан желтой воды. Он кипит гигантскими волнами с гривами пенистых вершин. В такие моменты стены ЦСУ раздвигаются необъятно, словно стремятся вместить в себя весь этот просторный мир другой планеты!

— Цела ракета! Цела! Цела! — пляшет вокруг Бахарева Мажид.

А Бахарев старается перекричать грохот урагана:

— Берег, берег ищите, Иван Митрофаныч!

— Ветер-то какой! Волны-то какие! — кричит в ответ Градов.

— Сделайте потише! — просит Забродин.

— Не надо! Не надо потише! — озорно кричит Бахарев. — Пусть грохочет! Не слышал в своей жизни музыки слаще!

Их взгляды встречаются...

Должно быть, главной особенностью погоды на Венере была ее способность меняться неожиданно, почти мгновенно.

Вдруг очистилось небо. Неземное, мутное, желто-оранжевое небо. Время на Венере раннее. Большое, размытых очертаний, огненное пятно Солнца висит низко над горизонтом.

Прекратился шторм, и утих грохот. Посвистывает ветерок, и шумят набегающие волны. Они накатываются на серебристый нос ракеты. И тогда кажется, что в ЦСУ брызгают целые пригоршни теплой влаги с Венеры. Видно было, что ракету постепенно поворачивает волнами. Слышится скрежет металлических боков, трущихся обо что-то твердое.

— Мы на мели! Слышите? — говорит Градов.

— Что это? — вскрикивает Мажид.

В кадр входит берег океана, убегающий в желтую туманную даль, и что-то красное, сплошной стеной тянущееся вдоль берега.

— Иван Митрофаныч, выпускайте вездеход! — командует Бахарев. — Пока ракету не унесло обратно в море!

Градов пересаживается в отсек пульта. Ставит ноги на педали, руки — на рычаги, которые выдвигаются из щита.

На экране нос ракеты откидывается вверх. Слышится урчание, и становится видно, как в воду бултыхается вездеход.

Градов, напряженно всматриваясь в экран, осторожно двигает руками и ногами, а...

...вездеход на Венере, подчиняясь командам с Земли, медленно пробирается по отмели к красному берегу. Вот он выползает на прибрежный гравий, ускоряет ход и ползет к загадочной стене...

— Включаю телевизоры вездехода! — предупреждает Градов. Экран на мгновение темнеет, а потом ЦСУ оказывается в самой чаще красных зарослей. Как в земном лесу восхищает разнообразие оттенков зеленого цвета, так и в этом фантастическом лесу удивляло разнообразие оттенков

красного! Красные и оранжевые кусты, травы и деревья двигаются прямо на экран, «обтекают» его с мягким шелестом... Буйные и мощные заросли сочных красных ветвей, стволов и листьев чем-то напоминают первобытный лес Земли. Не формой листьев, кустов и деревьев, не цветом, а некоей примитивной мощью, неистовым первобытным буйством!

— Глядите! — кричит Мажид.

Среди оранжевого «подлеска» открывается поляна. Вдали, над красным лесом, на фоне желтого неба виднеются сразу четыре огнедышащие горы. Далекий грохот вулканов, выбрасывающих тучи пепла к самому солнцу, сотрясает почву Венеры.

А посреди полянки возвышается небольшой каменный островок, и по его красной траве ползет живое существо.

Градов резко «берет на себя» педали и рычаги.

— Будет кому передать эстафету, Алексей Павлович! — говорит Бахареву Мажид. — Я передам! Передам!

Островок все ближе и ближе. Команда об остановке вездехода еще летит где-то в безвоздушном пространстве. Только через две с половиной минуты она достигнет Венеры и вездеход остановится!

— Только бы не вспугнуть... — тревожно бормочет Бахарев.

Теперь можно разглядеть, что белое существо отдаленно напоминает огромную ящерицу... Вдруг она перестала ползать, повернула голову, да так и замерла в неудобном положении. Она все ближе... ближе... Вот она уже не вмещается целиком в кадр. Остановился, наконец, вездеход!

Люди переводят дыхание.

У ящерицы часто-часто бьется жилка на белой мокрой шее. Она открывает красную пасть и монотонно скрипит. Голос из глубин веков! Ее большие красные глаза бессмысленны. В них отражается знойный мир юной жизни Венеры.

Бахарев подходит к Градову и сжимает его плечо:

— Включите микрофон! — просит он.

Щелкает одна из ручек пульта.

— Прошу всех... встаньте! — торжественно говорит Бахарев, и когда все встали, он подходит к микрофону.

— ЗДРАВСТВУЙ, ВЕНЕРА... ПЛАНЕТА ЗЕМЛЯ ПРИВЕТСТВУЕТ ТЕБЯ! — отчетливо, громко и раздельно говорит старый ученый.

Мощный гул четырех вулканов раздается в ответ!

Бахарев медленно выходит из отсека пульта, направляясь в помещение амфитеатра.

Там, остановившись под экраном, он обращается ко всем ученым:

— Ну что ж, товарищи биологи, геологи, климатологи и другие представители земных наук... Астрономы передают в ваше распоряжение планету Венеру — Утреннюю звезду, как называли ее на Востоке. Засучивайте рукава — и за работу! За работу!

Вдруг к содроганию почвы и грозному гулу вулканов присоединилось удивительное. Слышится... голос!

— ...А-а... Твуй... А-а-а-а...

— Слушайте! — пронзительно кричит академик Забродин.

А с Венеры летит раскатистое, неразборчивое и далекое:

— ...Анета... а-а-а-а... ветствует... я-а-а-а-а...

И звучат отдаленные громы четырех действующих вулканов. И посвистывает ветерок в красных ветвях. И глядят с

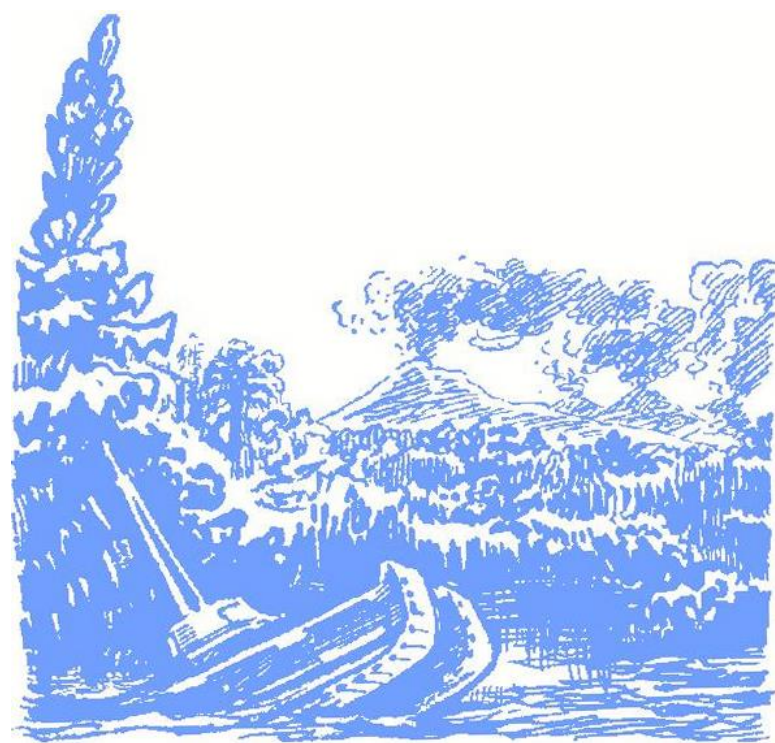
экрана огромные глаза белой ящерицы!

Только Бахарев не теряет самообладания.

— Это эхо, голубчик Федор Платоныч, — говорит старый ученый, — ЭХО С ВЕНЕРЫ...

Конец

СОДЕРЖАНИЕ

ГЕОРГИЙ ГУРЕВИЧ
РОЖДЕНИЕ ШЕСТОГО ОКЕАНА

Главы из романа, публиковавшиеся в периодике:

ВТОРОЕ СЕРДЦЕ

7

ВОКРУГ СВЕТА В ОДИН ЧАС

79

ШЕСТОЙ ОКЕАН

95

МИХАИЛ АРЛАЗОРОВ
10 000 КИЛОМЕТРОВ В ЧАС

Научно-фантастический очерк

111

ГЕОРГИЙ ГУРЕВИЧ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ МАШИНЫ

Главы из научно-фантастической повести

121

ВЛ. САВЧЕНКО

ТЕНЬ НА СТЕНЕ

Отрывок из повести «Черные звезды»

177

ВЛ. НЕМЦОВ

ВЫСОКО НАД ЗЕМЛЕЙ

Отрывок из романа «Последний полустанок»

193

А. СВЕТОВ

ОХОТНИК ЗА СОЛНЕЧНЫМ ЛУЧОМ

Научно-фантастический рассказ

209

А. СВЕТОВ
ТАЙНА НЕСЛЫШИМЫХ ЗВУКОВ

Научно-фантастический рассказ

223

А. СВЕТОВ
ВТОРОЙ ЛИК ПУСТЫНИ
Научно-фантастический рассказ

237

А. СВЕТОВ
ВЕТОЧКИНЫ ПУТЕШЕСТВУЮТ В БУДУЩЕЕ
Фантастическая повесть (Отрывок)

255

А. СВЕТОВ
ВЕТОЧКИН ПУТЕШЕСТВУЕТ В БУДУЩЕЕ
Главы из фантастической повести

283

НА ТРИ ГОДА БЛИЖЕ
Фантастический репортаж

299

Г. ТРАВИН
ЗАГАДКА ПЯТНАДЦАТИ ВЫСТРЕЛОВ
Научно-фантастический рассказ

313

НА ЛУНЕ В 2001 году (комикс)

325

ЛЕВ ТЕПЛОВ
ПОДАРОК ДОКТОРА ЛЕЙСТЕРА
Научно-фантастический рассказ

331

ЗИНАИДА БОБЫРЬ
ОПЫТЫ ПРОФЕССОРА БОРОЗДИНА
Научно-фантастический рассказ

341

В. ОХОТНИКОВ
ШОРОХИ ПОД ЗЕМЛЕЙ
Научно-фантастический рассказ

361

В. ОХОТНИКОВ	
РАЗГОВОР ПО СУЩЕСТВУ	
Научно-фантастический рассказ	
381	
Б. ЧЕРНЯЕВ	
ОЖИВШИЙ ПОРТРЕТ	
Научно-фантастический рассказ	
397	
Б. КАРАМЗИН	
ИСТОРИЯ ОДНОГО ИЗОБРЕТЕНИЯ	
Научно-фантастический рассказ	
413	
Г. ГОЛУБЕВ	
МЕЖПЛАНЕТНЫЙ РЕПОРТАЖ	
Научно-фантастический рассказ	
421	
Ю. ЯНОВСКИЙ	
ОДНА ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ СТРАНИЦ	
«ПУТЕШЕСТВИЯ В ЗАВТРА»	
Фантастическая шутка	
443	
ВАСИЛИЙ СОЛОВЬЕВ	
ТРИСТА МИЛЛИОНОВ ЛЕТ СПУСЯ	
Литературный сценарий научно-фантастического фильма	
451	

Литературно-художественное издание
БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

ОХОТНИК ЗА СВЕТОВЫМ ЛУЧОМ

Журнальная фантастика 40-50-х годов XX века

Издательство «СПУТНИК™»

Двуреченск, ул. Славная, 88

Подписано в печать 03.06.2020

Ответственный редактор А. Невструев

Генеральный директор издательства

所有的爱-人

